ВЕРБАРИУМ

АНТОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Бар-Яалом Батхен Валентинов Веров Гелприн Иваниченко Клешенко Кудлач Кудрявцев
Кузнецова Лебединская Михеева Олди Пальцун Резанова Ситников Трускиновская Шелли

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вначале было Слово. Именно оно – самый драгоценный дар, полученный людьми. А потом начались сложные отношения между Человеком и Словом. В их дружбе, вражде и сотрудничестве родилась особая магия – ее-то мы теперь и называем литературой. Герои рассказов и повестей в этой книге – Буква, Слово, Речь, Текст, Книга. Думаете, жизнь этих героев скучна и правильна, как учебник грамматики? Нет! Она полна опасных и прекрасных приключений! И выстрелы прогремят, и бурные страсти вскипят, и снова схватятся в драке Добро и Зло. На то и фантастика, чтобы сказать наконец правду о боевом, решительном, побеждающем врагов и выручающем из беды друзей Слове. Думаете, это выдумка? Обернитесь – вот оно, Слово в десантном комбезе и с оружием в руке…

- Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов, Майк Гелприн, Далия Трускиновская, Ярослав Веров, Юлиана Лебединская, Ника Батхен, Эли Бар-Яалом, Алексей В. Андреев, Константин Ситников, Елена Клещенко, Ася Михеева, Юрий Иваниченко, Екатерина Кузнецова, Наталья Резанова, Ярослав Кудлач, Сергей Пальцун
  - Буква
    - Ярослав Веров
    - Майк Гелприн
  - Слово
    - Ярослав Кудлач
    - Сергей Пальцун
    - Юлиана Лебединская
      - 1. Клис вне традиций
      - 2. Жареный глагол
      - 3. Безглаголие, или О пользе филологов
      - 4. Божественное прилагательное
  - Имя
    - Ника Батхен
  - Язык
    - Эли Бар-Яалом
      - 1
      - 2
      - 3
      - 4
      - 5
      - 6

- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- Мерси Шелли
- Константин Ситников
- Далия Трускиновская
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвёртая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
- Елена Клещенко

○ Речь
- Генри Лайон Олди
- Анна Михеева
- Ярослав Кудлач
- Константин Ситников
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
- Леонид Кудрявцев

○ Текст
- Юрий Иваниченко, Екатерина Кузнецова
  - 1
  - 2
  - 3
- Генри Лайон Олди
- Наталья Резанова

○ Плагиат
- Андрей Валентинов
  -
  - От автора
  - 1. В горах Аризоны
    -
    - Странное объявление
    - В мастерской Лося

- 2. Избавление от смерти
  -
  - Спутник
- 3. Моё вступление на Марс
  -
  - Бессонная ночь
- 4. Пленник
  -
  - Тою же ночью
- 5. Я ускользаю от своей сторожевой собаки
  -
  - Отлёт
- 6. Битва, одарившая меня друзьями
  -
  - В чёрном небе
  - Спуск
- 7. Дети марсиан
  -
  - Марс
  - Заброшенный дом

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов, Майк Гелприн, Далия Трускиновская, Ярослав Веров, Юлиана Лебединская, Ника Батхен, Эли Бар-Яалом, Алексей В. Андреев, Константин Ситников, Елена Клещенко, Ася Михеева, Юрий Иваниченко, Екатерина Кузнецова, Наталья Резанова, Ярослав Кудлач, Сергей Пальцун

Вербариум

Verbarium – (американизм) игра в слова (составление слов из заданных букв)

Буква

Ярослав Веров
Боевой алфавит
Рассказ

Жарким летним днём студент Репкин открыл дверь букинистического магазинчика.

Звякнул колокольчик, изнутри дохнуло прохладой, Репкин направился к прилавку.

Продавец скептически глянул на щуплого молодого человека и спросил:

– Чем интересуемся?

– Мне бы фантастику, что-нибудь боевое.

– Понимаю, – с неким сочувствием кивнул букинист. – Извините, ничего боевого не держим, времена сами знаете, какие. Вегетарианские времена.

– Как? – воскликнул студент. – И у вас тоже?!

Репкин вздохнул. Сокрушённо оглядел сумрачные стеллажи.

– Что же мне читать тогда? Целый год вегетарианствую. Совсем уж невмоготу!

– Что, до тошноты дошло? – со знанием дела уточнил продавец.

– Нет ещё. Но тоскливо очень.

– Что ж, – букинист бросил ещё один скептический взгляд. – Таким я вас не отпущу. Фантастики, – он понизил голос, – сейчас нет.

И профессионально убедительным тоном веско прибавил:

– Но есть специальная литература.

– Специальная? – В глазах Репкина вспыхнул интерес. – Неужели военная?

Букинист сдержанно улыбнулся, повернулся к стеллажу и нажал скрытую кнопку – заблокировал вход в магазин. Одна из полок ушла в стену. В образовавшейся нише возник увесистый том.

– Пожалуйста, – протянул букинист книгу. – «Боевой алфавит воина-десантника». Имейте в виду, юноша, – инкунабула.

– Но позвольте! Это том на букву «Т». А есть остальные?

– Прошу прощения, молодой человек. Больше тома в одни руки давать не положено.

– Кем это не положено?

– Это – секретная информация. Так берёте или нет?

– Дорого, наверное?

– На специальную литературу – специальные расценки. Три

тысячи бозе-эквивалентов. Считайте, что получили книгу в прокат.

Со свёртком под мышкой студент покинул лавку.

Вечером студент Репкин, весь день оттягивавший сладостный миг, раскрыл вожделенный том энциклопедии и с удивлением обнаружил, что весь он посвящён устройству под названием «Телескоп боевой, многофункциональный». Но не успел Репкин прочесть первую волнующую фразу: «Воин-десантник! По получении Боевого телескопа внимательно ознакомься с настоящей инструкцией!», – как грянул звонок в дверь.

– Кого там чёрт несёт? – возмутился Репкин.

В дверях стоял посыльный. У ног его была большая коробка.

– Вы получатель тома на букву «Т»?

– Я.

– Это вам. Распишитесь.

Репкин расписался и втащил коробку в прихожую. Вскрыл. В коробке обнаружилось: Боевой телескоп защитного цвета, кресло к Боевому телескопу, набор инструментов для юстировки и набор тряпочек и щёточек для прочистки оптики, комплект камуфляжной формы воина-десантника с лычками сержанта, медпакет и патрон-талисман на кожаном шнурке.

«Ну что, сначала – форму. Для примерки».

Надев форму, студент Репкин ощутил себя полноценным воином-десантником в чине сержанта. Привычными движениями разгладил складки на кителе, затянул ремень, лихо заломил берет с кокардой в виде золотой буквы «Т» в обрамлении изящных крылышек. Попрыгал, проверяя подгонку снаряжения. Во фляге булькало.

Сержант Репкин снял флягу и проследовал на кухню. Своротил крышку, заправил флягу водой под самое горлышко. Теперь полный порядок, ни звенит, ни булькает. Теперь к Боевому телескопу!

Установив телескоп на штатив, согласно инструкции подсоединил к нему кресло, включил генератор бесперебойного питания. Открыл окно, внимательно оглядел звёздное небо – как будто всё спокойно. Можно приступать!

Сержант Репкин занял место в боевом кресле и, тщательно пристегнувшись, припал к окуляру Боевого телескопа. Тоненько взвыли гидроприводы, запищал гирокомпас стабилизации. Репкин завращал маховичком ручного наведения.

В окуляре мелькали цифры: азимут… угол места… дальность… потенциальная опасность…

Боевой телескоп искал цель, шарил по галактикам и

межгалактическим скоплениям. Наконец раздался щелчок окончания поиска и наведения. Боевой телескоп смотрел прямо на цель.

Там, конечно, больная планета. На ней, конечно, всё время война… Там Боевой телескоп и будет в самый раз!

Сержант вдавил красную кнопку. Пуск!

Он стоял навытяжку перед седоусым генералом. Генерал смотрел прямо в глаза. Твёрдым волевым взглядом заматеревшего в боях старого дуралея.

– Здесь командую я! – излагал генерал. – Я командую вверенным мне подразделением «Боевой Алфавит» на основании Боевого мандата на литеру «М»!

Сержант только сейчас заметил, что на бархатном берете генерала веско блещет золотая буква «М» в обрамлении широко раскинутых орлиных крыльев.

Генерал поглядел отеческим, верным взглядом отца-командира и спросил:

– Что у тебя, сынок?

– Боевой телескоп, товарищ генерал! – лихо отрапортовал сержант.

– Так введи его скорее в сражение, солдат!

Генерал кивнул человеку в мышиного цвета кителе и вовсе не десантской фуражке, на кокарде которой блестела «Б», почему-то в обрамлении рельсов, и вышел из штаба.

– Пойдёмте-ка, – просто сказал тот и направился к противоположным дверям.

Двери вели в небольшой тамбур.

– Сюда, – показал человек в кителе мышиного цвета и открыл следующую дверь.

– А куда же мой Боевой телескоп?

– Это потом.

Они прошли в следующее помещение, такое же узкое и длинное.

– Вот-с, молодой человек. Поздравляю с прибытием на мой бронепоезд «Бушующий», – просто, без аффектации произнёс человек в кителе. – Я, как вы понимаете, являюсь начальником бронепоезда.

«Так вот куда я попал – на бронепоезд! – подумал сержант. – Теперь всё становится ясным!»

– Мне, – продолжал начальник бронепоезда, – как вы догадываетесь, вышла командировка на букву «Б». Считаю своим долгом сообщить, что хотя я формально и состою в рядах боевого подразделения десантников, но боевой единицей себя не числю. Я человек штатский и прошу вас иметь это в виду. Все эти военные

штучки – не по мне. Если что такое услышу от вас – ссажу с бронепоезда немедленно! И генерал вам не поможет, мне генерал не указ! Уяснили это, надеюсь?

– Так точно!

– Что-о? – тихо, но весьма зловеще переспросил начальник бронепоезда.

– Прошу прощения, господин, э-э, командир…

– Как-как?

– Начальник бронепоезда «Бушующий»!

– Это уже лучше. Что ж. Ваш генерал желает, чтоб вы скорее включились в боевые действия. Это непорядок. А непорядка на моём бронепоезде я терпеть не намерен. Так-то-с. Пройдите-ка, молодой человек, к начальнику столовой, встаньте на довольствие. Как вы понимаете, буква «Д» досталась ему. Столовая вместе с кухней у нас там, – начальник показал рукой на противоположную дверь вагона. – Как у вас, военных, говорится – подальше от командования, поближе к кухне. Ну а как подкрепитесь и утрясёте всё с начальником столовой, тогда я вам больше не хозяин. Тогда уж все вопросы к генералу. Вы меня понимаете?

– Так точ… Э-э, понимаю, господин начальник!

– Что ж, желаю успехов, молодой человек. И вот что ещё, это прошу запомнить хорошенько: на моём бронепоезде полагается вести себя по возможности спокойно, без суеты, не сеять панику и не ругаться матом, не повышать голоса, после отбоя по вагонам не бегать, не гадить в сортире где попало, а также не царапать и не пачкать панели и двери. Запомнили? А теперь можете ступать, удачи.

Сержант, миновав пару вагонов, – каптёрку и расположение личного состава – прибыл в столовую. Здесь его встретил улыбчивый старшина в огромном крапчатом берете с такой же огромной буквой «Д» на нём. Бурые и зелёные пятна защитного комбинезона не в состоянии были замаскировать огромного старшинского пуза.

– О! Никак пополнение?

– Да вот, начальник бронепоезда послал.

– Что? Что такое? – Лицо старшины вмиг побагровело. – Почему не по уставу докладываешь, сержант? Почему честь не отдаёшь? Припух, салабон? А ну, выйди и войди как положено. И отдай честь дедушке-старшине со всем усердием! Двигай, давай.

Служба есть служба. Сержант вновь зашёл в столовую и, молодецки козырнув, отчеканил:

– Товарищ старшина, сержант на букву «Т» по приказанию начальника бронепоезда прибыл в ваше распоряжение!

– Какого ещё начальника? Все начальники умерли на грёбаной гражданке, сержант. Понял? А в боевом десанте есть командиры и есть подчинённые.

– Так точно! – молодецки рявкнул сержант.

– Ну? И какого лешего он тебя сюда послал?

– Встать на довольствие!

– Эк, какой ты резвый. Сразу видно – салабон. Ты пойди повоюй, пускай тебе твой командир боевую задачу поставит. А вот как пробьёт время обеда – явишься в столовую, в общем строю. Понял? Тогда тебя и на довольствие поставим.

– Так точно, товарищ старшина, понял!

– Ну вот. А сейчас ты это… Раз уж явился – давай, двигай на кухню, поможешь повару начистить картошки. Вперёд. А то совсем исчахнет над своим котлом, чмо.

Сержант проследовал на кухню. Унылый, щуплый повар в мешком висящем комбинезоне вялыми движениями большого черпака помешивал в варочном котле похлёбку.

– А мне достался черпак Боевой, – грустно глядя на бравое лицо сержанта, то ли сообщил, то ли пожаловался он.

Два часа пролетели незаметно – за чисткой картофана служба летит сизым голубем. Несколько оживившийся в присутствии сержанта повар рассказал пару слащавых, совсем не боевых анекдотов, спел одну довольно нудную, но с игривым текстом песню про родной дом и невесту тётю Бетю; успел поведать историю своей жизни, впрочем такую же недостопримечательную, как и песня.

– Ну вот, хоть сегодня картошка на обед будет, – сообщил повар под конец, глядя на три ведра начищенной картошки.

– Что ж, я тогда пойду.

– Куда? – с тоскою в голосе поинтересовался повар.

– Да сам теперь не знаю…

– Тогда никуда не ходи. Зачем?

– Как же так? Что мне, у тебя на кухне оставаться?

– Оставайся, оставайся! – со странной ласковостью в голосе стал уговаривать повар.

– Что же я буду здесь делать? – удивился сержант.

– А чистить картошку…

Стремительным движением сержант покинул кухню.

И вынесло его на открытую платформу, высоко обложенную по периметру мешками с песком и накрытую сверху зелёной маскировочной сетью. На платформе помещалось одинокое семидесятипятимиллиметровое орудие. Рядом с орудием скучал на табуретке коренастый веснушчатый десантник в тельняшке, попыхивал сигареткой.

– Садись, сержант, – заговорил коренастый и вынул из кармана брюк мятую пачку. – На, кури. Новенький?

– Новенький, – доверительно сообщил Репкин, присаживаясь на мешок с песком.

– Я, между прочим, лейтенант. Командир этого Боевого орудия. Да сиди, это я так. Ты кто будешь?

– Боевой Телескоп.

– Жаль, что не Танк. Вот, раньше, до тебя, Танк был. Хлопец ничего был, свой парень. Тоже лейтенант. В песках накрылся, когда трезубы лавиной пошли. И танк у него хороший был, орудие сто пятьдесят миллиметров – это я понимаю. Ну а что твой телескоп?

– Телескоп способен обнаружить и идентифицировать любую цель на любых расстояниях вплоть до оптического горизонта Вселенной, – процитировал на память из «Инструкции…» сержант Репкин.

Лейтенант загасил бычок о станину орудия и заинтересованным, улыбчивым взглядом посмотрел на сержанта.

– Ну-ка, ну-ка. А сквозь дымовую завесу берёт?

– Так точно, берёт, раз плюнуть, – Репкин сплюнул. – И через дымовую завесу, и через диффузную космическую материю, и через звёздные скопления – всё берёт.

Артиллерист аж крякнул и потёр руки.

– Теперь повоюем, сержант. А то гад завесу сверху пустит, и ну огнём поливать.

– Кто?

– Предположительно – летающий хищник. Но, возможно, и летательный аппарат противника неизвестной конструкции. Ровно в шесть налетает и до сумерек лупит. Вчера два хвостовых вагона спалил. Так что давай, тащи свой телескоп – будем его, гада, бить.

– Дело в том, что я его потерял. Приземлился на парашюте на крышу штабного вагона. Нормально. Генералу представился…

– А это зря. К генералу и близко подходить нельзя. Он как бойца увидит – так посылает в пекло. О танке я тебе уже рассказывал. А вот спроси, почему у нас зенитки нет. Она же здесь, у меня на платформе стояла. Тоже хлопец нормальный был. Умел прямой наводкой, на глазок, в самое яблочко. Ему что воздушная цель, что наземная – всё пофиг, в клочья разносил. Эх… Ты поэтому в столовую не ходи. Если почифанить захочешь – прямо к повару, он отсыплет. Или лучше – к каптёрщику. Скажешь, я прислал. А в столовую – ни ногой: генерал сцапает. Любит старикан проверять, как бойцы-десантники питаются.

– А что же старшина? Генерал его не трогает?

– Старшина? Это пузо с раками? Для генерала самогон гонит. И салаг таких, как ты, на обед поставляет. Генерала от вегетарианства воротит.

– Кхе-х-хм, – закашлялся Репкин.

– Что, тоже из-за вегетарианства сюда? То-то, будешь знать, герой.

– Ну а как тут вообще? Ну, в смысле обстановка?

– А что обстановка? Война. Я ж тебе говорю. Вон, в песках трезубы донимали. Из песков убрались. Теперь «летающая крепость» огнём плюет. Ты вот что. Ты сейчас к каптёру иди. Там твой телескоп, больше негде: наверняка командир бронепоезда уже успел заныкать в каптёрку. Иди. Да смотри, помни про генерала!

Где каптёрка, Репкин уже знал. Переговоры с каптёром на букву «Щ» были недолги, тот за телескоп особо держаться не стал. А когда услышал, что сержанта послал лейтенант, то вовсе смягчился и выдал в придачу к телескопу сухой паёк – галеты и банку консервов с паштетом из лягушачьих лапок. Напоследок даже просветил:

– Ты эта, сразу после отбоя в расположение не заходи – там генерал порядок проверяет, а если не генерал, то старшина подлянку кинет.

– Так старшина вечернюю поверку производит. Куда ж от него денешься?

– И на поверку не ходи, Телескоп. Ты, вон, телескоп получил – вот под телескопом и кантуйся, понял? Когда ты с телескопом – ни одна сволочь до тебя не доклемается, усёк?

– Спасибо, Щётка, за мной не заржавеет.

– Ты эта, в телескоп дашь зыркнуть?

– Само собой, братан, – сержант уже ощущал себя вполне своим парнем.

Щёткой каптёрщик был из-за своей Боевой щётки. Щётка – первое утешение солдата. С помощью многофункциональной Боевой щётки возможно было: начистить до образцового блеска сапоги, почистить обмундирование, надраить бляху, пуговицы и кокарду, а также, при помощи насадки, – зубы; кроме того, имелось особое приспособление для протирки очков, на случай, если боец-десантник оказался очкариком; специальная насадка с жёсткой щетиной предназначалась для отдраивания унитазов, рукомойников, кафельной плитки и полов.

Репкин сгрёб в охапку телескоп, взвалил на плечи кресло телетранспортации и потащился обратно на платформу. Лейтенант при виде телескопа оживился – моментально прикинул, где разместить новую боевую единицу и распорядился:

– Сюда ставь. Вот так, чуток левее. Так годится.

Репкин подсоединил всё, как требовала «Инструкция…», и, довольный, хотел было стрельнуть у лейтенанта закурить. Но тут взвыли сирены и с неба стало опускаться чёрное и жирное дымовое образование.

– Ах ты, чёрт, раньше начал, гад. Ну теперь держись, сержант, – с воздуха прикрытия не имеем. Давай – или под бронь драпать, или сражаться.

Сержант не слушал артиллериста: он растерянно уставился в наплывающее облако дыма. Вдруг оттуда пальнуло длиннющей струёй жидкого огня. Ударило где-то в стороне.

– Решай, сержант! – прямо над ухом заорал артиллерист.

Ноги понесли Репкина в распахнутую гермодверь броневагона.

– Эх, значит не повоюем, – лейтенант стремительно сиганул следом.

В броневагоне подсобралась кое-какая компания. Были там трое рядовых: уже знакомый Репкину каптёрщик Щётка и двое с литерами «К» и «П», а также тонкоусый младший лейтенант на букву «Р». Рядовые азартно резались в «палку», славную карточную игру бойцов-десантников, как водится, на щелчки по носу. Младший лейтенант сидел рядом, скучающе следил за игрой.

– Здоров, Радар! – крикнул ему лейтенант. – Что, на радаре всё то же?

– Известно что – помехи у нас на радаре. Изволь видеть: три активные помехи по линии полотна, одна на втором и две на третьем ярусах. Кроме того, имеем пассивные помехи – на всех ярусах. И никуда не делось, конечно, Огромное Продолговатое Пятно, вероятно, противник – прямо над нами. Движется кругами, скорость пять оборотов в минуту, очень стабильно. В общем… – Тут бронепоезд тряхнуло, в амбразуры ударило дробью каменного крошева, поднятого огненной струёй с железнодорожной насыпи; завоняло копотью. – Ага, гад, почти попал. Так что, Орудие, картина обычная. Когда ж ты его, лешего, сбивать будешь?

– Теперь уж скоро. Вот, – лейтенант дружески хлопнул по плечу сержанта Репкина, – теперь располагаем телескопом! Дрейфит пока что, ну да ничего. Как пороху нюхнёт, так, глядишь – завалим. А, братишка?

Репкин хотел было ответить что-то бодрое, в том плане, что он ничуть не дрейфит, а проявляет разумную осторожность. Но тут попало в соседний броневагон – бронепоезд скрежетно ухнул. Всех повалило на пол. Веером разлетелись карты.

– Мать твою в душу, – заругались рядовые, – такую игру пересрал, волчара.

Привычный к подобным встряскам младший лейтенант лишь снисходительно глянул, мол, что с них возьмёшь.

Со стороны пострадавшего вагона с лязгом распахнулась дверь тамбура. В клубах дыма, перепачканный с ног до головы жирной копотью, в броневагон ввалился генерал. И заорал:

– Мать вашу так и переэдак! Прохлаждаетесь, раздолбаи?! А ну, сколько вас сюда набилось?! Ага! Целых шесть боевых литер, мать вашу перетак! Почему не отражаем воздушную атаку противника?! Я к вам говорю, лейтенант!

– Невозможно обнаружить противника, товарищ генерал! Противник пускает маскировку в виде дымовой завесы!

– Мать твою так, так и ещё раз так! На борту бронепоезда имеется радар, а ты мне тут про маскировку заливаешь! Под трибунал пойдёшь у меня, мерзавец! Товарищ младший лейтенант, почему не обеспечиваем обнаружение противника?

– Противник массированно применяет все виды помех, товарищ генерал!

– Что? И ты под трибунал захотел? Аппаратура должна служить нам, а не противнику! И ей для этого предоставлены все возможности и соответствующие тактико-технические характеристики! Я тебя в рядовые, мерзавец, на о́чки – все до одного языком вылижешь! Ты мне кровью срать будешь, так тебя в душу и так!

Бабах! Всех опять швырнуло на пол. Поднялся генерал несколько остывши. Хмуро оглядел подчинённых и ткнул пальцем в Репкина.

– Сержант, назначаю тебя старшим разведгруппы. Вы двое – поступаете в его распоряжение, – сообщил он литерам «К» и «П». – Приказываю: высадиться на высоте двести сорок семь, в квадрате одиннадцать бэ. Оттуда наблюдать воздушную обстановку. По возможности определить точные координаты цели и доложить лейтенанту. Ответственным за операцию и огневое прикрытие разведгруппы назначаю тебя, лейтенант. Уяснил, лейтенант?

– Так точно, товарищ генерал.

– Вопросы?

Репкин промолчал. Вопрос задал каптёрщик:

– Да как же они, эта, на двести сорок седьмую выберутся, товарищ генерал? Вокруг одни болота, и ничего кроме болот там нет. А в болотах, сами знаете, – кикиморы. Потопят их.

– Рядовой на литеру «Щ», где ваш боевой пост?

– Дело известное – в каптёрке, где ж ещё.

– В каптёрку бегом марш!

Каптёрщик рысью кинулся вон. Генерал веско уставился на литеру «П»:

– Ты кто?

– Боевой порошок, товарищ генерал! Порошок стиральный, для постирки обмундирования и помывки личного состава!

– Не то. А ты кто? – Генерал уставился на литеру «К».

– Боевая катапульта, товарищ генерал!

– Ага! Приказываю: для заброски разведгруппы на высоту воспользоваться Боевой катапультой! Заброску осуществить литере «К». Операцию начать немедленно! Бегом!

Троих десантников вместе с лейтенантом сорвало с места. В броневагоне остались генерал и младший лейтенант. Последний сосредоточенно наблюдал за экраном осциллоскопа и усиленно вращал верньеры.

– А ты чем занимаешься?

– Наблюдаю, товарищ генерал!

– Хор-р-рошо, десантник. Продолжайте наблюдение. Особое внимание уделите сектору действия разведгруппы.

Катапульта находилась в броневагоне с раздвижным потолком.

– Вот она самая, – предъявил лейтенанту боевую машину рядовой на букву «К».

– Из неё людей хоть можно послать, боец? – спросил тот.

– В положении «боезаряд» – всё, кроме людей, вплоть до ядерного фугаса. А вот когда в положении «десантное катапультирование» – тогда конечно, товарищ лейтенант.

– Что ж, мужики, будем прощаться, – повернулся к разведгруппе лейтенант. – Аптечку вам предоставить не могу. Была у нас, сержант, Аптечка, санинструктор.

– Мёртвого поднимала, – вставил Порошок и улыбнулся, вспомнив что-то приятное. – Теперь вместо неё Автомат – генеральский вагон сторожит. А в санитарном вагоне теперь Операционная. Тоже баба ничего. Но её с собой не возьмёшь…

– Ладно, мужики, берите винтовки, парашюты и… Катапульта, смотри, не промахнись.

– Так это ж катапульта, у неё прицела нет – наведение плюс-минус триста, накрывает площадь в десять квадратных…

Конечно, они угодили в болото. Перепачканные тиной, насквозь мокрые выбрались на ближайший холм. Бронепоезд отсюда казался тонкой ниточкой, над ней висело плотное дымовое образование, из которого время от времени брызгало огнём.

У Репкина от перегрузки пошла носом кровь. Он лёг на траву и зажал нос ладонью. Кровь струйками бежала между пальцев, и

он принялся размазывать её по щекам. Порошок же, по-видимому, нечувствительный к перегрузкам, что-то деловито выгребал из карманов.

– Эх, так твою и так – размок! – пожаловался он. Репкин не ответил, продолжая размазывать по лицу кровь. – Порошок, говорю, размок. Я его в карманах держал, а он и размок, туды его… Полковник, чмо, весь порошок запер в тыловой вагон. Вчера его змей спалил. Я, конечно, вещмешок порошка заныкал. Старшина эту нычку не найдёт. И в карманы вот набрал. Ты чего молчишь, Телескоп?

Только тут Порошок глянул на сержанта.

– Ого! Смотри, как тебя раскровавило. Ещё и войны не было, а уже того… Я сейчас тебе грязи с болота наложу – может, полегчает.

То ли грязь помогла, то ли организм сам справился, но кровотечение прекратилось. Репкин осторожно сел. Порошок протянул ему в ладонях зеленоватой пенистой жижи.

– Давай, Телескоп, надо нам натереться до пены. Может, кикиморы тогда не учуют, потому как порошок этот, написано, от всех видов противника маскирует, когда, значит, в виде пены. А пену он держит часов пять. Вишь, размок – надо натереться, а то вытечет и всё, пиши пропало. Кикиморы полезут, как стемнеет, они света не выносят. Нам бы до луны продержаться. А как луна сядет, так другая выйдет, а там и рассвет. Тогда, значит, и двинем. До бронепоезда километров пять. Оно болото, но ничего, дойдём. Жаль, сейчас не успеем.

Они усердно взбили друг на друге пену. Пена вспухала плотным резинистым слоем, а потом осела, и оба оказались покрыты тонкой, лаково отблескивающей плёнкой.

Порошок махнул рукой, показывая на склон холма. Там они в кустарнике и залегли.

На болотах царила тишина. Только со стороны железной дороги время от времени ухало – воздушный противник методично долбил по бронепоезду. Маленькое солнце стояло неподвижно и, казалось, вовсе не собиралось уходить за горизонт.

– Ты не смотри на солнце, сержант, – заговорил Порошок. – Тут весь закат – десять минут. Скоро уже. Попали мы с тобой, сержант. Ты не сердись, ты хоть и сержант, а всё равно салабон. А я уже на бронепоезде полгода. Столько ребят в этой войне легло, а я, видишь, живой. Ты меня слушай, может, и прорвёмся.

Репкин повернулся на бок:

– Слышишь, Порошок, а из-за чего война?

– О том нам не докладывают. Завербовался, так воюй.

– Порошок, а ты что, вербовался?

– Жена, падлюка, бросила, с корешем спуталась. Злой я тогда был. Света не видел. А тут иду, глядь – написано: «Набор добровольцев». Захожу. «Куда берёте?» – спрашиваю. В горячие точки, говорят. Вот он я – берите. Глянули они в мой файл – вы, говорят, невоеннообязанный, в регулярные части вас взять нельзя. Я озлился, стал их матом крыть. А можно, говорят, в литерное подразделение. Имеется вакансия на букву «П». Я-то думал – пулемёт. До меня, как раз, Пулемёт был. А тут порошок…

– Смотри, – перебил Репкин, – вон он летит!

От дымового образования отделилась чёрная точка и, набирая высоту, стала исчезать из поля зрения. Порошок приложил ладонь козырьком ко лбу.

– Ага, точно – дракон. Я ж им говорил. А они – «летательный аппарат», так их.

Репкин разомлел. Неведомые кикиморы казались сейчас ему чем-то несерьёзным, сказочным. Ну повылазят, ну и что? И Порошок держится спокойно – чего волноваться? Переночуем, а там видно будет. О смерти Репкин не думал, он её никак не предполагал.

Порошок толкнул Репкина в бок:

– Слышь, сержант, давай порубаем? У тебя есть?

– Нет, нету. А, постой, мне же Щётка тут дал.

– Хороший парень Щётка. Хоть на этого чмыря горбатится, а всё равно.

Достали сухпаи, стали жевать.

– Порошок, – спросил Репкин, – а чего у нас такой странный начальник бронепоезда?

– Это ты о полковнике? Чмо – он и есть чмо. Приказал Щётке пошить ему цивильный костюм. И генералу мозги засрал так, что тот не трогает. Ясное дело, без него не будет бронепоезда, а без бронепоезда генералу здесь сразу хана.

– А генерал что за человек? Странный он какой-то…

– Людоед он, а не странный. Понял? Людей жрёт – пошлёт, как нас, и с концами. Уже при мне литеры, кто не при начальстве и не при кухне, по третьему разу пошли. До тебя, Телескоп, был Танк, а до Танка – этот, как его, цыган – Тачанка.

Репкину сделалось нехорошо.

– А с заданий возвращаются?

– Всякие чудеса бывают. Ты, главное, раньше времени не сри, понял?

– Ну а отказаться от задания? Или самого послать, навести винтовку и пускай идёт?

– Салабон – вот ты кто. Нельзя, у него же мандат. Мандат так устроен, что ослушаться нельзя, к тому же у мандата и право на

трибунал, а это – расстрел на месте, генерал стреляет собственноручно. Сказал – пальнул.

– Тогда почему бы его тихо не нейтрализовать, чтобы не успел отдать приказ или там вякнуть, и отстрелить из катапульты, запереть в штабе? – В Репкине просыпался студент.

– Дурак, против мандата даже пёрднуть не успеешь. Были умники, не думай.

Репкин замолчал, задумавшись о мистических свойствах мандата. «Интересно, – подумал он, – генерал, что – по жизни такой злой, или это его мандат таким делает?» Затем стал думать о невероятных свойствах прочих боевых единиц на этом бронепоезде. И опять спросил:

– Слышь, Порошок, а почему поезд стоит? С воздуха расстреливают, если бы ехал – попасть было бы труднее, а?

– Передислоцироваться? Полковник, бывает, устраивает цирк. А так – не любит.

– А генерал что, не может приказать?

– Я тебе вот что скажу, Телескоп, этого никто не знает, кроме меня, потому как в локомотив никому ходу нет, кроме чмыря этого. А я побывал… И в самой рубке был. Бронепоезд, он может не только по рельсам. У него и воздушная подушка, и режим плавания и погружения, и в мягкий грунт зарывается на десять метров. Летает он, понял? И не только в небе. Там было ещё написано – «режим орбитального маневрирования». Вот и говорю – чмо наш полковник.

– А ведь полковник не дурак, – сообразил Репкин. – Он и себя сохранить хочет и остальных. Узнай генерал, что бронепоезд универсален – он бы его в такое пекло загнал, что всем нам каюк! А так, что – дракон? Так он броневагонам до одного места.

Порошок молча достал непромокаемый пакетик, вытащил сигареты и спички. Закурил. Репкин жадно глянул на курево, но попросить почему-то постеснялся. А стал развивать мысль:

– Точно. Потому он всё и подгребает, чтобы генерал это в бою не использовал. Мой телескоп в каптёрку отправил. Нет, он больше нашего понимает…

Порошок разговора не поддержал, и Репкин замолк.

А солнце уже покраснело и стало опускаться, отвесно и ходко. Как обещал Порошок, закат много времени не занял: упало за горизонт – и всё погрузилось во мрак.

– Цыц, салага, молчи, – прошипел Порошок и поспешно загасил чинарик.

На болоте, метрах в двухстах вспыхнули вдруг зеленоватые огоньки. Репкин вжался что есть мочи в землю, хотел зажмуриться, но отвести взгляда от огоньков не смог. Огоньков

было немного – пять или шесть. Они полукольцом окружали холм – значит, и с тылу тоже заходят.

Огоньки приближались. Репкин с ужасом разглядел тёмные человекоподобные силуэты, озаряемые изнутри каким-то свечением. Фигуры замерли на краю болота, держа что-то в вытянутых руках. Внезапно шесть плазменных струй ударили в подножие холма. Валявшийся там парашют враз вспыхнул и исчез. Загорелся кустарник.

И Репкин понял, что это за фигуры.

– Звёздная пехота! – шёпотом выкрикнул он и тут же получил от Порошка удар кулаком по затылку.

Да, это могла быть только звёздная пехота – именно о такой он читал в одной древней, давно запрещённой фантастической книге. Зелёным светом мерцали оптические преобразователи на забралах шлемов, а призрачное сияние излучали серебристые обручи генераторов защитного поля на локтевых и коленных суставах панцирь-скафандров. За спиной у каждого – реактивный ранец, в руках, разумеется, плазмоганы. «Конец», – понял Репкин.

Но кикиморы никаких наступательных действий больше не предприняли. Напротив, отступили в глубь болот, даже огоньки погасли.

– Не учуяли. Порошок работает, – зашептал Порошок в ухо Репкину. – Если лейтенант их засёк, сейчас из орудия ударит.

– По этим? Из пушки? – истерически зашептал в ответ Репкин. – Да ты знаешь, кто это? У них же защитное поле!

– Если аннигиляционным саданёт, то всему их полю жопа. Правда, и наш холм сроет. Они ж не знают, что мы здесь, что аннигиляционным не саданёт. Поэтому, суки, затаились. Эх, скорее бы луна…

Но с бронепоезда выстрелила не пушка, а катапульта – осветительным. Полыхающий светом шар завис над болотом и медленно спарашютировал в воду.

А вскоре и луна не заставила себя ждать. Она была на удивление большая и яркая. Казалось, что наступает рассвет.

– Всё, теперь они больше не сунутся. Я ж говорил, сержант, прорвёмся. Теперь отбой тревоги. Можно курить.

На этот раз Репкин сигарету попросил и затянулся с неожиданным для себя удовольствием. В голове звенело, тело казалось совсем лёгким. Вот оно, тело, на месте – жив-целёхонек.

После второй сигареты к Репкину вернулась прежняя живость мысли. И он размечтался:

– А хорошо бы с помощью моего телескопа обратно домой вернуться. Теперь я знаю, что буду с телескопом делать. Землю он вмиг найдёт, если её как цель задать. Проложит курс – и

бронепоезд по курсу полетит. Что ему, в самом деле…

Порошок хмыкнул.

– До задницы твой телескоп. На бронепоезде, вон, даже хроноагрегат имеется. Где они того Хроника держат, не знаю. Засекречен. Это Щётка рассказывал, мол, прибыл такой, вместо Химика. На агрегате этом обратно вернуться можно, в прошлое. Или в будущее сигануть. Только что там ловить, в будущем?

Порошок послюнявил палец и выставил вверх.

– Ветер, бляха-муха. Не натянуло бы…

Небо быстро затягивало тяжёлыми чешуйчатыми тучами. Они раз за разом наплывали на луну. А потом задуло сильнее и откуда-то из-за дальних холмов пришла непроницаемая пелена. Стало темно.

На болоте вновь появились огоньки. Теперь они приближались быстрее. Репкин понял – это по его душу.

– Всё, порошок весь вышел, – сообщил Порошок и лязгнул затвором винтовки. – Рассредоточимся, брат. Эй, оглох, что ли? Разбегаемся, говорю.

Порошок быстро полез вверх по склону. А Репкин ничего не стал делать.

С бронепоезда прилетел осветительный шар, хлопнул парашют. Но шар, не успев даже вспыхнуть, испарился в луче плазмогана. Тогда бухнула семидесятипятимиллиметровка лейтенанта. Рвануло прямо среди кикимор, но ни один из огоньков не погас. Ещё бухнуло – и всё вокруг холма вспыхнуло малиновым пламенем: лейтенант попробовал водореагентный термитный фугас. Но как только пламя утихло, звёздная пехота взяла холм в кольцо.

С вершины холма раздался отчаянный крик «нате-суки!», хлопнул выстрел винтовки, и враз вся трава на вершине вспыхнула; от ярких плазменных разрядов Репкин на мгновение ослеп. «Порошок!» – взвыл он отчаянно.

И вдруг вспомнил, что так быть не может, не бывает. С ним так быть не должно, нет, ведь он студент, обыкновенный хлюпик…

– Это ошибка! – завопил он и на карачках ринулся куда-то сквозь кустарник. Остановился – пехотинцы никуда не делись, застыли на прежних местах. – Я не десантник! Я Репкин! Стойте! Я студент! Я домой хочу! Не стреляйте, пожалуйста!

Звёздные пехотинцы постояли, может быть, даже послушали, а потом пальнули плазмой…

Двигать бронепоезд решено было на закате второй, тусклой в сравнении с первой, луны. За полчаса до начала операции генерал зачитал боевой приказ личному составу, выстроившемуся

вдоль насыпи. Прозвучала команда «По вагонам!», из тормозных колодок с шипением ударили струи сжатого воздуха. Бойцы Алфавита засуетились, замелькали фонарики, застучали каблуки.

В это время на траву перед штабным вагоном опустился парашютист.

– Кто таков, сынок? – отеческим баритоном осведомился генерал, как только тот освободился от строп.

– Боевой прожектор, товарищ генерал!

– Ну-ка, доложи, что за хреновина?

– Устройство, генерирующее электромагнитное излучение любой заданной частоты, мощности и когерентности! – лихо отрапортовал новобранец.

Генерал аж прижмурился от удовольствия.

– Так скорее введи его в бой! Боевой бронепоезд готовится к передислокации. По пути следования возможна засада противника. Приказываю – осуществить разведку на пять километров вдоль железнодорожного полотна! Бронепоезд пойдёт следом малой тягой. Исполни свой долг, солдат!

Душным летним вечером дверь квартиры, снимаемой студентом Репкиным, открыл человек в чёрной ветровке, тёмных очках и армейских берцах. С хозяйской бесцеремонностью хлопнул дверью. Словно был здесь не в первый раз, прошёл в комнату, отпер нижний ящик компьютерного стола и вытащил стопку документов. Паспорт, свидетельство о рождении, аттестат и прочее. Снял боковую панель компьютера и, вывинтив жёсткий диск, небрежно сунул вслед за документами в карман ветровки. А затем бережно поднял со стола том «Боевого Алфавита» на букву «Т» и, спрятав его в чёрный пластиковый пакет, покинул квартиру и канул в сумерки. Больше не было здесь, на Земле, никакого студента-сержанта Репкина, а может быть, не было его никогда, как не было ни чудесного телескопа, ни загадочной воюющей планеты, ни подразделения с нелепым названием Боевой Алфавит. Да ведь и правда, разве могло такое быть на самом деле? Ведь Земля – процветающая планета, где давно уже царят мир и покой и где о войнах и битвах можно узнать только из древних книжек.

Майк Гелприн
Ля-с-мля
Рассказ

Я пришёл в себя и какое-то ремя не мог сообразить, что случилось. Ашка раскалывалась от оли, перед лазами расплывались серые мутные руги, на бу стремительно разрасталась ишка.

Прошло не меньше пяти инут, прежде чем я, наконец, вспомнил. Арина не пришла на стречу. Я метался по арку в адежде, что она, может быть, попросту опоздала или спутала есто. Потом я, видимо, заплутал и оказался в самой луши. Ну, а затем появились эти двое. То ли пьяные, то ли обдолбанные. Бить еловека по олове вообще постыдно. Озлы!

Я мельком взглянул на асы. Было два ополудни. Внезапно мне показалось, что вокруг что-то изменилось. Оловная оль мешала понять, что именно. Я огляделся. Вроде бы тот же арк, вон неподалёку та же камейка под лёнами. Лёгкий етерок лениво гонит по емле жёлто-красные истья.

И в то же ремя…

Я поднялся и бездумно двинулся по ллее куда лаза глядят. К трём выбрался наконец из арка. Поймал акси и велел одителю везти на анал Рибоедова.

Офёр оказался ихачом. Он, усердно игнорируя ветофоры, рассекал по ороду, а я, глазея в кно, всё больше и больше уверялся в том, что вокруг происходит что-то неладное.

Мне чудилось, что роспекты стали уже, ома – ниже, а раски – тусклее. Абережная, казалось, сморщилась, арапет приник к емле. Даже в самом азвании анала Рибоедова мне померещилось нечто чужеродное.

Ома я первым елом залез под уш и под холодными труями более или менее пришёл в себя. Выбрался, нагишом прошлёпал в остиную и включил елевизор.

Показывали резидента. Обильно жестикулируя, резидент обещал. Потом желал. Затем призывал. А я, ошарашенно глядя в кран, мучительно соображал, не стал ли он ниже остом и тише олосом.

Привычная резидентская олтовня, наконец, сменилась итрами древнего ильма «Весёлые ебята». С олчаса я переваривал старые несмешные охмы, затем выключил елевизор и поплёлся звонить Арине. Надо было ставить очки над «и» – наши тношения явно зашли в упик.

– Знаешь, Оля, – проникновенно сказала Арина, едва сняв рубку. – Не звони мне больше. Я не собираюсь терпеть твоих бесчисленных лядей и люх. Надоело!

Арина разъединилась. Я проковылял на ухню и там алпом махнул юмку одки. Закурил и принялся размышлять.

Насчёт люх она сильно неправа. Тем более – насчёт лядей. Ну, были, конечно, евочки, у кого их нет. Но вовсе не относящиеся к двум перечисленным атегориям. Хотя и не из тех, с которыми захочешь сочетаться законным раком. Наверное, Арине наклепали, что видели меня в жапанизе с рыжей Веткой. Обидно: с Веткой у меня как раз ничего и не было. Я внезапно разозлился.

– Знаешь, Оля, – дурашливым олосом передразнил я Арину. – Не звони мне бо…

Я осёкся. При чём здесь Оля? Ну да, меня так зовут. Уже двадцать шесть ет, как Оля, и что? Какого ёрта мне кажется, что в этом есть что-то совершенно неправильное? А то и унизительное.

Оскресенье я провёл в диночестве. Не заладилось с самого тра. Я бесцельно слонялся по вартире, механически отмечая, что отолки стали ниже, а омнаты – теснее.

Внезапно захотелось чего-нибудь для уши. Помаявшись немного, я решил почитать Ушкина.

– Мой ядя самых честных равил, – с едоумением произнёс я вслух. – Когда не в утку занемог.

Что-то опять было не то. Я не увидел мысла в троках, которые знал наизусть.

– Его ример другим аука, – с усиливающимся едоумением читал я. – Но оже мой, какая кука…

Я захлопнул Ушкина, мне показалось, что один из нас спятил, и я вовсе не был уверен, что этот «один» – великий тихотворец, а не я.

Неладное продолжалось весь ень. Я перестал узнавать и понимать знакомые ещи. Лова выглядели странно и не складывались во разы. Узыка звучала акафонией. «О е и а оль я и», – тупо твердил я, тщетно пытаясь извлечь хоть какой-то мысл из отной рамоты. Мысла не было. Мне показалось, что и самой рамоты тоже не было.

Ечером, когда я вовсю бесился от окружающих елепостей и есуразностей, позвонил Горь. Он уже еделю пытался выторговать у меня редкую негашёную ьетнамскую арку.

– Оля, – решительно сказал в рубку Горь. – Пятнадцать тысяч. И ни опейкой больше. Согласен?

– То есть как пятнадцать? – опешил я. – Озавчера ещё предлагал шестнадцать.

– У тебя с амятью как? – участливо осведомился Горь. – Озавчера было четырнадцать.

Это уже не укладывалось ни в какие амки.

– А пошёл бы ты в ад, Горь, – напутствовал я и, обнаружив в сказанном некую вусмысленность, уточнил: – В адницу.

Разъединившись, я попытался сосредоточиться. Происходящее было настолько нелепо, что не поддавалось разумному бъяснению. Ир вокруг меня изменился, это я знал точно. И изменился значительно. Мне казалось, что перестали работать самые что ни на есть зы и сновы.

Итак, меня зовут Оля. Правильно ли это? Разумеется, правильно, но почему же тогда меня не оставляет навязчивое щущение, что ещё чера меня звали не так…

Я живу на последнем, пятом таже в оме на анале Рибоедова. Вартира омер двадцать. Досталась мне от абушки. Я решительно отправился к входной вери, распахнул её и тщательно изучил прибитую к ерматину абличку. «19» – значилось на ней. Роклятье! Я оглядел вери остальных вартир. «16», «17» и «18». Перепрыгивая через тупени, слетел вниз по естнице на первый таж. «0», «1», «2» и «3».

Я выругался вслух.

Почему умерация начинается с нуля?

– А почему бы и нет? – пришла потрясающая по тепени ригинальности ысль.

Я почувствовал, что готов отчаяться. Действительно: почему бы и нет?

Я вышел на абережную. Смеркалось, юди торопились по своим елам, другие чинно прогуливались. Всё как обычно. Если не считать того, что… Сам не знаю чего.

– Ядя Оля, – услышал я за пиной, – ты что, вырос?

Я обернулся. Алька с первого тажа, нахальная десятилетняя беда и кандалистка.

– Я уже давно вырос, – досадливо буркнул я. – В тличие от некоторых.

– А ведь равда, Иколай Ваныч, – вступила Алькина амаша. – Вы как будто выше стали. – И ехидно добавила: – То есть длиннее.

Вот уж действительно, блоко от блони.

– Это вы стали короче, – приглядевшись, парировал я. – И невзрачнее.

Шаркая по тупеням, я поднялся к себе. Ыводы напрашивались. Дар по ашке, которым меня наградили чера в арке, изменил меня. Нет, не только меня и даже не столько. Он изменил окружающий ир. И изменил не в лучшую торону. Вот же ертовщина!

В онедельник тром я был уже в арке. К олудню, облазив его вдоль и поперёк, нашёл знакомую камейку под лёнами. На ней самозабвенно целовалась сладкая арочка. Ещё через пять инут я обнаружил есто, где мне досталось. Пересёк его десяток аз во всех аправлениях. Осторожно постучал оловой по тволу старого уба. Собрав олю в улак, грянулся со всей ури о емлю. Ничего не произошло. Ир вокруг меня ни апли не изменился.

Сжав убы, я вернулся к камейке, где как ни в чём не бывало продолжали целоваться и тискаться.

– Молодой еловек, – откашлявшись, прервал я затяжной оцелуй. – У меня к вам росьба. Не могли бы мы с вами отойти вон туда?

– Зачем? – оторвавшись от евчонки, недоумённо спросил арень.

– Понимаете, мне необходимо получить от кого-нибудь по олове. На худой онец, можно и по орде.

– Дай ему, Аша, – посоветовала евица. – Раз еловек просит.

Я семенил вдоль по рковой лее и отчётливо понимал, что менения произошли, но опять не в лучшую орону. Ревья вокруг пригнулись, скукожились и стали похожи уг на уга – я едва отличал поль от рёзы. Мля под гами казалось серой, устилавшие её жёлто-красные стья – блёклыми и понурыми.

Я вновь поймал кси и велел ехать на нал Ибоедова. Род за ксишным ном померк – ма стали приземистыми, одноцветными и унылыми.

Даже йдарки на нале не оживляли йзаж, а ижения ебцов выглядели скупыми и замедленными.

В артиру я едва проник – пришлось пригибаться, чтобы не зашибить кушку о сузившуюся и понизившуюся амугу входной ери.

Я решил позвонить Рине – несмотря на змолвку, она оставалась самым близким мне на мле ловеком.

– Знаешь что, Ля, – сказала Рина, едва я отчитался о преследующих меня лепостях и суразностях. – Ты меня, конечно, прости, но рассказывай-ка лучше свои йки рыжей Етке.

Едва я разъединился, как позвонил Орь.

– Четырнадцать, – азартно предложил он. – И ни пейкой больше.

Я послал Оря в пу, спустился на первый аж, удостоверился, что мерация артир начинается с «-1», и выбрался наружу.

– Дя Ля, ты стал настоящим рзилой, – поведала Лька с первого ажа. – Ну, и вымахал ты – просто бина стоеросовая.

– Да уж, Колай Аныч, – подтвердила Лькина маша. – Вы, наверное, блетки специальные глотаете. В вашем-то зрасте так

удлиниться.

– Липутки, – буркнул я и, гордо повернувшись, двинулся ловить кси.

На давешней амейке под ёнами распивали трое коголиков. Уговорить их на физические йствия удалось, лишь обозвав всех троих дерастами. Через нуту после этого я уже получал своё.

Богород расцвёл. Радома пестрили покрасками, по спулицам спешили разноцветные затолпы. Лопарни вели под поруки нарядно разодетых медевушек.

– Николя! – радостно приветствовала меня Комарина, едва я позвонил ей. – Куда же ты пропал, милый? Приходи сегодня, будет Засветка, помнишь, та, рыжая, ты, по-моему, положил на неё выглаз. Нет, нисколько не ревную. Придёшь?

Я обещал и задумался. По всему выходило, что этот памир лучше двух предыдущих. Однако то, что я вновь попал не к себе, засомнений не вызывало.

Через пополчаса, загнав Григорю довьетнамскую помарку за семнадцать тысяч вырублей, я спустился вниз, убедился, что обнумерация каквартир начинается с «3», и выбрался из радома наружу.

– Мудядя Николя, – подскочила вреднющая Рогалька. – Тебя что, укоротили?

– Действительно, Пониколай Гриваныч, – вступила Рогалькина гамамаша. – Эко вас скуксило.

Проигнорировав обеих, я кинулся ловить кутакси. Теперь я уже понимал, что меня на самом деле зовут Коля. Понимал, что Марина отказалась встречаться со мной из-за рыжей Светки. Понимал, что мне двадцать семь, а вовсе не двадцать шесть и не двадцать пять. И догадывался, что побывал на минус первом, минус втором и плюс втором отражениях своего мира. Не знал только, как он называется. Бемля, Вемля, Гемля, – твердил я про себя, усаживаясь в кутакси.

– Маземля, – подсказал выводитель в ответ на прямо поставленный живопрос. – Куда прикажете везти?

В запарке, на знакомой доскамейке сидели две медевушки. В том, что медевушки тоже умеют драться, я убедился вскоре после того, как назвал обеих дудурами.

Марина плюс Коля равно любовь. Главное – не забыть это. Заучить наизусть и запомнить.

Я вернусь. Я обязательно вернусь. Не знаю, сколько ещё предераз мне придётся получать по держиморде. Но я вернусь. Не забыть и не перепутать. Меня зовут Ля с анеты Мля. Нет, не так. Я – Джопониколя с Мармаземли. Снова не так. Я – Коля с планеты Земля. Точно! Коля, Коля, Коля. Главное – запомнить, чтобы не

пропустить свой драпамир. Мою евушку зовут Кошмариной. Она простит меня, надо только вернуться. Никаких больше рыжих Веток, Пустосветок, Еток, Ок…

Марина плюс Коля. Марина плюс Коля. Марина плюс…

Сейчас меня будут бить. Не сильно, но больно, и, возможно, осьминогами. Это хорошо и правильно: бейте. Потому что когда я приду в себя, первым, что я увижу и заучу, будет протонадпись, вырезанная мной несколько драпамиров назад ожом на тволе древнего грубадуба:

МАРИНА + КОЛЯ = ЛЮБОВЬ

Слово

Ярослав Кудлач
Кто они?
Рассказ

В один из дождливых и скучных октябрьских дней, когда не то что гулять на улице, в окошко даже смотреть не хотелось, у заколоченного киоска «Союзпечать» притаились двое мальчишек. Старшему было не больше десяти лет, а младший лишь в этом году пошёл в школу. Ребята ёжились, сунув руки в карманы серых, купленных «на вырост» пальтишек, дрожали и переминались с ноги на ногу. Время от времени они выглядывали из-за угла киоска на улицу, и тогда порывы ветра швыряли им в лицо мелкие дождевые капли. Мальчики сердито морщились, вытирали мокрые щёки изрядно набрякшими рукавами, но продолжали мужественно нести загадочную вахту.

А на лужах крупные пузыри – значит, дождь зарядил надолго. Немногочисленные пешеходы пробегали мимо, стараясь как можно скорее добраться до своих тёплых и уютных домов. Изредка проезжали автомобили, устраивая настоящую водную феерию и заливая мутными потоками тротуар вместе с заброшенной «Союзпечатью». Поэтому, завидев машину, мальчишки дружно прятались за киоск. Дождавшись, когда проедет очередной «поливальщик», они выбирались наружу и вновь вглядывались в промозглую дождевую пелену.

В который раз обтирая мокрое лицо, старший ловко сплюнул сквозь зубы в ближайшую лужу и процедил:

– Отец мне теперь точно голову оторвёт. Уже целый час тут торчим! За хлебом пошли, называется!

Младший с некоторым испугом смотрел на буро-коричневые ручьи, струящиеся по мостовой.

– А если они вообще не придут? – спросил он вдруг.

– Придут, – авторитетно объявил старший. – Обязательно придут, вот увидишь. Они иногда задерживаются, но потом появляются.

– Димка, слышь… Они очень страшные?

– Не бойся, глупый! Они нас не тронут. Они вообще никого не трогают, им никто не нужен.

– Но ведь они страшные? Правда ведь?

Димка рассердился.

– Ну что ты всё время ноешь, плакса? – презрительно спросил он. – То мокро ему, то холодно, а теперь вот забоялся… Да, страшные! Очень! А теперь беги домой к мамке, она уже

заждалась поди…

Младший упрямо втянул голову в плечи.

– Не пойду. Я тебе вообще не верю.

– Чего ж ты тут торчишь?

– Потому что ты обманщик и проспорил. Я уйду, а потом ты скажешь, что их видел. И опять соврёшь.

– Не вру я, Санька, честное пионерское! – закричал Дима. – Я их вправду видел! Дважды! И у нас в классе новенький, из Твери, он говорил, что там они тоже есть! И Нинка из второго подъезда про них рассказывала!

Маленький Санька хихикнул:

– Нинка твоя – тоже врушка и в придачу ябеда. И трусиха. Она бы с рёвом домой побежала, если бы их встретила.

– Она и побежала! Ревела со страху и бежала. Матери сразу всё рассказала. А та её под замок за враньё. И без ужина оставила.

– Вот видишь, сам сказал – враньё!

– Это мать сказала, что враньё! А Нинка не соврала. У неё голова куриная, она в жизни до такого не дотумкает.

Саня задумался.

– А наши родители про них знают?

– Не-а. Они их даже не видят. Взрослые их вообще видеть не могут.

– Почему?

– Не знаю. Дети могут. Я видел, Нинка…

– Почему же я не видел?

Дима хитро прищурился:

– А ты в сильный дождь гулять ходишь?

– Не-е-е, – протянул Саня. – Меня не пускают. Боятся, что простужусь.

– Вот! И почти никого не пускают. А их только в сильный дождь можно встретить, и то не всегда.

Саня опять задумался, хлюпая носом.

– Слышь, Дим… А почему только в дождь?

– Опять започемучкал! Говорю тебе: не знаю. Может, они дождь любят. Червяки ведь в дождь из земли лезут? Ну и эти тоже…

Послышался рокот мотора, и мальчики предусмотрительно спрятались за киоском. Мимо протарахтел грузовик, заливая грязными волнами тротуар. Когда наводнение схлынуло, Санька решительно вышел из-за дощатой стенки.

– Всё! – объявил он. – Я пошёл домой. А ты можешь ждать, сколько хочешь. Только больше не ври! Ни за что не поверю! И солдатиков ты мне проспорил!

С этими словами он гордо надвинул на уши промокший

картуз, отвернулся от Димки, но тут же замер, вглядываясь в мокрую уличную перспективу.

Вдали что-то шевельнулось среди дождя. Из серой мороси выступили неясные фигуры. Словно дождь был стеной, в которой отворилась невидимая дверь, выпустила смутные, перекошенные тени, и они побежали вдоль улицы, двигаясь ну совершенно по-дурацки. Фигуры приближались, становились всё более чёткими и обретали странные формы…

Санька пронзительно взвизгнул и отскочил за стенку «Союзпечати».

– Тихо, ты, дурак! – зашипел на него Дима, весь дрожа от азартного возбуждения. – Спугнёшь ещё!

Они выставили головы из-за киоска, словно парочка перепуганных котят, и вытаращились на шеренгу совершенно немыслимых созданий.

Впереди, загребая дождевую воду длиннющими когтистыми руками, бежало тощее, волосатое существо, смахивающее на большую обезьяну, но с крокодильей мордой и тремя рожками-антеннами, торчавшими на лысом черепе. Оно сильно хромало, поэтому иногда опиралось на кулак левой руки. Из разинутой зубастой пасти струйкой стекала слюна и смешивалась с дождём. Существо тяжело дышало и вращало глазами в разные стороны.

Чуть позади трусил человек. То есть он очень походил на грязного, сутулого, одетого в невероятно рваную одежду человека, да только не бывает у людей костяного гребня на голове и зелёных спинных перепонок, торчащих из лохмотьев. Он качался из стороны в сторону и спотыкался на каждом шагу.

Третьим номером ковыляло нечто совсем уж несообразное: четырёхногий, покрытый чешуёй страус, у которого вместо клюва болтались кожистые складки. Многосуставчатые конечности цеплялись друг за друга, отчего создание едва не падало, но всё равно угрюмо тащилось вперёд, изо всех сил стараясь не отставать от первых двух чучел.

За ним гуськом бежали целых пять одинаковых человекоподобных фигур. Они были одеты в серые дождевые плащи с капюшонами и чёрные резиновые сапоги. На ходу существа совершали синхронные размашистые движения, словно пытались плыть кролем, забыв при этом об отсутствии второй руки. Вместо лиц под капюшонами переливалось нечто вроде бурой жижи, прикрытой космами длинных, слипшихся волос. Фигуры дёргано, скачками пробивались сквозь дождевую завесу. Их тяжёлые сапоги разбрызгивали воду не хуже автомобильных протекторов.

Замыкала кунсткамерное шествие пыхтящая, кругленькая,

немыслимо лопоухая тварюшка, покрытая густой коричневой шерстью. Она старательно перебирала коротенькими ножками, а куцыми ручонками преглупо молотила по воздуху, пытаясь удерживать равновесие. Но толку от этого было немного, потому что создание через каждый десяток-другой шажков неизменно плюхалось в очередную лужу. Его огромные круглые уши всякий раз печально обвисали. Поравнявшись с притаившимися за киоском ребятами, оно снова упало, едва не перевернувшись через голову. Димка прыснул:

– Ты смотри, как чебурахнулся!

Но Саня не засмеялся. Лежащее в луже существо приподнялось, расправило уши-радары, повернуло голову и уставилось большими, грустными глазами прямо на мальчиков. У Саньки так и застучало сердце. Создание смотрело в упор, тяжело дыша и еле слышно постанывая тоненьким детским голоском. Затем кое-как встало и бросилось догонять своих загадочных спутников.

Спустя несколько секунд контуры чужаков начали расплываться, будто их размывал всепоглощающий осенний дождь. А потом процессия, пробежав ещё несколько десятков метров по пустынной улице, окончательно исчезла, растворившись в угрюмой серой пелене, словно льдинка, растаявшая под струёй воды…

Димка выскочил из-за киоска и восторженно запрыгал, показывая Сане длинный язык.

– Видел? Видел? – кричал он, едва не лопаясь от радости. – А ты не верил! Ага! Ага! Санька-манька! Ванька-встанька!

Саня, насупившись, вышел на тротуар. Отчего-то ему не было так весело.

– Скажи, Дим, – он задумчиво пожевал указательный палец. – А кто они такие?

Дима перестал плясать. На его лице появилось озадаченное выражение.

– Не знаю. И никто не знает. Бабаи какие-то. Или шпионы? Слушай, Санька, а вдруг правда?

– Что – правда?

– Ну, что шпионы. Переодетые! Ведь не бывает таких уродов! Фашисты это замаскированные! Давай в милицию заявим, там разберутся.

Саня вспомнил тоскливый, проникающий в душу взгляд лопоухого коричневого существа, и вздохнул:

– Не надо заявлять. Пусть бегут. Они вовсе не шпионы.

– Ну ты даёшь, – поразился Димка. – А кто?

Маленький Саня задумался. По его картузу барабанил дождь.

– Они другие, – наконец произнёс он. – Не наши, но и не враги. И вреда не причиняют, только хотят убежать.

– А почему ты так решил?

Санька фыркнул.

– Опять започемучкал? – передразнил он Димкину манеру выражаться, но тут же посерьёзнел. – Не знаю, Дим. Мне их жалко. Они не опасные, они – несчастные. Бегут куда-то… Такие корявые, глупые и… неуклюжие!

– Может, им нужна помощь?

– Мы ничем не поможем. А взрослые их не видят, ты сам говорил. Вот когда мы вырастем…

– Когда вырастем, мы их забудем, – уверенно объявил Димка. – Они, наверное, уже сто лет по земле бегают. Дети их видят, но не знают, что делать. А взрослые не видят, потому что забыли. И мы тоже забудем.

Саня посмотрел вдоль улицы туда, где исчезли загадочные неуклюжие создания.

– Нет, – покачал он головой. – Я не забуду. Никогда. И я узна́ю, кто это такие.

Пронёсся ветер, закрутил вихрь из тысяч дождевых капель, сдул пузыри с коричневых луж и зашуршал в голых ветвях кустарника.

* * *

Пишущая машинка с минуту помолчала, затем, повинуясь ловким пальцам поэта, выдала пулемётную очередь и вновь затихла. Стало слышно, как в окно стучит дождь. Александр Павлович, прищурясь, посмотрел на свежие чернеющие строчки.

– Неплохо, – произнёс он вслух. – Совсем даже неплохо. Пусть Роберт говорит, что хочет. Нельзя ведь сравнивать такие разные стили…

Его размышления прервал телефонный звонок. Александр Павлович нахмурился и взял трубку, не отрывая взгляда от напечатанного стихотворения.

– Алло?

– Саша, привет! – квакнул резкий мужской голос. – Это Володя. Ну что, хочешь послушать? У меня всё готово. Целый день сочинял!

Александр Павлович поморщился. Владимир, конечно, писал очень хорошую музыку, он был отличный композитор-песенник, но вот голос… Когда Володя исполнял собственные песенки, даже у не особо взыскательных слушателей начинали ныть зубы. Поэт

вздохнул.

– Валяй, – отозвался он. – Погоди, сяду поудобнее…

Раздалось музыкальное вступление на рояле. Затем композитор запел. Поэт слушал, закрыв глаза. Когда песня закончилась, он снова вздохнул, но на этот раз облегчённо: мелодия ему понравилась.

– Очень хорошо! – сказал он. – Просто отлично!

– Ещё бы не отлично! – рассмеялся в трубку Владимир. – Эту песенку вся страна петь будет! Кстати, у тебя там такая забавная опечатка! Ты слово «неуклюже» через «и» написал. Получилось: «пусть бегут неуклюжи». Кто такие неуклюжи, ты сам-то хоть знаешь?

Александр Павлович потёр лоб.

– Не знаю, – слегка раздражённо сказал он. – Я просто опечатался.

– Я понимаю, не обижайся. Очень уж слово хорошее получилось – неуклюжи. Ты про них отдельные стихи напиши!

– А что, и напишу, – улыбнулся поэт. – Это будет целое семейство неуклюж. Папа неуклюж, мама неуклюжа, дети неуклюжи. Будут они у меня бегать по лужам…

Какие-то смутные образы всплыли из тёмных глубин памяти. Улица, киоск… Пелена дождя… Размытые силуэты во мгле… Нет, не вспомнить.

– Потом как-нибудь, – прервал себя Александр Павлович и встал. – Володя, ты бы Эдику позвонил, а? Скажи, что песенка готова, пусть оценит. Между прочим, ты эскизы видел? Ну и существо нарисовали! Нет, симпатяга, конечно, но уши прицепили, что твои локаторы…

И забытые тени снова зашевелились в подсознании поэта. Возникли невероятно грустные глаза, семенящие коротенькие ножки…

– Э… – смешался Александр Павлович, – о чём это я… Ах да! Позвони Эдику, скажи, что персонаж получился отличный. Точь-в-точь, как он описывал!

– О, Эдик будет доволен! – отозвался композитор. – Он говорит, что даже видел нечто подобное в раннем детстве. Всю жизнь хотел про это написать! А теперь его детские фантазии аж до экрана добрались. Алло! Алло? Саша, ты ещё тут?

Александр Павлович стоял с телефонным аппаратом в руках и глядел куда-то в сторону. Губы его искривила горькая усмешка.

– Надо же, – проговорил он. – Забыл. Совсем забыл…

– Что ты там забыл? – снова заквакал в трубке голос композитора. – Куплет не дописал?

Поэт провёл рукой по лбу:

– Ничего, тебе послышалось. Так ты позвонишь Эдику?

– Позвоню, не переживай. Саша, это будет отличный мультик!

– Не сомневаюсь…

– Ещё бы! Ну, будь здоров, неуклюж! Встретимся на студии.

Из трубки донеслись короткие гудки. Поэт встал, подошёл к залитому дождём окну и выглянул наружу. Двор тонул в мокрой круговерти, превратившись в подобие неряшливой размытой акварели. В огромных лужах возникали и лопались пузыри, доказывающие, что дождь зарядил надолго. Александр Павлович смотрел на мутные, коричневатые потоки воды, заливающие асфальт, и пытался пробудить в себе детские воспоминания.

Нет, бесполезно, думал он. Я даже не помню, как они выглядят. Не помню, сколько их было, откуда они появились, куда ушли… Да и не привиделось ли мне? Вполне вероятно. Какие-то смутные ассоциации, образы, реалистичный сон – и ложное воспоминание готово. Так или иначе, но многие дети, услышав песенку, зададут взрослым один и тот же вопрос.

Кто такие неуклюжи?

И не получат ответа. Потому что взрослые их не видят.

Поэт вздохнул и снова сел за пишущую машинку. Что ж, подумалось ему, зато стишок получился запоминающийся. А про семью неуклюж он ещё обязательно напишет!

И в комнате вновь застрекотал машинописный пулемёт.

Внизу, во дворе, от мокрого ствола дерева отделилась корявая, кривобокая фигура. Сильно припадая на левую ногу, она подковыляла к дому и подняла зубастую морду, всматриваясь в окна. Но там никого не было видно. Существо тяжело вздохнуло, повернулось и захромало вон из двора. На улице оно присоединилось к длинной веренице фантастических созданий, с мрачным упорством бежавших по лужам неизвестно куда, и вместе с ними устремилось прочь.

Топоча, спотыкаясь, налетая на фонарные столбы, еле уворачиваясь от случайных пешеходов, неуклюжи промчались по дороге и растворились в сплошной дождевой пелене…

Сергей Пальцун
Два байта
Рассказ

Сева по прозвищу Царь был человеком увлекающимся. Настолько, что люди, сталкивающиеся с ним впервые, частенько пугались пылающего в Севиных глазах энтузиазма, принимая его за одержимость, а терминологически подкованные – за мономанию. Один лирик даже пошутил, что, родись Царь лет на двадцать раньше, главного героя песни Высоцкого «Наш Федя с детства связан был с землёю» точно звали бы Севой. И все они: и пугающиеся, и шутник, были не правы. Во-первых, Сева никогда не интересовался археологией, и, во-вторых, ни одно увлечение, которым он действительно предавался со всей возможной страстью, не длилось достаточно долго, чтобы сойти за приличную манию. За исключением разве что альпинизма, которым Царь занимался лет пять, да и то, наверно, лишь потому, что в горы мог ходить только летом.

Одно время родители пытались приучить Севу к постоянству. Но скорость, с которой канули в Лету опасные увлечения химией и метательным оружием, примирила их с донжуанской переменчивостью сына. Тем более что благодаря способности схватывать всё на лету и неотразимому обаянию, на Севиной школьной успеваемости она никак не отражалась. Единственное, что продолжало беспокоить родителей, это поступление в институт. Стоило Севе в год поступления увлечься философией или древней историей, как его жизненные перспективы становились туманными и неутешительными. Но и здесь всё сложилось как нельзя лучше: сразу после окончания школы Царь увлёкся Станиславом Лемом и без труда прошёл в политехнический на вычислительную технику. Куда я, между прочим, давно его звал.

Исчерпав… Именно это слово Сева обычно употреблял, объясняя утрату интереса к очередному увлечению. Например, когда я помогал ему тащить на встречу с покупателями пару рюкзаков ненужного больше альпинистского снаряжения, и поинтересовался, не жаль ли ему расставаться с горами, Царь ответил: «Нет. Эта тема себя исчерпала. Я теперь точно знаю, что если буду продолжать, то лет через шесть смогу взойти на Эверест. И мне этого вполне достаточно». Так вот, исчерпав за первый курс увлечения портвейном, преферансом и тетрисом, Сева начал всё чаще поглядывать на симпатичных однокурсниц,

но тут я подбросил ему «Волшебника Земноморья». Каюсь, как и в случае с «Кибериадой», не без задней мысли – мне хотелось иметь собеседника, с которым можно обсудить прочитанное.

Результат, однако, оказался не совсем ожидаемым. Ни персонажи, ни мир Земноморья Севу особо не тронули, но вот Истинная Речь заинтересовала настолько, что Царь захотел её изучить. На мои робкие возражения, что Истинная Речь не более чем художественный вымысел, Сева отвечал:

– Не скажи, Томми. Всякий вымысел основан на чём-то реальном. Мы просто не можем придумать ничего такого, что в той или иной форме не существовало бы в окружающем мире. Все эти кентавры, грифоны и прочие химеры – всего лишь компиляции известных животных. А тот же автомобиль – телега, к которой вместо лошади прицепили мельницу.

Так и с Истинной Речью. Взгляни хотя бы на программы. Сколько ни пиши в командной строке «NortonCommander» или «ChiWriter», толку не будет. А набери Истинное Имя «nc.exe» или «cw.exe», и программа тут же откликнется, и начнёт на тебя работать. Почему бы не предположить, что до появления программ этот принцип уже существовал? Вспомни хотя бы бабу Настю. Как она боится чёрта поминать, потому что он может появиться. А ведь в старину демонов вызывали. И вызывали, используя их Истинные Имена. Между прочим, не потому ли нашим предкам удалось выбить всех мамонтов, что они знали Истинное Имя мамонта? Ведь слоны и сейчас себя неплохо чувствуют…

В общем, Севой овладело очередное увлечение и спорить с ним было бесполезно, пока оно себя не исчерпает. А наступить это, по моим прикидкам, должно было достаточно быстро. Я никогда не слышал, чтобы кому-то удалось, сказав слово, заставить служить себе хотя бы муравья, а Царь никогда не увлекался бессмысленными вещами дольше чем два месяца.

Эти два месяца я провёл на институтской турбазе, подрабатывая уборщиком территории. Вернувшись к сентябрю в город, узнал, что Сева бросил институт и поступил в какое-то религиозное учебное заведение. Это было странно, потому что повышенной, да и просто заметной невооружённым глазом религиозностью он никогда не отличался. Очередное увлечение – решил я, и оказался не прав. Увлечение было тем же, просто в заведении изучали старогреческий, латынь и староеврейский, и Царь полагал, что изучение древних и мёртвых языков приблизит его к овладению Истинной Речью.

Той осенью мне было не до Севы. Сначала я пережил бурный, но непродолжительный роман, потом долго и мучительно

ликвидировал выросшие за время этого романа хвосты, да и жили мы теперь с Царём в разных дворах. Его отец, овдовев, женился на Севиной ровеснице и купил сыну квартирку на другом конце города. Поэтому когда перед Восьмым марта в дверь позвонили и на пороге, как в старые школьные годы, возник Царь, я, конечно, обрадовался, но и удивился. Не ждал. Сева между тем как ни в чём не бывало, прошествовал на кухню и занял свою любимую табуретку возле холодильника.

– Ну как твоя бурса? – шутливо спросил я, ставя на плиту чайник. – Узнал, что хотел? Аристотеля в подлиннике читаешь?

– Не читаю, – ответил Царь. – Семинарию бросил. А что хотел – узнал. Да.

– И что же?

– В начале было Слово.

– И слово было два байта… – с улыбкой подхватил я, поворачиваясь к Севе… И осёкся, поскольку тот был непробиваемо серьёзен.

– Чем же ты теперь занимаешься? – решил я сменить тему.

– Ищу это Слово.

– Но ты же, вроде, Истинную Речь искал…

– Это то же самое, – пожал плечами Царь. – Но на другом уровне.

Я непонимающе мотнул головой и полез в холодильник за маслом, а Сева продолжил:

– Попробую объяснить. Смотри, для компьютера мы творцы, так?

Я угукнул.

– И мы, как творцы, приказываем ему делать то, что нам надо. Запуская для этого разные программы. С нашей точки зрения, каждая программа это команда, слово. Сказали: «Редактор!» – появился редактор. Сказали: «Калькулятор!» – появился калькулятор. Сказали: «Тетрис!» – появился стакан со всякой фигнёй. А ведь каждая программа написана, например, на том же бейсике, и в свою очередь состоит из слов – операторов. А каждый этот оператор для процессора означает целый список слов – машинных кодов, которые он, в отличие от нашего языка, понимает. Улавливаешь суть?

– Типа, человеческие языки это машинные коды или диалекты ассемблера, Истинная Речь – это что-то вроде Си или бейсика, а Слово – это программа? И ты собираешься восстановить исходник этой программы? Ну-ну. Интересно как?

Царь усмехнулся:

– Известно как. Дизассемблирование, декомпиляция…

– А всякие древние языки, значит, типа, фортран?

– Древние языки, Томми, как ты правильно заметил, те же диалекты ассемблера, только для древних процессоров. И толку от них ненамного больше, чем от современных. А на Истинной Речи, возможно, когда-то и говорил целый народ, вот только следов от него не осталось.

– Так это ж атланты! – не удержавшись, съязвил я. – Навечно в памяти народной. И небо они держат на каменных плечах!

– Серый, ты гений! – воскликнул Царь. – Про атлантов я как-то не подумал…

Некоторое время мы молча пили чай. Сева думал об атлантах, а я размышлял, что делать с Севой. Текущее увлечение походило на мономанию гораздо сильнее, чем все предыдущие, а видеть школьного друга в психушке мне совершенно не хотелось.

– Слушай! – осенило меня. – Вот найдёшь ты Слово или Истинную Речь, а что ты с ними будешь делать? Не боишься повторить путь Горлума?

– Горлума? – с трудом оторвавшись от размышлений, спросил Сева. – Какого Горлума?

– Ты что, не читал «Властелина Колец»?! – немного преувеличенно изумился я. – Сейчас мы это исправим!

Сбегав в комнату, я притащил толстый том Толкина и вручил Царю.

– Читай! Там, кстати, и про Высокую речь, она же Древний язык, и вообще…

Сева ушёл. Вернулся почти через год.

Я, ничего не спрашивая, взял книгу, провёл гостя на кухню и занялся чаем.

Сева устало откинулся на холодильник и, прикрыв глаза, молчал.

– Ну как дела, чем занимаешься? – поинтересовался я.

– Всё тем же. Ты был прав, Томми, Истинная Речь нужна не для того, чтобы властвовать, а для того, чтобы творить. Кстати, знаешь, что слово «тварь» в старину означало не «мерзкое животное», а просто «создание» или даже «изделие»?

Я не стал отказываться от приписанной мне правоты и просто угукнул, подтверждая, что слушаю. Сева, впрочем, не обратил на моё угуканье никакого внимания.

– А вот насчёт атлантов ты был прав не вполне. Похоже, они действительно говорили на Истинной Речи, но она не погибла вместе с Атлантидой. Ею наверняка владели люди и в других частях света, по крайней мере образованные. Но гибель атлантов заставила этих людей скрывать свои знания и, более того, делать всё возможное для того, чтобы остальные забыли и об Атлантиде, и об Истинной Речи. Потому что именно она привела атлантов к

трагическому концу. Ведь Истинная Речь требует, чтобы говорящий осознавал всю полноту смысла произносимых слов и говорил исключительно осознанно, а не просто болтал языком, как привыкли мы. Помянув на ней чёрта или какого-нибудь зверя, человек не просто вызывает их, он их создаёт! Произнёсший Слово, создал мир, а говорящие на Истинной Речи изменяют его, создают отсутствующие детали. Одни – пирамиды, другие – тараканов, слепней и комаров.

Поэтому многие слова, которые мы сейчас употребляем, или имели в древности другие, часто противоположные значения, или являются эвфемизмами. Например, ядом называли просто еду, позором – зрелище, а «медведь», «топтыгин», «косолапый» и прочее – это эвфемизмы для слова «бер», которое, в свою очередь, наверняка было эвфемизмом ещё для какого-то слова.

– Похоже, чтобы во всём этом разобраться жизни не хватит, – заметил я, наливая чай.

– И опять ты прав, друг мой Серый. Если атаковать по всему фронту, одному человеку не хватит ни времени, ни мозговых ресурсов. Но ведь можно прорваться, выбрав узкий участок! И я такой участок нашёл!

– Любопытно, какой, – я пододвинул к Севе чашку чаю и вазочку с профитролями.

Он механически взял один, не жуя проглотил и продолжил:

– Я понял, что искать нужно в самой табуированной и богатой эвфемизмами части языка – обсценной лексике. Например, самое главное из матерных слов…

– Э-э-э, не стоит, Царь, – вмешался я. – Родители дома, а они этого терпеть не могут, ты же знаешь.

– Не бз… боись, Серый, я буду держать себя в рамках. Возьмём научное слово «член», которое означает часть чего-то, например тела. Сейчас оно считается не совсем приличным и заменяется в печати иностранными словами, типа «пенис» или «фаллос». А множество эвфемизмов, которым заменяют старое доброе слово «хер»?

Я кашлянул.

– К твоему сведению, Томми, «хер» это название буквы русского алфавита, с которой начинается слово, которого я обещал не произносить. Помнишь, «аз, буки, веди…»? До революции в школе детишек так учили, и ни у кого никаких задних мыслей не возникало. Но самое смешное, что пресловутое нехорошее слово само по-монгольски означает всего лишь длинный предмет и является эвфемизмом для слова «уд», которое, в свою очередь, означает член, то есть часть чего-то. Как тебе спиралька? Куда там тому топтыгину или патрикеевне.

– Да уж, – вынужден был согласиться я, – наворочено.

– А раз кто-то на протяжении веков заменяет одни эвфемизмы другими, затушёвывая исходные формы до полной неразличимости, то не здесь ли зарыта собака? И я до неё докопаюсь!

– Слушай, Сева, – решился наконец я. – Я знаю, что остановить тебя практически нереально, но подумай сам, стоит ли тратить жизнь на заведомо безнадёжное дело? Посмотри на себя – при таком режиме ты сгоришь года за два. Дотла. Даже если всё сказанное – правда, и ты на верном пути. Тебе не кажется, что мозг современного человека, даже самого выдающегося, просто не в состоянии справиться с подобной задачей? И где, в конце концов, доказательства, что ты не гонишься за миражем?

– Нет, ты всё-таки гений, Серый, – засмеялся Царь. – Хоть и не самый выдающийся. Естественно, человек в том виде, к которому его привели, с такой задачей не справится. Но ведь это можно исправить, так? И я нашёл способ, который, кстати, одновременно служит доказательством моей правоты.

– Ну-ну, и что же это за способ?

– Слово, конечно! Слово Истинной Речи, – Сева встал, махнул прощально рукой, произнёс что-то неразборчивое и ушёл. Опять на год.

Этот год подтвердил Севину правоту. После его визита моя умственная трудоспособность возросла настолько, что я, не напрягаясь, писал программы для пары фирм, одновременно изучив до уровня свободного владения английский, немецкий, испанский и французский языки, и начал присматриваться к китайскому и японскому. В институте при этом получал одни пятёрки и вполне мог бы сдать экстерном все оставшиеся курсы и получить диплом, но не видел смысла спешить.

Естественно, я пытался найти Царя, но он как сквозь землю провалился. Я решил, что когда будет надо, он сам меня найдёт, и не ошибся.

В этот раз Сева выглядел значительно лучше. Я, как обычно, готовил чай, а он молча ждал, поглядывая то на меня, то в окно. Вопросы теснились в моей голове и рвались наружу. Но что-то подсказывало, что ответы на них мне и так известны, и я тоже молчал. Наконец чай был готов, я сел за стол, и Царь заговорил:

– Ты как всегда прав, Томми. Я нашёл Слово. Я долго думал, стоит ли его произносить, не опасно ли это для мира, и решил, что не опасно. Ведь это Слово творения, а не разрушения. И я хочу, чтобы ты тоже его знал. На всякий случай.

Он залпом выпил горячий чай, хлопнул меня по руке,

поднялся и произнёс Слово…

Зазвенели по подоконнику осколки лопнувшего от скачка давления стекла. Я от неожиданности вздрогнул и взглянул в ту сторону, а когда обернулся – Царя на месте не оказалось. Лишь пыль, слетевшаяся, похоже, из всех кухонных щелей, медленно оседала на его любимую табуретку…

Больше Царя никто не видел. Впрочем, кроме меня никто о нём и не помнил, и на мои вопросы лишь удивлённо пожимали плечами, не понимая, о ком речь. Увижу ли я его снова? Не знаю. Но я уверен, что через сто, а может, через тысячу лет на нашем небосклоне появится новая звезда или даже галактика. Может быть, мне даже удастся добиться того, чтобы её назвали Сева. А может, к тому времени я уже произнесу намертво впечатавшееся в память Слово, и… Но пока у меня есть ещё дела здесь.

Юлиана Лебединская
Слова имеют значение
Рассказ

1. Клис вне традиций

Молодой рифмовик Клис сидел в Душном офисе и уже третий час бился над новым стихотворением. Стихотворение получалось красивое. С точки зрения Клиса. Но по мнению всех остальных оно выходило не таким. Почему так, Клис не знал, да и знать не хотел. Вместо этого решил выбраться на обед, однако в решении своём, к сожалению, был не одинок – любимый ресторанчик оказался заполненным по самое не хочу. А «не хочу», надо сказать, обреталось сегодня очень высоко, почти под потолком. Клис печально взмахнул крылышками, оторвался от земли и завис между буквами «е» и «ч».

– Мне пять варёных глаголов и один жареный предлог! – крикнул Клис рифмо-повару.

На Клиса странно покосились. Ни один крылат не смел взлетать до уровня (а уж тем более – выше) Хранительницы Ресторана – строгой Ленты с лаконичной надписью «не хочу!». Лента тоже покосилась на Клиса, но ничего не сказала. Только, дёрнувшись, поднялась ещё на пару сантиметров.

– Что с тем крылатиком? Он болен? – зашептала юркая рифмовица Манка, новенькая.

– Да нет, он просто… того… нетрадиционной стихо-ориентации! – отчаянный шёпот из глубины зала.

– А-а-а! – протянула Манка.

Прочие же крылаты с крылатками лишь сокрушённо покачали головами, сделав вид, что тут же забыли о странном рифмовике. Клис, в свою очередь, притворился, что совсем он и не странный, а вполне себе нормальный, наспех впитал в себя глаголы с предлогом и вылетел прочь.

На улицу.

Надо было возвращаться в Душный офис – творить вместе с другими рифмовиками маленькие стишки, которые потом сольются в единый Стих Дня, Месяца, Года… Надо было… Но крылышки Клиса сами потащили хозяина в Душистый рифмо-парк. Клис не возражал. «Извилинам нужен воздух! – решил он, радостно расправляя четыре прозрачных крылышка, набирая высоту, подставляя круглое пушистое тельце тёплому летнему ветру. – Особенно после недавней парикмахерской…»

Воспоминания о парикмахерской заставили погрустнеть. И зачем он туда пошёл? Ах да, Кена настояла на биохимической завивке извилин.

– Может, хоть так из твоей головы дурь выбьется! У всех мужья как мужья, а у меня – с нетрадиционной стихо-ориентацией! – причитала Кена, комкая изящной ладошкой лист со стихами Клиса. Стихи протестовали каждой буквой – кто же захочет жить на смятой бумажке? – «Во сне – не там, где ты и я; во сне у дикого огня, горит…» – Деструктивный тип! – всхлипнула Кена.

«Хорошо тебе всхлипывать, – подумал Клис. – Ты не пишешь, даже не сочиняешь – просто рисуешь. Что одобрит начальник, то и рисуешь. Квадратный квадрат, рыжий огонь, а сон огня? Сложно, наверное, нарисовать… Да и не одобрит его никто…»

– Не плачь! – вздохнул Клис и побрёл в парикмахерскую.

Впрочем, после завивки дурь из головы вовсе не выбилась, а наоборот – сильнее закрутилась в извилинах. Из-за чего творения несчастного рифмовика стали ещё прекрасней и просто до неприличия не такими.

А вчера, когда выспавшийся Клис лёгким пёрышком выпорхнул на кухню, вместо утреннего поцелуя его встретила хмурая записка от Кены. Кена сообщала, что устала быть женой посмешища и просила ей не звонить. Кена каждой строчкой кричала, что проплакала над запиской всю ночь и умоляла её понять. Кена писала ещё что-то, но Клис не дочитал – его пальцы вдруг стали совершенно непослушными – не спрашивая разрешения, схватили записку и, скомкав, швырнули в ведро для мусора. Записка возмущённо крякнула и резво выскочила в окно.

Тогда Клис сел и написал новый стих. Стих получился ужасным (одно «ути-пути, моя зайка, как хочу тебя» – чего стоит). С его точки зрения. Но он получился почти таким. С точки зрения начальника Душного офиса. Поэтому начальник не только не уволил Клиса, как уже давно грозился, но и пообещал выписать поощрительную премию. За усердие, так сказать.

Клис хотел отослать стих Кене. Подарить насовсем. Он даже дорисовал между рифмованными строками сумму поощрительной премии, но в последнюю минуту передумал. Зачем дарить кому-то стих, если он – плохой?

Это было вчера.

А сегодня Клис проснулся с мыслью, что Кена ушла не прошлым утром, она ушла от него давно, просто сейчас сделала это окончательно. От такой мысли стало намного легче. Настолько, что с него буквально посыпались прекраснейшие стихи.

Стихи, которые нельзя показывать начальнику Душного офиса – поощрительные премии всё-таки с неба не капают и на душистых ветках не растут.

– Может, тебе отбеливание мыслей сделать? – Мик, товарищ по рифмо-цеху, присел на лавочку возле Клиса и выразительно покосился на строчки, нахально выглядывающие из чёрной папки. – «…и солнце алым квадратом встаёт…» Бе-е-едный Клис! Ну, где ты видел квадратное солнце? От-бе-ли-ва-ни-е мыслей! Настоятельно рекомендую. Говорят, это даже круче, чем биохимическая завивка извилин…

Клис зажмурился, сделав вид, что очень занят.

А когда открыл глаза, Мика уже не было. И – о ужас! – пропали и прекрасные стихи! Чёрная папка на месте, закрыта, а стихов нет. Выскользнули в щель и удрали! С ними такое случается. Но… Вдруг попадутся на глаза начальнику Душного офиса? Прощай, премия! И работа – тоже прощай! Нет, голодная смерть Клису не грозит – при желании он и сам нажарит глаголов с местоимениями и прочими вкусностями не хуже повара. Просто любому рифмовику необходим выход стихов – необходимо, чтобы строфы с куплетами выплёскивались за его, рифмовика, рамки, иначе… Последняя капля тем и прекрасна, что падает пока ещё в чашу. Последний раз. Следующая – упадёт уже на пол…

Начальник Душного офиса понимал это как никто другой. Потому и жалел Клиса, позволял ему работать, прикрывая глаза на нетрадиционную стихо-ориентацию. Нехорошо лишний раз подводить начальника.

Клис в страхе летал по парку, заглядывал под каждый кустик, перетрушивал каждую веточку – стихов не было. Клис звал. Клис кричал. Клис топал ногами. Клис, вконец отчаявшись, прислонился к молодому деревцу. Сложил крылья. Выдохнул. Тихо выругался неприличным словечком. Неприличное тут же материализовалось в подобие человеческой ягодицы и мерзко захихикало. Клис раздражённо махнул рукой и вдруг услышал.

Плач. Тоненький. Такой трогательный и такой мелодичный, что, кажется, никого не способен оставить равнодушным. Клис, позабыв обо всём, бросился на выручку. Под самым ароматным кустиком Душистого парка рыдала Манка – та самая новенькая рифмовица. А у неё на коленях уставшим котёнком свернулись сбежавшие стихи.

– Это… Это… – Манка подняла глаза на удивлённого Клиса. – Они самые прекрасные… Это… Самое лучшее…

– Это моё… – растерянно пролепетал Клис.

– Зна-а-аю-ю-ю! – брызнула слезами Манка. – Твои стихи! Говорят, начальник берёт из них всего по строчке. Потому что,

говорят, остальное нельзя читать! Никому. Новичка-а-ам особенно. Вот и не читает никто полностью. А я прочла-а-а… И не могу… Неужели, – она трогательно высморкалась в кружевную салфетку, – неужели я тоже нетрадиционной стихо-ориентации?

Клис осторожно обнял юную рифмовицу, отправил в папку замешкавшиеся стихи, ласково пошевелил крылышками.

А вечером они сидели в любимом ресторанчике Клиса, впитывали сок из наречий и читали друг другу свои прекрасные стихи. И стихи были на самом деле прекрасны – ведь рядом не оказалось никого, кто сказал бы, что они – не такие. Только Лента-Хранительница опустилась низко-низко – так, что во всём ресторане осталось место лишь для двух влюблённых – и улыбалась незамысловатой ленточной улыбкой. А за её спиной догорало алое квадратное солнце…

2. Жареный глагол

Юная рифмовица задумчиво смотрела в окно на пушистые зелёные облака и квадратное солнце. Рядом на литературной сковородке недовольно шипели глаголы.

– Манка! – вскрикнула Типа-Строгая-Начальница. – Опять мечтаешь? Снова глаголы сожгла!

– Манка жжёт! – вставила подхалимка-секретарь.

Рифмовица встрепенулась, убрала сковородку с огня, замахала над ней крылышками. Глаголы радостно бросились врассыпную.

– Я это… – сказала Манка.

– Влюбилась она, – важно сообщила подхалимка. – И хоть бы в кого хорошего! В нетрадиционного стихоплёта нашего, коего все порядочные девушки десятой дорогой обходят. И взгляните-ка на Манку. Она уже сама скоро на нетрадиционное письмо перейдёт. А кавалера её высокое начальство к сковородке и на полвзмаха не подпускает. Его вообще к честным крылатам допускать нельзя. Посмотрите – уже облака позеленели от его стихов. Тьфу.

– А ты не сплетничай, – сказала Типа-Строгая и повернулась к Манке. – А ты иди глаголы собирай.

Глагол забился в щель и тщательно зализывал раны с ожогами. Нетрадиционные личности – это, конечно, прекрасно. В смысле, не пресно и не прилизано до тошноты. Но, с другой стороны, от этих личностей никогда не знаешь, чего ожидать. Такие они со всех сторон… нетрадиционно-загадочные. Глагол и не стал ждать. Зализав последний ожог, протиснулся глубже в

щель и выпал в Большой Мир. Не строчкой выпал, не рифмой, а самим собой – глаголом гордым, независимым и слегка поджаренным.

Глагол шёл по городу. И всё-то в нём было не так – трава не зелёная, пыльная, машины носятся, визжат тормозами, люди суетятся, бегут, постоянно куда-то опаздывая. Но при этом никто не действует. Вроде и движения – бери-не-хочу, а действия – нет. Странный мир. Хоть и Большой.

Глагол подошёл к скамейке, на которой уютно устроилась парочка молодых людей.

– Знаешь, Вита, – неуверенно мямлил парнишка, – я давно хочу сказать. Ты очень мне… мнэ-э-э… С тех пор, как мы… э-э-э… ы-ы-ы… Ох! Мне просто слов не хватает, чтобы описать всё, что я чувствую.

Рядом топтались слова, словосочетания и даже одна стихотворная строчка. Нас не хватает? Да как же? Вот же мы! Здесь! К вашим услугам! Берите, пользуйтесь, на здоровье, мы не жадные, нас на всех хватит.

«шаг за шагом»
«в темноту»
«шея, губы, чёлка»
«люблю»
«хочу!»
«на улице разборка»
«её глаза на звёзды не похожи…»
«ещё и как»
«похожи!»
«ночной прохожий»
«ужин»
«…вдвоём!»
«луна и мартини»
«игра Паганини»
«в четыре руки»
«посмотри!»
«ох, глупое сердце моё»
«гори!»

Глагол сочувственно смотрел на товарищей.

– Не замечают?

Товарищи сокрушённо вздохнули. И затараторили наперебой.

– Не-а. Вообще нас ни во что не ставят. Говорят – слова не главное.

– На себя бы посмотрели!

– Да! Взгляни на этого Ромео. В драку за незнакомую девушку не побоялся броситься, а как до признания в любви дошло – двух нас связать не может.

– Так вы бы, того, сами связались.

– Нельзя. Если человек к тебе обратился – ты к его услугам, а самим – нельзя. Здесь тебе не Крылатия, забыл? Хотя, – товарищи смерили глагол подозрительным взглядом, – странный ты какой-то. Откуда ты вообще взялся?

Глагол не ответил. Прошёлся вокруг парочки. Юноша всё ещё мямлил, девушка начинала скучать. Прийти на выручку кавалеру и помочь ему связать хотя бы пару слов она даже не пыталась. Хотя и хотела. Эх, люди.

Глагол подпрыгнул, завис на секунду в воздухе и устремился прямо на девицу.

Раз…

– Ну в общем, это… Я тут много чего наговорил… (ничего ты не сказал, балбес.)

Два…

– Не обращай внимания. Я когда выпью… Забудь, в общем. (поздно, юноша!)

Три!

– ДЕЙСТВУЙ!

Юноша замолк на полуслове. Уставился на подругу. Та испуганно моргала, словно не веря своим же словам. Вернее – слову. Кавалер не стал ждать, пока она скажет ещё что-то. Схватил за руки и впервые за их знакомство поцеловал. Девушка не возражала.

Глагол спрыгнул на землю и, насвистывая, продолжил путь.

– Эй! – крикнули ему вслед. – Да ты отчаянное словечко!

– Нет. Просто жареное, – ответил глагол, не оборачиваясь.

Виктор был лучшим другом. Нет, больше, чем другом. Он ведь его, Павла Егорова, из долговой ямы вытащил, встать на ноги помог. Потому и ехал сейчас Павел, забросив все дела, на день рождения к другу. В другой город. Подарок дорогой вёз – «ролекс» настоящий. Полгода на него копил.

Единственное, о чём жалел Паша всё это время, – что никак не представится случай отблагодарить Виктора. Нет, не то чтобы он желал другу влипнуть в неприятности, но… хочется же благодарность проявить! А повода нет.

А друг возьмёт и решит, что он вообще на неё неспособен. На благодарность-то.

Когда герою нашему – глаголу жареному – попался на глаза Павел Егоров, тот сидел в ресторане, на дне рождения благодетеля Виктора, потягивал мартини и представлял, как

вытащит друга из горящего дома. Или – из ледяной проруби. Или – из лесу тёмного жуткой зимой.

Друг бы всплакнул и сказал, что теперь он у Паши в долгу, а Паша в ответ: «Не стоит. Ты ж для меня…»

«света луч»
«когда»
«лишь глухота»
«вокруг»
«наплевать на тебя»
«спасение»
«чьих дело рук?»
«даёшь развлечение!»
«не дашь?»
«скучно»
«грустно»
«тони»
«когда доплывёшь»
«звони»
«только ты»
«в холодную воду»
«чужие долги»
«ада круги»
«друга шаги»
«один, лишь один…»

Слова струились водопадом, но оставались незамеченными. Паше не хотелось слов. Ему хотелось подвигов.

А друг тем временем рассуждал о том, как он мечтает начать новое дело – прибыльное, но рискованное. Требует оно больших капиталовложений, но может и не выгореть. Однако если выгорит… Паша слушал вполуха. Он не богат, бизнес-хватки отродясь не имел, а потому в этом деле другу не помощник. А жаль.

Прощались в аэропорту. Все слова отстали, рассыпались по дороге бисеринками, лишь одна частица симпатичная, белая и пушистая, настойчиво трусила за друзьями в надежде, что её всё же заметят.

И глагол жареный не отставал. Интересно же, чем закончится?

Частица взирала на него с тоской.

Эх, была не была, подумал глагол, хватая пушистую страдалицу на руки. Прыжок и…

– Спасибо!

– Что? – Виктор удивлённо смотрел на друга. Они стояли у пропускного пункта, Павел уже попрощался и вдруг обернулся, даже в лице как-то изменился. – За что «спасибо»?

– За то, что тогда меня выручил, помнишь? – и Паша заговорил.

О том, как он вляпался по самые помидоры, а от него все отвернулись, и он уже почти разуверился в людях, как вдруг Виктор пришёл ему на помощь. Единственный, кто пришёл.

– Э… – Виктор казался растерянным. – Да полно тебе. Давно это было.

– Не так и давно. А я ведь и не поблагодарил тебя толком. Всё удобного случая ждал.

– Да полно…

– И знаешь что ещё. По поводу того, что ты в ресторане говорил. ДЕЙСТВУЙ!

Виктор улыбнулся.

– А вот за это – тебе спасибо.

Самолёт взлетел, Виктор уехал домой. Оба друга чувствовали себя так, будто совершили только что нечто важное. И, пожалуй, так оно и было.

В аэропорту отряхивалась довольная частица.

– Это против правил, – сказала она, притворно топорща белую шёрстку.

– Мне-то что? – ответил глагол. – Я ведь – жареный.

– Олеся, Олеся, как что сразу – Олеся. После работы надо задержаться, отчёты перепроверить, к кому бегут – к Олесе! Подменить коллегу нужно – к Олесе. Срочно прикрыть от налоговой – Олеся. А что Олеся взамен имеет? Фигу пахучую с маком, вот что!

Олеся металась по офису. Вот уже который раз она пыталась завести разговор о повышении зарплаты, но шефиня в который раз умело от разговора уходила.

Перед встречей с Олесей глагол наш успел уже заскучать, а потому, завидя незадачливую бухгалтершу, искренне обрадовался и, не долго думая, ринулся в бой. Начальница Олеси как раз вышла из своего кабинета, когда глагол устремился в полёт.

– Ты что-то хотела? – Шефиня останавливается, смотрит на Олесю так, будто впервые видит. – Действуй!

И Олеся радостно выплёскивает чашку чая ей в лицо!

«Ну и ладно, – думает глагол, улепётывая из бухгалтерии под душераздирающие женские вопли, – зато хоть душу отвела бухгалтерша».

– ДЕЙСТВУЙ!

И жена высказывает мужу накопленное за долгие годы. После

чего выставляет озадаченного супруга в ночь.

– ДЕЙСТВУЙ!

И компания подростков разносит на осколки витрину магазина.

– ДЕЙСТВУЙ!

И мобильный телефон коллеги, сутками напролёт трещащей над ухом, летит в унитаз…

Глагол пребывал в глубочайшем недоумении. Почему-то при призыве действовать большинство людей начинало творить нечто, о чём даже само не мыслило. И вместо того чтобы сказать, попросить, прикрикнуть наконец, устраивало армагеддон в миниатюре. План глагола близился к провалу.

Вот если б можно было…

– Попался! Наконец-то!

Глагол обернулся. Прямо на него летела Манка, та самая поджарившая его рифмовица.

– Я тебя повсюду ищу! Ох и досталось же мне за то, что тебя потеряла! Идём скорее, – она схватила глагол за шиворот и быстро-быстро замахала крылышками.

– Да-а, натворил ты делов, – сказала Манка, когда они вернулись на такую родную рифмо-кухню, и глагол рассказал о своих приключениях.

– Натворил, допустим. А почему, собственно? Люди вялые, как кабачки перезрелые. Пока не пнёшь – не пошевелятся. Но одному мне с ними справиться – сложно. Что я могу им дать, кроме призыва «Действуй!»? А помочь некому. Мало. Мало нас, словечек жареных, – сокрушался глагол.

Манка вздохнула и встала к сковородке.

3. Безглаголие, или О пользе филологов

Полгода спустя собралось в Крылатии великое собрание, дабы решить, что с нажаренными Манкой глаголами делать? Безобразничают глаголы, контролю не поддаются, мир людей в форменный бардак превратили. И взял высокопарную речь верховный крылат:

– От глаголов мочи нету. Днём и ночью нет покоя! Потому – моё вам слово, глаголы нынче под запретом. Глаголам более не быть!

Горько плакала Манка, когда её столь любовно обжаренные глаголы дружным строем отправились за решётку. И необжаренные – туда же. На всякий случай. Лишь горстку избранных оставили – для внутреннего употребления.

И из-за чего сыр-бор, спрашивается? Подумаешь, научились

глаголы с людьми по-особому взаимодействовать и к разным действиям сподвигать. Причём способность такую имели именно жареные, и именно глаголы. Другие слова сколько ни копти на сковородке, толку – ноль.

Возмутились они. Беспорядки в мире людей, видите ли. Можно подумать, у этих странных существ без глаголов беспорядков не будет. Эх…

Манка печально смотрела в окно.

* * *

Утро. Море, волны. Яркий диск солнца. Люди – ногами по дороге. Пятками – по песку. Руками – по воде.

– Мороженое! – звонкий детский голос.

– Вчера, – строгий ответ мамы.

– Почему? Сегодня, – недоумённый взгляд ребёнка.

– Вчера – целых два, поэтому сегодня – ни одного.

– Вчера – пломбир. Сегодня – фруктово-о-ое!

– Лучше к морю, ногами. Перед глазами – море. И ракушки в руках.

Елена – в растерянности. Она – преподаватель русского языка и литературы. Обычно – полное понимание с детьми. И с Игорем, собственным сыном, – разумеется, тоже. А сейчас… Дефицит слов какой-то. Недовольный сын быстро-быстро ногами топ-топ. Рука Елены – на руке Игоря. А в голове – кавардак.

Они у самого моря. Следы волн на босоножках. Медузы на песке.

– Я – в воду, руками, – мальчишка уже без майки и почти без шорт.

– Нет. В воду только с папой – вечером. У него – руки в воде.

– Сейчас. Один. Папино слово – можно.

– А моё – нельзя! – Рука ребёнка – из руки матери.

– Я быстро! Папино слово – я хорошо руками!

– А я тебя – по попе. Тоже руками! – У Елены – обескураженность и лёгкий испуг. И странное ощущение, что с миром что-то не так.

Игорь – на волнах вверх-вниз. Голова над водой, голова под водой. Чайка – вяк! Далёкий крик Игоря:

– Мама, я на дно! НА ДНО-О-О!

И голова – под воду.

Сердце – испуганно стук. Её сын – под воду, на дно. Словно камень. Караул! На помощь, кто-нибудь!

Елена бяк-бяк по пляжу.

– Мой сын – в воде, а я – нет! Я руками – не… Я без рук в воде. И без ног. Тьфу! Да что же это? На помощь!

Мужчина – спиной на песке, во взгляде – непонимание. Его рука – прямой указатель за её спину.

– Это ваш сын?

Из воды – Игорь, мокрый, взъерошенный и довольный. В руках – красивая ракушка.

– Со дна! Для тебя! – в голосе радость.

Что-то не так с миром, – снова тревожная мысль.

Вечер. Она с мужем и сыном в парке.

– Хорошо перед сном ногами на природе, правда? – в голосе мужа удовольствие.

Сын – быстро-быстро вслед за белкой. Белка – лапами и хвостом по дубу вверх.

– Правда, – Елене всё ещё неспокойно. – А днём Игорь – внезапно на дно. А у меня – страх и паника.

– Я не на дно, – сын уже рядом. – Я за ракушкой. Красивой. Для мамы.

– Ах, ракушка! Леночка, а почему же страшно?

– Мне показалось, что Игорь – на дно! – отчаяние в голосе.

– Ну да. И я ж об этом. На дно.

– Ай, – внезапная боль, – голова моя!

– Леночка, что с тобой?

– Не со мной. С миром. Неужели только мне кажется… Только мне чувствуется…

– Что кажется, милая? – Ладонь мужа на её лбу. – Что чувствуется?

– Что всё не так… – скамейка. На неё – ягодицы. Я-го-ди-цы-на-ска-мейку. Звучит-то как.

В памяти – её ученики. «Добрый день, дети! Ягодицы – на стулья. Иванов, ягодицы – от стула. К доске – марш!» Тьфу! Неужели она так с детьми?

Разноцветная птица крыльями по воздуху быстро-быстро. Сын в восторге, мать в панике.

– Всё не так, – снова её слова. – Сложно для понимания, для объяснения, но что-то не так. Проклятье. Кто-нибудь. ПРЕКРАТИТЕ это!

* * *

– Глаголы прорываются в мир людей. Из-за решёток выскальзывают. В чём причины и как с этим бороться?

Верховный крылат смотрел на руководителя профсоюза

объединённых слов Крылатии. Тот отвечал невозмутимо.

– Причины в том, что не все люди приспособились к безглаголью. Некоторые истинные ценители языка, сами того не ведая, вызывают нарушителей из заточения. Да и не-ценители без глаголов двух существительных связать не могут. У них там сейчас полное непонимание друг друга. Скандалы, обиды и прочие конфузы. Из всех слов в лексиконе людей скоро одни матерные останутся. Мои подопечные отказываются работать в таких условиях.

– Вы считаете, что нужно выпустить жареных нарушителей на волю?

– Я считаю, что, борясь с алкоголизмом, не обязательно вырубать виноградники.

– Откуда это?

– Из мира людей, для которого вы так стараетесь.

Верховный крылат вздохнул и пошёл подписывать новый указ.

4. Божественное прилагательное

И снова возник перед верховным крылатом руководитель Профсоюза Слов. Только не простых слов, а, так сказать, неприличных.

– Глаголы жареные на волю выпустили, а мы, мать вашу, до сих пор под запретом! Людям нас приходится из-под полы выкорябывать! Я уже молчу о том, что мы не впитываемся ни людьми, ни крылатами. А мы, к сведению твоего свиного рыла, очень даже клёвой популярностью пользуемся.

Верховного передёрнуло. А ведь в Крылатии неприличные ещё более или менее мягко звучат. В отличие от мира людей.

– И у кого же, позвольте полюбопытствовать, вы популярностью пользуетесь?

– У недоумков этих. Людей ваших обожаемых. А если не дадите нам свободу, мы бунт поднимем. И на йух всё разнесём. Вот, – руководитель Профсоюза скривился, копируя верховного, – увидеть извольте!

Они подлетели к окну. На площади перед резиденцией верховного стояло трое могучих крылатов с прилизанной коричневой шёрсткой и грозно держали в руках нечто отдалённо напоминающее тот самый «йух». Размером с хорошее бревно. Верховный вздохнул. Сложил крылышки, подошёл к столу. За что ему всё это? Стараешься-стараешься, концы с концами соединяешь – так, чтобы всем хорошо было. И что? Всякий раз новые недовольные обнаруживаются. А люди, для которых

столько усилий, и вовсе не замечают твоего существования.

Устал верховный, очень устал.

– Знаете что, любезный, – повернулся он к руководителю неприличных, – идите-ка вы все на йух. В смысле, к людям, раз уж они вас так приветствуют. Только совсем идите. В Крылатии чтобы и духу вашего не было больше!

– То есть с полной развиртуализацией здесь и материализацией там. Клёво! А печать первенства нам втулите? – ехидно поинтересовался руководитель.

– Первенства – не дам. Пожалею людей, пожалуй. А вот печать равноправия – на здоровье. И пусть сами выбирают, какой лексикой пользоваться.

Не сразу отдуплились словечки неприличные, что нет у них больше крыльев. Да и вообще, интерфейс сменить нафиг пришлось. Очеловечиться, ткскзать. Зато люди их приняли с распростёртыми объятьями. Полный: лол: получился.

Идёт человечек по улице, а рядом с ним – Хрен Кабысдоший – огромный такой детина, заросший, глазами зыркает. Стоит кому-то человечку не угодить, он его тут же к Хрену Кабысдошьему и посылает. И попробуй только не пойти – не получится. Хрен-то рядом стоит. Ухмыляется.

А уж сколько кайфа всяким сочинителям от такого симбиоза. Что вижу, то и творю, а пипл радостно хавает. А кто не хавает – того к Кабысдошьему. Или ещё к кому – повыше да позакрученней.

Впрочем, не все хавали. И не все творили что ни попадя. Жил, например, на свете писатель – талантливый, несмотря на то, что юный. И отчаянно он всякому неприличию сопротивлялся. Хотя и не всегда успешно.

– Что за бесстыдство нафиг такое? – гневно вопрошал юноша у мироздания. – Хочется искусства и благолепия, а лезет непотребство со всех дыр. Вместо вдохновения – сплошная матерщина. Где ты, прекрасное звучное слово? То ли дело классики писали: «Люблю грозу в начале мая – когда херачит первый гром». Ой, кажется, у классика иначе было. Где ты, где ты красивое хлёсткое слово? С тех пор как эти «неприличные» на нас неизвестно откуда свалились – пардон, возникли из параллелья и обрели физическую форму, ни строчки нормальной не пишется. В мыслях зарождаются изящные фразы, на бумагу выливается чёрте-что.

Писатель вздохнул. Была у него, кроме канувшего в Лету таланта, ещё одна печаль. Снится уже которую ночь очаровательное хрупкое существо – девушка с золотистыми волосами, стройная, соблазнительная, и светится вся, словно

сказочная эльфийка. Аж просыпаться не хочется. И неудивительно! Днём на улицу выйдешь – сплошные гоблинши с Кабысдохами за плечами. И где её искать – незнакомку из сна?

В печальных раздумьях пришёл писатель к озеру – одному из немногих мест в городе, где можно от неприличия отдохнуть. Не любят пришельцы чистых природных уголков. Пугают они их до дрожи в каждом члене.

Одним словом присел писатель на зелёном склоне, погрузился в тяжёлые мысли… И вдруг что-то сверкнуло у берега. Присмотрелся герой наш и глазам не поверил. У самой воды сидела она – стройная, соблазнительная и даже светящаяся.

– Ты кто? – спросил он у существа-из-сна.

– Я? – Девушка тряхнула длинными золотистыми волосами. – Я – Божественная.

– И скромная, – хмыкнул писатель.

– Прилагательное я. Божественная. Отзываюсь также на Восхитительную, Очаровательную, Светлейшую, Обворожительную, Прелестную, Обаятельную, Чарующую, – она вздохнула. – Мои сёстры со мной частичкой себя поделились.

– Хм. Надо же. А я думал, только эти умеют материализовываться…

– Вообще-то, да. Чтобы проявиться у вас, я из своего мира исчезла насовсем. А здесь так неуютно и холодно.

– А зачем же ты к нам пожаловала?

– Разве не ты меня звал? Жаловался, что из-за «неприличных» всё вдохновение пропало.

– Не то чтобы звал… Но… В общем, да, я это был. Я! А ты, – он подошёл, осторожно взял её за руки, – ты не уйдёшь?

– Так некуда мне уходить, – она печально опустила голову.

– Отлично! Ну, теперь мы им зас… Мы им покажем! А жить у меня будешь. Вот они у нас запляшут. Пока существуют такие Божественные, нам никакие хренотени не страшны!

Много чего пришлось пережить писателю и его прилагательному. Не очень-то обрадовались неприличные, ставшие в мире людей уже почти хозяевами, такой гостье. Несильно-то хавал пипл творения писателя – без ругательств да похабщины, неформат-с, однако. Но не сдавались наши герои. Днём и ночью светила Божественная своему писателю. Днём и ночью творил писатель, неся вдохновение в массы. И постепенно, понемножку начало отступать злобное и похабное.

Говорят, спустя время у писателя и его Божественной даже дети родились. После пышной свадьбы, разумеется. Но это уже совсем другая история…

Имя

Ника Батхен
Имена не выбирают
Рассказ

…Пегая коротконогая корова с отвислым выменем уже лежала. Бурая тощая ещё держалась на ногах – тяжело ворочая лобастой башкой, она пробовала дотянуться языком до кровоточащих язв на боках. Где-то за стенкой плакал телёнок.

– Вчера ещё были здоровы, – угрюмо сказал Первый-Сноп, староста Речицы и самый справный мужик в деревне.

– У меня три свиньи в язвах и у тёлок прыщи по шкуре пошли, – поддакнул Лисий-Хвост и запустил пальцы в клочкастую рыжую бороду. – У Того-Кто-Спит овцы хворают, у Волчьей-Мамы бык ослеп – забивать пришлось.

– К шептухе ходили? – для порядку спросил Первый-Сноп – и так было ясно, что бегали и не раз.

– Ходили, как же не ходить – настой змей-травы дала, хлевы чистить велела чаще, хворую скотину наособицу от здоровой водить – так они ж поутру все здоровые все в одном стаде были… – запричитала вполголоса толстая Прялка-Прялка, хозяйка недужных коров.

– Того и гляди, хвороба на людей перекинется, – Первый-Сноп с отвращением почесал комариный укус на предплечье, – решать надо, сход собирать.

Лисий-Хвост обречённо вздохнул:

– И без схода всё ясно. На поклон пора до красноглазого – без него нам никак не сдюжить.

Первый-Сноп сплюнул в истоптанную солому – волшебников в Речицу не заходило последние три зимы, и никто об этом не плакал. По обычаю красноглазые являлись на зов общины и помогали сдюжить с напастями – от засухи до морового поветрия. По обычаю же в благодарность (а впрочем, и просто так) они имели право на любой срок остановиться в любом доме и забрать у общины всё, что приглянется, – от расшитого рушника или курицы до коня, сохи, безымянного малыша или отрока, ощутившего в себе Дар. Последнее было особенно дурно. Имя волшебника было ключом к власти над ним. Любой, кто знал детское имя волшебника, мог причинить ему вред – сам или выдав тайну другому красноглазому. Поэтому, войдя в силу и выучив те заклинания, из-за которых белки глаз навеки наливаются кровью, волшебники обычно возвращались к родным очагам и вырезали под корень всех, кто мог знать их имя, –

родителей, братьев, товарищей по играм, а то и село или квартал целиком. Лишний раз звать красноглазых значило приманить беду – обращались к ним только в крайних случаях. Но сейчас, похоже, был край…

– Пошли, сосед! – Первый-Сноп погрозил кулаком наладившейся было выть Прялке-Прялке и пинком отворил дверь хлева.

Позеленевший от времени медный колокол висел между двух могучих, в рост человека столбов, как положено, посереди Сходной площади. Первый-Сноп нагнулся, кряхтя, подлез под тёмный купол и дёрнул колокол за язык. Медь тяжело загудела.

– Взываю, – голос плохо слушался старосту, он откашлялся и начал снова. – Взываю к защите Мудрых, ищу покровительства Сильных, припадаю к стопам Могучих, во имя клятвы, связавшей Цветок-Укропа и Меднорукого, прошу помощи мирным людям из Речицы.

Староста сглотнул и закончил совсем не величаво:

– Скотий мор у нас, бурёнки-кормилицы мрут, овцы, свиньи. Уж подсобите, добрые господа…

Колокол гулко бухнул. У Первого-Снопа заложило уши. Услышано. Главное, чтобы хоть один из красноглазых шлялся поблизости – запоздай помощь хоть на неделю, и спасать по хлевам будет некого.

Лисий-Хвост всё топтался неподалёку:

– Пойдём, что ли… это… за помин души опрокинем. По кружечке хоть – у меня на златоцвете настояна.

Первый-Сноп согласился нехотя – до выпивки он был не большой любитель, но в деревне на непьющих косились – мало ли что они там себе в мыслях имеют, что добрых людей чураются.

На краю площади стояли три резных истукана – Колоса, покровителя пахоты и страды, Матёрого, владыки приплода и урожая, и Тура, хозяина стад. Первый-Сноп погрозил им кулаком – уголья от похвальных костров едва остыли, перья жертвенных кур ещё носит по улицам. Кто-то уже швырнул в Тура комком навоза так, что дрянь залепила бесстыжие зенки идола. И поделом.

Волшебник явился ещё до заката. Точнее, волшебниха – костлявая страшная баба с чёрными как смоль, заплетёнными во множество косичек патлами, на концах которых брякали амулеты. Под настороженными взорами сельчан, она хищно, словно охотничья псина, пробежалась по улицам, крутила острым носом, махала руками, наконец остановилась на площади подле истуканов и начала по-собачьи рыть землю. Рыла долго, пока не добыла пучок связанных хвостами дохлых крыс. Хмыкнула,

припустилась к колодцу, бесстыже разделась догола (мужики отворачивались, отплёвывались втихую), скользнула вниз по верёвке и спустя небольшое время поднялась, зажав под мышкой осклизлый пук какой-то травы. Бросила запутку наземь, щёлкнула пальцами над ведром колодезной воды (оттуда пыхнуло дымом), облилась, неторопливо оделась.

– Кто Лесоноров обидел?

Мужики промолчали, у баб скривились лица. Лесоноры – невысокий, мохнатый, нелюдимый и негостеприимный народец – жили по чащам, бортничали, собирали грибы и ягоду с топей, обменивали лесные дары на молоко, сметану и медные слитки и с людьми обычно не ссорились, но раз поссорясь мстили долго, злобно и надоедливо – как мошка. Одну пальцем раздавишь, тьма и до смерти заесть может.

– Кому мохнорылые спать помешали? Кто на чужое добро позарился? – Волшебниха неторопливо прошлась по кругу, зыркая тёмными, налитыми кровью глазами по лицам сельчан. – Или по-плохому спросить, раз доброго слова не понимаете?

Ни слова в ответ. Красноглазая сорвала с косички медный череп с оскаленными зубами, пошептала над ним и выложила на ладонь.

– Пусть каждый из вас подойдёт и сунет черепу в пасть палец. Безвинного мой дружок не обидит, а тому, кто всю общину под напасть подвёл, ядовитым зубом всю кровь испортит. Подходи, ну!

Сказать, что Первый-Сноп хотел тыкать перстом в оскаленные медные зубы, было бы жесточайшей ложью. Староста трусил. Но точно знал – он Лесоноров пальцем не трогал, а злить красноглазых – себе дороже. Топнув правой ногой оземь – от зла – Первый-Сноп вышел вперёд и поднёс дрожащую руку к черепу.

– Невиновен, – спокойно сказала волшебниха. – Дальше.

– Эй, что встали, как девки на смотринах?! Подходи давай, раз госпожа волшебниха приказала! – рявкнул Первый-Сноп и за рукав выволок из рядов Волчью-Маму.

Староста знал наверняка, что дебелая и щедрая на любовь бабёнка за последние две седмицы надолго из деревни не отлучалась. Он почти силой сунул руку женщины в пасть черепа.

– Невиновна.

Крестьяне чуть осмелели. Поочерёдно – кто медленными шажками, кто залихватски топая – выходили в круг, тыкали пальцем в череп и возвращались, расплываясь в улыбках. Оставалось уже немного – с полдесятка мнущихся мужиков и баб – каждый из них, похоже, чуял вину перед Лесонорами, но признаваться в ней не хотел. Волшебниха двинулась было в их

сторону, и тут Пёстрый-Пёс, молодой, ещё неженатый парень, выскочил вперёд и бухнулся красноглазой в ноги.

– Я, я виноват! Не карай, госпожа, смертью!

– Рассказывай! – Волшебниха нависла над парнем, как стервятник над стервом. – Убил кого? Снасильничал? Обокрал?

– Пчёл потравил. В лесу борть нашёл – уж до того богатую… Сунулся – а меня ихние пчёлы за все места покусали. Я до дому сгонял, дымовуху прихватил и назад. Пчёл-то выкурил, борть уволок, мёд слил, а вокруг медвежьей лапой следов наставил – думал, никто не узнает…

– Думать твоему отцу надо было, когда тебя делал, и матери, когда, родив, пуповиной дурака такого на месте не придушила. Почём у вас нынче борть?

– Живая, с пчёлами – шесть овец, – пробурчал Первый-Сноп.

– Не слышу, – прищурилась волшебниха.

– Шесть овец, госпожа.

– Пусть этот гнилоед дюжину овец Лесонорам представит, да в ножки падёт – авось помилуют. Радуйтесь, что не убил никого, – овцами бы не отделались, – сердито сказала волшебниха и прицепила череп на прежнее место (амулеты на косичках громко звякнули). – Гоните сюда скотину, лечить буду.

– Помилуй, госпожа, у нас с матушкой всего пять овец! – Пёстрый-Пёс всё ещё стоял на коленях.

– Займи. Продай. Заработай. Твоё дело, – отрезала волшебниха.

Первый-Сноп подал знак, и Лисий-Хвост на пару с Кривым-Ручьём под белы руки уволокли парня прочь, от греха подальше. Остальные побежали выгонять и выволакивать из хлевов коров, овец, свиней и драгоценных длинношёрстных козочек. На маленькой площади поднялся невообразимый гвалт, в довершение всего начал накрапывать мелкий, уже почти что осенний дождик. Красноглазая с бесстрастным лицом брала животных за морды, вдувала им в глаза и ноздри какой-то дымящийся порошок, вручала хозяину пучок сухих листьев для язв и, не слушая благодарностей, переходила дальше. Крестьяне мрачно ждали – чего затребует благодетельница, что её душеньке будет угодно. Кое-кто под шумок толкал локтями баб, чтобы детей с площади уводили. Но, вопреки обычаю, волшебниха не затребовала ничего. Чмокнула в нос последнюю козочку, подхватила кутуль со своими бебехами, вскинула на спину… и вдруг шкодно ухмыльнулась, необыкновенно от этого помолодев. Красные глаза озорно блеснули, волшебниха хлопнула в ладоши – и вместо капель дождя на деревню посыпались… бабочки. Белокрылые и голубоватые, пахнущие весенними цветами и

свежими яблоками, они порхали, кружились в воздухе, садились на волосы и одежду и шерсть животных, а затем таяли без следа. Пока крестьяне раскрыв глаза, пялились на невиданное диво, волшебниха исчезла. Или, скорее всего, скрылась в лесочке. Последние бабочки закружились чудесным венком в воздухе и пропали. И вдруг раздался звонкий голос ребёнка:

– Мама, смотри, я тоже так могу!

Отрок лет семи выскользнул из толпы, хлопнул в ладоши. Одинокая бабочка, большая и пёстрая как курица, медленно села ему на голову. Крестьяне обмерли. Раздался страшный женский крик, на площадь выбежала безвестная батрачка, недавно прибившаяся к Речице и бравшаяся за любую работу ради хлеба и крова. Ухватив сына за руку, она попробовала втащить его назад, но гудящая, словно улей, толпа уже сомкнулась. Мужики начали доставать ножи и пастушьи дубинки, женщины развязывали тяжёлые пояса с медными пряжками. Батрачка ссутулилась, ощерилась словно рысь и тоже добыла короткий, необычно тёмный клинок. Окаянный мальчишка даже не разревелся – он единственный, похоже, не понимал, что его ждёт…

Первый-Сноп был бы плохим старостой, если бы не поспевал вовремя. Он точно знал – пролитая без суда кровь добром для общины не обернётся. О ледяной деревне, откуда в лютый мороз камнями прогнали сиротку-бродяжку, ходили слухи по всему краю. А кому делать нечего было, могли и ногами сходить проверить в верховья, за Сальную горку – дома стоят один к одному, коровы, петухи, псы – и всё-всё инеем тронуто.

– Стоять! – зычно гаркнул староста и ворвался в круг. – За что людей жизни лишить хотите?! Что за вина на них?

– Волшебник пацан. Вшей поди не научился давить, а туда же, – подбоченясь, фыркнула Прялка-Прялка. – Мы его не убьём – он нас погубит, а не нас – так наших детушек.

– Так ли, братие?

– Так, так! – пронеслось над толпой.

– Расступись, – скомандовал староста. – Судить будем. Думать будем.

Вездесущий Лисий-Хвост тотчас приволок из ближайшей избы уголёк и раздул огонь, какая-то баба поставила рядом чашу воды и туесок масла, а маленький медный самородок Первый-Сноп и так постоянно носил на шее. Маслом староста вымазал рты истуканам, над огнём и водой поклялся судить по чести, медью запечатал уста для всякой лжи. Батрачка стояла, одной рукой прижимая к себе ребёнка, другой поводя остриём клинка в сторону любого, кто случайно подходил ближе.

– Что можешь сказать в своё оправдание ты, женщина?

– Отпусти нас – мы не можем причинить никому зла, – огромные глаза батрачки переполняло отчаяние. – Я знаю, что мой сын вырастет и станет волшебником. Пока он мал, я вожу его с собой, брожу с места на место и никто, кроме меня, не знает, как его зовут.

Первый-Сноп почесал в затылке. Коли так – можно и вправду отпустить восвояси. Пусть их волки с медведями судят, а наше дело сторона.

– Иди сюда, не бойся! – Староста высоко поднял мальчишку, чтобы каждый мог его видеть. – Знает ли кто-нибудь в Речице, как его звать?

Молчание царило на площади. «Вот и славно, одной бедой меньше», – подумал Первый-Сноп.

– Коли так, пусть ухо…

– Я знаю! – Белокурая пухлая девочка лет шести отцепилась от материнской юбки и громко-громко, так, что все услышали, крикнула: – Он Витуль, мой друг Витуль!

Это был конец. Сообразив что-то, мальчик дёрнулся и заревел, толпа молча сомкнула плечи, батрачка взмахнула клинком – и бессильно опустила руки.

– Стоять! – гаркнул Первый-Сноп. – Без суда в Речице конокрадов и то не казнят. Как решим, братие, так и будет, милосердно и по-людски. Кто-нибудь что-нибудь может сказать в защиту отрока?

– Я скажу! – Из дальнего ряда протолкнулась вперёд шептуха. – Не обязательно лишать отрока жизни.

– Все вы в сговоре – что шептуны, что волшебники! Смерть! – заблажила было Прялка-Прялка, но Тот-Кто-Спит запечатал ей рот мощной оплеухой – молчи, баба, когда дело решают.

– Смотрите все, – выйдя в круг, шептуха подняла ладони – все пальцы кроме большого на них были обрублены. – Я тоже родилась с Даром. И никого не убила и волшебнихой тоже не стала. Отец приказал – и меня урезали, чтобы я осталась жива, но не могла творить заклинания и причинять зло. Дар нашёл себе выход, я помогаю людям, лечу скотину. Оставьте ребёнку жизнь.

– И что можно… урезать? – замялся староста.

– Глаза – чтобы не видеть заклинания. Язык – чтобы их не произносить. Пальцы – чтобы нечем было сплетать волшбу. Мальчикам – ятра, чтобы сила не возрастала.

– И помогает?

Шептуха зло оскалилась:

– Не помогло бы, точно б отца живота решила за то, что он со мной сделал. А так он у себя в Холмищах жив-здрав, я у вас в Речице коров пользую.

– Верим ей, братие? – обратился Первый-Сноп к сходу.

Рокот толпы одобрил. Люди в Речице были, в общем, не злые, зря кровь проливать не любили, особенно если первый гнев втуне схлынул.

– Вот моё решение, – староста бросил чашу с водой в костерок и подождал, пока перестанет шипеть. – Отрока – урезать и изгнать прочь вместе с матерью, как на ноги подняться сможет. Если вдруг отрок вернётся убивать тех, кто узнал его имя, – кровь лежит на шептухе, она прикрыла. Согласны, братие?

– Согласны, – люди, похоже, остались довольны. И зла избегли, и от напасти уклонились, и кровь на них не лежит.

– А ты что скажешь, женщина? Урежем твоего сына или его сейчас убьют?

Первый-Сноп опустил глаза – такая страшная ярость сияла во взгляде матери.

– Урежем. Пальцы.

Шептуха, ловко орудуя изуродованными ладонями, добыла из кутуля глиняный пузырёк и щедро напоила мальчишку маковым соком. Кузнец Болотная-Ржавь раскалил нож, чтобы было чем прижигать раны… Первый-Сноп исподлобья смотрел на батрачку – губы женщины шевелились, можно было прочесть – она повторяла раз за разом «Будьте прокляты, будьте вы прокляты». Может, зря он их защитил? Но содеянного уже не вернёшь.

…Бесчувственного ребёнка вместе с матерью шептуха забрала к себе в отшибную избу. Мор прекратился. Через три дня на рассвете искалеченный батрачонок с матерью ушли из Речицы, чтобы никогда больше здесь не появляться.

До весны Первый-Сноп чутко следил за любым непорядком в деревне, карал любую провинность против обычаев, чин чином кормил и ублажал истуканов, жёг костры и сыпал в огонь медную стружку. Он ждал беды. А вышла радость – зима прошла ровной, в меру морозной, в меру вьюжной, всходы весной поднялись густо, коровы и овцы расплодились на диво. И самое главное – Суровая-Нитка, жена старосты, разродилась близнецами, оба мальчишки и оба выжили. До этого трое малышей у старосты перемерло, не дожив до месяца, а тут разом двойное счастье. И по осени урожай удался – сам-десят. Покрутил чутким носом Первый-Сноп, почесал в затылке – да и думать забыл о батрачке и её блажи. Глядишь, обошлось, ладно сделали, что невинная кровь не легла на общину.

Вёсны шли своей чередой – где-то скудный год выдавался, где-то обильный, случалось хлеб с лебедой пекли, случалось мясом – не потрохами – собак кормили. Дети в семьях рождались

крепкими – и на удивление выживали чаще обычного. Никаких особенных бед не стряслось и волшебников больше не звали.

Шесть вёсен минуло. Наступила седьмая – тёплая, ласковая. Оглядывая зеленеющие поля, Первый-Сноп с удовольствием думал – какой пир он задаст по осени, в день наречения сыновей. У старосты по лавкам сидело уже четверо, и Суровая-Нитка снова была брюхата, нечего и бояться, что род уйдёт в землю, не оставив ростков. Старшие мальчики удались на диво – белокурые в мать, смышлёные, крепкие, работящие и послушные. Староста баловал их, покупал гостинчики, не порол без нужды и даже резал для них игрушки. Вот и сейчас в кармане у Первого-Снопа лежала забавка – два медведя с молоточками на доске. Он прошёлся по улице, выискивая сыновей – пусто. Не иначе у ручья с детворой играют. И правда – с окраины слышались смех и звонкие голоса.

Все мальчишки Речицы в своё время пускали в ручейке лодочки, строили запруды, а умельцы – даже мельницу с колесом, это было любимое место для игр. Первый-Сноп улыбнулся, вспомнив, как сам возился в этой грязи, и как мать ругала его за испачканные одёжки. Он тихонько подкрался к детям, издали заприметив две курчавые светлые головы. Мальчишки беззаботно играли. Гоняли лодочки с парусами из лоскутов. По воздуху над ручьём. Малыши азартно кричали, хлопали в ладоши, свистели, девчонки пищали и ойкали, приблудившийся пёс весело лаял. Вот одна лодочка не удержалась и плюхнулась в воду, её владелец, понурив голову, отошёл в сторонку. Вот ещё одна перевернулась. Толстощёкая пятилетка, безотчая дочь Волчьей-Мамы (Первый-Сноп подозревал, что имеет к ней отношение, и тишком таскал матери то медку, то зерна) подняла свою лодочку вверх до ветвей берёзки, закричала «Смотрите, у меня выше всех!» – и умолкла, первой разглядев сурового старосту.

– Что вы здесь делаете? – Первый-Сноп говорил тихо, даже ласково, только его сыновья поняли, что отец сильно зол.

– Мы играем, – улыбнулся щербатым ртом рыжеволосый сын Лисьего-Хвоста.

– В летучие лодочки, – подхватила дочка Волчьей-Мамы, – кто ловчей с ними управится.

– И кто из вас ловчей? – вкрадчиво поинтересовался Первый-Сноп.

– Сегодня я и вчера я, – гордо задрала нос девчонка. – А надысь он!

Чумазый палец дурёхи ткнул в сторону младшего из близнецов.

– А во что вы ещё играете? Ну… в такое… – замялся староста.

– Куколок из соломы танцевать учим! Огонь разжигаем! Секретики делаем! Яблоки с дерева достаём! – наперебой загомонили малыши.

– А ты во что играешь? – Первый-Сноп тяжело посмотрел на старшего (и любимого) из сыновей.

– Ни во что, – потупился мальчик. – Я не умею.

На мгновение у Первого-Снопа отлегло от сердца.

– Он совсем не играет с нами, – подтвердил младший из близнецов. – Он только комаров и слепней отгоняет.

– Ветками? – безнадёжно спросил староста.

– Нет, просто. Я на них смотрю, и они улетают. Вот так, – мальчик скорчил зверскую рожу, и пролетавшую мимо зелёную стрекозу как ветром сдуло.

– Хорошо. Дети, ступайте по домам, все. Скажете мамкам-папкам, во что играли, да накажете, чтобы ввечеру ко мне в хату явились, все до одного.

– Нас накажут? За что? – удивился чей-то смешной чернобровый малец.

– Не знаю, – отрезал Первый-Сноп. – Пошли!

Он взял за руки сыновей и направился к дому. Теперь многое стало понятней – почему два вполне справных рода по осени отдали своих пятилеток в приймаки к дальним родичам, семья Кущи-Леса переселилась на отдалённый хутор, а вдовая Козья-Пряжа оставила невесть от кого прижитого годовичка шептухе, а сама удавилась в коровнике. И лица у соседей бывали невесть с чего хмурыми, и, случалось, двух-трёхлетних безымянных детишек матери от себя ни на полшага не отпускали. Вот оно, значитца, как…

Тёплые ладошки сыновей покорно сжимали руки старосты. Дети шли рядом доверчиво и спокойно, они видели, что отец сердит, но не ждали беды и вины за собой не чуяли. Мало ли – горшок в сенях разбили или кошке к хвосту колокольчик привязали. Покричит отец, погневается и простит. Он их любит. А Первый-Сноп вспоминал бешеные глаза безвестной батрачки и крик ребёнка. Глаза? Язык? Пальцы? Ятра? Прокляла всё-таки стерва лютая, а ведь он ей с дитём жизнь спас.

Дома староста, придравшись к пустяку, посадил одного сына щипать лучину, а другого – чесать козью шерсть, строго-настрого наказав до рассвета из дома нос не совать. Потом выпил подряд две кружки горького пива, рявкнул на удивлённую донельзя жену и уселся за стол – щёлкать орехи и смотреть, как возятся на полу младшие дети – трёхлетка сын с годовашкой дочкой. У малышки откатился к печи тряпочный мячик. Она свела бровки и взглядом подкатила игрушку назад, звонко смеясь при этом. Суровая-Нитка

заметила, куда смотрит Первый-Сноп, и побледнела, как полотно. Староста понял – она знает. Знает давно, но боится говорить с мужем.

Первый-Сноп ласково подозвал детей, отдал им все орехи, погладил по тёплым головёнкам и вышел вон. Подумать только – его сын, добрый и славный мальчик, однажды объявится, чтобы его убить. И мать. И сестру… или братья лишат живота друг друга. Даже если объяснить им, как важно хранить в тайне свои имена, они явятся за кровью своих восприемников. И что будет с деревней, в которой все дети рождаются с даром? Может, красноглазые снимут проклятье? Может и наоборот, будут беречь и хранить общину – а детей забирать к себе.

Звонить в колокол, чтоб звать волшебника, Первый-Сноп не хотел. Он пока что не знал, как ему поступить. Сход собрать дело ладное, только вряд ли кто разумеет в этом деле больше… Шептуха! С её-то приёмышем тоже неладно.

Густо пахнущая травами и смолой отшибная изба шептухи встретила незваного гостя прохладой. Первый-Сноп всегда удивлялся – в жару здесь свежо, в холод – жарко. Не зря же у хозяйки тоже был дар – пусть и урезанный. Старосту ждали. Шептуха метнула на стол нехитрых заедок, пододвинула гостю чашу слабого мёда и села напротив, совсем по-бабьи подперев подбородок изуродованной рукой. Приёмыш по-сыновьи доверчиво прижался к ней – Первый-Сноп узнал бойкого чернобрового малыша.

– Бывает, что после наречения имени дар тотчас усыхает, а к первой крови или первым волоскам над губой исчезает вовсе. Поэтому и не трогают деток до срока – ждут, авось пронесёт. Говорят, ещё есть волшебники, что умеют дар себе забирать – наматывают, как нитку на веретено, пока не вытянут весь, но это опасно – случается, и с ума сходят дети и умирают, – поняв, что староста выжидает, шептуха начала разговор первой.

– А бывает, что один подросший волшебничек всю деревню, а то и город разносит в прах. А у нас их… – вспылил Первый-Сноп.

– Каждый безымянный младше семи лет, – шептуха подтвердила худшие опасения старосты. – Хотя нет, вру – немая дочка Второй-Овцы и припадочный сын Того-Кто-Спит – ничего не могут. И Карий-Глаз, дочь Пёстрого-Пса и Новой-Кудели – она подцепила болотную лихоманку, дар ушёл, когда её жаром сморило, отец с матерью дали дочке молочное имя, чтобы смерть обмануть, – и спасли.

– Если дать им имена раньше срока, это поможет? – спросил староста.

– Сомневаюсь, – покачала головой шептуха. – Скорее послать

в болота за ягодой и надеяться, что принесут лихоманку… так от неё половина недужных мрёт.

– А у тебя у самой есть имя? – неожиданно поинтересовался Первый-Сноп.

– Есть. Только я его никому не скажу.

– А сказать – что такое имена – можешь? – Первый-Сноп поднялся из-за стола. – Я заплачу, ты не думай…

Шептуха тоже встала – нелепая, грузная в своём бесформенном балахоне цвета вялой травы.

– Я знаю мало – крохи, подобранные в траве. Имя это всё. Имя «хлеб» – ход сохи, шелест колоса, удар серпа, скрежет мельничных жерновов, руки стряпухи, вода ручья, горная соль, берёзовые поленья, белый рушник, на который выкладывают каравай. Имя «огонь» – малая искра, пламя лучины, лесной пожар, костёр охотников, жар печи… Понимаешь?

– Нет, – искренне ответил Первый-Сноп.

– Имя – суть. Всё, что значит предмет, всё, что рядом, всё могущество и вся слабость. Вникнув в имя огня, можно повелевать любым пламенем, вникнув в имя зверя, – призывать и покорять его. Зная имя волшебника, можно дотянуться до его силы, остановить сердце, связать разум, принудить служить, добровольно и верно. Чтобы волхвовать, волшебник вынужден открываться, чувствовать каждый луч, каждую травинку – поэтому им особенно легко завладеть. У них нет выбора – или все, кто знает их имена, будут мертвы, или сам красноглазый до конца дней рискует жить, как пёс на цепи. Поэтому все, кто выходит из башен, приносят клятву – убить… – Голос шептухи прервался от подступивших слёз.

Первый-Сноп задумчиво хмыкнул:

– Погоди-ка… покажи мне, как зовут зверя?

Шептуха всхлипнула и успокоилась.

– Я почти ничего не умею. И почти ничего не могу.

– А что можешь?

– Я попробую. Пойдём.

Они вдвоём вышли на порог отшибной избы. Знаком велев старосте остаться на месте, шептуха шагнула на середину двора, закрыла глаза, закружилась на месте, потом застыла, подняв вверх изуродованную правую руку.

– Яан! Яан! – высоким, воркующим голосом позвала она. – Приди, Яан!

Пёстрый, взъерошенный воробей спорхнул с крыши, сел на палец шептухе, потоптался недолго, тюкнул клювом по ногтю и улетел. Шептуха села на землю, красное лицо её было покрыто каплями пота.

– Видишь? Это тяжко, если б зверь был крупней или дальше, я могла надорваться, лишиться чувств или жизни. По счастью я не знаю других имён.

– А когда ты зовёшь воробья, ты знаешь, кто из них прилетит? – Первый-Сноп задумчиво пропустил сквозь кулак бороду.

– Откуда мне знать? Я зову воробья, прилетает воробей. Если б мне нужен был не просто воробей, а тот, который живёт у меня в застрехе, – я бы дала ему имя, – шептуха отёрла лоб и с трудом поднялась, её шатало.

– А власть у тебя над ним есть? – Первый-Сноп помог женщине вернуться в избу и усадил на лавку, какая-то мысль занимала его. – Ты его позвала, он тебе служить будет?

– Нет. Чтобы покорить зверя или птицу, нужно знать его собственное имя, имя его породы и собрать в волховство все нужные имена власти. А именем «яан» я просто зову – как ты зовёшь красноглазых, говоря в колокол.

Сняв с руки тяжёлый медный браслет, Первый-Сноп с поклоном положил дар к ногам шептухи.

– Благодарствую за совет. Приходи ввечеру на сход – думать будем.

Шептуха устало улыбнулась и кивнула старосте «будем». Скрипнула дверь.

…По счастью вечер выдался ясным и тёплым, и получилось разместить гостей во дворе – на совет к старосте собралось пол-деревни. Пришли все, у кого были малые дети, все старшие в роду, кузнец, повитуха, шептуха и пастуший батька. Не пустили неженатых, приймаков, батраков и голытьбу перекатную – свои дела, мол, сами решим. Когда гости кое-как расселись и сторожевой пёс умолк, поняв, что чужие во дворе – неизбежное зло, Первый-Сноп самолично обнёс гостей мёдом. Он хотел начать речь, как водится, издалека, но не успел. Бычья-Шкура, богатый хозяин и давний враг старосты, вскочил на услужливо подставленную колоду.

– Доколе? Доколе, братие, будем терпеть напасти?! Вдоль домов не пройти – грязь непролазная, где дерева, что мы для мостков рубили? Лесоноры обнаглели вконец – по браслету за корчагу мёда требуют, а на ярмарке за неё и двух не дадут. Господаревы люди пришли, десять овец забрали, трёх стригунков, шерсти куль – что, у старосты?! Нет, у нас, братие, у простых. И Матёрый-батюшка на площади не столбом стоит – покосился, к беде!

– Так его ж надысь парни толкнули, когда на кулачках сошлись. Твой старшой, Крепкий-Мёд как зайчище оттуда бежал,

и племяшу твоему Медной-Лапе морду расквасили, – сочувственно заметил Лисий-Хвост.

– Неважно, – отмахнулся Бычья-Шкура, – беда-то всё равно уже есть. По всем прошлась, братие, никого стороной не миновала. Сами знаете уже, детки у нас у всех родились порченые, хоть пори их, хоть голодом мори. Придёт срок – и уйдут они все до единого к клятым волшебникам, оставят деревню без работников, поля без пахарей, стадо без пастухов, нас без помощи на старости лет… А потом вернутся, красноглазые да свирепые – к нам, братие, в наши хаты – и перережут глотки родителям да дядьям. Все умрём, братие, все умрём ни за коровий хвост…

Толпа загомонила, бабы всхлипывали, кое-кто уже наладился выть в голос. Бычья-Шкура отхлебнул мёду, набрал воздуху в лёгкие и продолжил:

– Всех до единого детушек наших кровных либо калечить, либо красноглазым отдать, пока безымянные, в ножки пасть – может, смилуются, избавят нас от напасти. А виноват во всём – он!!!

Бычья-Шкура ткнул толстым пальцем в сторону старосты.

– Он, братие, волшебнёнка привадил, заразу в деревню привёл и убить паршивца не дал. Порешили бы пришлых, косточки в речку скинули – и не было б никакой напасти, росли бы наши детушки отцам-матерям на радость! Верно ли говорю, братие?

Несколько голосов «Верно!», «Любо!» потонули в смутном гуле.

– Так вот что я скажу, братие! Снять с Первого-Снопа шапку да прогнать его по улицам батогами. А потом судить всем сходом за беду, что он нам причинил. И шептуху, что пащенка прикрыла, – судить, она кровью клялась ответить. И ещё…

– А не ты ли, радетель о благе простого люда, родню Чёрной-Вишни по миру пустил за долги? А не ты ли запаленную кобылу втридорога Ясну-Месяцу продал, а кобыла через три дня сдохла? А не у тебя ли в дому старуха-мать из окна стучит, у людей хлеба просит? – Первый-Сноп неторопливо поднялся.

– Матушка моя, пусть живёт до ста лет, в детство впала – сколько её ни корми, всё съест и ещё захочет. Кобыла у Ясна-Месяца дурной травы наелась – нету моей вины. А что до Чёрной-Вишни – ужели ты бы долги простил? Может, и кормить бы чужих детей взялся, пока свои под лавками хлеба ищут? – от возмущения Бычья-Шкура пошатнулся и плюхнулся вместе с колодой. Раздался обидный смех.

– Ишь раскудахтался, а с насеста-то падаешь, – спокойно

сказал Первый-Сноп. – А теперь ответь – знаешь ли ты, как нашим деткам помочь?!

– Волшебника позвать, в ноженьки ему пасть, пусть беду остановит, – Бычья-Шкура кое-как встал.

– Чтобы чужие опять нашу жизнь по-своему перерешали? Думаешь им, красноглазым, не выгодно, чтобы не одно дитя в две дюжины лет, а две дюжины в год с даром рождалось? Легко свою ношу да на чужие плечи-то перевесить. Вот ты, Бычья-Шкура, – ты сам знаешь, как помочь детям?! – Первый-Сноп презрительно посмотрел на врага. – Нет? А я знаю. Эй, шептуха, зови воробья. А вы тихо. Все тихо!

Под тяжёлыми взглядами соседей шептуха вышла к забору, покружилась и стала звать «Яан! Янна!». Первый-Сноп уже думал, что дело не выйдет, но, наконец, тощая воробьиха на мгновение зависла над изуродованной ладонью.

– Слушайте, братие! Имя у человека как складывается? Молочное имя, взрослое, прозвище, кого-то по мужу зовут или по ремеслу. Получается, что вот он я, Первый-Сноп по молочному имени Цепкий-Репей и другого такого на свете не будет. Имя даёт власть над человеком. Волшебник убивает всех, кто знал его имя, чтобы ни у кого не осталось к нему ключей, – Первый-Сноп поперхнулся и закашлялся.

– И что же? – поинтересовался Лисий-Хвост, поняв что старый друг что-то задумал. – Ключи в воду бросать?

– Похоже на то, – Первый-Сноп улыбнулся одними глазами. – Вот шептуха зовёт воробья «Яан» и прилетает воробей. А воробьёв таких тьма. И если я назову сына «Яан», он станет волшебником, и другой волшебник, захотев навредить ему, позовёт «Яан» – прилетит воробей, а не мой сын. Верно я говорю?

– Верно, староста, – подтвердила изумлённая шептуха.

– Верно придумал, – прогудел из своего угла могучий пастуший батька. – Когда я зову овцу «ярка» – ко мне подходит любая овца.

– Значит, нынче же нужно, ни на день не откладывая, всех безымянных детей в деревне поименовать. Чтобы никто им вреда причинить не мог, и они нам после не навредили. А ещё у поименованных дар и усохнуть может, как пух с птенцов слазит. Согласны, братие?!

– Любо! Любо! – загудела толпа. Кое-где в голос заплакали бабы, кто-то уже наладился к выходу.

– Стойте! Послушайте! – Шептуха раскинула руки, словно пытаясь обнять всю деревню. – Я буду восприемницей вашим детям – только я смогу точно сказать имя, чтобы оно запечатлелось. Я спасу их от проклятия дара… с одним условием.

– Что ты хочешь? – насторожился староста.

– Пусть все дети, получившие имя из моих рук, – или родители вместо них – поклянутся никогда не калечить и не лишать жизни тех, кто равен им разумом. Любо?

Молчание повисло как грозовая туча. Первый-Сноп понял, что пора вмешиваться.

– Любо! Пусть господаревы слуги врагов жизни лишают, а нам, добрым людям, незачем.

– Верно! Правильно! – подхватил Лисий-Хвост.

– Любо! – разнеслись голоса.

Лишь упрямый Бычья-Шкура попробовал возразить, но его уже никто не слушал. Народ спешил по домам готовиться к наречению. Застучали молоточки в кузнице – Болотная-Ржавь с подмастерьями спешно ковали полсотни солнечных оберегов. Забегали бабы, второпях собирая угощение для праздничного пира. Холостые парни собирали костры на берегу Быстрой-Речицы, простоволосые девки плели венки. Наконец, к рассвету всё было готово.

Умытых, одетых в белые рубахи детей собрали на берегу, туда же пришла вся деревня. Старухи затянули нескончаемую хвалу солнцу. Первый-Сноп разжёг костры живым огнём, хранимым с прошлого солнцеворота. Потом взял за руку старшего сына и повёл посолонь между двух огней. Шептуха, тоже в белом, с венком на распущенных пышных полуседых кудрях, ждала у самой воды. Она приняла мальчика на руки, как новорожденного, спросила у него что-то шёпотом – сын кивнул.

– Знает ли кто, как зовут этого человека? Знает ли его мать? Знают ли его братья?

– Нет! – единым духом ответили люди.

Шептуха с ребёнком вошла в воду по грудь, присела, чтобы мальчик полностью окунулся. В наползающих клочьях тумана на мгновение показалось, что оба исчезли… Нет – женщина с ребёнком уже выходила назад. Она взяла из рук отца медную солнышку на шнурке, надела мальчику на шею и высоко подняла его – к небу.

– Яан! Слышите, братие, этого человека зовут Яан!

Люди восторженно закричали. Две девушки поднесли мальчику венок и за руки повели его назад – к общине, братом из братьев которой он нынче стал. А шептуха уже несла в воду толстощёкую девочку.

– Янна! Слышите, братие, этого человека зовут Янна!

Из прибрежных кустов ивняка дружным хором зачирикали воробьи. Первый робкий луч солнца осторожно коснулся речной волны. Проклятие спало…

* * *

Старый Яан, основатель и первый наставник ордена Воробья, был младшим сыном речицкого старосты, простым крестьянином, изучившим мудрость земли и глины, текучей воды и древесных корней. С десятью братьями и четырьмя сёстрами из той же малой деревни они поставили башню на Хлебной горе, преуспели в искусствах, науках и понимании сути имён. Они посвящали дни и годы защитам, исцелениям, строительству и восстановлению утраченного. Старый Яан написал в первой строке устава: *я, воробей из воробьёв, клянусь никогда не калечить и не лишать жизни тех, кто равен мне разумом.* Он же приказал не разлучать будущих волшебников с семьями, разрешать им видеться и общаться – пусть люди знают, волшебник это не кровожадное чудище, а всё тот же брат, сын и друг…

«Воробьиная правда», искусство обходить запреты и клятвы, менять суть, не искажая формы, появилось при Яане третьем по счёту, он поставил господарю Приштины тюрьму, из которой не мог выбраться ни один заключённый – и был смещён своими же братьями. Впрочем, и после него среди Воробьёв попадались хищники, за смиренным обличием скрывшие свирепую суть. Они заключали девиц в башни, подчиняли себе властителей, изготовляли зелья и амулеты… в то время как их мирные братья исцеляли, защищали и наставляли. Во многом можно упрекнуть Воробьёв – но обета своего ордена ни один из них ни разу не нарушал. Как Искры со дня посвящения и до смерти каждый день ходили по раскалённым углям, как Подорожники больше семи дней кряду не проводили на одном месте, как Волки ели сырое мясо… Самое главное совершилось в тот день, когда безвестная шептуха окунула в воду мальчишку.

Чтобы стать настоящим волшебником, больше не нужно убивать тех, кто дорог. Тех, кто знает, как тебя зовут.

Магистр ордена Воробья, Янна, двенадцатая по счёту. «История волшебства».

Язык

Эли Бар-Яалом
Полтора бодуэна в секунду
Рассказ

1

…Исходя из описанных экспериментов, мы можем считать доказанным следующее:

а) субъективные ощущения, которые в человеческом сознании описываются по шкале «добро-зло», присутствуют в нервной системе любого организма, вне зависимости от уровня развития;

б) эти ощущения имеют физическую природу и происходят от взаимодействия нервных волокон с открытым нами полем, которое предложено называть этическим полем;

в) существует явное соответствие между эмпирическими формулами (15), (16), (18), описывающими поведение биоматерии в этическом поле, и общеизвестными законами Био-Савара-Лапласа, Ампера и Гаусса; таким образом, можно предположить более широкую аналогию между этическим полем и магнитным;

г) вокруг Земли существует сильное этическое поле. Один из этических полюсов локализован приблизительно под 31º 47' северной широты, 35º 13' восточной долготы (с точностью Ђ2 минуты). Местонахождение второго полюса и точная природа этического поля Земли пока не установлены.

На основании этих выводов мы надеемся, что Академия наук выделит дополнительные…

2

– Готово. Лёня, матерись!

Барбышев встал перед измерителем и с выражением произнёс:

– …й!

«Пи-и-ип!» – сказал прибор. Стрелка на экране компьютера подскочила на пять делений с небольшим. Деления не имели никакого значения – единицу измерения они с Нателлой ещё не придумали.

– Готово, – сказала Нателла. – Теперь про себя.

Через полминуты Барбышев смущённо спросил:

– По нулям?

– По нулям. А ты как про себя ругался?

– Ну… представил. Картинку.

– Какую картинку?

– Ну… стоит, розовый такой…

Нателла поперхнулась.

– Розовый, говоришь? Я тебя должна учить, да? Фаллос и …й – два разных предмета. Попробуй сказать это с таким же выражением, но про себя. Давай!

«…й!» – подумал Барбышев. «Пи-и-ип!» – ответил прибор.

3

Эксперимент проводился на протяжении 10 недель в 11 точках земного шара. Участвовали 52 добровольца с 6 родными языками. Результаты эксперимента приведены в таблицах 10.1-10.17. Выводы:

а) произнесение слов, приведённых в таблице 10.2 в международной фонетической транскрипции – слов, в обиходе называемых «русским матом», – приводит к однозначным возмущениям этического поля Земли. Это возмущение легко обнаруживается прибором, схема которого приводится на рис. 10.1; мы назвали этот прибор эсхрометром (от греческого αισχρος – ругательный, вульгарный). В дальнейшем мы будем называть возникающее возмущение «эсхрометрический эффект», сокращённо ЭЭ;

б) обнаружена логарифмическая зависимость длительности и интенсивности эсхрометрического эффекта от количества людей, услышавших матерное слово. В случае хорового произнесения матерного слова группой людей обнаружена линейная зависимость интенсивности возмущения от количества произносивших; длительность возмущения в таком случае не меняется;

в) не обнаружено зависимости ЭЭ от точки земного шара, где произносилось матерное слово, и от времени суток или года;

г) если человек, произнесший матерное слово, не знает о его матерном значении (проводились эксперименты с носителями китайского, арабского, испанского и венгерского языков), он не влияет на возникновение ЭЭ. Тем не менее, если слово, произнесённое им, услышано и понято присутствующими как матерное, эффект возникает;

д) слушатель, не знающий о матерном значении произносимого слова, влияет на силу эффекта так же, как знающий слушатель.

Примечание: возможно, здесь играет роль вторичный

психологический эффект, когда слушатель догадывается о значении слова по интонации произносящего и по реакции других слушателей. Мы планируем проверить это предположение будущими экспериментами;

е) при произнесении ненормативной лексики других языков (проверялось на материале арабского, венгерского и испанского – см. табл. 10.15) также обнаруживается ЭЭ; при этом…

4

Участвуют: Барбышев, Нателла, эсхрометр.

Барбышев: У-уф-ф! Наконец-то все ушли.

Нателла: Ага! Достали жутко. Особенно этот …дак в шапке.

Эсхрометр: Пи-и-ип!

Барбышев: Угу, меня тоже он укатал.

Нателла: Я не выдержала, обматерила его про себя…

Эсхрометр: Пи-и-ип!

Нателла:…именно. На сто двадцать четвёртой минуте, кстати, запиши, откорректируешь показания, а то наверняка записалось.

Барбышев: Сто двадцать четвё… записал. Откорректирую, если не сдохну.

Нателла: Не сдохнешь, не надейся. Слушай, Лёнь, а тебя в честь города назвали?

Барбышев: Да нет, просто был такой писатель, Лион Фейхтва…

Нателла: Обижаешь, да? Я его в детстве километрами читала.

Барбышев: Нравилось?

Нателла: Ну, местами очень. Но, самое главное, я твёрдо знала, что еврейская девушка, которая не читала Фейхтвангера, – это чёрт знает что.

Барбышев: Ты еврейка? А я думал, ты грузинка.

Нателла: Я грузинская еврейка. По папе. Мама донская казачка. А ты? Теперь ты колись.

Барбышев: Что я? Про меня у Высоцкого написано: «только русские в родне, прадед мой самарин».

Нателла: Не люблю Высоцкого совсем.

Барбышев: А я обожаю.

Нателла: Вот видишь? Я же говорила тебе, что мы не пара; а ты не верил.

Эсхрометр: Пи-и-ип!

Нателла: Это ты меня материшь?

Барбышев: Ты что? Я не матерился.

Нателла: Врёшь!

Эсхрометр: Пи-и-ип!
Барбышев: Честное слово.
Эсхрометр: Пи-и-ип!
Барбышев: Это точно не ты?
Нателла: Сейчас ударю. Больно будет.
Эсхрометр: Пи-и-ип!
Барбышев: Нателла, погоди, я догадался!

5

…В 12:30, после перерыва, нас ожидает доклад одного из открывателей эсхрометрии Л. В. Барбышева. Тема доклада: «Детериорация этического поля».

Краткое содержание: эффект Барбышева-Искандарашвили наблюдается не только при произнесении ненормативной лексики. Похожий эффект был зарегистрирован в присутствии человека, испытывающего чувство глубокой досады, сопряжённое с агрессией. Описывается эксперимент, позволяющий подтвердить возникновение эффекта в этом случае. Кроме того, приводится новый результат: после возникновения эффекта Барбышева-Искандарашвили наблюдается общее падение напряжённости этического поля. Это изменение невосстановимо.

6

– Ну чё?

– Ага.

– Шёл бы ты домой, Барбышев, всё равно от тебя толку никакого.

– А от тебя?

– Держусь, не конец света пока.

– Но ты понимаешь, на что мы набрели?

– Ну, на очередную дырку в озоне.

– Так вот именно!

– Но ведь с дыркой-то живём пока! Сколько всего ужасов напредсказывали. Ты…

– Нател, но…

– Ша, Лёнька. Лучше скажи, как мы единицу измерения назовём, а то послезавтра последний срок.

– Я про себя называю её «один …й».

«Пи-и-ип!» – сказал эсхрометр.

– Лёнька, давай серьёзно. И вообще, давай попробуем завязать материться, раз уж мы поняли, чем это грозит, а?

– Попробую. Привык уже, трудно. Что, и «один хрен» нельзя?

Видишь, и эта зараза не пищит.

– Лёнь, теперь представь себе, как ты лезешь на кафедру и говоришь: «Наблюдалось возмущение приблизительно хрена с два».

– Ну ты даёшь, Нателка! О, погоди, я придумал… я такую штуку придумал…

– Что?

– Возьми наши с тобой инициалы. Только вначале фамилию, потом имя. Без отчества.

– Ну? Барбышев Лион, Иска…

– Видишь? Получается БЛИН! Один блин.

«Пи-и-ип!» – сказал эсхрометр.

– Чего пищишь, скотина? От хрена не пищал, а блин тебе не понравился?

– Это он не на тебя, а на меня. «Чувство глубокой досады, сопряжённое с агрессией». Нам делом заниматься, а ты дурака валяешь.

7

…Полученная единица измерения названа нами бодуэном, в честь лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845–1929). В частности, возмущение в 1 бодуэн на поверхности площадью в 1 квадратный метр понижает интенсивность этического поля на 1 кирлиан.

Отметим, что значения глобальной напряжённости этического поля Земли, замеренные нами 14 июня прошлого года [4] и 14 июня нынешнего [11], отличаются на 241.1 секстильонов кирлиан: 132.6 в прошлом году и 108.5 в нынешнем. Мы предположили, что падение напряжённости вызвано негативными эмоциональными выбросами человеческого происхождения. В течение месяца мы провели аэроэсхрометрические измерения над поверхностью земного шара. Количество негативных эмоций (в бодуэнах в секунду) приведено в таблице А. Как можно видеть, значения колеблются от нуля (в некоторых районах Тихого океана) до 27 (например, в центре Москвы). Среднее значение негативных выбросов составляет полтора бодуэна в секунду. Учитывая поверхность земного шара (0.51 квадрильонов квадратных метров) и количество секунд в году ($365 \times 24 \times 60 \times 60 = 31\ 536\ 000$), общий негативный выброс за год должен сжигать 24.125 секстильонов кирлиан этического поля, что (при ошибке измерений Ђ8%) соответствует независимо измеренной величине.

Выводы:

а) падение напряжённости этического поля Земли является

исключительно результатом негативных выбросов человеческих эмоций;

б) если интенсивность выбросов (полтора бодуэна в секунду) сохранится неизменной, через 4.5 года следует ожидать полного исчезновения этического поля вокруг земного шара. Последствия этого в рамках существующей теории предсказать невозможно.

8

– Лёнь, иди сюда скорее! Я всё поняла. Ой, классный букет, спасибо, Лёнь.

– Нателла, я хотел тебе сказать…

– Я тоже хотела тебе сказать, я вдруг ночью поняла…

– И я ночью понял. Но давай ты раньше.

– Хорошо, Лёнь. Помнишь в Библии древо познания добра и зла?

– Д-да…

– А потом потоп?

– Да, Нателла, да.

– Понимаешь, мы же выяснили, что этическое поле даёт живому организму интуитивное ощущение добра и зла. Это и есть яблоко! Представь себе, что первобытные люди испытали уже когда-то исчезновение поля, а потом оно опять появилось. В легендах это могло отразиться как история с яблоком. Это и про бутылочное горлышко всё объясняет, помнишь, когда из всех человекообразных только гомо сапиенсы выжили, которые кроманьонцы с неандертальцами, а прочие не прошли. И Ева генетическая оттуда, помнишь?

– Да, да.

– А потом что-то произошло и поле снова исчезло, это был потоп. Всемирный. Я не знаю, что такое Ноев ковчег, но выжившие люди как-то смогли возродить поле… Я даже думаю, что у них была какая-то технология, а потом она исчезла, как у Азимова, помнишь?

– Да, да, помню.

– Ну вот, если через четыре года будет опять потоп, может, нам удастся придумать какую-то технологию восстановления поля?

– Может быть.

– И построить такой ковчег, и спасти кого-то.

– Да, наверное.

– А теперь давай ты, Лёнь, выкладывай, что ты ночью понял.

– Да ничего я не понял.

«Пи-и-ип!» – сказал эсхрометр.

9

Новости науки. Наши соотечественники, тридцатичетырёхлетний Лион Барбышев и двадцативосьмилетняя Нателла Искандарашвили номинированы на Нобелевскую премию по физике за создание и развитие эсхромо… эсхо… извините, пожалуйста. За создание и развитие эсхрометрии. Вчера на пресс-конференции Барбышев пожелал своей коллеге войти в книгу рекордов Гиннеса как самому молодому лауреату. Наш корреспондент сообщает, что Нателле Давидовне это не удастся, даже если премия будет ей вручена: в 1915 году Нобелевскую премию по физике вместе со своим отцом получил Вильям Лоуренс Брэгг, которому было всего двадцать пять лет. Тем не менее от души желаем нашим учёным успеха в Стокгольме. А теперь – о спорте.

10

– Лёнька, выходи за меня замуж.

– Что?

– Тьфу, прости! Я действительно не хотела. Женись на мне! Я хочу.

– Ты… чего вдруг?

– А ты разве не хочешь?

– Я всё время хотел, а теперь боюсь.

– Так ты не бойся. Я поняла, что если мне предложат выбросить на…

«Пи-и-ип!» – сказал эсхрометр.

– Извини, не хотела. В общем, не нужна мне никакая наука, если ты со мной не будешь, Лёник. Я эту штуковину молотком изобью.

«Пи-и-ип!» – сказал эсхрометр.

– Извини, это я негативную эмоцию выбросила. Я буду хорошая, я тебя изводить не буду… только по четвергам, ладно?

– …Эх, Нателка… Нателка… белка…

– Меня в школе звали Тарахтелка. Нателка-тарахтелка. А белка – это можно. Белка – это ничего. Я покрашусь в белый цвет, потому что белка… к Нобелевской церемонии.

– Как к церемонии?

– Ты что, с ума сошёл? Нас же выбрали.

11

Наши славные предшественники, стоя в этом зале,

использовали Нобелевскую лекцию для описания теорий и опытов, открывающих человечеству новый взгляд на мир. Юджин Вигнер сказал с этой кафедры: «Физика не пытается объяснить природу. Она пытается только объяснить закономерности в поведении вещей». Закономерности, которые обнаружили моя жена и я, находятся на стыке естественных и социальных наук. С беспристрастностью, свойственной физическим законам, они сообщают нам о грядущем бедствии, подобного которому наша планета не видела уже многие тысячелетия.

С момента первых эсхрометрических замеров поверхности Земли уровень человеческого негатива в среднем не уменьшился: полтора бодуэна в секунду. Но треть срока, предсказанного нами полтора года назад, уже прошла. Через три года Земля останется без этического поля, а человечество – без интуитивных представлений об этике.

Мы верим, что такое уже происходило на Земле. Мы думаем, что легенды о Всемирном потопе и падении Атлантиды являются доисторическим отголоском гибели предыдущей цивилизации нашей планеты: гибели от этического голодания. Мы верим, что священные книги древних народов несут в себе частичное противоядие – в виде непреложных этических законов-заповедей, выполнение которых замедляет детериорацию поля.

Мы не знаем, возможна ли жизнь без этического поля. Мы даже не знаем почти ничего о происхождении этого поля. Насколько разница между жизнью сто лет назад и в наши дни обусловлена тем, что тогда поле Земли было, по-видимому, в десятки раз мощнее? Мы знаем, что и тогда случались войны, кровопролития, преступления, наконец, охота ради развлечения.

Мы считаем, что необходимо срочно мобилизовать все ресурсы для исследования этой проблемы и способов её решения. Мы охотно жертвуем на это всю сумму нашей премии, как и сумму полученных нами за два последних года четырёх международных наград: мы опасаемся, что через три года эти деньги будет некуда вкладывать.

Пока способ не найден, мы хотим обратиться к жителям Земли с наивным и почти безнадёжным призывом: не будьте злыми! Впервые слова «доброта спасёт мир» становятся не фигурой речи, а реальным физическим законом.

12

…В центре сунэгбар-тусейбожа горел огромный противный тув, от которого медленно расползались ручейки разноцветной лавы. Все тавры, стоящие в очереди – их было не больше

десятка, – грелись около этого тува, а люди – не меньше пятидесяти – предпочитали прятаться от жары по углам, где специально для них работали кондиционеры.

Павел неожиданно подумал о таврах без раздражения. В самом деле, чего раздражаться? Спасли, приютили до поры, обогрели… да, обогрели, не то слово… теперь охлаждают. Кондиционеры охлаждали температуру до плюс сорока пяти градусов – ещё чуть-чуть, и ни один тавр не мог бы находиться в помещении. Терпят ради нас, хотя сунэгбар-тусейбож был построен для своих. Настоящие ангелы небесные, хоть и с рогами. Вот что значит сильное – как его бишь? – этическое поле.

Было и ещё одно приятное нововведение: на входе под надписью на местном языке красовалась самодельная, но приемлемая вывеска «БЮРО ПО ТРУДОУСТРОЙСТВУ». Заодно вспомним, как это называлось там, у нас, хмыкнул про себя Павел. В прошлом году, в общежитии для эвакуантов, девушка по имени Вита ловко рифмовала: «Сунэгбар-тусейбож / для меня непригож, / не хочу я расстаться с последней из кож…» Вообще язык изо дня в день засорялся таврскими словами; Павел от души похвалил себя за то, что, думая только что о кондиционерах, не назвал их жейтрадуннами.

Стоящий у входа бейшерр (ну да, как это по-нашему сказать – привратник? Швейцар? Охранник?) был человеком; его приветливое лицо было чем-то знакомо Павлу – то ли по общежитию, то ли ещё по той жизни. Бейшерр приветствовал безработных тавров и людей – каждого на своём языке – и раздавал всем анкеты.

– Лижандоожзкии! – раздался голос из-за одного из столов.

– Левандовский, – машинально поправил Павел и уселся напротив чиновника.

Это была тавриха, а не тавр – совсем недавно он твёрдо научился их различать по форме рогов. Поверх мохнатого тела на таврихе было некое подобие шубы, и всё равно она дрожала от холода.

– До-обрый де-ень, меня зовут Жнурр, – сказала она.

– Павел, – отрывисто произнёс он, хотя понимал, что его имя ей известно. – Я учитель физкультуры.

– Учи-итель физкульту-уры… – проблеяла Жнурр. – Есть заявки. Но вы можете работать при комнатной температуре?

– Шестьдесят градусов? Боюсь, что нет.

– Вот ви-идите… О! В Агайбагде хотят организовать школу-интернат для ваших детей, и там может понадобиться учитель.

– Я слышал про ваш Агайбагд, – огорчённо сказал Павел. – О нём все слышали, вот беда. Там уже наверняка сто таких же, как

я, слетелось… и половина, наверное, с блатом.

Жнурр сочувственно поглядела на Павла.

– Я не знаю, что такое «бла-ат», но, если там вы и сто таких, как вы, нет никакой причины выбрать не ва-ас. А вот если там будут сто таких, как вы, но вас там не бу-удет…

– Я понял, спасибо. Пошлю биографию.

– Искренне желаю вам успе-еха. Вы в каком городе жили там?

Павел ответил.

– О, так интере-есно: я видела альбомы! Музеи, произведения искусства, архитектура, восхити-ительно! Прекрасный город…

– Был, – сказали они хором и попрощались друг с другом.

По дороге на выход Павел ещё раз поглядел на симпатичного полузнакомого бейшерра – тот объяснял пожилой таврихе с выцветшим мехом, как заполнять анкету.

– Слушай, приятель, – окликнул его Павел. – Ты откуда так здорово по-ихнему выучился?

– Так я же в Байдажерне учусь, на физфаке.

– Молодец! – одобрил Павел. – А здесь тогда чего работаешь?

– Деньги нужны, – улыбнулся бейшерр. – Стипендия есть, но её не хватает, а у меня жена… на восьмом месяце.

– Крут! – диагностировал Павел. – Ты ж, наверное, мой ровесник?

– Мне сорок, – ответил бейшерр.

– И мне сорок! – обрадовался Павел. – А ты там чем занимался?

– Работал в институте, – весело сказал бейшерр. – Но тут наука такая, что нам ещё учиться и учиться.

– А я в школе работал, – сказал Павел. – Ладно, мне бежать пора. Меня Павел зовут. А тебя, кажется, Леонид?

– Почти, – сказал бейшерр. – Не Леонид, а Лион. Можно Лёней.

Мерси Шелли
Голос
Рассказ

Жил да был Голос. Он жил в телефонных проводах. Вернее, так: он жил в телефонных проводах, потому что больше нигде жить он не мог. Выражаясь более современным языком – у него не было Постоянного Носителя. Так бывает, хотя и не часто.

Откуда же взялся Голос? Мы не знаем. Может быть, возник сам собой. Говорят, что-то подобное может случиться, когда количество электронных переключателей на телефонных станциях мира достигнет некоторого критического порога – что-то вроде числа нейронов в человеческом мозге. А может, всё было и не так. Возможно, это был чей-то потерявшийся Голос. По крайней мере, самому Голосу второе предположение нравилось больше – это оставляло надежду на то, что он найдёт-таки свой Носитель.

Но найти было не так-то просто. Все люди, пользовавшиеся телефонами, имели свои собственные голоса, а наш Голос был очень ненавязчивым. То ли из боязни, что его обнаружат, то ли от какой-то особой природной скромности он никому не хотел мешать. Однако время от времени ему приходилось чуточку нарушать это правило…

Чтобы не умереть.

Дело в том, что Голосу нужно было всё время говорить, а точнее – разговаривать. И поскольку никого другого в проводах не было, он мог разговаривать только с людьми, которые пользовались телефонами. Конечно, он не говорил им, кто он на самом деле. Он просто изображал других людей. За свою не очень долгую жизнь (мы полагаем, что он родился в 60-х годах в Соединённых Штатах – но никто, конечно, не знает точно)… так вот, за всё это время он прослушал уйму телефонных разговоров и мог при желании прикинуться и маленькой обидчивой девочкой из Норвегии, и иранским полковником авиации в отставке, и любым другим человеком.

Сам он почти никогда никому не звонил. Только в крайних случаях, когда ничего другого уже не оставалось. Тогда он звонил кому-нибудь наугад и делал вид, что не туда попал. Или что он проводит телефонный опрос на тему: кого вы больше любите – кошек или собак? «Пежо» или «Тойоту»? Были у него и другие игры подобного рода. Но, как мы уже сказали, он был очень ненавязчивым Голосом, и делал так только тогда, когда больше

говорить было не с кем. А говорить, точнее, разговаривать, было для него самым главным в жизни.

К счастью, телефонная система мира была огромной и шумной: в среднем, каждую минуту на планете происходило около шестисот двадцати тысяч телефонных разговоров. Голос слушал и выбирал. Услышав, что где-то включился автоответчик и голосом хозяйки телефона сообщает, что никого нет дома, Голос мчался по проводам к этому телефону, и – оп! – звонящий на том конце провода слышал, что хозяйка телефона, прервав свой автоответчик, отвечает сама. Конечно, это был Голос. Он переключал звонящего на свою линию и отвечал ему нежным голосом его девушки: «Ой, привет, я только вбежала, слышу – а ты уже мой автоответчик ругаешь!»

Звонящие никогда не догадывались, что их немножко обманывают. Конечно, Голос не знал многого из их жизни и иногда ошибался. Но он быстро научился сдвигать разговоры в такие области, где вовсе не нужно знать, кто где родился, сколько у кого детей и денег, и так далее. Да люди и сами частенько любят поболтать на отвлечённые темы или вообще ни о чём. Если же иногда и выходила промашка, то Голос притворялся простуженным или устраивал в трубке помехи.

Иногда Голос даже помогал своим собеседникам. Когда он слышал, что кто-то в сердцах бросает трубку, он перехватывал линию в самую последнюю минуту и говорил человеку, оставшемуся на проводе: «Ладно, извини, что-то я разорался сегодня… Устал на работе. Так и быть, мы поедем летом на озеро… только не называй меня больше занудой!» А потом звонил бросившему трубку и, изменив голос, говорил: «Спокойной ночи, милый… Я была не права, не обижайся, пожалуйста. Это же ясно, что ты устал сегодня и не в духе обсуждать планы на лето… Давай лучше поговорим об этом в выходной».

Так и жил Голос, разговаривая. Вернее – жил разговорами. Он не мог жить без разговоров. Если он чувствовал, что говорящий с ним человек собирается дать отбой, он снова начинал «вполуха» прослушивать всю мировую телефонную сеть. И заканчивая один разговор, тут же перескакивал на другой. А как он начинал разговоры, вы уже знаете.

# # # #

Так и жил бы себе Голос в проводах, разговаривая со всем миром и не особенно сожалея о том, что нет у него Носителя. Но

случались с ним и неприятные приключения.

Однажды он застрял в телефоне-автомате провинциального городка: сильный ветер порвал провода, и Голос не мог вернуться в мировую телефонную сеть из маленькой местной сети автоматов. Автоматы были исправны, но не имели связи с миром из-за обрыва кабеля.

Единственное, что спасло Голос, – на вокзале в одной из кабинок трубку не повесили на рычаг, и она болталась на проводе, издавая гудки. Голос весь сконцентрировался в этих гудках, они стали громче, сложнее, и звучали теперь почти как мелодия, сыгранная на органе. На вокзале было много людей, они знали, что телефоны сломались – но они разговаривали между собой, Голос мог слышать их слова, особенно когда они говорили недалеко от его автомата. А люди, проходя мимо, могли слышать его музыкальные стоны из трубки. Пару раз какой-то ребёнок подходил к его будке, слушал гудки, потом брал трубку в руки и кричал в неё: «Алло, мама, алло!» Позже кто-то другой – взрослый, но не совсем нормальный – долго ругал телефонную станцию, обращаясь непосредственно к тому аппарату, где застрял Голос.

Конечно, это были не разговоры, но Голос выжил, проведя жуткую ночь в лихорадке коротких гудков и отрывочных фраз, почти не чувствуя себя, но чувствуя, что ещё жив. Так иногда себя чувствуют заболевшие люди – ничего, кроме пульса, который накатывается и отступает, как большая груда красных камней или громкие гудки в трубке неисправного телефона…

Наутро линию починили, и Голос вернулся в мировую сеть в сильном испуге. С тех пор он стал осторожнее и избегал телефонов в таких местах, связь с которыми может легко прерваться. Но был и другой случай, который напугал его ещё больше.

Дело было в Нью-Йорке – в большом городе со множеством телефонов, где, казалось, ничего плохого не может случиться. Голос болтал с одним пьяным банкиром, звонившим из бара домой. Жены банкира на самом деле не было дома, и Голос успешно изображал её неискренний смех… когда вдруг почувствовал, что слабеет: напряжение падало, падало очень быстро. Это был тот самый, знаменитый black-out Нью-Йорка, неожиданное отключение света, которое принесло сотни самоубийств во внезапно обрушившейся на город темноте.

Но темнота не страшила Голос – ему грозила обыкновенная смерть на быстро остывающих микросхемах, потому что на телефонных станциях электричество тоже пропало. Существовали, конечно, телефонные сети других городов и стран.

Но он знал, что не успеет перегруппироваться так быстро – Нью-Йорк был слишком серьёзным «нервным узлом», а напряжение в сети падало с катастрофической скоростью.

И тогда он решился на отчаянный шаг. Он, собственно, и не догадывался, что такое возможно. Дикая и спасительная идея пришла к нему в голову… да нет, не в голову, ведь не было у него никакой головы! – но именно мысль о голове и пришла к нему в ту секунду.

Он оккупировал мозг пьяного банкира.

Это вышло так неожиданно – сумасшедший порыв, только бы выжить, даже о ненавязчивости своей он позабыл совершенно – и первой мыслью после скачка была радостная мысль о том, что он ещё жив. Но сразу же вслед за этим Голос ужаснулся и своему поступку, и тому, куда он попал.

Всё было ненамного лучше, чем тогда в автомате. Мозг банкира оказался жуткой помойной ямой. Человеческие нейронные сети по своему устройству были космически далеки от привычных Голосу телефонных сетей. А алкоголь, темнота и паника только усугубляли хаос: образы, приходившие из реального мира через органы чувств, причудливо перемешивались с сюжетами из банкирова прошлого и с какими-то уж совсем сюрреалистическими картинками, нарисованными больным воображением этого человека, который провёл слишком много времени среди бумаг с колонками цифр.

И теперь уже не музыкальным гудком из трубки, а нечеловеческим криком из человеческой глотки кричал Голос. И словно в ответ ему закричали сотни других голосов Нью-Йорка, погрузившегося в темноту…

# # # #

Мы не знаем, что случилось дальше с банкиром, мозг которого Голос занял во время «затмения». Но сам Голос наутро опять был дома, в проводах мировой телефонной сети. После этого он провёл две недели, кочуя между Японией и Европой: слишком сильно его напугали Штаты, и он отдыхал подальше от них, наведываясь даже в Россию, где телефонные линии не отличались качеством, зато разговоры были самыми длинными и интересными.

Именно в это время, после нью-йоркской истории, он всерьёз задумался о Постоянном Носителе. Как мы говорили раньше, он считал себя чьим-то потерянным голосом. Предположение, что он родился таким, какой есть, без Носителя, ему совершенно не

нравилось, и он старался отогнать эту мысль подальше.

Но вредить голосам людей, захватывая их носители, не хотелось. Кроме того, после случая с пьяным банкиром Голос понял, что человеческий мозг ему вообще не подходит – он был совершенно другим существом. И тогда он начал искать, пробуя всё, к чему имел доступ.

Он начал с компьютеров – их в то время как раз стали соединять друг с другом через телефонные провода. Голос легко научился превращаться в текст и вступать в дискуссии в конференциях и электронных чатах. Но говорить не голосом, а текстом было для него… ну, всё равно как для человека – пытаться рассказывать что-то с завязанным ртом. Да и разговоров тогда в сетях велось маловато, а ответы в них зачастую приходили с большим опозданием.

Потом он нашёл несколько интересных военных проектов, однако там многослойная система секретности исключала свободное переключение с одного разговора на другой. Да и о многом ли поговоришь с военными или через военных, будь у тебя даже самый хороший Носитель?

Что касается телевидения – у Голоса ничего не получалось с изображением. Если тексты казались ему слишком простым и медленным языком, то телеизображение, наоборот, было языком сложным и вообще иностранным. К тому же и тут было больше монологов, чем разговоров.

На радио дело обстояло значительно лучше. Голосу даже удалось симулировать небольшую весёлую радиостанцию, для которой он подыскал специальный телефон. Аппарат находился в подсобке одного института – помещение было завалено мебелью, и никто не помнил, что там есть телефон. Так что Голос мог спокойно давать этот номер слушателям своих ток-шоу. И слушатели, сразу же полюбившие новую радиостанцию, постоянно звонили ему, чтобы поговорить с разными знаменитостями, которых он с лёгкостью «приглашал» – то есть просто говорил их голосами. Это было, пожалуй, самое счастливое время в его жизни, и он снова стал забывать о том, что у него всё-таки нет Носителя…

К сожалению, через полгода подпольная радиостанция стала такой популярной, что скрываться было уже невозможно. Люди из Налогового Управления разыскали и заброшенный телефон, и передатчик, которым пользовался Голос. Передатчик, кстати сказать, стоял всё это время на выставке в магазине радиоаппаратуры. Это была демонстрационная стойка, её исправно включали каждое утро. Владельца магазина оштрафовали на крупную сумму за несанкционированный выход

в эфир, хотя для него самого, как и для многих других людей, эта история так и осталась большой загадкой. Впрочем, в деле о фальшивой радиостанции фигурировал и другой передатчик, находившийся на трансатлантическом лайнере. Как разобрались с ним, нам не известно; но похоже, всё действительно было не так просто, как могло показаться вначале.

После краха радиостанции Голос вернулся к перехвату автоответчиков и к другим старым играм, позволявшим ему постоянно говорить, а точнее, разговаривать. И опять мысли о Носителе подтолкнули его на поиски.

И он нашёл.

Это была огромная компьютеризированная Фонотека Голосов и Звуков, совмещённая с суперсовременной студией звукозаписи – обе только что выстроили и запустили в работу в Голливуде. Голос изучил возможности Фонотеки и понял, что может незаметно взять её под контроль. И тогда ему больше не придётся прятаться и бегать с места на место.

Мы не знаем, что именно Голос хотел сделать с Фонотекой. Одно было ясно – она ему очень понравилась. Он собирался оставить свою беспокойную жизнь среди хаоса телефонного мира и переселиться в Студию-Фонотеку насовсем.

# # # #

Здесь недалеко уже и до конца нашей истории о Голосе, жившем в телефонных проводах. Потому что Голос так никуда и не переехал. Всё случилось случайно – именно так, как оно обычно и случается.

Перед самым переселением в Фонотеку-Студию Голос в последний раз отправился поиграть в «не-туда-попал». Он набрал наугад номер и попросил к телефону какого-то выдуманного господина. Девушка, поднявшая трубку, конечно, сказала «Вы не туда попали». Но звучала она при этом как-то уж очень разочарованно. Словно она давно ожидала звонка, и вот телефон зазвонил, но спросили совсем не её. Поэтому, вместо того чтобы извиниться и дать отбой, Голос решил поболтать с ней.

Девушка тоже была не против и как будто даже обрадовалась, когда незнакомец спросил о причине её грусти. Она рассказала, что живёт в крупном городе, но у неё совсем нет друзей и часто просто не с кем поговорить. А говорить, точнее, разговаривать, она любит, но очень стесняется. А если она вдруг начинает с кем-нибудь говорить, разговоры постоянно заходят куда-то не туда, и от этого она замыкается ещё больше. Вот почему у неё нет друзей,

и она сидит в одиночестве дома, и разговаривает лишь с wind-chimes, что висят у неё на балконе.

Голос, при всей его образованности, не знал, что такое wind-chimes. Девушка объяснила, что это просто три медные трубки, а между ними висит на нитке деревянный кругляш. И когда дует ветер, кругляш качается и постукивает по трубкам – так wind-chimes играют, а она с ними разговаривает, продолжая свистом то, что они начинают. Или сама насвистывает какую-нибудь мелодию, а wind-chimes подхватывают за ней. Игрушку эту она купила три года назад в индейском магазинчике сувениров, когда ездила на каникулы в один из западных штатов.

Рассказывая об этом, девушка вынесла телефон на балкон, чтобы дать незнакомцу послушать странные звоны, которые издавали три трубочки на ветру.

Голос никогда не слышал в своих проводах ничего похожего на эту музыку ветра, и всё же… Было в ней что-то знакомое, что-то от телефонных звонков – не от нынешних электронных пищалок, а от старых простых механизмов, где маленький молоточек постукивал по двум металлическим чашечкам внутри телефонного аппарата. Но мелодия wind-chimes была ещё чище, древнее… Голосу показалось, что он смутно припоминает что-то похожее… но он так и не смог понять, что это.

Не менее любопытным явлением был для него и свист. Раньше он уже слышал, как люди свистят, и ему это очень нравилось – наверное, из-за сходства свиста с некоторыми из тех сигналов, что слышатся иногда в телефонных трубках. Но люди почему-то свистели очень редко. Голос даже узнал, что свистеть – плохая примета. Как-то раз одна русская женщина сказала присвистнувшему в трубку мужу: «Не свисти, денег не будет!» А в другой раз, в разговоре английских морских офицеров, Голос подслушал старинную поговорку, где говорилось о трёх вещах, которых нужно бояться, – третьей в списке шла «свистящая женщина».

Голосу оставалось только гадать – что плохого в свисте?! Может быть, думал он, люди чаще свистят в каком-то особом настроении, когда остаются одни и не говорят с другими по телефону, потому что нехорошо показывать это настроение всем подряд?

Но не свист и не музыка wind-chimes были главным, что привлекало Голос в новой знакомой. Главным было то, что она любила разговаривать, а разговаривать ей было не с кем! И Голос решил, что пообщается с этой девушкой ещё какое-то время, а его проект с Фонотекой пока подождёт.

И они стали подолгу разговаривать каждый день. Она

рассказала ему простую и недлинную историю своей жизни, а он в ответ сочинил историю о себе. Он даже сказал ей, что вовсе не ошибся номером, а позвонил ей специально, поскольку однажды приезжал в её город, видел её, и она ему очень понравилась, так что он незаметно проводил её до самого дома, узнал адрес, а по адресу – телефон; и, вернувшись в свою далёкую родную страну, позвонил ей. За миллионы своих телефонных бесед Голос стал настоящим экспертом по человеческой психологии, и потому рассказанная им история выглядела удивительно правдивой. Девушке даже стало казаться, что она вспоминает высокого симпатичного незнакомца, который пристально посмотрел на неё где-то месяц назад… в магазине… или на той вечеринке… а может быть, это случилось на выходе из метро около её дома?..

Общаться с Голосом было просто чудесно! Знал он много, а если чего-то не знал, то мог найти, пользуясь, в буквальном смысле этого человеческого выражения, «своими старыми связями». Самым интересным человеческим языком Голос считал музыку. Он не знал, что это, в общем-то, не язык, но такое незнание совсем не вредило, даже наоборот. Не прошло и двух месяцев со дня их знакомства, как его собеседница научилась разбираться во всех музыкальных течениях, от классики и народных мелодий разных стран до самых последних психоделических экспериментов. Владельцы музыкальных студий и магазинов расшибались в лепёшку, чтоб ублажить щедрого клиента, который просил их поставить то одну, то другую запись по телефону. Потом они рвали на себе волосы, когда узнавали, что Голос назвал им несуществующий адрес и чужой номер кредитной карточки – а тем временем собеседница Голоса восхищалась разнообразием аудиоколлекции своего загадочного поклонника.

Самому Голосу тоже очень нравилось общаться с девушкой. Если пользоваться человеческим языком, можно сказать, что он просто влюбился в неё. Нам уже доводилось употреблять человеческие понятия, когда мы рассказывали, чего он «боялся» и что ему «нравилось». Но, если честно, мы не знаем, могут ли Голоса любить – хотя говорят, можно влюбиться в чей-то Голос. Возможно, он просто не хотел разрушать иллюзий своей замечательной телефонной подруги, которая думала, что он её любит, да и сама уже не представляла, как бы она жила без него.

Одно было ясно: он разговаривал с ней, разговаривал много, а значит, жил. Может, этого и достаточно, и не нужно тут ничего и ни с чем сравнивать.

Тем не менее, чтобы она не привыкла к нему одному слишком сильно, он выдумывал для неё новых друзей и подруг, с

которыми она тоже «знакомилась» по телефону. Они читали ей сказки и стихи, рассказывали анекдоты и новости, жаловались на болезни и разные глупости мира, советовали хорошие книги и музыку. А иногда спрашивали и её совета по какому-нибудь вопросу. Всё это был Голос.

Позже он стал подыскивать для неё и настоящих друзей – людей, которые интересовались тем же, что и она, или просто подходили ей в компанию, и жили неподалёку. Удивительно, как много таких людей оказалось вокруг! Она, возможно, сталкивалась с ними в супермаркете, по утрам входила вместе с ними в метро, но никогда не заговорила бы с ними, если бы не Голос. В то время как она спала или училась, он знакомился с ними сам, занимаясь своими обычными телефонными играми. А потом как бы невзначай давал им её телефон.

Девушка больше не была одинокой и скованной. Благодаря Голосу она стала образованной и общительной, и теперь её собственные успехи помогали ей. Новые знакомства не ограничивались разговорами по телефону, и вскоре неплохая компания образовалась вокруг неё и расширялась уже не благодаря Голосу, а благодаря ей самой и её друзьям.

Но лучшим её другом оставался, конечно, Голос. Только вот встретиться с ним ей никак не удавалось. Он выбивался из сил, чтобы снова и снова придумывать, почему им нельзя увидеться – и придумывать так, чтобы её не обидеть.

А с другой стороны, он не хотел оттолкнуть её своей нереальностью. И он добился, чтобы она представляла его совершенно отчётливо. Для этого ему пришлось придумывать свою личность с точностью до мельчайших подробностей – начиная с болезней, которыми он болел в детстве, и преподавателей, которых он не любил в институте, и кончая родинкой на правом локте, сломанным на боксе носом и любимым блюдом: им оказался майонез, который он добавлял во все остальные блюда.

# # # #

А вот и самый конец истории о Голосе, который жил в проводах телефонной сети, и искал себе Постоянный Носитель, и даже как будто нашёл – но неожиданное знакомство, переросшее в долгую дружбу, изменило его планы. Мы уже рассказали, как благотворно влияло общение с Голосом на его собеседницу, которая из незаметной, застенчивой золушки превратилась в милую и обаятельную принцессу с целой свитой друзей и

поклонников. Но ни она, ни даже сам Голос не знали, что их телефонная дружба влияет и на него. И влияет совсем не так, как хотелось бы.

В одно прекрасное утро Голос, следуя давнему уговору, позвонил своей собеседнице, чтобы разбудить её. И сразу заметил, что звучит она в этот день как-то по-новому. А она бросилась рассказывать, как повстречала вчера одного замечательного человека, и какие чудесные цветы он ей подарил… Ещё не дослушав её рассказ до конца, Голос понял: произошло то, что и должно было когда-нибудь произойти. И теперь ему пора уходить, поскольку он сделал своё дело и дольше оставаться здесь незачем.

Девушка между тем вышла с трубкой на балкон, продолжая рассказывать, что замечательный человек приедет за ней с минуты на минуту, и они отправятся в гости к знакомому, известному художнику. «А вот и он!» – воскликнула она радостно. Видимо, увидала машину, подъезжавшую к дому.

«Ну и ладно,» – подумал Голос. Он начал прощаться с девушкой и вдруг обнаружил…

…что ему некуда идти!

Он больше не слышал других телефонов! Это было примерно так же, как тогда на вокзале, когда Голос отрезало от всего мира в будке сломанного автомата. Но сегодня всё обстояло гораздо хуже. Провода не были порваны ветром. Это он больше не был тем Голосом, который свободно по ним путешествовал!

А ведь он замечал нечто подозрительное и раньше, но не придавал значения этим сбоям – слишком занят был разговорами с девушкой и устройством её компании. И только сейчас всё выстроилось в очевидную цепь. Сначала он ограничился одним государством и не заметил, как быстро лишился доступа к телефонам других стран. Затем, подбирая друзей и подруг для своей собеседницы, он сконцентрировался в сети одного города, в трёх АТС одного района… Вероятно, ещё вчера он мог дотянуться до телефонов сотен людей. Но он больше не общался с сотнями людей! И сегодня он оказался голосом, звучащим только в одной трубке.

Он больше не был Голосом!!!

Он был теперь незнакомцем, высоким и симпатичным, и даже не незнакомцем вовсе: на локте у него была родинка, в детстве – ветрянка, он добавлял майонез во все остальные блюда, а очки никогда не сидели прямо на его переносице, чуть искривлённой в молодости на боксе. Он стал вполне узнаваемым человеком, старым добрым приятелем…

Но человек этот существовал лишь в воображении девушки,

которая в это время нетерпеливо постукивала каблучком о балконный порог и скороговоркой шептала в трубку: «Ну всё-всё, я бегу открывать, счастливо! Я позвоню тебе вечером!..» А он, слышавший миллиарды людских историй, уже знал, что вряд ли она позвонит так скоро. Разве что через месяц или через полгода, когда…

Но он-то не мог прожить даже дня, не разговаривая! И тысячи разговоров, начинающихся и кончающихся в эту минуту в мировой телефонной сети, были ему теперь недоступны.

«Ну счастливо!» – сказала она ещё раз и занесла руку с трубкой над аппаратом, чтобы дать отбой. Он уже не мог рассказать ей, кто он на самом деле и что с ним случится, если она это сделает. Да и она всё равно не поверила бы ему сейчас. Он вспомнил историю с нью-йоркским банкиром, но сразу прогнал эту вредную мысль прочь – он зарёкся повторять нечто подобное с людьми. К тому же его принцесса была совсем непохожа на того пьяницу…

И в тот миг, когда трубка уже летела в своё гнездо, зацепившийся за балкон ветер качнул wind-chimes. Они звякнули тихо-тихо – но тот, кому уже нечего было терять, услышал. Это произошло чуть раньше, чем рычажок погрузился в корпус, прерывая связь, – но даже такого короткого промежутка времени было достаточно для того, кто ещё недавно мог облететь Землю за миллисекунду.

Wind-chimes звякнули чуть погромче, а потом прозвонили короткую и грустную мелодию – настолько странную, что даже девушка, очень спешившая уйти с балкона, остановилась, удивлённо обернулась… и по привычке присвистнула в ответ.

И только потом побежала к двери, где уже заливался электрический звонок.

Константин Ситников
«Чапаев и пустота» в переводе на язык Клингон
Рассказ

Издательство «Tugh» народа Клингон начало новую серию переводных романов публикацией прозы известного русского писателя Виктора Пелевина. Уже сам интерес к земной литературе со стороны традиционно столь высокомерного и пренебрежительного к чужим культурам народа говорит о многом. Если не о значительных подвижках в мировоззрении среднего клингонианца, то уж, во всяком случае, об изменении политической конъюнктуры в среде правящей верхушки. Однако здесь, в рамках небольшой статьи, нас не будут интересовать ни политические, ни социальные аспекты данного события; наш интерес лежит всецело в области психолингвистики.

Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с языком Клингон и прозой Виктора Пелевина, легко может убедиться, взяв в руки книжку новой серии, что никакого перевода, собственно, не получилось. В лучшем случае – это очень приблизительный пересказ, а ещё точнее – самостоятельное произведение, написанное анонимным клингонианцем по мотивам прозы Виктора Пелевина.

Начать с того, что фонетические системы русского языка и языка Клингон значительно различаются. Так, само имя автора в произношении клингонианцев звучит совсем иначе: *vIqtorpelevin*, где *«I»* следует произносить как очень короткое и напряжённое *«i»*, в *«q»* явственно слышится замыкающее придыхание, а в *«t»* замыкающее *«lh»* (стр. 13–16)[1]. Инициальное *«p»* в фамилии следует произносить очень энергично, при этом правилом хорошего тона считается оросить собеседника брызгами, как если бы вы произносили не *«Пелевин»*, а с лёгким фырканьем: *«Пфилевин»*; заключительное *«n»* для земного слуха звучит почти как *«d»*. Таким образом, в целом мы получаем нечто вроде *«Викхтлхор Пфилевинд»*. То же самое относится и к именам персонажей романа.

Очень любопытно использование придыхательного ’ в конце слов. Как известно, придыхательный ’ в конце слов обозначает высокую степень возбуждения или ярость говорящего (стр. 16). Это позволило переводчику опустить в энергичных диалогах все авторские ремарки, вроде *«сердито сказал он»* или *«выкрикнула*

она», заменив их на придыхательный ’ в конце каждой реплики персонажа.

Автор встретился с огромным количеством трудностей культурологического характера. Например, в отличие от всех земных языков, Клингон не знает никаких других приветствий, кроме *nuqneH*, то есть *«Что ты хочешь?»* (стр. 57). Поэтому в клингонианской литературе принято опускать все сцены приветствий и переходить прямо к делу. Также клингонианской психологии чужда всякая неопределённость и нерешительность. Поэтому, скажем, короткий диалог лирического героя и его давнишнего приятеля Григория фон Эрнена из первой главы, состоящий из семи реплик, сокращён всего до трёх. Вместо:

– Рад, что ты ещё способен смеяться, – сказал он.

– Здравствуй, Гриша, – ответил я. – Странно тебя видеть.

– Отчего же?

– Так. Странно.

– Откуда и куда? – бодро спросил он.

– Из Питера, – ответил я. – А вот куда – это я хотел бы узнать сам.

– Тогда ко мне, – сказал фон Эрнен, – я тут рядом, один во всей квартире…

– получилось:

– Откуда ты двигаешься? Куда ты двигаешься? – спросил меня Гхригхорий вон Ернденд.

– Я двигаюсь из Пфитхлрогхрадна, – ответил я Гхригхорию вон Ернденду. – Я не знаю, куда я двигаюсь.

– Тогда двигайся ко мне, – сказал Гхригхорий вон Ернденд. – Обоснованием является наличие у меня квартиры, в которой я проживаю один.

Не меньшей трудностью для переводчика явились специфические земные реалии, такие как различные виды пищи, напитки (особенно спиртные), растения, животные и так далее. В результате чего возникли многочисленные нелепые и смешные казусы, вроде того, что *«водка»* переведена как *«маленькая вода»*, а *«грибной суп»* как *«суп из мяса грибов»*.

В качестве наиболее вопиющего примера приведём известную сцену в лесу.

Сцена в лесу… Но на планете Клингон нет ни лесов, ни деревьев как таковых! Их растительность больше похожа на мотки перепутанной проволоки, которые, сцепляясь друг с другом, образуют гигантские конгломераты протяжённостью до нескольких десятков километров. Они совершенно непроходимы, и уж тем более в них невозможно встретить ничего такого, что хотя бы отдалённо напоминало наши поляны. Поэтому

переводчик оказался перед выбором: либо пуститься в пространные, многостраничные объяснения, либо перенести место действия в более привычные для клингонианцев условия. Он предпочёл второй, более простой, путь. У него эта сцена имеет место быть в так называемом HiS'e[2].

Итак, сцена в лесу… Как известно, начинается она с описания трёх «лбов», сидящих у ночного костра на лесной поляне. Уже в первом абзаце упоминаются такие культурологемы, как XX съезд партии и неоплатонизм. Переводчик, ничтоже сумняшеся, опускает их, равно как и весь третий абзац, где речь идёт о лебёдке принадлежащего «новому русскому» джипа как свидетельстве возрождения национальной духовности. Подобному «обрезанию» подверглись все без исключения реминисценции из русской культуры и истории, из которых буквально соткан роман.

Центральное место всей сцены – разговор Володина и «новых русских». Мало того что он ведётся на сленге, оставшемся по существу непонятым клингонианским переводчиком, так он ещё обнаруживает в себе такие логические конструкции, которые, с позиции грамматики и синтаксиса Клингона, являются попросту невозможными.

Володин («Володнинд») объясняет Коляну («Кхолянду») действие наркотических грибов и, для примера, обрисовывает такую картину: Колян должен «шмальнуть» в наехавшего на него «гада» и вдруг обнаруживает, что этот «гад» – он сам, Колян, и есть. Выражение «убить себя» (не «совершить самоубийство», а именно «убить самого себя») в принципе невозможно в языке Клингон.

Известно, что каждый глагол в языке Клингон начинается с приставки, обозначающей как того (то), кто (что) производит действие, так и того (то), на кого (что) оно направлено, то есть как субъект, так и объект высказывания (стр. 32). Например, чтобы сказать *«Я убиваю тебя»*, нужно взять глагол *HoH* «убивать» и добавить к нему приставку *qa* со значением *«я – тебя»: qaHoH*. Но в языке Клингон нет приставки *«я – меня»* или *«ты – тебя»*!

Разумеется, в Клингоне есть возвратные глаголы, образующиеся при помощи суффикса – *egh*. Однако если мы присоединим к глаголу *HoH* суффикс – *egh*, то получим *«убить себя, совершить самоубийство»*, а это нечто совсем другое.

Оказавшись перед непреодолимым языковым барьером, переводчик не смог придумать ничего более умного, чем… напрочь выбросить весь этот отрывок, а чтобы компенсировать непоправимый урон, нанесённый тексту… вставил отрывок собственного сочинения. И здесь мы сталкиваемся с очень

симптоматичным обстоятельством. Именно этот вставной отрывок был признан критикой лучшим во всём романе и включён во все учебные хрестоматии как ярчайший образец земной прозы. Он занимает две полные страницы и состоит всего из двух слов-реплик, повторённых – буква в букву – более тридцати раз:

– *Tugh!*[3] *(Ты будешь делать это?)*

– *Qo'! (Нет, не буду!)*

– *Tugh! (Ты будешь делать это?)*

– *Qo'! (Нет, не буду!)*

– *Tugh! (Ты будешь делать это?)*…

Пример величайшей настойчивости и целеустремлённости, с одной стороны, и трагического упорства и чувства собственного достоинства, с другой, видится клингонианскому читателю в этом незатейливом, но полном энергии и пафоса диалоге.

Итак, с учётом всего вышесказанного, возникает вполне закономерный вопрос: а произошло ли в результате этого «перевода» сближение двух культур – то, ради чего, собственно, и затеивается любое переводное издание? Об этом мы, однако, предоставим судить самому читателю.

В заключение скажем лишь, что перевод выполнен на имперском диалекте языка Клингон, причём в том его варианте, который известен под названием «урезанный Клингон» (стр. 72). Именно этим вариантом официального диалекта обычно пользуются старшие офицеры военно-космического флота, руководящие боевыми действиями, ведущимися против землян.

Далия Трускиновская
Лингводемон
Повесть

Глава первая

Мы работаем в команде, потому что кладоискатель-одиночка рискует жизнью. После того как Андрея завалило в подвале заброшенного дома, а труп нашли две недели спустя, мы как-то вдруг сразу поумнели. Поодиночке больше никогда не ходим.

Кладоискатель – тоже профессия, и не из худших. Конечно, если есть ещё какое-то занятие. Зимой, скажем, бегать по оврагам, где ручьи вымывают из почвы самые неожиданные вещи, не с руки. Зимой нужно сидеть в тепле, делать что-то не слишком обременительное и готовиться к летним экспедициям.

Но вот с тем домом на Магистратской следовало поторопиться…

Наши городские власти непредсказуемы. Вот они решили сносить четырёхэтажное здание на углу, чтоб ставить там многоэтажную автостоянку, – замечательно. Здание – не памятник старины, а стоянка в центре города необходима. Вот они отселили жильцов – тоже хорошо. Решили сносить старую рухлядь летом. И это прекрасно. Но вот вдруг начинается суета, кто-то сверху даёт команду «немедленно!», и в самую холодрыгу затевают снос дома – и так рядом с ним по узким улицам не проехать, а тут ещё сугробы в человеческий рост, а тут ещё обязательное ограждение! И прощай, Магистратская улица, по меньшей мере до мая!

Мы собрались на военный совет. Мы – это Дед, Муха и я, Гость. Прозвали в соответствии с поговоркой про незваного гостя и татарина. Ну, внешность у меня такая – раньше бабка татаро-монгольским игом звала, когда я ей сильно надоедал.

– Надо брать, пока там Тимофей не побывал, – сказал Дед. – Домина довоенной постройки. Там на чердаке может и оружие быть. И наше, и немецкое.

– Кто бы возражал! – ответил Муха. – Но сперва нужно узнать, не засели ли там бомжи.

– А чего узнавать – подойти туда вечером и посмотреть, не горит ли свет, – придумал я.

– Они и в потёмках могут сидеть. А поди их оттуда выкури!

Довоенный дом в городе, который с сорок первого по сорок пятый пару раз переходил из рук в руки, – это сокровище. Хотя с

сокровищем приходится повозиться. Металлоискатель там бесполезен – столько в стенах древней проводки и всякого железа. Простукивать по старинке – как раз, обнаружив пустоту и продолбившись, попадёшь в дымоход, а там одно богатство – слой сажи в три сантиметра. Но умные люди знают, что лучшее место для тайника – это большой деревянный подоконник. Если снизу проковырять его, то можно спрятать золото и камушки. А подоконников там – только в окнах, что глядят на улицу, сорок штук. Но это всё – уже тонкости и детали.

Мы решили провести первую разведку немедленно. Разбежались по домам и собрались часов около одиннадцати, одетые по-походному и при оружии. Нет, ни огнестрела, ни травматики мы не берём, шум ни к чему, а старые добрые нунчаки могут пригодиться. Шокер у нас тоже имеется. И перцовый баллончик – хотя он против собак, но и человеческий нос его не любит. А у нас в хозяйстве есть респираторы – на случай, когда приходится ворошить пыль на чердаках. Там слой может быть – по колено! А под слоем – что угодно. Тимофей однажды бриллиантовую серёжку нашел. Как она попала на чердак – уму непостижимо. Сперва в левом ухе носил, потом надоело – продал.

Он вообще-то не Тимофей, а Райво. Почему латтонец взял себе русское имя – догадок не было, его так уже месяца два все называли. Чудак феерический, и при этом умеет драться. Дед с ним как-то сцепился – вломил ему неплохо, но сам потом отлёживался с сотрясением мозга. Тимофей и его орлы – наши городские конкуренты, они на природу не рвутся. А вот есть ещё «лесные братья» – с теми лучше в лесу не встречаться, как раз и останешься в безымянном овраге кормить червяков. Это – чёрные кладоискатели. Их ещё называют «гробокопатели». Против них могут выступить только красные кладоискатели – эти большой командой работают, выезжают человек по двадцать. Им сила нужна – они то из колодца пулемёт вытянут, то в лесу заваленный дот раскопают. А нас всего трое. Да нам никто больше и не нужен. Было четверо…

– Кажется, пусто, – сказал Дед.

Он пришёл первый, заглянул во двор, послушал тишину и посмотрел на тёмные окна.

Брать дом мы решили со двора – с чёрного хода. Там сквозной подъезд, по узкому коридору можно выйти на лестницу, но надо всё время светить себе под ноги, чтобы не вляпаться в кучу. Бомжи где спят, там и гадят – принцип у них такой, что ли?

Потом мы зря извели кучу времени на подоконники – никто в них тайников не устраивал.

Парочку спящих бомжей мы обнаружили на третьем этаже. Трогать их не стали.

Влезть на чердак оказалось непросто – был люк в потолке, а лестница к нему отсутствовала. Мы впотьмах, светя фонариками, разбрелись по четвёртому этажу, нашли забытые табуретки и кухонный стол. К счастью, висячего замка на люке не было, мы поставили под ним стол, на стол – табурет и с двух сторон подпирали Деда, пока он выталкивал наверх крышку люка. Наконец она откинулась. Тогда мы подсадили Муху – самого лёгкого, и он пошёл по чердаку, докладывая нам о находках и ругаясь – там таки грязи было по щиколотку.

– Во! Ящики! – донеслось из дальнего угла. – Открытые! С книгами!..

– А что за книги? – спросил Дед.

– Хрен разберёшь… Погоди… Готическим шрифтом. По-немецки или по-латтонски – не разобрать. Их тут штук сорок.

Книги в наше время – сомнительный товар, но мы однажды нашли немецкий молитвенник восемнадцатого века, тоже – готическим шрифтом, и отдали его постоянному клиенту – немцу-посреднику. Он заплатил за книжку тридцать евро, а сам её продал, мы так подозреваем, за триста. Но это было давно. С того времени мы научились искать покупателей через Интернет и кое-что выставляли на сетевых аукционах.

– Гость, лезь к нему, – сказал Дед. – Разберитесь там, орлы. Если что стоящее – тащите, я приму.

Он подставил мне «замок», подтолкнул – и я влетел в люк.

Чердак был обыкновенный, в меру захламлённый. В углу светился фонарик, подвешенный к стропилу. Муха стоял на корточках перед ящиком и выкладывал на другой ящик книги.

– Слушай, им по сто двадцать лет, – разглядев цифры, обрадовался я. – По крайней мере, возьмут в букинистическом.

– И простоят они там десять лет…

– Да ладно тебе. Раз ничего другого нет, давай хоть книги возьмём.

Ещё мы нашли исписанные тетради – фиг чего в них разберёшь, а на дне – плоскую деревянную коробку с чистой бумагой и какими-то пузырьками тёмного стекла.

Есть коллекционеры, которых хлебом не корми – дай такой аптечный пузырёк с наклеенной бумажкой. Платят они не слишком много, но этот товар у нас не залежится. Мы взяли коробку, взяли несколько книг потоньше, спровадили Деду в люк и пошли изучать остальные углы. Ноги вязли в рыхлом полу.

Добыча в итоге была такая: плоская коробка, пузырьки, книги, несколько запылённых бутылок, сумка с тряпьём. Всё это

мы, решив, что на сегодня хватит, завтра тоже будет день, потащили к Деду.

Дед живёт с матерью и её сестрой в деревянном двухэтажном доме. Они правильные тётки – понимают, что у мужика свои потребности. Поэтому они сделали Деду отдельный вход в его комнату с лестницы. Сами они к нему заходят очень редко – им страшно. От одного плаката с Мэрлином Мэнсоном непривычного человека может вывернуть наизнанку, а ведь в комнате ещё ужасы имеются. Дед настолько силён, что однажды вкатил по лестнице и установил в своей комнате байк. Так там этот байк простоял всю зиму – гаража-то у Деда нет и не предвидится, а держать такую дорогую вещь в дровяном сарае – лучше сразу оставить на ночь посреди улицы. Более того – он почти в одиночку, Муха только дверь держал, спустил этот байк весной вниз. Так что его мать и тётка не хотят портить себе нервную систему сюрпризами, которые водятся в логове у Деда.

Он и сам – сюрприз. Из рыжей шубы, которую мы нашли в одном чулане, он сделал себе такую безрукавку, что хоть в кино показывай, в фильме из средневековой жизни. Волосы у него – по пояс. Обычно он их заплетает в косу. Если коса мешает – укладывает её узлом на затылке, как его собственная бабушка. Когда сзади – узел, а спереди – борода, это впечатляет. В ближайший маркет Дед ходит в меховой безрукавке и босиком. В трамвае ездит – тоже босиком. Однажды он сказал контролёру: «Разве я похож на человека, который способен купить билет?» И контролёр отвязался. А лет ему сорок.

Иногда его принимают за латтонца, и ему это не нравится.

Муха – потому и Муха, что маленький, шустрый и жужжит. И упрямый, как муха, которой непременно нужно шлёпнуться в твой стакан с пивом. Дед говорит, что это у него комплекс Наполеона. А я весь какой-то средний, не считая рожи. Где-нибудь в Татарстане и она была бы средней. Но тут у нас Латтония.

Мухе семнадцать лет. Ходить в школу он перестал примерно в четырнадцать, задав родителям вопрос, на который у них не было ответа:

– А смысл?

Муха – прирождённый программер и не менее прирождённый раздолбай. Он может прекрасно зарабатывать – его с руками возьмут в любом банке и на любом серьёзном ресурсе, потому что у него уже есть репутация. Но он пока что – геймер. И Дед – геймер, в игре они и познакомились, игра их, в сущности, и кормит. Они накачивают «персов» и продают их чудакам, которым лень самим нянькаться с «персом», добывать ему

оружие, способности и всякие артефакты. За «перса» можно взять сорок крон, если не надуют, но у них уже своя клиентура, да и Дед сам кого хошь надует. Можно ещё сопровождать чужого «перса» и помогать ему накачиваться, за это тоже платят, Муха как-то за ночь огрёб сто баксов – очень всё хорошо получилось. Кроме того, они за деньги, время от времени тестят онлайн-игры, но берут их тестерами редко. Дед ещё участвует в турнирах, но взять большой приз ему пока не удавалось.

Я тоже после школы зарабатываю на жизнь во Всемирной Паутине. Это – единственное место, где мы трое можем прокормить себя, а если понадобится – и близких. Паутина – единственное место, где всё равно, на каком языке мы разговариваем. А для нас это уже принципиально.

За Муху обидно – ему бы учиться и учиться. Но здесь он учиться не может, а уехать некуда. То есть пока – некуда. Андрей, мой одноклассник, побывал в Ирландии, вернулся, помаялся и опять собрался в Ирландию, но, оказалось, не судьба. На похороны мы скидывались, потому что батя у него безработный, а старшая сестра после развода совсем на мели.

Вот так и живём…

Сумку с тряпьём мы вывалили на пол в сарае. Муха светил фонариком, Дед перебирал платья в цветочек и в горошек.

– Чтоб я сдох, это же винтаж, – сказал Муха. – Я был на винтажном сайте – миллионеры сейчас за это большие деньги платят. И коллекционируют, и носят.

– У бабки полон шкаф этого винтажа… – Дед задумался. – А в самом деле, дураком надо быть, чтобы шариться по чердакам и забыть про родную бабку. Вот что – свожу её на рынок, пусть наберёт себе турецких халатов, а её тряпки реставрируем – и на аукцион.

– А это что? – спросил я.

На дне сумки лежала маленькая плоская сумочка, расшитая бисером.

– А это, Гость, то, ради чего стоило лезть на чердак! Это можно самому Васильеву в коллекцию продать! – обрадовался Дед.

– Погоди продавать. Сперва – что там внутри, – напомнил Муха.

В сумочке мы нашли два золотых кольца и цепочку, так что вылазка полностью оправдалась. Дед предложил оставить книги в сарае и отметить находку у него наверху стакашком хорошего вискаря «Джек Дэниэлс».

Неизвестно, что было бы, если бы мы его послушались. Но на меня напал азарт – мне обязательно нужно было сразу покопаться

в книгах при нормальном освещении. Мы потащили сумку по лестнице, зацепили какой-то гвоздь, сдуру дёрнули, из сумки выдрался клок, причём тот самый, к которому крепилась ручка. Ткань затрещала, Дед схватил сумку в охапку, ввалился с ней в комнату, и там уже всё рухнуло на пол – книги, бутылки, плоская коробка.

Аптечные пузырьки времён первой мировой разбежались по комнате и закатились туда, где мы их искать не собирались. Дед ждёт, пока всякое добро, что копится под его тахтой, однажды воспрянет и поставит эту тахту дыбом. Опять же, лазить под шкаф на трезвую голову он не будет – для того чтобы пошерудить там палкой от швабры, нужно лечь на брюхо, иначе не получится, и для такого подвига ста граммов вискаря мало.

Всего пузырьков было десятка два. И все мгновенно сгинули. Почти все – один, попав под шкаф, не остался там, как полагалось бы, с учётом кривого пола в деревянном домишке, а неторопливо выкатился и, словно карабкаясь по склону, докатился до середины комнаты.

– Хм, – сказал Дед. – Это к чему-то.

– Это тайный знак, – добавил Муха. – Помнишь, в «Боевых драконах Винтерланда» нужно внимательно смотреть на скалу в левом углу, чтобы заметить зелёный кружок?

– Он срабатывает, только если на втором уровне ты поменяешь ножи и прикупишь на сдачу два эликсира скорости. Я два раза нарочно проверял. Но нам сегодня везёт. Бомжи дрыхли, в дерьмо мы не влезли, со стола не навернулись, – Дед старательно перечислял наши удачи, пока я разливал вискарь – по четыре булька для начала. – Золотишко нашли, что ещё… Может, в этом дурацком флаконе брюлики лежат?

– Ага, брюлики! – развеселился я. – Эта захоронка уже послевоенная, кому и на кой держать на чердаке брюлики? С золотом хоть ясно – бабка померла, и её шмотьё, не глядя, в сумку покидали. Брюлики!

– Но там что-то есть… – Дед подхватил пузырёк с пола. – Точно, что-то есть!

Он встряхнул пузырёк – внутри застучало.

Но крышка приросла к стеклу.

– Держи, – Муха протянул Деду гантель.

Это была одна из тех гантелей, которые каждый мужчина от пятнадцати до девяноста хотя бы раз в жизни затаскивает в дом, клянясь, что отныне будет качать бицепс каждое утро, а потом долго спотыкается об них и, наконец, пинками загоняет в труднодоступное место. Дедова отличалась разве что весом – в ней было двадцать пять кило.

– Брюлики не раскроши, – предупредил я.

Дед пристроил пузырёк так, что щель в полу удерживала его на месте, и осторожно тюкнул. С пузырьком ничего не сделалось. Он тюкнул посильнее – пузырёк пересекла трещина. Третий тюк развалил его на три части.

– А что стучало? – удивился Муха, глядя на чёрную лужицу вокруг осколков.

Но лужица была живая. Она сперва растеклась, потом собралась вместе и стала расти в вышину.

– Гость, Гость… – зашептал Муха. – Гля…

Чёрная жидкость встала столбиком. Столбик, высотой сантиметров в двенадцать, вдруг обрёл утолщение наверху, вроде головы.

– Блин!.. – хором воскликнули мы.

Вот только сатанинского причиндала нам тут и недоставало! Я вообразил, как эта штука гоняется за нами с извращённым намерением – и меня прошиб холодный пот. Потом оказалось – этот ужас и Мухе с Дедом померещился.

Каким-то ветром нас разнесло по углам комнаты. У меня в руке оказалась табуретка. Дед догадался выхватить из кармана шокер. Муха шарил за спиной – искал нунчаки за поясом, чтобы отбиваться от летучей гадости.

Столбик с головой взлететь не пытался. Он взял тайм-аут и торчал в полной неподвижности минуты две – как выяснилось, собирался с силами. Потом зашевелился, отрастил себе что-то вроде узких плечиков и нашлёпок на голове. Между нашлёпками появился бугорок, вытянулся, сократился, и ещё через минуту мы увидели почти человеческое лицо с носом. Сперва оно было чёрным, потом чуть посветлело.

– Ой, мама дорогая… – сказал Дед. – Сейчас я его зашибу…

– Не моги, – удержал я. – Чёрт его знает, на что оно способно. Не зли его…

– Надо подцепить совком и выбросить в окно, – решил Муха. – Дед, где в твоём бардаке совок?

– Отродясь не бывало, – ответил я вместо Деда.

И тут мы услышали кряхтенье. Чёрный столбик словно прочищал глотку. Потом он вообще закашлялся. Это его подкосило – он чуть не рухнул.

– Сейчас загнётся… – прошептал Муха.

– Эй, ты, нечистая сила, что это с тобой? – спросил Дед.

И услышал в ответ тоненький хриплый голосок:

– Поговорите со мной… пожалуйста…

Глава вторая

Конечно, мы сразу даже слова сказать не могли. Только Муха выдавил из себя какое-то вибрирующее «э-э-э».

Чёрный столбик съёжился.

– Люди… – прошептал он.

– Ну, люди, – осторожно согласился Дед. – А ты кто?

– Я демон-симбионт.

Не то чтоб мы трое были ах какие верующие, но когда мороз по коже – память предков просыпается и берёт власть в свои руки. Дед перекрестился, я забормотал «свят-свят-свят», а Муха – отважно перекрестил чёрный столбик. И тот никуда не делся. Так и остался стоять.

– Вы не поняли, люди. Я – симбионт. Во мне нет зла.

– А добра? – спросил Муха.

– И добра нет. Я просто симбионт. Служебное устройство. Вне добра и зла. Выведен для практических целей. Вы говорите, люди, говорите. Пожалуйста…

– А зачем тебе? – забеспокоился Дед. – Орлы, молчать.

– Кормлюсь словами, – объяснил столбик. – Они мне силу дают. Но у вас при этом сила не убывает. Новые слова особенно люблю. Наговорите мне новых слов, пожалуйста.

– А не врёшь?

– Это не моя функция. Меня вывели для правды.

– Как это? – изумились мы.

– Нахожу правильные соответствия между словами. Если смыслов несколько – то соответствия для каждого смысла. И предлагаю. Если бы врал – меня бы уничтожили.

Мы не сразу поняли, что за соответствия и смыслы. Мы попросили его привести примеры, и тогда только до нас дошло.

– Так ты демон-переводчик, что ли? – спросил Муха.

– Да, можно назвать и так.

– И с какого на какой?

– Со всех на все.

И мы поняли, что нашли настоящий клад.

То, что чёрный столбик – демон, как-то сразу стало незначительным. Какое добро, какое зло, когда перед нами – универсальный переводчик, если только чёрный столбик не врёт.

– Так, орлы. Надо подумать, – сказал Дед. – Переводчиков в Инете навалом…

– Они тебе напереведут! – сразу развеселился Муха, которому постоянно приходится осваивать английские тексты, так что ляпы электронных переводчиков – его любимое развлечение. – Надо проверить! Дед, что тут у тебя на английском?

– Вот, – Дед вытащил из-под журналов мануал для мобилки.

– Я симбионт. С книгой обращаться не умею, – сообщил

столбик.

– А что ты умеешь? – спросил Муха.

– Срастаюсь с носителем и воспринимаю текст вместе с ним. Меня выводили для работы с устным текстом, я симбионт-аудиал, но могу и с письменным, я самообучающийся симбионт.

– Мне это не нравится, – сказал я. – Совершенно не нравится. Я не хочу, чтобы со мной кто-то срастался.

– Да тебе это и не нужно, – успокоил Дед. – Вот Мухе – другое дело. Или Наташке.

– Ты Наташку не трогай! – выпалил Муха. – Наташка тут ни при чём!

– Да ладно тебе! – хором ответили мы.

Муху угораздило влюбиться в тётку, которая старше его на десять лет. Он этой Наташке совершенно не нужен, но она иногда ходит с ним в кафе или просто погулять. По образованию она педагог, но кто в здравом уме и твёрдой памяти сейчас добровольно идёт работать в школу? Да ещё в русскую школу? Она сразу устроилась в бюро переводов. Кроме того, она работает на «Сюрприз». Это заработок нерегулярный и непредсказуемый, но если вдруг есть хороший заказ – то Наташка всё откладывает и берётся за спицы с крючком. Как-то она срочно связала свитер слонового размера с логотипом фирмы – так получила за работу триста евро. Правда, трое суток спала по четыре часа и потом сутки отсыпалась. Ей часто заказывают шубы для чайников, на такую шубу уходит вечер работы, а платят двадцать евро. Чайник в шубе – это прикольно. А ещё однажды она вязала пинетки для дядьки с ножкой сорок шестого размера. Настоящие голубенькие пинетки с фестончиками и помпончиками, Муха говорил: увидел – ржал минут пять как ненормальный.

– Попробуйте меня, – попросил столбик. – Зла не будет. В меня не встроены категории добра и зла. Только фильтр на лингвистическом уровне. Вы видели словари? Я – словарь. Больше ни на что не годен.

– Тогда скажи – кто и с какой целью тебя вывел, – потребовал Дед. – Муха, чеши к бабке. Помнишь, ты говорил, у неё весь год крещенская вода стоит? Неси сюда бутылку.

Муха живёт через дом от Деда. Ему туда и обратно – пять минут.

– Полетел! – сказал Муха и выскочил из комнаты.

– Так, младшего вывели из-под огня, – Дед вроде и пошутил, но как-то не слишком весело. – Гость, ты тоже бы хоть на лестницу вышел. Я докопаюсь, что это за нечистая сила…

– Так соврёт!

– У меня нет категории искажения. Я – симбионт для

конкретной цели. Искажения смысла никому не нужно, – почему-то чёрный столбик избегал слова «ложь», и мы с Дедом одновременно уловили это, потому и переглянулись.

– Кто тебя вывел? – Дед повторил вопрос, причём очень строго.

– Их было много.

– Как их звали?

– У них нет имён. Они не используют слова для имён.

– Хорошо. Как они обращаются друг к другу?

Дед думал, что поставил вопрос правильно. Как же!

– Братец, соратник, морда, харя, рыло, пакостник, черныш, хвостяра, лапчатый… – забубнил столбик.

– Тихо! Им нужны имена?

– Имена-слова – не нужны.

– Что у них вместо слов?

– Не знаю.

Дед задумался.

– Может, Вельзевул? Астарот? Асмодей? – с надеждой спросил он.

– Вельзевул – Бааль-Зевув, «повелитель мух», иврит, – сразу доложил столбик. – Астарот – Ашторет, «толпы, собрания», иврит. Асмодей – Ашмедай…

– Тихо. Понял.

– Вы меня используете не по назначению. Я демон-симбионт, – напомнил чёрный столбик.

– У тебя тоже нет имени?

– Не требуется.

– Зачем ты понадобился? – Дед был настойчив, как будто почуял хорошую добычу. Это с ним случалось – только из-за его упрямства мы однажды полдня вскрывали дымоход и нашли-таки банку с серебряными монетами.

– Для передачи смыслов.

– Опять смыслы! – не выдержал я. – Стой, Дед! Не «зачем», а «почему»!

– Точно! Мыслишь! – похвалил дед. – Ну так почему ты понадобился?

– Потому что новые языки появились, количество символов и смыслов увеличилось тысячекратно…

– Дед, это он про вавилонское столпотворение! – догадался я. – Похоже, там не только люди перестали понимать друг друга, но и эти, не к ночи будь помянуты.

– Только люди. Стало невозможно понять людей, – поправил чёрный столбик. – Их настигло проклятье. Разрозненность языков – проклятье.

– Да уж, – согласился я и хотел поведать чёрному столбику, что по этому поводу творится в Латтонии, но не удалось.

– Ага! Вам надо было понимать людей, чтобы делать им гадости! А говорил – ты за пределами добра и зла! – закричал Дед. – Знаешь что? Вот тебе бутылка, лезь в неё сам, добровольно! Так, где бутылка?..

– Нет, – ответил он. – Не полезу. Если я вам не нужен, найдите мне хозяина.

– Без хозяина ты жить не можешь?

– Могу. Но плохо. На грани угасания. Как тут, – он шевельнулся, чтобы указать взглядом на осколки пузырька. – Очень хотел на свободу…

– А туда как попал? – спросил Дед.

– Закляли и посадили. Меня продавали четырнадцать раз. Последний раз продали магу Зайделю Дармштетту, чтобы он переводил манускрипты с латыни и со старофранцузского на немецкий. Маг, наверно, умер. Должен был умереть. Он вступал в симбиоз только для работы с манускриптами. Для действий и деланий у него был другой симбионт. Поэтому я остался заперт.

– А почему ты говоришь по-русски? Как ты русский язык выучил? – забеспокоился Дед.

– Не было необходимости. Он – во мне. Услышал вас – нашёл нужный блок.

– И латтонский язык – в тебе? – спросил я, надеясь, что чёрный столбик спросит: а что это такое?

– И старый латтонский, и новый латтонский, – ответил он.

– А говорил – не признаёшь добра и зла… – проворчал Дед. – Вот же оно, зло…

– Язык – вне добра и зла, – возразил чёрный столбик.

– Это тебе так кажется. Ты просто не знаешь…

Чёрный столбик промолчал.

– Сколько я пробыл в заточении? – наконец спросил он. – Может быть, случились перемены, о которых не знаю?

– И ещё какие перемены! – На нас с Дедом накатило дурное веселье. – Ты даже представить себе не можешь, что за перемены! Всё переменилось к чёртовой бабушке!

Когда мы отсмеялись и утёрли слёзы, чёрный столбик сказал:

– У него нет бабушки. Не говорите так больше.

– Ладно. Этот твой Зайдель Дармштетт где жил?

– В Шпессарте.

– Шпессарт – это Германия. А ты как-то оказался в Латтонии.

– Что такое Латтония?

Мы переглянулись.

– Язык знаешь, а страну не знаешь? – спросил я.

– Я служебное устройство. Знаю слова. Слово «Латтония» не знал.

– Но если есть латтонский язык, то где-то должна быть и Латтония… Стоп, я понял! – воскликнул Дед. – Ты проспал образование Латтонии! Это что-то вроде страны. Раньше её не было, а потом возникла, и ей придумали название – произвели от латтонского языка. Латтония – это лимитроф. Тупой и бездарный лимитроф.

– Благодарю! Чувствительно благодарю! – ответил столбик. – Это большая радость – получить новое слово.

– Кому – радость, а кого блевать тянет, – однозначно отреагировал Дед.

И мы на два голоса кое-как объяснили столбику смысл его радости.

– Лимитроф – это когда территория на окраине империи отделяется и становится самостоятельным государством… – обобщил он. – Но что в этом плохого?

– Плохо то, что территории кажется, будто она сама этого добилась, – сказал я. – Будто это её национально-освободительное движение привело к такой победе…

– И на территории этой территории начинается национальное возрождение. Язык местных жителей объявляется государственным, а население резко делится на две части, у одной – все права, у другой прав наполовину меньше, – начал Дед.

– По какому принципу население делится на половины? – спросил столбик.

– Да по национальному! Местные – одна половина, русские – другая.

– Вы – из русской половины. Значит, у вас мало прав?

– Ну да…

Мы чуть было не прочитали ему лекцию о двадцатилетней независимости Латтонии и о крахе всего, что только можно было порушить и разворовать, но явился Муха.

– Орлы, срочно нужны деньги, – сказал он.

– А святую воду принёс?

– У Наташки мать в больницу загремела. Положение тяжёлое. Что-то вроде прободения язвы. Много крови потеряла. А операция Наташке не по карману. Так что вот… ну, вы меня поняли… смогу – верну…

Дед присвистнул.

– Так, скидываемся, – сказал я. – У меня двадцать крон были отложены на новую флешку и на кроссовки.

– У меня тридцать пять в заначке, – добавил Дед. – И на

следующей неделе продаю накачанного «перса», но там аванс просить неприлично.

– А у меня тестинг только двадцатого начинается, программеры всё что-то доводят, доводят! Пятьдесят пять – мало. Я сейчас поеду в больницу, возьму у Наташки рецепты. Там что-то совсем астрономическое.

– А ведь я помню время, когда в больнице лечили за счёт государства. Разве что нянечке давали трёшку, чтобы получше присмотрела за лежачим, – Дед покачал головой.

– Историк! Ты ещё Куликовскую битву вспомни! – предложил я.

– Гость, это по твоей части!

Мы вспомнили все способы добыть деньги. С одной стороны, мы выставили на аукционы кучу всякого добра тысяч на пять крон. С другой – это добро могло там проваляться ещё два года. Геймерские доходы ожидались не раньше, чем через неделю. Мои за менеджмент пяти сайтов – в начале июня. Можно было взять у родственников в долг – мне бы мать дала полсотни крон. Если завтра снести найденное золото в ломбард – будет крон пятнадцать, ну, двадцать. А день в больнице – это восемь крон и сколько-то ещё сантимов. К тому же Наташка, сидя с матерью, не может работать…

– А ей завтра заказ сдавать! Она собиралась ночью посидеть, днём отоспаться, – сказал Муха. – Я бы сделал, но текст сложный, юридический, ошибёшься – мало не покажется…

– Могу помочь, – вмешался столбик. – Это ведь перевод с латтонского? Он не такой уж сложный.

– Осторожнее с ним, – предупредил Муху Дед. – Присосётся – не избавишься. Мы ведь знаем о нём только то, что он сам о себе рассказал.

– Я не способен причинять вред. Меня не для этого вывели. Просто хочу заниматься своим делом, – возразил столбик. – Мне это необходимо.

– Мало ли что тебе необходимо, – осадил я его.

В самом деле – торчит на ровном месте такая чёрная пиявка и ещё чего-то требует.

– Если сдать текст завтра утром, можно сразу получить сорок крон, – сказал Муха. – Двадцать, да тридцать пять, да хотя бы пятнадцать, да сорок – это сто десять. Мало! Сорок сразу отложить на пять дней в больнице. Её же должны оперировать, а сколько запросят за операцию – неизвестно. Одно лекарство, Наташка сказала, двенадцать крон, ещё одно – восемнадцать. И Наташку прокормить – она же, пока сидит с матерью в больнице, не работает.

– Не дури, – нехорошим голосом попросил Дед.

– Слушай, симбионт, как ты это делаешь? К коже присасываешься, что ли? – Муха и всегда-то был упрям, а когда речь шла о Наташке, упрямство вообще зашкаливало.

– Кретин, – сказал я. – Ты сперва спроси, как он от тебя будет отцепляться. Это Зайдель, как-там-его, знал, как с симбионтом обращаться, а ты не знаешь!

– Ну?! – грозно обратился к столбику Дед. – Что скажешь в своё оправдание? Гость, возьми на кухне банку от баклажанной икры, сполосни, что ли. И крышку для неё найди.

– Вы хотите заточить меня? – растерянно спросил столбик.

– Придётся. Пока этот юный орёл не впустил тебя себе в печёнку.

– Всё очень просто. Нужно заклинание…

– Где мы тебе среди ночи возьмём заклинание?!

Столбик объяснил, что текст у него есть, он может продиктовать, а Дед, вдруг ощутивший ответственность за Муху, который ему в сыновья годился, возражал: откуда мы, в самом деле, знаем, что это за текст такой; может, от него Мухе будет сплошной вред?

Я привык к тому, что Дед – эталонный образец немолодого разгильдяя, и сильно удивлялся: надо же, сколько в человеке скопилось подозрительности! Столбик полсотни раз повторил, что причинять вред не умеет, и столько же раз услышал, что Дед ему не верит. Наконец Муха принял решение.

– Диктуй, – сказал он, достав мобильник. – Гость, я тебе это вышлю эсэмэской.

– Что такое эсэмэска? – спросил столбик.

Муха начал ему объяснять и совсем запутал симбионта всякими электронными словами. Наконец он получил текст на неизвестном языке. Столбик утверждал, что на восточно-халдейском. Это были два заклинания, очень похожие, но одно завершалось словами «ахаг-ахаг-ахаг», другое – словами «эсхаг-эсхаг-эсхаг». Попросту говоря, «присосись» и «отсосись», или что-то в этом роде.

– И где ты будешь во мне? – поинтересовался Муха. – В голове?

– Не знаю, – честно признался столбик. – Перестаю воспринимать себя как отдельное существо. Наверно, мой разум в хозяине спит. Потом меня будит заклинание, и выхожу.

– У тебя может быть только один хозяин? – уточнил Дед.

– Кто скажет заклинание – тот хозяин.

– Рискнём, – сказал Муха. – Заклинание должен читать я сам?

– Может он или он. Тогда – он хозяин. Только пусть укажут

пальцем, куда входить. Всё очень просто. Не надо бояться, – успокаивал нас столбик.

– А обратно – тоже он или он? – Муха показал на нас с Дедом.

– Да. Только пусть сделают пальцем так, как будто зовут… – столбик задумался, – легкомысленную девицу…

– Так? – показал Дед.

– Да.

– Ну…

– Рискнём! – взмолился Муха. Ему страшно хотелось помочь Наташке.

– Погоди! Ты, раздолбай, бутылку со святой водой принёс? – вспомнил Дед.

– Да вот же она, в кармане.

– Ну, симбионт, держись!

Дед вылил на него полбутылки – и ничего не произошло.

– Похоже, ты в самом деле за гранью добра и зла, – задумчиво произнёс Дед. – Муха, ты твёрдо решил?

– Да.

– Ну, ладно, рискнём.

Глава третья

Я дал Деду свою мобилку, выведя на экран эсэмэску Мухи. Дед прочитал вполголоса заклинание, вздохнул и повернулся ко мне.

– Вот что, Гость, внимательно следи за мной. Если от этой тарабарщины мне поплохеет – ну, искусственное дыхание мне сделай, что ли…

– Ладно. Дед, где твоя камера?

– Зачем?

– Буду снимать процесс.

Потом мы несколько раз крутили этот ролик. И всё равно не уловили момента, когда чёрный столбик подпрыгнул. Только что был на полу – и вот уже исчез. Мне показалось, что он нырнул Мухе в рукав, даже не дожидаясь приказа «ахаг-ахаг-ахаг!».

– Муха, ты как? – спросил Дед.

– Ничего, нормально.

– Нигде не болит? Голова не кружится?

– Нет, не кружится.

– Ну, тогда… – Дед взял одну из старых книг, напечатанную готическим шрифтом, открыл наугад и протянул Мухе. – Это, кажется, на немецком.

– На старонемецком, верхнерейнский диалект, – взглянув, поправил Муха. – Это трактат по военной истории с цитатами.

Вот, слушайте.

Он сперва прочитал абзац на таком немецком, что я еле опознал знакомое слово «пферд», а потом перевёл:

– И где нам Всевышний окажет милость, что мы врага одолеем, удержим победу и поле и захватим движимое добро, то нашей Богоматери должен быть лучший конь, и дорогому рыцарю святому Георгу – лучший доспех, командирам – их старое право и прочим равная добыча…

– Проверить это мы всё равно не можем, – заметил Дед. – Где-то у меня тут была китайская этикетка…

– Мы зря теряем время, – сказал Муха. – Я сейчас позвоню Наташке, она мне даст пароль к своему почтовому ящику, я возьму там этот текст и сяду работать.

Наташка явно сомневалась, что у Мухи хватит способностей на такой подвиг. Но текст он получил, посмотрел на Дедовом компе и ужаснулся: там было восемьдесят килобайт. Для человека, который не связался с демоном-симбионтом, работы в лучшем случае – на три дня, и как Наташка собиралась это сделать за вечер и ночь, мы не понимали.

– Ну-ка, покажи высший класс, – сказал Дед.

Муха сел к компу, уставился на монитор, а потом закрыл глаза. Началась сущая фантасмагория – его пальцы били в клавиатуру с невероятной скоростью, латтонский текст на мониторе таял, русский – рос.

Дед склонился над ним, прочитал Мухино творчество и хмыкнул:

– Вроде неплохо получается.

Немного обалдев, мы смотрели на Муху все полтора часа. Сделать такой объём за полтора часа – это что-то нереальное. Потом Муха опустил руки на колени и окаменел.

– Всё, что ли? – спросил я. – Эй, ты сохранился?

– Да, – отрешённо ответил Муха.

– Выходи из Ворда.

– Ща.

– Вставай.

Он встал и открыл глаза. Дед сел к монитору, вытащил на него перевод и наскоро просмотрел.

– По-моему, даже запятые на местах, – сказал он. – Следующий шаг – избавляемся от квартиранта. Гость, дай мобилку. Попробуем его выманить пальчиком.

Он прочитал заклинание, сделал жест – и на столе возле клавиатуры появился наш чёрный столбик.

– Покорнейше вас благодарю, – церемонно произнёс он. – Получил истинное наслаждение. Много новых слов.

– Получилось! – завопил Муха. – Дед, Гость – получилось!

– Тихо ты! – прикрикнул Дед. – Гость, это дело надо обмыть.

– Кто бы возражал! – обрадовался я.

Я не алкоголик, но бывают случаи, когда выпить просто необходимо – чтобы не спятить. И мы угодили как раз в такой случай – перед нами на столе торчало непонятное потустороннее существо, и мы своими глазами наблюдали чудо.

Бутылка вискаря стояла наготове, стакашки – тоже. Муха вытащил из холодильника колбасную нарезку, я тем временем разбулькал вискарь. А Дед сидел и смотрел на чёрный столбик.

– Ну, Дед? Ты чего? – спросил Муха.

– Орлы, вы не понимаете… вы ещё ничего не поняли!.. Это же – оружие! – ответил Дед, показывая на чёрный столбик.

Я посмотрел на Муху – у них, у геймеров, одно оружие на уме, может, он понял Дедову идею? Он понял – но не сразу, я это видел по лицу, по глазам.

– Гость, – сказал Муха, – Дед прав. Только нужно узнать одну вещь. Я хотел, чтобы этот симбионт в меня вселился. А может ли он всосаться в того, кто даже не знает о его существовании? Симбионт, ты нас слышишь?

– Слышу. Тот, кто владеет заклинанием, – хозяин. Я служебное устройство. Повинуюсь.

– Погодите, орлы. Ты сам нам дал заклинание, – вмешался Дед. – Ты точно так же можешь его ещё кому-то дать!

– Если бы не дал вам заклинания, мне было бы очень плохо. Теперь мне хорошо. Зачем стану его ещё кому-то давать? – спросил чёрный столбик.

– Ну, мало ли? Попросят!

– Нет. Выполняю только приказы хозяина. Это в меня заложено.

– Если я приказываю войти в какого-то человека, чтобы он заговорил, скажем, по-китайски, ты это можешь сделать?

– Должен сделать. Даже… – он сделал крошечную паузу, – хочу сделать. Китайские слова прекрасные, в каждом много смыслов.

– Так, – сказал Дед. – Ты мне нравишься, симбионт. Ты не пожалеешь, что связался с нами. Орлы, нас трое. В наше время и в нашем лимитрофе три человека, которые друг друга не предают, – это сила. Так, значит… Мы им объявляем войну. Кто за?

– Я за. Руку, что ли, поднимать? – спросил Муха. Кому – даже не спросил, и так всё ясно.

– Я за, – я поднял обе руки. Мне тоже всё было ясно.

– Ты, симбионт? – Дед повернулся к чёрному столбику. –

Хочется, чтобы ты не просто выполнял приказ, а… ну, это… с душой…

Мне показалось, что чёрный столбик пожал узенькими, едва намеченными плечишками.

– Это добро или зло? – помолчав, поинтересовался симбионт.

– Хм… – Дед явно хотел ответить, что добро, но вовремя удержался. Переубеждать чёрный столбик с недоделанными мозгами – безнадёжно.

– Это справедливость, – догадался Муха. – Ты понимаешь, не бывает так, чтобы зло было злом для всех или добро – добром для всех. Всегда будут недовольные. А когда удаётся найти равновесие, это вроде как справедливость.

– Я понял. Я за равновесие, – сказал чёрный столбик. – Но с условием, что не будет ни добра, ни зла.

– Не будет, – хмуро ответил Дед.

И потом, когда пошёл нас провожать, уже на улице проворчал:

– Для этих сук справедливость – хуже всякого зла…

По дороге мы с Мухой обсуждали подробности первой вылазки. Когда я сказал «à la guerre comme à la guerre», Муха непринуждённо перешёл на французский, и я объяснил сидевшему в нём симбионту его ошибку.

– Они устраивают этот балаган в субботу, – сказал Муха. – У меня целых два дня, чтобы всё подготовить. Завтра сделаю все Наташкины тексты и отправлю заказчикам. Ей останется только получить деньги. А потом мы уже будем знать, во сколько влетит операция…

– Её мать – гражданка?

– То-то и оно…

Медицина в нашем лимитрофе такая: гражданам государство ещё часть расходов компенсирует, а «жителям» приходится оплачивать всякие процедуры и лекарства почти полностью. Почти – потому что существует медицинское страхование. Но не все, естественно, покупают полисы. Если бы у Наташкиной мамы был полис – то процентов двадцать ей бы компенсировали, хотя она всего лишь «житель».

Нормальному человеку этого не понять. Когда наш лимитроф получил в подарок от великих держав независимость, то местные сразу затрепыхались насчёт исторической справедливости. Их угнетали сперва немцы, потом шведы, потом поляки, потом опять шведы, потом русские – а вот теперь они сами на своей территории хозяева. Значит – что? Значит, гражданином Латтонии может быть только потомственный латтонец, остальные – «жители». А доказать, что ты потомственный, большая морока.

Получилось, что в список граждан входят почти все латтонцы, немного русских, поляков и евреев. А большинство русских – «жители», не имеющие права голоса. Вот такая у нас тут Европа…

И ничего тут не поделаешь, потому что лимитрофы присосались к великой и ужасной Америке. Она их якобы защищает от России и на этом мутном основании всё за них решает, а они и довольны.

Последнее изобретение Латтонии – народное движение против русских школ. Латтонцам внушают: если школы закроют, то русские «жители» куда-нибудь разбегутся. И латтонцы останутся единственными хозяевами в лимитрофе. Звучит заманчиво, дураки на эту наживку ловятся. А с удочкой сидят хитрые дяденьки. Оседлав этот дурной патриотизм, они уже который год въезжают в Думу и принимают только те решения, что выгодны их банковским счетам. Такая простая политика – но ведь латтонцам правда не нужна, им нужно, чтобы вся могучая держава говорила исключительно на латтонском языке.

Вот на что замахнулся Дед. Два геймера, один фрилансер и чёрный столбик – против трёх партий, формирующих правительство, и орды замороченных чудаков. Красиво, да?

Но нам троим надоел этот бардак.

Мы пошли на митинг, устроенный национал-идиотами против русских школ, во всеоружии: у нас были на груди бантики из ленточек национальных цветов: белого, синего и зелёного. То ещё сочетание, но с глубочайшим смыслом: синий означает море, зелёный – землю, белый – чистоту помыслов. Если вспомнить, что рыбный флот мы по указанию европейских экспертов пустили на иголки, сельское хозяйство по их же директивам разорили напрочь, а чистота помыслов в нашей Думе и не ночевала, то бантики получаются совершенно издевательские.

Декорированные под юных энтузиастов, мы с Мухой молча пробились в первые ряды. Дед остался сзади, чтобы при необходимости прикрывать наш отход.

Общество собралось неприятное. Я ещё понимаю людей, которые объединились ради любви к своему языку. Но этих сплотила ненависть к чужому языку. На их рожи смотреть было тошно. Я ни разу не попадал в такую компанию, и что меня поразило – лица были какие-то одинаковые. Как будто они собирались запеть одну и ту же песню и уже раскрыли рты – хотя рты до поры были закрыты.

Толпа расступилась, чтобы пропустить любимцев публики – несколько профессиональных политиков и молодёжную секцию партии «Дорогое отечество». Тут-то мы и сработали. Я, стоя за спиной у Мухи, почти впритирку, еле слышно произнёс

заклинание и поманил пальцем. Тут же на моей ладони возник столбик. Муха прочитал заклинание всасывания и незаметно коснулся пальцем первого подвернувшегося идеологического рукава. Столбик исчез.

Оставалось ждать результата.

Нам повезло – симбионт внедрился в старую громогласную рухлядь, вдохновителя всех патриотических глупостей. Называть его имя – больно много чести ему будет. Его выпустили на трибуну вторым. Трухлявый дед протянул к публике руку и проникновенно заговорил.

– Друзья мои, соотечественники мои, единоверцы мои! – сказал он. – Латтония в опасности, и, пока русские отдают детей в свои школы, у нас растёт и зреет пятая колонна. Ради их же пользы следует перевести образование на латтонский язык…

Тут толпа опомнилась.

Проникновенную речь дед толкал по-русски.

Ой, что тут началось! Его сперва стали вежливо окликать. Он не понимал, в чём дело. Ему предложили перейти с русского на латтонский. Он сказал, что говорит на чистейшем латтонском. Тогда организаторам стало ясно, что дед спятил. Его попытались вежливо свести с трибуны – а трибуна, между прочим, каменная, если в неё хорошо вцепиться – долго продержишься. Ему стали шептать на ухо, что у него проблемы со здоровьем. Он отругивался по-русски. И наконец всем стало ясно, что он таки сошёл с ума. Дед стал обвинять соратников в том, что ему хотят заткнуть рот, и всех назвал продажными тварями, которых задёшево купила Москва. В здравом уме он бы ссориться с партийными господами не стал.

Митинг завершился дракой на трибуне.

У кого-то хватило ума вызвать бригаду из дурдома.

Пока деда вели к машине, Муха быстренько выманил нашего симбионта, и мы дали дёру.

– Так, орлы, – сказал радостный Дед. – Где у них ближайшая тусовка?

– Это надо в Инете смотреть, – ответил я. – Сматываемся. Тут больше делать нечего.

– Гля… – прошептал Муха. – Вот тебя тут только не хватало…

Митинг был устроен в парке возле памятника национальным героям. Если не знать, кому памятник, вовеки не догадаешься – груда каменных глыб с трибуной посерёдке. К этой груде вели три аллеи. На той, которую мы выбрали для отступления, стояли Райво-Тимофей и его ребята. Они в митинге не участвовали – они пришли посмотреть издали. Ну и увидели нас…

– Не фиг позориться, – проворчал Дед. – Орлы, отцепляйте

бантики.

Их было четверо, нас – трое. И мы понимали, что в парке они разборку не устроят. Просто лишний раз с ними сталкиваться – портить себе настроение. Мы сунули бантики в карманы и прошли мимо них, рассуждая о больничных нравах: к санитарке без пятёрки и не подходи. Потом я скосил глаза – они смотрели нам вслед.

– У Тимофея в голове лыжной палкой помешали, – сказал Муха. – Вот какого беса он решил стать Тимофеем? Что это за извращение? Человек, который ходит на такие митинги, не имеет права быть Тимофеем!

– Муха, ты что такое говоришь? – спросил Дед.

– Говорю, что Тимофей, оказывается, тоже умом тронулся на национальной почве.

– Да, так и есть, но почему ты говоришь это по-латтонски?

– Дед, ты так не шути…

– Дед не шутит, – вмешался я. – Ты говоришь на литературном латтонском языке, и даже все окончания правильные.

– Симбионт! Дед, вымани-ка его!

– А он что, в тебя всосался?

– Ну да! Куда я ещё мог его девать в толпе?

– Вон там, над прудом, никто не помешает, – сказал я, высмотрев сверху пустые скамейки на холмике.

Мы повели туда Муху, и Дед выманил симбионта. Тот встал на лавочке чёрным столбиком и молчал.

– Послушай, мы не сердимся, мы не будем тебя наказывать, мы вообще очень хорошо к тебе относимся, – проникновенно начал Дед. – Мы и в банку тебя засовывать не будем. Ты только объясни, что это значит. Почему ты заставил Муху говорить по-латтонски?

– Это равновесие, – ответил чёрный столбик.

– В каком смысле?

– Хозяева предложили исполнить приказ. Показался странным. Спросил – это добро или зло. Объяснили – это равновесие. Понял.

– Равновесие, – повторил Муха. – Дед, тебе придётся лечь на амбразуру.

– Это как? – спросил Дед.

– Ты из нас троих больше всего похож на латтонца. Если Гость вдруг по-латтонски заговорит – это будет дико.

– Я говорю! – возмутился я. – И экзамен сдал, и корочки получил!

– Ты хочешь, чтобы они тебя принимали за своего? А Дед всё

равно дома сидит…

– А мать, а тётка? – возмутился Дед. – Нет, мы это дело в орлянку разыграем. Когда следующую кандидатуру выберем. Гля, орлы…

Мы сидели на холмике, а малость пониже, шагах в тридцати, стоял Тимофей со своими, стоял прямо у воды.

– Чего это они за нами следят? – спросил Муха. – На кой мы им сдались? Гость, твоя очередь прятать симбионта.

Мне было страшновато, но я кивнул.

На самом деле всасывание симбионта – штука безболезненная. Только вдруг испытываешь необъяснимый прилив бодрости. Дед это так объяснил – симбионт обменные процессы активизирует, потому что мозгу для работы с симбионтом нужно побольше кислорода. А сам наш чёрный столбик знает слово «кислород» на сотне языков, но смысл слова ему недоступен, он сам в этом честно признался. Он, оказалось, может трудиться в абсолютном вакууме.

Мы спустились с холмика и пошли прочь из парка. На выходе обернулись – Тимофей со своими провожал нас на порядочном расстоянии.

– Ну и леший с ним, – сказал Дед.

Глава четвёртая

Следующей нашей кандидатурой был политик более высокого ранга, чем тот дед. Но мы подсадили ему симбионта не сразу – сперва изучили всю прессу, включая самую жёлтую, и подождали, чем наша авантюра кончится. Русские газеты писали про случай сочувственно: дедушка старенький, нервишки слабенькие, ему бы чем по трибунам скакать – дома сидеть, внуков нянчить, а противостояния двух культур и более крепкая психика не выдержит. Латышские газеты отчаянно искали руку Москвы и додумались до того, что деда обработал какой-то засланный гипнотизёр.

Если совсем честно – дед порядком надоел, националисты уже думали, как от него избавиться. Он был той самой палкой о двух концах: перед выборами он превосходно трындел про русскую угрозу и собирал для национально-озабоченных партий перепуганный электорат, после выборов он нёс ту же чушь – но тогда уже наступало время коммерции, а кому надо, чтобы возмущённая толпа шла бить российские витрины, в которых выставлены латтонские шпроты?

А вот другой наш избранник был малость поумнее – и потому вреда приносил гораздо больше.

Он по каменным трибунам не шлялся, и нам пришлось потрудиться, пока мы изучили его маршруты и график выступлений перед широкой публикой. Нам повезло – удалось подобраться к нему как раз накануне его выступления по поводу русских школ.

У нас троих о школе не самые лучшие воспоминания. Раздолбайство Деда, упрямство Мухи (он хлопнул дверью класса в шестнадцать с половиной, и больше его туда загнать не удавалось) и мой здоровый пофигизм – это всё само собой, но против нас были страшные тётки, замотанные и плохо знающие свой предмет. Каждый из нас мог клясться, что собственными руками положил бы под свою школу динамит, если бы только ему дали нужное количество. И все мы трое понимали, что если не будет русских школ – родители останутся без детей. То есть они их нарожают – но потом из этих детей сделают латтонцев, которые будут стыдиться своих русских предков. Таких мы тут уже видали!

А этот политик как раз и убеждал родителей, что лучшее будущее для детей – стать латтонцами. Красиво убеждал, со слезой в голосе.

С ним вообще получилось забавно. Когда он заговорил по-русски, все сперва решили, что это он к русским родителям обращается, тем более – на него телекамеры смотрят, красивый жест, однако! В зале сидели свои люди, они стали аплодировать. Но потом группа поддержки забеспокоилась – сколько ж можно по-русски шпарить? Кто-то из своих подошёл к нему, пошептал в ухо, в ответ наш избранник что-то шепнул опять же по-русски, и понемногу до всех дошло: и этот пал жертвой гипноза!

Мы об одном жалели – это не был прямой эфир. Он классно говорил, почище любого артиста!

Стали высматривать следующую жертву. Высмотрели – довольно вредную тётку, которая с пеной у рта защищала гибнущую латтонскую культуру. Мы что-то признаков гибели не замечали – в свою культуру Латтония вкладывала неплохие деньги. Но и самой культуры тоже не замечали – на дворе не начало девяностых, когда всем казалось, будто начнём ходить в латтонские театры, и народы, распри позабыв, в счастливую семью объединятся… или в единую? Или в великую?.. Пушкин? Гёте? В общем, народы не соединились, зато начались всякие безобразия.

Тётка рвалась к власти. Нетрудно представить, на что способна баба с куриными мозгами, получив власть. Мы опять стали следить за жертвой – сперва через Интернет, потом, как выразился Дед, в полевых условиях.

И тут мы совершили ошибку. То есть тогда это было ошибкой. Как выяснилось потом, пользы от неё оказалось больше, чем вреда.

Политику симбионта подсаживал Муха. У него самая неприметная внешность. Деда посылать – лучше сразу взять клоуна из цирка, на него все будут таращиться. Я тоже мало похож на здешнего патриота. А Муха – самое то. К тому же он как-то освоился с симбионтом – пока Наташка сидела с матерью, Муха делал за неё переводы. Времени на это уходило очень мало – деньги, впрочем, тоже были не ахти какие, но каждая крона имела значение. К тому же симбионт получал своё «равновесие» – сперва политик вещал по-русски, потом Муха бормотал по-латтонски.

Тётке симбионта подсаживал тоже Муха. Он же и выманивал.

А потом мы присмотрели одного тележурналиста, великого защитника национальных ценностей. Тут-то и вышел облом. Как мы потом догадались, какой-то ретивый патриот снимал на камеру и того политика, и ту тётку. Он и обнаружил, что рядом с этими людьми засветился один и тот же невысокий парень. Патриот оказался бдительным – побежал с доносом в полицию безопасности, которая как раз была обязана искать московского гипнотизёра. По крайней мере, вся латтонская пресса от неё этого требовала.

Хорошо, что я был рядом с Мухой. Так, на всякий случай. После той истории с Андреем мы вдруг осознали – друг дружку надо беречь. Когда Муху стали вязать какие-то крепкие ребятишки в простых курточках, я его отбил. Как? Ну, я же не только перед монитором сутками сижу. У нас, кладоискателей, бывают такие драки, особенно когда выходим в поле, что если ничего не уметь – найдут твоё скукоженное и протухшее тельце грибники осенью, и это ещё в лучшем случае.

Меня выручило то, что от меня не ждали агрессии. Эти ребятишки подставили мне спины.

А потом мы с Мухой кинулись наутёк. Было не до слов – нужно было запутать следы.

К счастью, с нами не случилось Деда. Он малость отяжелел. Или нам бы пришлось тащить его за руки – и всех троих бы загребли, или пришлось бы бросить его – это ещё хуже.

Мы неслись к знакомому проходному двору. Его изюминка в том, что всем известны два выхода, а Муха знает третий, совершенно неожиданный – через магазин. Туда выходит задняя дверь склада, и она обычно открыта, хотя вид у неё несокрушимый – железная, в облупившейся краске и толще танковой брони.

На подступах к этой двери мы и налетели на Тимофея. Он был с одним парнем из своей компании – его сперва звали Шпрот, потом Швед, потом ещё что-то придумали, но не прижилось.

– Сволочь… – выдохнул Муха. – Сдаст…

Ясно было, что Тимофей сообразил, куда нас понесло, и, сделав небольшой круг, перекрыл нам выход, чтобы местная безопасность взяла нас тёпленькими. И мы не могли рвануть на себя железную дверь – то есть могли, конечно, да только Тимофей со Шведом сразу бы бросились туда за нами.

– Придётся, – сказал я, имея в виду дверь.

Её и без спешки открыть за один миг не получится – тяжёлая, зараза, и заедает. Но другого пути для бегства у нас не было. Я встал лицом к Тимофею, а на лице изобразил месседж: вот только сунься! Муха вцепился в дверь, как обезумевший кот, когтями и стал её тянуть, чтобы получилась щель. А если щель – то можно уже ухватить поудобнее.

– Идиоты, – сказал Тимофей. – Держи, Гость.

У него был нож – ну, с таким ножом только на медведя ходить. В нашем деле штука полезная – не для драки, понятно, а если нужно что-то деревянное расковырять. Этот нож Тимофей протянул мне, как положено, рукоятью вперёд, я вогнал его в щель и отжал дверь настолько, чтобы ухватить руками. Она подалась. Муха вставил ногу.

Тогда я протянул нож Тимофею – тоже правильно, рукоятью вперёд.

– Мы с вами, – заявил Тимофей.

Всё это произошло меньше чем за минуту. Да какая минута – секунд двадцать, наверно.

Мы вчетвером оказались на складе – точнее, в узком проходе между пустыми ящиками. Если не обрушить их себе на голову, можно было попасть к двери, ведущей в коридор, а уже оттуда – в торговый зал.

– Туда, – Швед показал в совсем другую сторону.

Оказалось, они тут бывали и разнюхали выход на крышу какой-то пристройки. Окно, правда, было под самым потолком и узкое. Первым полез Муха, а потом он вытаскивал нас, как дедка – репку.

Пройдя по крыше пристройки, мы соскочили в каком-то совсем незнакомом дворе.

– Спасибо, – сказал я Тимофею по-латтонски.

– Не стоит, – ответил он по-русски. – Что вы такое сделали с этими… недоносками?..

– Ничего, – ответил Муха.

– А чего вас… гоняли?..

Тимофей вырос и заматерел уже в то время, когда латтонцу говорить по-русски уже считалось западло. Поэтому он не сразу подбирал нужные слова.

– Говори по-латтонски, мы прекрасно понимаем, – предложил я, почти без акцента.

– Не хочу, – ответил он по-русски. – И Швед не хочет. Мы будем по-русски.

– Ты действительно Тимофей? – спросил Муха.

В самом деле, похоже было, будто в тело нашего главного врага вселился ангел.

– Я Тимофей, – подтвердил он. – Мы видели – эти вас гоняли сюда нарочно. Эти знали, что два выхода. Там вас ждали. Мы вошли, нас пропустили.

– Мы поняли, – сказал я. – Спасибо. Как теперь отсюда выбираться?

– Выбираться потом. Сперва скажи, как это сделано. Чтобы эти говорили по-русски.

– Не знаю.

– Ваша работа.

– С чего ты взял? Мы что, гипнотизёры? – Я старался говорить как можно убедительнее. – Мы что, колдуны? Маги?

– Логика, – ответил Тимофей. – Просто логика.

Латтонцы, когда речь не идёт об их гибнущей культуре и возрождённом самосознании, люди довольно рассудительные. Вот и Тимофей (всё-таки по паспорту он был Райво) сопоставил простые факты.

Он со своими соратниками и вдохновителями был в парке, когда мы подсадили симбионта безумному деду. Он видел, как мы, уходя, снимали бантики из национальных ленточек. Это ему показалось странным. И он попытался рассуждать так: если у нас есть способ заставить самого оголтелого латтонца говорить по-русски, то мы одним старым хрычом не ограничимся. Про то, что на вражьем наречии заговорил политик, и про поиски московского гипнотизёра он узнал из Интернета. Тётку – вычислил и уже целенаправленно искал нас поблизости от неё. Естественно, нашёл и даже видел наши манёвры. Но он не был уверен – в самом деле, ситуация попахивала безумием. И вообще, если бы он подошёл к нам с вопросами, да ещё при Деде, кончилось бы тупым мордобоем.

На встречу тележурналиста с народом (это было что-то вроде выездного ток-шоу) Тимофей шёл целенаправленно. А когда за нами погнались – понял, что был прав.

– Это ты так рассуждаешь. А Швед? – спросил я. – Чего он молчит? Он тоже верит, что мы с Мухой – гипнотизёры?

– Тут не гипноз, – сказал Швед и тоже – по-русски.

– Ребята, объясните мне, пожалуйста, – попросил я. – Почему вы не хотите говорить с нами по-латтонски? Это что – в знак протеста против глупости вашего президента? Но мы-то тут при чём? С ним и говорите по-русски. Мы все трое выучили латтонский, вон Муха даже юридические тексты переводит.

Как легко и приятно говорить правду! Муха действительно переводил для Наташки совершенно кошмарные документы, которые не могли сами по себе возникнуть ни в мозгу латтонца, ни вообще в человеческом мозгу: это были дурные переводы с английского, которые какие-то чиновники выдавали за собственное творчество, обязательное для понимания русскими бизнесменами.

– Надо будет – и с этим поговорим по-русски, – пообещал Тимофей. – Мы больше не говорим по-латтонски. Если хочешь – будем по-английски.

Только тут до меня дошло, что у Тимофея к нам разговор.

– Я так понимаю, что у нас перемирие? – спросил я и перевёл неизвестное Тимофею слово на латтонский.

– Да, это самое.

– Слышишь, Муха? Твоё мнение?

– Перемирие – это хорошо, – согласился он. – Только ведь не от горячей любви к нам с Дедом! У них что-то случилось, а больше идти не к кому! Так что мы им теперь, Гость, заклятые друзья!

– Какие?..

Я объяснил Тимофею со Шведом про заклятых. А Муха, который не желал доверять латтонцам, вдруг перешедшим на русский, предложил место для встречи. Был у него на примете один кабачок, бармен которого славился умением прекращать споры и ставить точку в драках.

– Вы придёте вчетвером, мы – втроём, – так сказал Муха. – Мы проставляемся.

Объяснять это слово я отказался: сам брякнул – сам и переводи на латтонский.

– Пополам, – ответил Швед. – И это, как по-русски, про стрелку?

Стрелку мы забили на следующий день утром, пока в кабачке никто не пьёт и не дерётся. А утро у человека, сидящего ночью за компом, начинается не раньше двенадцати.

До этого времени нужно было сообщить дикую новость Деду, выслушать двухчасовой матерный монолог и убедить его, что встреча может оказаться полезной.

– Им от нас что-то нужно, – сказал, немного успокоившись,

Дед. – Иначе они бы вас, орлов безмозглых, выручать не стали.

– Им нужен гипнотизёр, – ответил я. – Зачем – это они завтра скажут. Только вот что получится – мы им объясним, что гипнозом не балуемся, они нам не поверят, а дальше – нас трое, их четверо…

– Но всё равно встретиться надо. Даже если они нас выручили из таких вот шкурных соображений, – добавил Муха. – Знаешь, Дед, почему? Если мы не встретимся с ними и как-то их не успокоим, с них станется донести на нас в полицию безопасности. Они же латтонцы! Хочешь сказать – поумневшие латтонцы! Не верю, что латтонец, которому так закомпостировали мозги, поумнеет! Не верю, понимаешь?!

– Муха, не жужжи, – попросил Дед. – Нужно придумать такое объяснение, чтобы они поверили. Ну, скажем – сами охотимся на гипнотизёра…

– И по такому случаю ходим с бантиками? – спросил я. – Думай, Дедушка, думай. Муха прав – они нас могут заложить.

– Про симбионта им нельзя говорить ни в коем случае. Это же ценность, за которую могут и того… А ему всё равно, кто хозяин. Он и их научит своему заклинанию, – сказал Дед.

– Это точно, – согласился Муха. – Во влипли… Может, плюнуть на всё и уехать, пока нас не загребли?

– Куда ты поедешь… На границе – паспортный контроль. И ты уж поверь, что всех погранцов нашими портретами снабдили. Надо где-то затихариться. Что скажешь, Дед? – спросил я.

Дед, объявивший войну национал-идиотам, такого исхода не ждал и крепко задумался.

– Скажу вот что… Допустим, мы знаем про существование гипнотизёра, допустим… И пришли просто посмотреть – как это у него получится… Знаем из частной переписки. Приват – это свято! Ну, можем соврать, что это женщина…

– И мы должны были её подстраховать?.. – спросил Муха.

– Хм… Ну, это мы им выдадим, если совсем с ножом к горлу пристанут.

– Хорошо бы придумать приметы женщины, – подсказал я.

– Можно… Только надо им объяснить, что она умеет отводить глаза. Скажем, сделать так, что она всем кажется старой бабкой, а на самом деле – вроде Джей Ло в молодости.

Мы фыркнули – вот Дед и проболтался о своих эротических вкусах!

Потом мы обсудили внешность гипнотизёрши. Решили, что это должна быть сорокалетняя тётка с длинными тёмными волосами и в тёмных очках, как снимет очки – так гипноз и начинается. А для работы ей прямой контакт не нужен – она

своим зловещим взглядом чуть ли не стенки прошибает, встанет метрах в двадцати от оратора – и он хоть по-японски заговорит!

– Нет, про японский ты, Муха, загнул, – опомнился я. – Это должен быть известный оратору язык! Иначе получится эта, как её…

– Глоссолалия, – вспомнил умное слово Дед.

И мы полезли в Интернет – искать инфу про глоссолалию.

Глава пятая

Кабачок назывался «Последняя надежда». Умный человек дал ему это название! Оно просто притягивало тех, у кого что-то не ладилось. А дальше всё плохое или разруливаешь в разговоре, или топишь в алкоголе.

Мы пришли одновременно – с одной стороны Дед, Муха и я, а с другой – Тимофей, Швед, Боромир и Гольд. Боромир – это за сходство с киношным персонажем, а Гольд – «золото» по-немецки. Он как-то нашёл банку с золотыми монетами.

Столы в «Последней надежде» были небольшие, мы состыковали два, сели и спросили живого пива. Свобода и независимость принесли Латтонии ещё и такую дрянь, как химическое пиво. Тины и туристы его пьют, потому что ничего лучшего не знавали, у них вкус испорчен. Но мы-то местные, мы знаем, что такое правильное пиво.

– Спасибо, Тимофей, – сказал Дед. – Это было неожиданно.

– Да ладно, – ответил Тимофей. – У нас есть вопросы.

Вопросы были предсказуемые. Дед наплёл Тимофею про гипнотизёршу. Боромир и Гольд поверили, Швед смотрел на нас с подозрением.

– Надо с ней встретиться. Это очень важно, – сказал Тимофей.

– Для кого важно?

– Для всех.

– Все – это кто?

– Латтонцы. И русские.

– Первые, значит, латтонцы…

– Для них важнее. То есть сперва – для них важнее. Потому что… – Тимофей задумался. – Потому что у них – беда. Горе.

– У русских тут, значит, ни беды, ни горя?

– Не заводись, Дед, – попросил я. – Всем плохо из-за этой исторической справедливости, черти б её побрали.

– Не я её восстанавливал, – буркнул Дед.

– И не я, – сказал Тимофей. – У меня отец наладчиком оборудования на «Электроне» работал, брат матери был слесарем шестого разряда, сестра матери – сборщицей пятого разряда. Где

теперь «Электрон»? Там в цехах этот… бардак!

Цеха лучшего прибалтийского завода, отремонтировав, отдали торговому центру. Там и мой батя работал. Теперь батя – в строительной бригаде, в Голландии. Но если так – может, наши отцы вообще в одном цеху трудились? Может, и руку друг другу пожимали, жёстко, по-мужски? Надо же, какой сюрприз…

– Эта дама нам нужна. Может быть, поможет. Дайте её координаты, пожалуйста, – попросил Швед.

– Загипнотизировать русских политиков, чтобы заговорили по-латтонски? – предположил Муха. – Так наши уже чешут по-латтонски не хуже ваших. И врут примерно так же!

– Это и плохо, что не хуже… – Тимофей вздохнул. – Ребята, сейчас по-латтонски говорить нельзя. Не советую.

– Я перевожу с латтонского. Что, уже и не переводить? – удивился Муха.

Тимофей и Боромир переглянулись.

– Ты ничего такого не замечал? С тобой всё в порядке? – спросил Боромир.

– Всё вроде.

– Нам нужен сильный гипнотизёр. Обычного пробовали. Фуфло, – сказал Тимофей. – Для дураков. Как раз такой, который заставляет менять язык… лингвистический гипнотизёр, вот такой. Может, он поймёт…

– Да, – добавил Швед. – Нам нужно кое-что понять.

Мы ещё немного потолковали, но ничего нового друг другу не сказали.

– Не хотите помочь, – подвёл итог Тимофей. – Ладно.

– Объясните, в чём дело! – потребовал Дед. – Говорите загадками и хотите, чтобы вам помогали!

– Не можем, – Тимофей встал. – Ну, хорошо. Мы уходим. Добрый совет на прощание – не говорите по-латтонски.

И они действительно ушли – к нашему великому изумлению, без мордобоя.

– Временно прекращаем наши диверсии, – сказал Дед. – Нигде не светимся. Питаемся пиццей с доставкой на дом.

– Дед, мы как-то плохо с ними поговорили… – Муха вздохнул. – У меня такое ощущение, будто они попали в большую беду.

– Плохо, – согласился Дед. – Нужно было ещё спросить у них, какого чёрта они околачивались на всех этих национальных тусовках! И ещё спросить – не они ли нас сдали!

– Дед, у тебя логика глючит. Они же нас спасли от безопасности, – напомнил я.

– А если это – спектакль? Театр? Чтобы без мыла к нам в

задницу влезть? Орлы, они же латтонцы! Они могут вести себя, как ангелы, а потом вспомнить, что они – латтонцы! Что, разве этого не было? Как за свободу и независимость на баррикадах сидеть – так мы им лучшие друзья! Кончились баррикады, началась независимость – так пошли вы на фиг, русские иваны, хозяева жизни тут – латтонцы!

Возражать мы не стали – так оно всё и было.

Но ощущение беды не только Муху беспокоило – я видел, что с Тимофеем и его ребятами неладно. Они что-то знали – ну, вроде как знает человек, что его близкие больны какой-то стыдной болезнью, о которой говорить просто невозможно, а лечить всё-таки надо.

Но Деда не переубедишь. И в чём-то он был прав – латтонцы люди уживчивые, но камень за пазухой носить любят и умеют.

На всякий случай мы спросили у симбионта, не замечал ли он каких-либо странностей в латтонском языке.

– Нет, – ответил наш чёрный столбик. – Живёт и развивается соответственно законам. Количество заимствований в пределах нормы.

А потом Муха узнал, что собираются сносить один дом на окраине. У него бульдозерист знакомый, снабжает такой инфой. Я съездил, посмотрел. Вернулся с докладом: если эту халупу не снести, она сама кому-нибудь на голову рухнет. Судя по тому, что домишко стоял на краю здоровенного сада, участок купил богатый дядька и решил там взгромоздить очередной особняк с подземной сауной.

– Может ли там быть что-то ценное? – спросил Дед.

– Дом, по-моему, построен в тридцатые годы. Там ещё штуки четыре разных сараев. Вот сараи, кажется, более перспективные.

– А забор?

– Есть забор. Но я обошёл по периметру – там можно организовать дырку.

Мы старались не появляться в людных местах, но окраина – место безлюдное. Опять же – мы собрались туда вечером. Теоретически нас никто не должен был засечь. Мы всё рассчитали – приезжаем последним автобусом, уезжаем первой электричкой. Или, если вдруг найдём какие-то увесистые сокровища, звоним Сашке Кожемякину, он как раз до работы успеет заехать за ними на машине. Оделись мы тоже подходяще – в стиле «капуста». Если от работы разогреемся – будем скидывать одёжки послойно. Всё наше оборудование Дед так доработал, что оно влезало в большую спортивную сумку.

– Хорошее место, орлы, – сказал Дед, когда мы приехали. – Я тут поблизости пару лет прожил. Там, за садом, должен быть

пустырь – то есть вытоптанная опушка, и наверняка есть тропа к озеру. Настоящая дача. Летом никакого взморья не нужно. Загорать можно в саду, купаться – в озере.

– Если его вконец не загадили, – испортил весь дифирамб Муха. – А загадят однозначно.

Мы подошли по совершенно пустой и тёмной улочке, освещённой всего одним фонарём, к нужному месту в заборе.

– Гении мыслят одинаково, – с этим афоризмом Муха показал на дыру в проволочном заборе и следы на снегу, ведущие от дыры к ближайшему сараю. Хозяева так не ходят…

Тимофей со своими тоже собирал инфу о всяких развалинах. Может, один и тот же бульдозерист снабжал нас адресами!

– Влипли, – сказал я. – Ничего не поделаешь, он – первый.

– А это что ещё такое? – с беспокойством спросил Дед. – Вон, вон, в окне…

Домишко, предназначенный на снос, ещё совсем недавно признаков жизни не подавал. А сейчас два окна светились, но как? Зеленоватым светом, какого ни одна лампа не даёт.

– Блин, – ответил Муха. – Кто-то туда залез. Но это не хозяева…

– Откуда ты знаешь?

– Мне так кажется… Вот интересно, эти следы свежие?

Вопрос был обращён почему-то ко мне.

– Что я тебе, Чингачгук? – спросил я. – Вот что, давайте уходить. Не нравится мне тут. Тимофей пришёл первый – пусть он и остаётся.

– Гость прав. Уходим, – решил Дед.

И тут грянуло!

Я впервые в жизни видел, как над домом поднимается крыша! Она ещё, наверно, целую секунду висела в воздухе, прежде чем опуститься. И её подпирал столб зеленоватого цвета.

А вот когда она опять накрыла стены, когда стены стали заваливаться, мы услышали крики.

Дом рухнул – крики смолкли.

– Тимофея завалило! – догадался Муха. – Ну, вы как знаете, а я – туда! Может, хоть кого-то сумеем вытащить.

И полез в дыру.

– А если это не Тимофей?! – крикнул Дед.

– Так тем более!

Снег в этой части двора не убирали с ноября. Ямы, которые мы заметили, оказались глубиной чуть ли не по колено и разношенные – явно прошли, след в след, несколько человек. Муха заскакал, как козёл, высоко задирая колени. Следующим пошёл я. Дед с сумкой остался у дыры, мучительно размышляя,

должен ли он спасать Тимофея.

Муха, когда надо, соображает очень шустро. У нас были с собой фонарики на петлях, чтобы подвешивать. Он прицепил фонарик к двери сарая, залез туда и нашёл лопаты, грабли, даже вилы. Раскапывать рухнувшие стены втроём – безумие, но крепкие палки послужили нам рычагами. Дед, который всё же решился помогать латтонцам, тоже забрался в сарай и откопал там доски.

К счастью, две стены оказались довольно прочные, они практически устояли, но мы не сразу это поняли – от сараев мы их не видели. Идя вокруг развалины в надежде найти самое удобное место для раскопок, мы обнаружили их, обрадовались и взялись за дело. Возможно, что возле этих стен уцелел кто-то живой.

– Осторожно! Осторожно! – то и дело напоминал Дед.

Мы и сами знали, что растаскивать завалы надо осторожно. Удалось оттащить кусок стены, образовалась чёрная дыра.

– Тимофей! Боромир! Гольд! Швед! – закричал в эту дыру Муха.

– Тут я! – по-латтонски отозвался голос.

– Тимофей, ты, что ли?

– Я!

Муха с фонариком полез в дыру. Мы вставили туда доски на случай, если сверху что-то поползёт. Тимофей, увидев свет фонарика, лез навстречу, тихо ругаясь по-латтонски. Муха, пятясь, выбрался и потребовал лопату с ручкой – нужно было просунуть Тимофею что-то такое, за что он бы мог ухватиться, и понемногу его вытянуть.

Десять минут спустя он стоял перед нами – в свитере, но, кажется, не ощущая холода…

– С тебя причитается, – сказал ему Дед. – Пивом не отделаешься.

– Что за вопрос! – ответил Тимофей. – Как будто не понимаю. Теперь надо парней вытаскивать. Швед жив, я его слышал…

– Хорошо же ты перепугался, если по-латтонски опять заговорил, – пошутил Муха.

– Вы что? Я по-русски говорю! – воскликнул Тимофей, опять же по-латтонски.

– Это психическое, – догадался Дед. – С перепугу, наверно, бывает…

– Я нормальный, – ответил ему Тимофей. – Совершенно нормальный. С чего ты взял?

– Тимофей, ты сейчас говоришь по-латтонски, – вмешался я. – Как те, загипнотизированные, помнишь? Они не понимали, что

говорят по-русски, пока им не сказали.

– Так… – произнёс он. – Отойдите от меня подальше. Я заразный.

– Тимофей, ты спятил? Гость, что там у нас в запасах? Для сугреву – ты ведь брал? – спросил Дед. – Дай ему выпить. И за работу. Там ещё три человека.

– Четыре, – уточнил Тимофей. – Где лопата? Там мои парни…

– Дураком нужно быть, чтобы лезть в дом, который может рухнуть, – сказал ему Дед. – Да ещё кого-то чужого с собой тащить.

– Я – Райво… – пробормотал Тимофей. – Я – Райво…

– Нет, он не спятил. Это он раньше спятил, когда вообразил себя русским. А теперь он вернулся в свой латтонский рассудок, – голос Деда был звонок и строг, каждое слово – как удар по железу. – Я же говорил!

– Дед, он попал в беду, – возразил Муха. – Ты что, не видишь? Тимофей, вот лопата. Где там, по-твоему, Швед?

– Я – Райво, – пробормотал Тимофей, но лопату взял.

Как мы вытаскивали из-под обломков повредившего плечо Шведа – лучше не вспоминать.

– А Боромир где, Гольд где? – спрашивал я. – Где они были, когда крыша взлетела? Ты не понимаешь?

– Понимаю, – сказал по-латтонски Швед. – Только говори со мной по-русски, слышишь? По-латтонски не смей!

– Мания национального величия, – определил проблему Дед. – Что вы там такое делали? Что вы взорвали?

– Я Андрес, – ответил Швед, – только ты меня так не называй. Он за имя цепляется. За звуки. За дифтонги…

– Дифтонги? – переспросил Муха.

– Латтонские дифтонги – «уо» и «эу». Только не повторяй…

– Давайте-ка, орлы, вызовем полицию и «скорую», – решил Дед. – Сами мы тут не справимся.

– Я вызову. По-латтонски, – предложил Тимофей. – Это ведь не шутка? Я действительно говорю по-латтонски?

– Спроси Шведа, – хором посоветовали мы с Мухой.

– Уходите, – сказал тогда Тимофей. – Мы сами вызовем полицию и «скорую». Вам нельзя оставаться, вас ищут.

– Он прав, – подтвердил Швед.

Мы посмотрели на Деда – что он ответит?

– Будем ковыряться с вами до последнего, – ответил Дед. – Держи мобилу, Тимофей. Чтоб они сдохли – те, кто нас поссорил.

– Чтоб они сдохли, – подтвердил Швед, а Тимофей потёр рукой лоб.

– Я не хочу… тебе меня не взять… – пробормотал он. – Пошёл

прочь, пошёл прочь, убирайся…

И вдруг выдал такое на чистейшем русском языке, что даже Дед сказал «ого!».

Поскольку Тимофей разговаривал сам с собой, мы попросили Шведа показать, где могут быть остальные трое. Швед, придерживая правую руку левой, пошёл вокруг дома. Мы с фонариками и лопатами, – следом.

– Вот тут были двери, за ними сразу комнатка, вроде прихожей, за ней большая комната. Слева – кухня… Боромир, кажется, был на кухне… Боро! Боро!

Ответа не было.

– Что вы взрывали? А главное – зачем? – спросил Дед.

– Это был не взрыв, – сказал Швед, – это гораздо хуже. Он думал, что убьёт нас…

– Кто?

– Если скажу – всё равно не поверите… Боро! Гольд! Гольд был в комнате с печкой…

– И где она?

– Она – если войти в большую комнату, то справа.

– А взорвалось – в большой комнате? – допытывался Дед.

– Да не взорвалось! Никакой это не взрыв! – выпалил по-русски Швед, но опять перешёл на латтонский. – Я не могу объяснить. Вы подумаете, что я совсем спятил. Вот тут, кажется… Если бы поставить подпорку – можно было бы убрать вот это…

– Понял, – сказал Дед. – Там дверь сарая – в дюйм толщиной. Можно её вогнать. Гость, в сарае наверняка есть топор. Ты можешь сбить петли?

– Постараюсь, – ответил я.

– И скажи Тимофею – пусть наконец перестанет бормотать, как маразматическая горилла, и позвонит в полицию. Если не хочет – забери у него мою мобилу, с неё Швед позвонит.

– Вот же моя… – Я полез под куртку, искать подвешенный к ремню футляр.

– Ну, ты орёл! – возмутился Дед. – Вы с Мухой, когда поставите дверь, вообще уберётесь к чёртовой бабушке! Вам нельзя показываться полиции на глаза! Вас-то видели, а меня – нет! А я скажу, что пришёл с Тимофеем. Вот я, вот моя мобила, никто не придерётся.

Он был прав. Мы с Мухой притащили эту самую дверь и вогнали её как раз под нависший край крыши – строго перпендикулярно земле. Всё это время Швед звал своих, а Дед откатывал в сторону большие обломки стены.

– Летите, орлы, – сказал он, когда, по его мнению, уже следовало ждать и полиции, и «скорой». – По опушке – до

железной дороги, а за ней – кажется, километр до шоссе. Там словите попутку.

– Кто нас возьмёт? – безнадёжно спросил Муха. – Проще не тратить время и возвращаться пешком. Часа через два будем дома.

– Или, по крайней мере, там, куда можно вызвать такси, – добавил я.

В общем, мы ушли, оставив Шведу и Тимофею толстые свитера, а Дед остался.

Глава шестая

Звонить Деду ночью мы опасались – кто его знает, где он, может, сидит в полиции и даёт показания. Дело-то очень подозрительное – взорвался дом. Пусть заброшенный – но всё-таки дом, чья-то частная собственность.

Конечно, мы перебрали все варианты. Дом мог быть даже сороковых годов постройки, и его установили над какой-нибудь невзорвавшейся авиабомбой А с годами что-то в ней проржавело – она и ахнула. Кто-то из красных или чёрных кладоискателей мог использовать дом как склад для своих находок – если они что-то откопали в лесу, то могли спрятать оружие в таком удобном месте, чтобы потом понемногу вывезти. Но неужели Тимофей с парнями не поняли, что это такое?

Я остался ночевать у Мухи. Он ещё на полтора часа сходил в игру присмотреть за клиентом. А на следующий день мы стали искать Деда.

Дед нашёлся дома у Тимофея. Это было примерно так же, как если бы арабский террорист нашёлся в церкви, истово бьющий поклоны.

– Все живы, – сказал он. – Но только Боро в реанимации.

– Что это такое было? И кто у них пятый? – спросил я.

– Пятый, слава богу, сумел уйти. Но это не телефонный разговор, орлы. Тут такое делается…

Мы получили от Деда довольно странную инструкцию – поехать в гинекологическую клинику на Ратушной площади и отнести передачу пациентке по имени Рита Куус. Потом нам следовало ждать его звонка.

Если мужчина заботится о пациентке такого заведения, которая ему не жена, то его совесть явно нечиста. Так рассуждали мы, покупая обязательные апельсины, бананы, йогурты и шоколадки. Но когда и как Дед умудрился нагрешить так, что мы ничего не заметили? Имя-то мы услышали впервые.

В регистратуре нам сказали, в каком отделении лежит

пациентка, а за шоколадку подсказали, как к ней проскочить по служебной лестнице.

Она оказалась черноволосой бледной девушкой, не то чтобы красивой – скорее просто привлекательной. То есть пока лежала с закрытыми глазами. Когда же, услышав нас с Мухой, она открыла глаза, мы чуть не отскочили. Я ощутил что-то вроде удара в переносицу.

– Мне двигаться нельзя, сильные ушибы и сломанные рёбра, – сказала эта Рита по-русски. – Мне вкололи обезболивающие. И я выложилась, когда уезжала оттуда… Все ресурсы ушли… Но вы мне поможете отсюда уйти. Я уже могу работать.

Говорила она почти без латтонского акцента. Но она была более чистокровной латтонкой, чем все белобрысые и щекастые девицы нашего лимитрофа. Я узнал в её лице либские черты – либии как раз были раскосые и темноволосые. Они, уходя в небытие, поделились кровью с пришлыми латтонцами.

– Ты с ума сошла, – вот и всё, что я смог ей ответить.

– Нет. Я не могу тут долго быть, парни. За мной могут прийти. Мне нужен донор.

– Это можно, – сразу согласился Муха. – Только у меня в крови сейчас процентов десять пива. У него тоже.

– Кровь тут ни при чём. Сядь сюда, на край, возьми меня правой рукой за левую руку, левую положи мне на правый висок и нагнись, я тоже должна положить тебе руку на висок.

Муха всё это проделал, хотя я по глазам видел – что-то ему страшновато.

А потом мне показалось, что с глазами беда – я увидел голубые искры между губами Мухи и губами Риты. Облачко голубых искр, которое растянулось и, став плоским, повисло между ним и ней, как натянутый платок. Пока я протирал глаза, оно исчезло.

– Теперь ты, – сказала мне Рита. – Бояться не надо. Я просто возьму у тебя немного энергии, чтобы полечиться. Мне нужно ускорить движение энергии по каналам, чтобы омыть все больные места. Выручайте, парни, я вам ещё пригожусь.

– Гость, помоги встать, – попросил Муха. – Голова кружится…

Я молча выволок его в коридор.

– Пошли отсюда, – сказал я. – Ноги переставлять можешь?

– Погоди. Что-то я совсем плохой.

– Муха, тут какая-то засада. Дед сидит у Тимофея, оттуда посылает нас в эту клинику… что-то не так, понимаешь? Мы впутались в какие-то латтонские разборки!

Коридор был длинный, туда выходили двери небольших палат. В дальнем конце был выход на служебную лестницу, а мы

стояли поблизости от главной.

По главной поднимались двое мужчин и женщина. Они говорили по-латтонски, но мы прекрасно их понимали – за эти годы мы освоили язык пусть не на таком уровне, чтобы сочинять сонеты, но очень прилично.

Мужчины расспрашивали о пациентке Рите Куус. Женщина говорила, что она – врач и не может позволить беспокоить пациентку, доставленную с сильным кровотечением по женской части. Мужчины в ответ на это утверждали, что, по их информации, у пациентки травмы совсем иного характера, а в клинику её поместили по загадочному распоряжению заместителя главного врача, госпожи Сидоровой. Женщина потребовала, чтобы перед входом в палату мужчины надели одноразовые халаты и бахилы. Она повела их туда, где стоял автомат для выдачи бахил, и потом дальше – видимо, в комнату, где висели халаты.

Вдруг дверь палаты распахнулась. Рита Куус стояла, держась за косяк, в голубой пижамке и босая.

– Помогите, – сказала она. – Уведите меня… Он собрался с силами, он может меня уничтожить… Помогите… Он тут, он сейчас явится… ему нужен прямой контакт…

– Она бредит, – шепнул я Мухе.

– Уведи её, – прошептал Муха. – Унеси, что ли… Гость, это не бред… Гость, я знаю, я понял…

– Как ты мог понять?

– Потом… вытащи её…

– Сядь, – велел я, показав на стул. – Потом вернусь за тобой.

Муха нёс непонятную мне околесицу, но он был в своём уме, это я знал точно.

Перекинув Риту через плечо, потому что на руках девочек носят только в кино, я быстро спустился по служебной лестнице на первый этаж. Можно было выйти в вестибюль клиники, но что бы я стал там с ней делать дальше. Лестница вела куда-то вниз, и я решил, что в подвале всяко теплее, чем на улице, а может, найдутся какие-то тряпки. Нести в февральскую холодрыгу по улице босую девчонку в пижамке на голое тело – это как-то нехорошо…

– Поделись со мной, – попросила Рита, когда я поставил её между какими-то бурлящими и гудящими, тёплыми на ощупь стояками. – Мне уже намного лучше, я убрала гематомы.

– Ага – и буду с копыт валиться, как Муха, – отказался я.

– Поделись – я смогу идти сама.

– Думаешь, я тебе поверю?

– Муха кормит симбионта, – сказала она. – Симбионт открыл

канал, а я к этому каналу подключилась. Произошёл выплеск. Я не думала, что там такой канал. Поэтому могу ходить.

– Точно! – воскликнул я.

Сто раз мы говорили Мухе, чтобы не таскал с собой симбионта в супермаркет! Есть для него банка из-под баклажанной икры – когда занятий для него нет, пусть там и сидит! А Муха зачем-то поволок его на дело…

– Что это за симбионт? – спросила Рита. – Я с такими ещё не сталкивалась. Зачем он нужен?

– Много он жрёт? – вопросом на вопрос ответил я.

– Немного, но канал сделал хороший. Я же говорю – по такому каналу может быть большой выплеск.

– Ч-чёрт… Знали же мы…

Я хотел сказать: знали же мы, что в этой истории с чёрным столбиком есть какой-то подвох, какая-то здоровенная ловушка! Но воздержался. История о том, как три неглупых человека купились на жалобное враньё, – не для посторонних.

– Помоги мне, – сказала Рита. – Теперь совсем немного нужно, чтобы я могла бежать сама. Рёбра схвачены…

– Куда ты пойдёшь босиком?

– Это не имеет значения. Маша сделала главное – дала мне ночь передышки с обезболивающими. Ты не представляешь, какая я была, когда Дед вытащил меня из-под стены. Они думали – я умерла. Но потом у них хватило ума вызвать такси. Я связалась с Машей Сидоровой, она дежурила и взяла меня к себе. Эти господа из безопасности опрашивали таксистов и вышли на след.

– Ясно. Только при чём тут безопасность?

– Он ими тоже завладел.

– Загадками говоришь. Кто – он?

– Я не знаю, как его зовут. И узнать негде. Поэтому у нас не получилось…

– Что не получилось?

– Заклясть его и прогнать. Хотя бы прогнать. Думаешь, для чего мы забрались в этот дом? Мы не знали, на что он способен. На окраине вред был бы минимальный… Тимофей давно уже присмотрел этот дом, но люди оттуда выехали только на прошлой неделе.

– Ты давно знаешь Тимофея?

– Он мой троюродный брат.

– Вот не думал, что у него либийская кровь.

– Да, по нему не скажешь. Но имя – Рай… нет. Нельзя. И ты тоже не используй латтонских имен. Ему достаточно нескольких слов – они открывают канал. И – всё. Он проникает в тебя, и ты понемногу теряешь рассудок.

– Почему же Муха ещё в своём уме?

– Может быть, его охраняет симбионт? Или он считает Муху собственностью симбионта?

Я подумал и решился.

– Как это делается? – спросил я. – Как там было с руками и висками?

– Сейчас можно проще, – она улыбнулась. – Положи мне одну руку на левый висок, вторую – на грудь, вот сюда. И закрой глаза – я же знаю, что ты видел и испугался.

– А я не свалюсь, как Муха?

– Я тоже кое-чем с тобой поделюсь.

Когда я держал правую руку на её виске, а левую – на груди, то не ощутил решительно ничего. А вот потом стало как-то зябко, пробила дрожь.

– Открой глаза, – сказала она. – Всё в порядке. Мне удалось прогреть точки. Теперь будет легче. Идём, Гость. Где-то тут есть выход во двор.

Она пошла по грязному бетонному полу. Я видел её ступни – грязь к ним не приставала! Когда мы выбрались во двор, она шла по снегу так, как шла бы в солнечный день по пляжу.

– Погоди! А Муха? – спросил я.

– Муха должен ещё часа два посидеть, не двигаясь. Не бойся. Если он говорил по-латтонски и с ним ничего не случилось, то и сейчас не случится. Выходи на улицу первый и лови такси.

Мы уехали вовремя – когда уже были в машине, со двора выскочили те двое, что пришли за Ритой. Они её выследили, но я показал таксисту десятку – и он унёс нас на дикой скорости с неожиданными финтами.

– Ты, когда смотрел на них, ничего не заметил? – спросила Рита.

– Мало ли что мне померещится, – ответил я. – Какая-то игра света.

– Зеленоватого света?

– Значит, не померещилось.

– Это его спектр – болотно-зелёный, иногда желтоватый.

Я вспомнил, как засветились окна рухнувшего дома. Точно – с желтоватым оттенком…

– Да что за «он» такой?

– Приедем – расскажу.

Такси доставило нас к загородному коттеджу, где мы обнаружили Тимофея, Шведа с рукой на перевязи и Деда.

– Я тут живу, – сказала Рита, – и тут мы в безопасности. Мой учитель научил меня ставить защиту.

– И где эта защита?

– Вот, – над дверью висел маленький образок. – Туда, где верят, ему ходу нет. Вера сильнее всех его выдумок. Если веришь, то все свои поступки как-то согласовываешь с верой. И сразу становится ясно, когда тебе подсовывают враньё.

– Всего только образок? – Честно говоря, я не поверил.

– Сам по себе он – не защита. Но моё взаимодействие с ним – защита. Хотя и тут мы не будем говорить по-латтонски. Кто знает, какую щель он может отыскать.

– Садитесь, – Тимофей указал на диван. – Сейчас всех покормлю. Ты справилась?

– Да, братик, сейчас я справилась. Но он… он теперь пустит в ход всё. И что получится – не знаю…

– Где Муха? – спросил Риту Дед.

– Нужно позвонить Мухе, чтобы он знал, куда ехать.

Дальше мы просто сидели и ждали Муху. Рита легла отдохнуть, а Дед пристроился рядом и рассказывал ей страшную историю, как нашли симбионта, со всякими придуманными подробностями. Я бродил вдоль книжных полок и пытался понять – что во мне изменилось, чем со мной поделилась Рита?

Муха приехал – началась суета. Его усадили на стул, придвинули к стулу стол, на стол поместили огромное металлическое блюдо.

– Ты умеешь выпускать симбионта? – спросила Рита.

– А чего тут не уметь… Выйдите все. Тимофей, вам это видеть незачем.

Заклинание он отчеканил уверенно, и чёрный столбик исправно возник на блюде. Тогда я позвал Тимофея, Риту и Шведа.

– Кто ты? – спросила Рита.

Столбик не ответил.

– Кто из вас его хозяин? Прикажите ему отвечать, – Рита обвела взглядом нас троих.

– Наверно, я, – сказал Муха. – Я с ним больше работаю, чем Дед или Гость. Симбионт, отвечай, пожалуйста.

– Я демон-симбионт, – сразу отозвался чёрный столбик. – Служебное устройство.

– Каково твоё понятие об источниках добра и зла?

– У меня нет такого понятия. В меня не встроены категории добра и зла.

– Тебя можно научить этому?

– Я самообучающийся симбионт-аудиал. Выведен для точных соответствий. Мыслю лингвистическими категориями. Если это теперь лингвистические категории – готов их усвоить.

– Он прав, добро уж точно стало только лингвистической

категорией! – не выдержал и встрял Дед.

– Давно ли ты выведен? – словно не замечая Деда, спросила Рита.

– Не имею встроенной категории времени. Выведен после утраты Старшего Языка.

– Это он про Вавилонское столпотворение, – подсказал Рите Дед.

– Примерно так я и думала… Симбионт, тебя использовали те, что вывели, и они же продавали людям на время?

– Да.

– У тебя есть связь с теми, что вывели?

– Если я им нужен, могут найти. Недавно искали.

– Что ты ответил?

– Что имею хозяина. Когда умрёт – поступлю в их распоряжение.

– Ничего себе… – прошептал потрясённый Муха. Он осознал, что теперь ему возиться с симбионтом добрых полвека.

– Тебя искали сегодня?

– Да, – неохотно ответил чёрный столбик. – И раньше тоже.

– Говорили о добре и зле?

– У меня есть встроенная категория повиновения и защиты. Так я ответил. Категорий добра и зла нет.

– От кого ты должен защищать хозяина?

– От лингвистической агрессии.

– Что это?

– Не знаю. Если произойдёт – узнаю.

– От других видов агрессии будешь защищать?

– Выведен не для этого.

– Благодарю, – сказала симбионту Рита. – Тот, кто с ним говорил, не стал проявлять лингвистической агрессии. Не пожелал или, может быть, чего-то побоялся. Всё-таки симбионт выведен раньше, чем он, симбионт старше и прав у него, наверно, больше… Забери его, Муха. Сейчас от него не будет пользы. Мы не можем объяснить ему, что демон, который тут хозяйничает, – зло. Он и слушать не захочет.

– Демон… – повторил Муха. – Он – это и есть демон?

– Да. Демон-паразит. Он присасывается к языкам. Вот присосался к латтонскому. И через него качает себе силу.

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

Муха взял блюдо и вышел в другую комнату, чтобы прочитать заклинание и впустить в себя симбионта.

– Есть способы выявления демонов. Меня научили… – Тут Рита вздохнула. – Думаете, это очень приятно – чувствовать рядом с собой зло? Учитель сказал мне – у тебя есть способности,

а это значит – у тебя есть долг. Одно без другого не бывает.

– Помните, как мы встретились на митинге в парке? – спросил Тимофей. – Сестричка там тоже была. Мы хотели ещё раз видеть всё это вблизи… а увидели, как работает ваш симбионт!..

– Вот почему мы хотели договориться с вами. Нам казалось, что у вас есть оружие, – добавила Рита. – А это никакое не оружие. Это как большой электронный словарь. Словарём, конечно, можно… это… треснуть по башке… И всё, ничего больше.

– Как можно присосаться к языку? – спросил я, хотя уже нутром чуял – как.

– Когда языку придают особенное значение, он начинает будить эмоции и раскрывать каналы. Вот тут демон и внедряется. Самые податливые – старики. Он будит в них ненависть и высасывает энергию. Но это только начало…

Тимофей слушал, слушал сестричку – и взорвался.

– Ты видел этих старух? Они обычные вежливые латтонские бабушки. Но когда их удаётся собрать вместе – он активизируется, и они теряют рассудок. Ты видел, как они кричат вслед женщине, которая просто проходила мимо: «Русская сучка, убирайся в свою Россию!» Дед, мне бы, как это у вас, по фигу… но я видел в этой толпе свою маму… Вот когда мне стало страшно! Мою маму – она никогда никому грубого слова не сказала! Она кричала! Я её потом спрашивал – она ничего не понимает! Вот так! – воскликнул Тимофей. – Тогда я понял, что дело плохо, стал наблюдать. Пошёл к Рите…

– Я тоже наблюдала. Я уже знала, что это демон, только никому не говорила, – призналась Рита. – Я о них много читала, но это что-то новое. По новой модели, так? Он – как компьютерный вирус, захватывает пространство. Теперь он уже цепляется к каждому, кто произносит хоть несколько слов по-латтонски. Мы вовремя перешли на русский.

– Но если он высасывает энергию через латтонский язык, то что потом будет с людьми? – спросил, входя, Муха.

– Не знаем, – ответила Рита, – но ничего хорошего. Одно мы уже видим – у людей не осталось сил, чтобы рожать детей. Когда кончатся ресурсы латтонского языка, он присосётся к какому-то другому.

– Я не хочу всю жизнь говорить по-русски, – вдруг перебил её Швед. – У меня есть свой язык, и вот… вот у нас беда…

– Сами её себе на голову накликали, – осадил его Дед. – Сами столько про своё национальное величие кричали – какая-то гадость обязательно должна была проснуться!

– Ладно, Дед, – сказал Муха. – Опять подраться хочешь? Всем

плохо, а вы тут сейчас пузомерку устроите – кому хуже всех, тот и главный! Гость, вы когда уезжали – этих двух видели? Которые приходили за Ритой?

– Тот же цвет, что ночью в окнах, – ответил я. – Рита мне всё объяснила. Но, значит, это он, демон, и есть?

Я имел в виду мужчин из полиции безопасности.

– Это что-то такое… как его щупальца… – туманно объяснила Рита.

– И я видел, – признался Муха. – Думал, с глазами что-то… Рита, если он там, в доме, был – значит, вы его как-то вызвали, да?

Рита промолчала.

– Вызвали. Она не справилась, – ответил за сестричку Тимофей. – Зря мы это сделали. Теперь он это, как по-русски… в битву пошёл…

– В атаку, – поправил я.

Глава седьмая

Вдруг Рита резко выпрямилась, напряглась, брови сдвинулись, на лице появился какой-то болезненный оскал.

– Он здесь, – сказала Рита. – Он пробивается ко мне с информацией…

– Нет, не к тебе, – возразил я, потому что и сам напрягся.

Неприятное это ощущение – когда в тебя стучатся, и твоя собственная кровь прямо бухает в голову, и зарождается ритм, ритм-носитель… как-то я это понял… размер определил…

– Дактиль, – сказал я. – ТА-та-та, ТА-та-та, та… Р-раз-два-три, р-раз-два-три, р-раз…

– Да, – она кивнула. – Вот чем я с тобой поделилась… вот, пригодилось…

Ритм-носитель, посланный лингвистическим демоном, обрастал невнятными звуками. Я разгадывал их, как будто замазанный краской карандашный рисунок.

– Русские могут уйти, – вот такая фраза вылепилась наконец, одновременно у меня и у Риты.

Мы с ней посмотрели друг на дружку.

– Муха, Дед, мы ему не нужны, – сказал я. – Он за Ритой, Шведом и Тимофеем пришёл.

– Где он? – спросил Дед, выглядывая в окно.

– Всюду. Он накрыл мой дом, – обречённо ответила Рита. – Нельзя говорить на чужом языке и думать, будто кого-то этим обманешь…

– А от нас чего двадцать лет требовали? – вызверился на неё

Дед. – Чтобы мы говорили по-латтонски и сами себя обманывали! Вот и получайте обратку!

– Дед, знаешь что? – сказал Муха. – Тебя тут никто не держит. Тебе можно уйти.

Очень мне не понравилось, как зазвенел его голос. Когда в Мухе просыпается упрямство – лучше с ним не спорить, а то сделает и тебе, и всему свету назло. Вот как с Наташкой – Дед ему внушал, что они не пара, а Муха упёрся, и что мы имеем? Сумасшедшего поклонника, который ведь добьётся, что она за него, дурака, замуж пойдёт!

– И это правильно. Говорил же я – будет и на нашей улице праздник. За что двадцать лет боролись – на то и напоролись. Думаешь, демон к латтонскому языку прицепился? Он к их злобе прицепился!.. – проповедовал Дед, и мне вдруг стало скучно.

– В самом деле, шёл бы ты, Дед, – сказал и я.

– А ты что, с ними останешься? – удивился наконец Дед. – С Тимофеем? Он меня чуть в могилку не отправил, а ты с ним останешься? Муха! Ты?!

– А я выйду, посмотрю, что это за демон такой, – решил Муха.

И с такой ухмылкой посмотрел на Деда – я даже крякнул. Хорошего мальчика мы воспитали! Орлёночка!

– Ты его не увидишь, – предупредила Рита.

– Он меня увидит. Рита, ты пойми – если он хочет вас с Тимофеем уничтожить, значит, вы для него опасны, – сказал Муха. – Почему – это не у меня спрашивать надо. В общем, я выйду на открытое место и поговорю с ним. А вы наблюдайте. Может, что и поймёте.

– Я с тобой, – сразу присоединился я. – Дед, пока мы будем с ним толковать, ты просто собирайся и уходи.

– Ты это серьёзно? – спросил он. – А вы останетесь? Так, да?

– Ну, извини, – Муха развёл руками. – Ты потом успокоишься и поймёшь.

– Дураки. Если это на самом деле демон, что вы можете с ним сделать? Героически сдохнуть вместе с тремя последними вменяемыми латтонцами?! – заорал Дед. – Кретины! Если тут такая бесовщина – бежать надо! Пока ещё можно бежать!

Я отродясь не видел Деда в такой панике. Он всегда был старший – и потому самый толковый, самый опытный, даже самый сильный. Я бы не рискнул драться с Тимофеем – а он подрался.

– Уходите, парни, – сказал Швед. – Чего мы вас с собой потащим…

– Ну да. Как же, – ответил Муха. – Если вы действительно единственные латтонцы, которых он не пригрёб, то вы… то вас…

ну, в общем, мы с Гостем вас не бросим. Гость, пойдём, потолкуем с этим чудиком. А Рита будет наблюдать. Может, есть шанс…

– Шанс сдохнуть за свободный и независимый лимитроф у вас есть! – не унимался Дед. – Уеду ко всем чертям! Дядька меня давно в Витебск зовёт! Человеком стану!

– Что ж ты так долго тут сидел? – спросил я. – На что надеялся?

Он только рукой махнул – мол, чего спрашивать с идиота, который почему-то прирос к лимитрофу?

Я посмотрел на Риту.

Она улыбнулась.

– Если он нас не уничтожит, а только выжжет изнутри… Гость, если увидишь, как я кричу на митинге… Гость, ты знай – это не я! – воскликнула она.

Тогда я подошёл к ней, обнял и поцеловал в щёку. Это означало: держись.

Швед отворил дверь и посмотрел на Деда. Дед выругался и отвернулся.

А потом мы с Мухой вышли во двор.

– Если со мной что-то случится – забери симбионта, – тихо сказал Муха.

Кажется, он уже был сам не рад своему упрямству.

Я – тоже…

Муха вышел на середину двора – настоящего латтонского двора с клумбами и декоративными кустами. Сейчас всё это было покрыто снегом, и Муха в своей чёрной куртейке стоял на белой дорожке – такой маленький, и точно – как муха в сметане.

Он поднял голову и увидел бледное февральское небо. Только-только стала в солнечный день пробиваться голубизна. Но солнца не случилось – может, его демон заслонил.

«Русские могут уйти», – услышал я у себя в голове.

– Он опять нас гонит, – сказал я Мухе.

– Послушай, ты, как там тебя! – обратился Муха к закрывшей солнце размазанной туче, предположив, наверно, что в ней засел демон. – Какого чёрта ты к этим убогим прицепился? В Америку вон лети, там знаешь сколько народу по-американски говорит? Миллиард, наверно! Такой язык роскошный! Ты с него столько удовольствия получишь! А тут – сколько тех латтонцев? Миллиона полтора? Уморишь их – вообще без пайки останешься! Голодный сдохнешь! Тебе оно надо?

– Американцы не так помешаны на своём языке, – тихо сказал я, – предложи чего другого… И с исторической справедливостью у них всё в порядке. Ему не за что будет зацепиться.

Муха предложил лингвистическому демону лететь в Китай –

там народу немерено, лететь в Африку – там тоже миллионы и миллиарды. Демон не отзывался.

– А ты уверен, что он тебя понимает? – спросил я.

– Чёрт его разберёт. Ведь Риту с Тимофеем он как-то понимает. Эй, ты! Нечистая сила! – заорал Муха. – Оглох ты, что ли? Куда ты там спрятался, сволочь?!

Муха начинал сердиться, и мне это не нравилось. Одно дело – когда показываешь своё упрямство тому же Тимофею, совсем другое – выходцу из преисподней. Ладно бы мы ещё не были уверены в существовании демона. Но мы видели, как он обрушил дом.

– Муха, кончай выделываться, – попросил я и вдруг почувствовал – что-то давит мне на плечи.

Ничего материального не было – но воздух вроде бы сгустился и приобрёл цвет, ещё не тот желтовато-зелёный, который мне запомнился, но какой-то мутно-жёлтый.

– Он разлит в воздухе, – сказал я. – Вот как он действует!

И внутренним взором увидел ту толпу, что собралась послушать сумасшедшего старика. Она была накрыта облаком, облако просачивалось в поры кожи, к каждому человеку тянулись сверху миллионы волосков, и когда раскрывались рты, когда выплёскивалась злость, волоски набухали, всё пульсировало, всё трепетало…

Один лишь миг видел я эту жуткую картинку. Этого хватило, чтобы понять Риту и Тимофея.

Злоба имеет вес. Демон скопил столько злобы, что мог бы раздавить не только дом, но и целый город.

Муха тоже ощутил это. Он сгорбился и рухнул на колени.

Я бросился его поднимать.

– А хрен тебе! – заорал Муха, держась за меня и запрокинув голову. – Ты со мной не справишься! Потому что ты – дерьмо собачье, а я – человек!

Он впал в ту самую ярость, когда голыми руками рвут стальные тросы. Даже демону стало бы понятно – смерть тут не знак победы, а скорее уж знак поражения.

Ярость заразна – и на меня тоже накатило. Мы стояли, подпирая друг друга, и крыли демона последними словами. У меня в голове рычало и свистело – это он, видно, отругивался. Тяжесть рухнула на наши головы, как воз кирпичей с крыши, и мы повалились в снег.

И тут я увидел чудо.

Муха приподнялся на локте и выкрикнул непонятное слово. В человеческом языке, кажется, даже нет таких гортанных, рокочущих, полных спрессованной силы звуков. Муха заговорил

на этом языке, сам не осознавая подмены. Каждая фраза была – как удар бича.

Тяжесть разом пропала. Воздух вдруг очистился. Рёв и свист исчезли из моей головы.

Муха ещё покричал немного, но не так свирепо. Скорее это было прощальное пожелание, что-то вроде: катись колбаской, пока я добрый, и чтоб я тебя тут больше не видел!

– Как ты это сделал? – спросил я, вставая и отряхиваясь. – Как это получилось?

Он ответил на том же языке, который вдруг стал мягким, воркующим, изумительно передающим дружеское участие и безмерную усталость.

– Муха, говори по-русски.

– Ага, – сказал он. – Куда эта сволочь подевалась? Ты заметил?

– Сгинула. Что это был за язык, Муха?

– Муха, Гость! – завопил выскочивший на крыльцо Дед. – Вы чего в снегу валялись? Вы чего, орлы?

– Сейчас спрошу симбионта, – ответил Муха и поднялся на ноги. – Куда бы его выпустить?

В дверном проёме появилась Рита.

– Он ушёл, – сказала она, – он ушёл. Как вы это сделали?

– Сейчас узнаю, – и Муха пошёл в дом.

– Ты что-нибудь видела? Что-нибудь поняла? – спрашивал я Риту.

– Я ничего не поняла…

Чтобы выпустить симбионта, мы опять выставили за двери Тимофея, Шведа и Риту. Потом впустили.

Симбионт имел жалкий вид. Наш чёрный столбик даже не мог толком выпрямиться.

– Что это с тобой? – спросил Муха. – Что случилось?

Симбионт пробормотал несколько слов, которых мы не смогли разобрать.

– Ты испортился? Давай ко мне перебирайся, – предложил я. – Муха вымотался, как собака, а я ещё ничего, свеженький. Подкормишься!

– Выжжено шесть блоков, – доложил он. – Погибли западноиранские языки… Погибли южноаравийские диалекты… Восстановлению не подлежат…

– Господи, какие ещё диалекты?! Главное – ты сам жив! – закричал Муха. – Что это такое было? Что за нечистая сила? Ты понял?

– Понял.

– Как его зовут? – вмешалась Рита. Ей нужно было имя –

тогда она могла как-то управиться с демоном.

– У него нет имени. Служебное устройство, как я. Новое, есть недоработки. Разума тоже нет, только эмоции, – доложил симбионт. – Операционная среда – язык. Лингводемон. Оперирует привнесёнными эмоциями. Отзывается на эмоции. Охотится за эмоциями.

– Значит, заклинать его бесполезно? – растерянно спросила Рита.

– Всё равно что заклинать утюг, – Муха усмехнулся. – Вы здорово влипли.

– Как же эти, как их там, к нему обращаются, если нет имени? – домогалась Рита.

– Язык команд – Старший Язык. Слышит Старший Язык – выполняет команды. Сам знает сто пятьдесят четыре фразы и по двести сорок слов из десяти языков. Может комбинировать, но не очень хорошо. Я же говорю – новая модель, неотлаженная. Отлаживают и совершенствуют здесь. Хорошая среда – есть выплески дурных эмоций.

– Ты же сказал, что у тебя отсутствуют категории добра и зла, – напомнил ему Муха. – Как же ты знаешь, что эмоции дурные?

– Не имею эмоций, но имею разум. Если эта модель пользуется эмоциями, то эмоции по определению не могут быть хорошими. Сам отличить не могу, но делаю вывод.

– А блоки почему сгорели?

– Старший Язык… он… он не для употребления… Для понимания. Служебное устройство не выдерживает напряжения.

– Ты знал это? – удивился я.

– Знал.

– Как же ты додумался командовать на Старшем Языке? – спросили мы его. – Ты же за гранью добра и зла!

– Муха мой хозяин. Хозяина нужно выручать, – ответил симбионт. – Функция помощи встроена.

– Так помощь – это же добро! – вмешался Дед.

– Помощь – это функция. У меня она есть. У иных – нет.

Провалиться мне на этом месте – в ровном тоненьком голоске нашего симбионта была издёвка. И Дед её уловил.

– Орлы, у вас разве ко мне есть претензии? – спросил он.

– Никаких претензий, – чуть ли не хором ответили мы с Мухой.

– Он отступил, – сказала Рита. – Он не ушёл, он только отступил. Он ещё немало гадостей придумает, прежде чем отцепится от латтонского языка. Парни…

– Что? – спросил Дед.

– Вы нас не бросите? Нас всего пятеро, парни. Если Боро выживет – то пять… У вас есть Россия, а у нас?..

– И у вас есть Россия, – ответил Дед. – Вы двадцать лет стояли к России задом, к Европе – передом. Может, пора поменять позицию?

– Нет, у нас только Латтония. Нам бежать некуда, – сказал Тимофей.

– Молчи, – велела ему Рита. – Гость…

– Я четыре года Гость. А тут я все эти двадцать лет. Вы только потому перешли на русский, что плохо знаете английский, – ответил я ей. – Ты классная девчонка, я всё понимаю, но… если вдруг всё образуется и мы прогоним эту нечисть окончательно… мы больше не будем вам нужны. И я тебе не буду нужен. Мы это уже проходили.

– Мы не верим и, наверно, уже никогда не поверим друг другу, – добавил Дед. – Ты уж прости нас, Тимофей, но мы никогда не сможем забыть, что ты латтонец. Ты свой в доску, но ты латтонец. И если парочка других латтонцев скажет тебе, что ты плохой латтонец, ты сделаешь всё, чтобы они тебя признали хорошим латтонцем.

– Да, это так, – вместо Тимофея признался Швед. – Нас хорошо поссорили. Профессионально поссорили.

– Но, может быть, ещё можно что-то поправить? – спросил Тимофей. – Я… я готов…

– Вы столько раз требовали от нас покаяния! Сами бы хоть извинились за то, что двадцать лет нас гнобили! Вам ведь это даже в головы не приходит! – упрекнул Дед. – Тимофей, не извиняйся. Ты – это ты…

– Мы сделали всё, что могли, – сказал я. – Муха, забирай симбионта.

– Да, мы сделали всё, что могли, – согласился Муха. – А теперь пускай сами разбираются.

– А что мы можем?! – вдруг заорал Тимофей. – Ну, что мы можем?! Нас всего пятеро! Ну, отступил этот проклятый лингводемон! Ну, отступил!.. И что мы можем сделать?! Так и говорить всю жизнь по-русски?! Мы не хотим! У нас свой язык!

– Ну вот и назовите на своём языке сволочь – сволочью, вора – вором, провокатора – провокатором, – посоветовал Муха. – А то знаю я вашу логику. Если человек одновременно латтонец и сволочь, для вас важнее всего, что он латтонец. Сволочь – но ведь ваша же, родная сволочь. Вам никто не поможет – только вы сами.

– Сейчас у вас передышка, – добавил я. – Кто его знает, когда лингводемона опять пришлют по ваши души. Ищите тех, у кого в голове мозги, а не народная перловая каша с галушками. И

перестаньте наконец бояться. Вы же не демона боитесь – вы друг друга боитесь. Идём, Муха.

Деда я не позвал. Но он сам побежал следом.

– Орлы, этот Тимофей… Он, в общем-то, нормальный мужик, – сказал Дед. – И, это… как там симбионт сказал?.. Помощь – это встроенная функция? Ну да, у них её заглушили!..

– У тебя тоже, – ответил Муха.

– А что я мог сделать?

– А вот просто встать рядом.

И мы пошли дальше, прочь от уютного домика с вышитыми салфетками и цветами на окнах.

– Плохо всё это, – сказал я.

– Плохо. И симбионта страшно жалко. Но, знаешь… если им его отдать, они ведь так ничего и не поймут. Только зря его погубят. Вот пусть посидят, подумают. Может, Дед им чего присоветует, – сказал Муха. – И пусть наконец сами себе скажут правду. Иначе помогать – просто бесполезно.

– А когда скажут…

– Тогда, может, и симбионт не понадобится. Пошли. У меня еще полтора кило на перевод, и нужно Наташке продукты принести. И ночью игра. Я классного «перса» накачиваю. Представляешь – некромант, а у него спутник – вампир-невидимка! Слушай, это будет такой кайф!

Я обернулся. Тимофей, Швед и Дед стояли у калитки. Дед размахивал руками, Тимофей кивал, Швед лепил снежок.

А вверху тучи разошлись и проглянула первая весенняя голубизна.

Рига, 2011

Елена Клещенко
Призыв
(Полагаясь на Слово…)
Рассказ

Казённый конвертик в колонке новых писем, на самом верху. Сердце ухнуло в пятки, но правильный порядок действий сам высветился, как напоминалка из записной книжки: «Ни в коем случае не кликать на него – запустить ту программку, быстро, пока не сгенерилось и не ушло уведомление о получении».

…Так, вроде успела. Марго для верности сразу закрыла почтовый клиент и выключила эском. Пальцы крупно дрожали. Ничего, повестки больше нет, пропала повестка, я ничего не получала. Теперь ещё есть пара дней или даже неделя. Сколько они будут ждать, прежде чем пришлют вторую? Или сразу сами придут?

Марго не курила, но сейчас это было просто необходимо. Сигареты, пепельницу и зажигалку пришлось стырить у мамы. Неумело щёлкнула раз, другой, пламя подросло, обожгло пальцы. Марго расплакалась.

Ну и что, я ведь этого ждала, сказала она себе – и соврала. То есть она вроде как соображала, что деньрожденьице было в июне, что стукнуло ей, Марго, восемнадцать, а последний тест на интеллект показал сто двадцать, что дизайнерский колледж отсрочки не даёт и вообще никаких отмазок у неё нет. Повестка из военкомата, уведомляющая о необходимости явиться для прохождения вычислительной службы, была неизбежна. Всё это Марго помнила и понимала, даже пыталась говорить с матерью, и всё равно проклятый зелёный конвертик на официальный «паспортный» адрес упал, как кирпич с ясного неба.

Почему я такая легкомысленная дура? Потому что всё плохое случается не со мной, даже если это плохое записано в законе. Потому что экзаменационные тесты я прошла на ура, в десятке лучших, и препод на архитектуре сайтов сказал, что я перспективная. (Зачем они все так говорили, как будто не знали о призыве?! Наверное, просто не сомневались, что я сумею откосить, как умная.) Потому что осень и жёлтые листья. Потому что Родион заплатил за меня в кофейне и проводил до метро… Самому-то Родиону родители сделали справку о каких-то эпилептоидных симптомах. Он говорил, что это верняк на двести процентов, что для армейских компьютеров его теперь нет, а

никакого отношения к настоящей эпилепсии эти симптомы, даже если бы они по правде были, не имеют.

Хорошо всем, у кого предки хоть что-то соображают! Вспомнив материно «там из тебя человека сделают», Марго возрыдала с новой силой. Интересно: из-за всякой ерунды она прямо ну так волнуется – на полчаса телефон в эскоме выключишь, потом неделю дуется и попрекает! А где любой нормальный человек своего ребёнка бы спас… Или она специально хочет от меня избавиться хоть на два года, чтобы со своим Гошей тут жить, и я бы перед глазами не маячила… Нет, стыдно так про маму. Ну почему всё-таки, когда нужна её защита, то ни фига и всё приходится делать самой?!

Сама для себя Марго пока что сделала немного: два месяца назад отыскала в Сети портал «Коси, коса – Girls Vs. Army». Поизучала, что там лежало – выдержки из законов, образцы заявлений и каких-то исков (вообще ничего не понятно), ответы на часто задаваемые вопросы (да-а, у меня – никаких уважительных причин ни по медицинской, ни по семейной линии), погуляла по форумам и чатам. Хотела посоветоваться, с чего лучше начать, но тут экзамены, потом Родион…

Так или иначе, про то, что делать с первой повесткой, Марго узнала как раз на «Косе», оттуда и программку «Letter-eater» скачала, чтобы потерять из почты повестку. Стоп реветь, ну-ка, где там закладочка? Может, чего подскажут? Не первая же я!

Окошко шустро оплелось по краям золотистыми, русыми и черными косами. Ага, вот и тема «призыву нет?». Десяток посетителей, среди них пара знакомых по прошлым визитам. Одна, с самокритичным ником Крыска, снова доводила до общего сведения, что она твёрдо решила косить через беременность и осталось только определиться с выбором отца. Ту же песню она пела в июле – видно, с кандидатами в отцы было негусто. Хотя какой-то Вуглускр отвечал Крыске двусмысленно и кокетливо. Но, может, он жил далеко от неё и ничем не рисковал. Или сам был девушкой.

Кстати, мама потому сама и не служила, что у неё уже была в проекте Марго. Она-то не специально это сделала, просто иногда такое случается. А что, было бы круто: мам, хорошая новость, ты бабушка… Некоторое время она злорадно представляла, как это могло бы быть. Просто чтобы душу отвести. Может, Марго раньше и думала про Родиона в этом смысле (никого не касается, думала или нет), но уподобляться Крыске не хотелось. И потом – тогда, наверное, придётся повторить и мамину, с позволения сказать, карьеру, а это выглядело в целом не менее мрачно, чем армия.

Марго застучала по клавиатуре.

– систерс энд бразерс, меня высветили! (Плачущая рожица.) поможи-ите! в генпаспорте есть предрасположенность к сердечно-сосудистым заболеваниям, с этим можно что-то сделать?

В ответ высыпала стая кривых смайлов с высунутыми языками.

буа-ха-ха!

Margooo, вы делаете мне смешно.

у меня вторая степень инвалидности, опо-двига, и то скоро поеду голову брить.

Девочка, предрасположенность – ещё не болезнь. Тем более к мозгам отношения не имеет. Им вообще пох, если что-то болит или не шевелится. Им головы нужны.

– поняла, поняла. спасибо всем.

да ладно, не плачь. всюду жизнь, как говорил писатель Ярошенко.

Крыса, шла бы ты в свою клетку! Марго, надеюсь, время у тебя ещё есть?

Спрашивала Поляница – дама авторитетная и справедливая. Имелся в виду «Letter-eater».

– а то! – гордо ответила Марго.

молодец! теперь главное – спокойствие. учишься?

– дизайн.

мдя. деньгами богата?

– как все.

ещё раз мдя. мама-папа?

– только мама. сисадмин в гипермарке.

со здоровьем у мамы как?

– ОК.

это в любом случае хорошо. а голову брить очень не хочешь?

– ну!

внимание на монитор: ОЧЕНЬ не хочешь?

– очень, систер. я там подохну.

сама откуда, если не секрет?

– мск

ну ты, главное, не грусти.

И затем почти минуту от Поляницы ничего не было, только от Крыски упало три истерических вопля. Но ведь не просто так она спрашивала? Не лишь бы разговор поддержать?.. Надо подождать… Да! – в личке мигнуло приглашение в приват.

Марго, для москвичей есть одно решение. На крайний случай. Если найдёшь любой другой выход, этим не пользуйся. Лови ссылку. Там голосовой чат, назовёшь меня. Объяснять ничего не надо, они поймут. Это сообщение не забудь удалить по-умному.

– спасибо!!!

Не за что. Удачи!

Ссылка выглядела странно, ни на что не похоже – цифры с буквами вперемешку, мелкая складочка в Сети, которая сегодня есть, а завтра разгладилась без следа. Марго навела курсор, но кликать не стала. «Если найдёшь любой другой выход, этим не пользуйся». Криминал, значит.

* * *

С другими выходами, однако, было не очень. Марго прилежно облазила всю «Косу», вверх и вниз по прядям, то бишь по тредам. Толку ноль. Зашла в «Улисс». (Этот сайт назвали в честь легендарного героя, который впервые в мировой истории пытался откосить по кризе. Хотя злые прапора героя раскололи, доказали его вменяемость и пришлось-таки ему воевать с троянцами – прецедент был создан.) Хозяин ресурса, сам выступавший под ником Улисс, человек хороший, но бестолковый, поощрял рассказывание анекдотов и историй из армейского быта. Может, конечно, здесь и была полезная информация по части выживания с наименьшими потерями, но анекдотов и ужастиков было больше.

** Вычислительная служба – это тупо. Следующий шаг – землю кирками мотыжить вместо спецтехники. Я всё понимаю, компьютеры денег стоят, а мозги призывников бесплатные…*

** Старшина у нас зверь. – Это что, вот у меня старшина баба. – Злобная? – Не приведи бог. Одни наряды на уме.*

** Это, по сути, не электроды, это транзисторы. В нервных клетках поток положительных ионов, в металлических проводниках – электронов, сигналы, секи, напрямую не могут перетекать…*

** Рота! Шире шаг! Почему зад не поёт?*

** Башку бреют каждую неделю. От электродов болячек нет, не верьте, кто будет говорить, они совершенно инертные. Зато мазь противная, не липкая, но склизкая…*

** В армии всё, что ниже электродов, считается ж… пой. И правильно!*

** Шесть часов в день, не считая строевой подготовки. Потом думаешь, чё ж я делал-то? И полный ноль. Главное ощущение – отсутствие смысла. А больше делать всё равно нечего.*

** Ты чем тут занимаешься? – Рисую заставку для ротного сайта, товарищ прапорщик! – Ну-ну, рисуй… Моцарт.*

** Подключают посменно. Подъём по гудку, завтрак растворимый, в диализных пакетах. Потом бла-бла-бла:*

виртуальные звёздные войны, […] гражданская ответственность, каждое […] боевое действие, отработанное в виртуале, спасает тысячи жизней в реале, миллионы военных операций против потенциального противника, не претворённые в жизнь именно потому, что вашими силами… […] Потом промывка мозгов уже в прямом смысле – подготовка к боевым действиям […] Объяснять бессмысленно, с кем не было, тот не поймёт. Память не совсем отшибает, но около того. Помнишь какую-то тётку, но не уверен, то ли это твоя мама, то ли не твоя, а дружбана, то ли вообще воспитательница из детского садика. Некоторым даже вставляет, ржут как кони…

** Сынок, ну как там, нормально? – Да нормально, мама. – А по сравнению с ребятами ты как, на уровне? – Да там одни идиоты. – Так ты ещё и лучше их?! – Ну… так тоже нельзя сказать… Но я на уровне!*

** Насчёт секса – брехня, что нельзя. Можно и даже рекомендуется, как бы для здоровья и снятия эмоциональной напряжённости. Есть специальные комнаты, стены красно-розовые. Ненавижу розовый!!! Как договоришься с парнем, надо отметиться у дежурного, потом тебе и ему занести в личные графики, кто сколько раз […]… А вот самое пикантное: у нас в конце месяца тех, кто мало внимания уделяет эмоциональной половой жизни, загоняли по двое в эти комнатки, кого с кем придётся, и сиди, пока не отчитаешься. Кто поумнее, в следующий раз уже сами…*

** У нас армия на контрактной основе – кто не заключил контракт с военкомом, тот и служит.*

** Почему это некоторым нравится? Мне не понять, но если бы не нравилось, не оставались бы на сверхсрочную. Вообще у нас в части была одна, Светой звали. Сразу после призыва ревела, собиралась бежать (куда и как??? Не знаю), а через месяц и ничего. Сначала не любила пылесос, а потом втянулась. И родине служила, и снятие напряжённости выполняла регулярно…*

** Если вам пришла повестка из военкомата, не расстраивайтесь. Скопируйте её сорок раз и разошлите друзьям. И БУДЕТ ВАМ СЧАСТЬЕ!!!*

На этом месте Марго выскочила из «Улисса». И нырнула в ссылку, которую дала Поляница.

«ЗДЕСЬ ЖИВЁТ СОЛО», – возвестила заставка. Вокруг сидели мультяшки: рыжий наглец-капитан из «Звёздных войн», ворона, кокетливо обернувшая крылья страусовым палантином, Двуглавый Юл с бокалом ртутного коктейля… Марго торопливо сунулась в свою базу аватар. Анимированных не так много, меньше десятка. Мышь – нафиг, ещё примут за Крыску, если они в курсе дел на «Косе». Лохматенькая бисёдзё с гигантизмом глаз и в

юбочке короче трусов – глупо. Медведик – подумают, что она парень… Ладно, пусть буду диснеевская Красавица без Чудовища. Сойдёт для сельской местности.

Марго поместила Красавицу в разговорное окно, надела наушники и подтянула к губам микрофон:

– Эй! Есть кто живой?

Мультяшка с запозданием повторила в наушниках эти слова. Довольно-таки жалким голоском, если честно.

Секунда… Пять…

Соло шевельнулся, повернул пилотское кресло, пригладил волосы, выдал нахальную улыбку.

– Какие люди и без охраны, – голос был знаком по «Звёздным войнам», а нарисованный рот в виде лежачей D двигался не совсем в лад. – Здравствуй, Бэль. Боюсь, тут нет твоего принца, но нет и Гастона. С чем пожаловала?

– Я от Поляницы. Мне сказали, можно сюда. Если больше никак. А у меня…

– Мине-у-миня, – перебила ворона хриплым цыганским контральто. – Опять она за своё. Благотворительностью занимается за наш счёт.

– Кар-р-р! – отозвался Соло. – А разве мы не вместе это решили?

– Юл, а твоё мнение? Юл! Алё, в танке!

– Юл-Два, опять отмолчаться хотите?

– Да ушли они.

– Ладно, беру огонь на себя! – Соло поставил локти на подлокотники, поднял сжатые кулаки. – Бэль, по-детски звучишь?

– Э-э, децл… – Никаких сложностей с сетевым жаргоном у нормальных адаптированных людей, в общем-то, не бывает. Кроме одного случая: если из десяти слов непонятным именно тебе окажется ключевое.

– Лови стрелу: сегодня с шести до семи, три три – сто пятьдесят четыре, под Карнуминасом. Втыкаешь?

Встреча на станции метро, цифры – линия и станция, по кодам автоматов, а кто такой Карнуминас… «„Красная крепость“, квэн., Толк.», – услужливо подсказало окошко транслятора. Ну, охота была дуру строить, выясним.

– Да. Как я вас узнаю, капитан?

– Я думал, моя физиономия известна в этой части Вселенной! – Соло весело хохотнул. – Не бойся, не перепутаешь. А ты в офлайне какая, если коротко?

Марго изложила свои приметы.

– Понял. До приятного свиданья, Бэль!

* * *

Когда Марго вычислила станцию метро (в Сети можно найти всё, лишь бы знать, что ищешь), сразу прояснился и Карнуминас – кирпично-позолотное панно в тупиковом конце вестибюля, изображающее Кремль. Кто скажет, что это не красная крепость, пусть первый бросит камень! Как раз под Кремлём располагался удобный каменный бордюр. Здесь сидели и стояли всякие разные – в самом же деле, идеальное место для стрелок.

К шести она еле успела. Ни школьник в клетчатой куртке, с бананами в ушах, ни дедуля, похожий на индюка, очевидно, не могли оказаться Соло. Марго уселась на бордюр, на собственную сумку. Полосатый сине-бело-оранжевый шарф свесился до полу, но Марго не стала его подбирать: пусть болтается, чтобы издали было видно. А то мало ли девчонок в белых джинсах и курточках, с русыми косами и в синих линзах!

Капитан не спешил. Марго уже начала думать, что придётся торчать тут до семи, а потом уходить ни с чем, как прямо над её головой прозвучал хрипловатый баритон:

– Бэль, не меня ждёшь?

Атласные чёрные брюки. Френч с воронёными металлическими застёжками. Улыбка в чёрно-седой бороде. Старомодные очки узкими полосками. Несколько выбивается из стиля картинка на майке, между полами расстёгнутого френча: STARWARS – и Соло на фоне Чубаки.

– Вас.

Марго думала, что «чёрный доктор» – специалист по уклонению от призыва – будет моложе. Ну, не её лет, конечно, но до тридцати. А этому дядечке, наверное, все сорок. И на вид вовсе не маргинал, а среднее звено из умников, какой-нибудь веб-дизайнер высшего класса, адвокат, копирайтер или журналист… Обращение на вы принял как должное. Присел рядом.

– Молодец, всё правильно сделала. Теперь слушай совсем внимательно. Помочь мы тебе попробуем, но если ты соглашаешься, дальше будет так: ты отправляешься со мной, к нам на квартиру, причём адреса не называешь никому. Родным рассказываешь любую байку на твоё усмотрение. Тебе придётся провести у нас дня три, максимум пять.

– А-а… – Всё, что Марго подумала, отразилось на её физиономии. Соло устало улыбнулся.

– Бэль, наше занятие – это риск. Для меня тоже. Ты спрашиваешь, как я докажу, что мы не пустим тебя на мясные консервы и не продадим в Туркмению. Честно – никак. Ты веришь мне, а я верю тебе. Или хоть сейчас дави ближайшую

полицейскую кнопку и говори, что вон тот человек обещал отмазать от призыва и делал непристойные предложения.

Марго замотала головой.

– Ну спасибо. Сразу скажу, чего не будет: ничего неприличного и чересчур вредного для здоровья. Даже никакой медицины. Просто поживёшь у меня в гостях, в отдельной комнате. Кое-чему поучишься. А потом вернёшься домой. Кредитка с собой?

– Да, но…

– Много не понадобится. Только на прокорм лично тебе на эти самые три дня. Гонораров мы не берём, но и кормить за свой счёт всех, кто вписывается, не можем.

– Три дня, а потом?

– А потом едешь домой. И от души надеюсь, что армия к тому времени перестанет в тебе нуждаться.

– Это точно?!

– Бэль… ох, прости, как тебя зовут по реалу?.. Марго, я не стоматолог, гарантийных талонов не выдаю. Сразу предупреждаю: может ничего не получиться. Случалось и такое. Сама смотри, будешь с нами дело иметь или расстанемся случайными знакомыми.

Марго подняла шарфовый хвост и обернула вокруг шеи. Ленка подтвердит, что я у неё, если моя мама спросит, – я же её прикрывала, когда она осталась у своего Вадима и чуть не спалилась… Гарантий никаких. Но повестка-то ведь снова придёт…

– Буду дело иметь. А вас как по реалу зовут?

– Пока пускай будет Соло, – невозмутимо ответил «чёрный доктор», поднимаясь и застёгивая френч. Картинка на майке почти погасла, последние рыжие пятна таяли в черноте, как сахар в кофе.

Проехав несколько станций, они вышли в подземный переход. Не поднимаясь наверх, прошли сквозь модный магазин. Марго сюда никогда не заходила, чтобы попусту не расстраиваться – цены не для них с мамой, да и охранники злые, могут сразу выгнать. Остановилась бы поглазеть на соблазнительные плакаты в витринах «Распродажа летней коллекции!!!» и «Скидка 90%!!!», но Соло ровной деловой поступью шествовал мимо, пока они не оказались около неприметной лесенки наверх. За стеклянной дверью маячил уличный свет. Соло мазнул пальцем по индикатору, усатый охранник кивнул ему, а с ним пропустил и Марго.

Они оказались во внутреннем дворике. Четыре старинных дома срослись углами, оберегая кусок пространства, как будто

перенесённый в помпезный центр из тихого спального района, где нет дресс-кода, фейс-контроля и коллекционных распродаж, дворники ленятся убирать листья, женщины выходят с ненакрашенными глазами, а в аптечных киосках можно купить этиловый спирт «для наружного употребления», зато хорошей «марки» или чашечки кофе стоимостью в целый обед днём с огнём не найдёшь…

Липы и красные клёны стоят хороводом вокруг облезлой детской площадки. На воротах в подземный гараж изображено марсианское море, оно бурлит и дымится изо всех сил, а в пурпурном небе среди спутников и глайдеров чернеет неизбежное «Мишка лох». Печальные рыжие фонари млеют в вечернем свете, самодельная скамейка, крытая клеёнкой, на ней и вокруг неё сидят и лежат кошки. За аркой мигают рекламы, мелькают машины, но что это за улица, Марго не сообразила.

Десятый подъезд, четвёртый этаж (спохватилась и стала замечать дорогу). Соло давит круглую кнопку, вызванивая затейливый ритм. Лязгают старомодные замки.

– Привёл?

– Вот, прошу любить.

– Добрый вечер.

– Добрый.

Если Соло можно было принять за адвоката, то женщина, открывшая дверь, на супругу адвоката была не похожа совсем. Худое бледное лицо, русая чёлка до середины лба – ровная, как по линейке отрезанная; мужская клетчатая рубаха с закатанными рукавами, ноги в чёрных спортивных колготках с рекламными лейблами. Холодно улыбнулась, прищурилась, отсканировала Марго глазами, будто школьный гинеколог, – сто срезов в минуту…

– Это Бэль, её зовут Марго, – сказал Соло.

– Лара. Ужинать будете?

– Чуть позже. Сначала посмотримся.

Марго стащила с ног бегунки. Вешалка была высоко, с множеством маленьких крючков, шарф удалось повесить с третьей попытки. Лара неподвижно стояла под аркой, ведущей из коридора в кухню. Увидев, что шарф побеждён, стукнула по двери слева: «Руки помыть и нос попудрить – вот здесь, потом проходи туда».

Точно, как у частного врача. Только секретарша грубоватая.

«Туда» оказалось большой странной комнатой. Высокий потолок с белыми лепными гирляндами – какие-то листья, туго перевитые лентой. Диковинная люстра, сделанная, кажется, из настоящих золотисто-коричневых кружев. Круглый чёрный стол

посредине. Чудное окно выступает наружу углами, как старинный фонарь, – эркер, вспомнилось слово. На подоконнике огромный, чуть не до потолка, фикус и жёлтые яблоки выложены в ряд. Картина: две собаки ждут кого-то у крыльца. Противоположная стена превращена в стеллаж, занятый наполовину бумажными книгами, наполовину дисками и накопителями, рядом лесенка на роликах. Соло нигде нет.

Вытертый паркет под пятками казался тёплым. Марго подошла к столу, неловко отодвинула тяжёлый стул – и ойкнула. Что-то красное живо метнулось от блестящей поверхности в глубину. Далеко, однако, не ушло, зависло, растопырив лучи. Шестилучевая морская звезда пушистилась нежными алыми иголочками, а в центре у неё был любопытный птичий глаз. Марго осторожно положила палец на стол, надавила – пластик чуть-чуть подался. Палец начертил кружок. Звезда снова поднялась, однако совсем близко не подошла: накренившись, наблюдала искоса. Палец дёрнулся в её сторону – звезда шарахнулась, но тоже словно бы не всерьёз, не испугалась на самом деле…

– Маська пришла? – спросил Соло. Подошёл, встал рядом, положил на стол ладонь с растопыренными пальцами. Маська так и бросилась к нему, подсунула лучи под пальцы, радостно зашевелилась, будто старалась пощекотать. – Привет-привет, бандитка. Кто троих новеньких за неделю слопал? Маська слопала, умница. А кто у нас биоразнообразие будет создавать, Чарльз Дарвин? Иди, проглотка! – Соло шлёпнул ладонью, Маська улепетнула уже по-настоящему.

– Моё произведение, – сообщил он. – Вроде бы простая звёздочка, а вот поела всю придонную фауну и реактивно плавать наловчилась… Я тебе потом покажу, что тут к чему. Захочешь – своего зверька нарисуешь, или смотреть за ними будешь. Тут и статистика есть, и функция поиска, всё про всех можно знать!

– Это вирт-эволюшн?

– Первый в Москве, – так же гордо, будто восьмиклассник, ответил Соло. Все свои понты он, похоже, снял вместе с френчем. – Двадцать три года без перезагрузок, несколько сот авторов. По большей части зверики, конечно, не выживают, зато остальные… Тут тако-ое плавает! Нервным и нетрезвым лучше не смотреть! Маська среди них ещё дуська. А ты ловко её подманила.

– Я случайно.

– Случайностей не бывает. – Соло посерьёзнел. – Пойдём, Марго, проведём один маленький тестик, а уж потом откушаем.

Шлем был как в школьном медицинском кабинете, и

программа тоже показалась знакомой – по такой проверяли мозги перед экзаменами, чтобы исключить занижение результата по случайным причинам. Только были в ней какие-то другие кнопки, и что делал Соло, оставалось непонятным.

Считать он её не заставлял, воображать геометрические фигуры – тоже. Вместо этого сунул в руки толстую бумажную книгу, раскрыл посередине:

– Читай здесь. Вслух.

– Провинция справляет Рождество. Дворец Наместника увит омелой… – забубнила Марго.

Над ухом кликала мышь, «чёрный доктор» то втягивал носом воздух, то хмыкал. Марго хотелось взглянуть на экран, но смотреть и читать одновременно не получалось.

– Хорошо, спасибо. Теперь давай играть в ассоциации. Я говорю слово, ты другое, какое приходит в голову, но связанное по смыслу, например, «яблоко – компот». Дерево?

– Листья.

– Дом?

– Подъезд…

Дурацкая игра продолжалась долго, она даже устала и стала вместо существительных называть подходящие, по её мнению, прилагательные. Зато Соло становился всё веселее и веселее, слышно было по голосу.

– А-атлична! Снимай каску!

Марго стащила шлем с головы, помотала косой.

– Ну и что?

– Всё путём. Я берусь с тобой работать. Верней, работать будешь ты. А мы все здесь будем тебя развлекать по мере сил и возможностей! Пойдём, покажу твои апартаменты.

Апартаменты оказались маленькой комнаткой, узкой, как чехол от эскома. Через высокое окно проникал свет фонарей. Соло щёлкнул выключателем, потом другим, и два жёлтых круга легли на паркет. Дешёвые лампы-прищепки располагались над столом и над топчаном в углу. Люстры под потолком, кажется, не было. Зато был помпезный стул с круглой спинкой, табурет и стеллажи с книгами и дисками. Ни компьютера, ни видеоцентра, ни музыки… хотя нет, проигрыватель – вон он, на полке: гнездо для накопителя, захватанное пальцами табло и ситечко динамика.

– Вот, – сказал Соло и плюхнул на топчан сумку Марго.

– И чего? – в тон ему осведомилась Марго.

– Тут будешь жить. Столоваться будешь с нами, про деньги тебе Лара скажет. Всё, что тебе надо для личного счастья, можешь заказать, тут узел доставки рядом, буквально под нами. Кстати,

эском не забыла дома?

– Не забыла.

– Дай на минутку.

Соло взял её синенькую «ладошку», и не успела Марго протестующе пискнуть – открыл заднюю панель и вытащил какую-то маленькую штучку.

– Спокойно, спокойно. Все функции у тебя останутся, и телефон, и даже навигатор будет работать. Только в Сеть ты с него не зайдёшь. Потом обратно поставлю.

– Чтоб я не могла новую повестку получить?

– Это во-первых и в-главных. А во-вторых и в не менее главных, я как твой доктор на эти дни тебя от Сети изолирую, – значительно произнёс Соло, этакий, и в самом деле, рекламный детский доктор. – Вопросы, возражения?

– А что я делать-то тут буду?

– Ты тут будешь писать стихи.

Марго несколько секунд подождала продолжения, какого ни есть нормального ответа. Потом сказала:

– Смешно, хе-хе.

– Ничего смешного. Твоя задача – написать стих. Хоть шесть строчек, хоть четыре. Но настоящий.

– Как это?

– Настоящий, – повторил Соло. – Не «с днём рожденья поздравляю, счастья в жизни вам желаю». Не «спасибо, Марья Алексевна, вам говорит девятый „бэ“». Не «люблю тебя, а ты меня не любишь». Настоящий. Понимаешь?

– Нет… А зачем? Стих – зачем?!

– Затем, что меня надо слушаться, если хочешь откосить, – ласково сказал «чёрный доктор».

– Но я же не поэт! Я не умею стихи писать вообще-то!

– В этом-то и дело. Теперь нужно научиться.

– Но… – Марго неуклюже плюхнулась на низкий топчан. – Ведь это же надо, чтобы талант был. Ведь поэты, они… ну…

– Такие с крыльями, кудрявые и глаза выпучили? – подсказал Соло и коротко рассмеялся. – А знаешь ли ты, Марго, что в позапрошлом веке в хороших учебных заведениях всех детей заставляли складывать стихи на заданную тему? Ничего, справлялись. Кто лучше, кто хуже, но – справлялись. Располагайся, а я пока узнаю, чем нас употчуют.

И вышел. И дверь за собой бесшумно затворил.

– Умеешь ли ты, девочка, играть на скрипке? – басовитым полушёпотом осведомилась Марго у самой себя. Писклявым полушёпотом ответила: – Не знаю, не пробовала.

Снова оглядела стены, противные книжные корешки, все

какие-то тёмные, местами драные и, сразу видно, негигиеничные. В тёмном окне сквозь кроны деревьев светились другие окна, разноцветные, как леденцы. Внизу, наверное, был двор с кошками и марсианским пейзажем. Подходить к окну Марго не стала – сидела на топчане и пялилась в одну точку. Ничего кроме «с днём рожденья поздравляю, счастья в жизни вам желаю» в голову не шло.

Ладно. В конце концов, к дурацким заданиям нам не привыкать. Когда надо написать программку для подсчёта числа букв любым шрифтом на квадратном дюйме или создать архитектурный портрет Парижа, не используя Эйфелеву башню, это тоже не подарочек. Подумаешь, стихи.

* * *

– А не хотите ли, девочки, сыграть в буриме?

С этим вопросом обратился Соло к Марго и Ларе, когда тарелки с вилками были сгружены в посудомойку и в заварочный чайник залит кипяток. Употчевала их Лара какими-то картофельными оладьями, кривыми и лохматыми, но зато поджаристыми и неописуемо вкусными, и варёными сосисками. За едой говорили о понятном: о том, что в супермаркете опять дали новую скидку, что сосиски ничем не хуже алтуфьевских, а дешевле на два рубля, что средство для мытья посуды кончается. Марго стеснялась вставить реплику и только улыбалась шуткам.

– Легко, – ответила Лара.

– А как в неё играют? – спросила Марго.

Слово было смутно знакомым: какая-то настольная игра, то ли пазлы, то ли с кубиком и фишками. Но когда Соло объяснил про стихи по заранее придуманным рифмам и уточнил, что «не хотите ли» есть просто фигура речи и от Марго отрицательного ответа ни в коем случае не ожидается, короче…

– Торнадо?

– Надо, – откликнулась Лара. – Бутылка?

– Ну что ж ты? – покровительственным тоном осведомился Соло после паузы.

Марго молчала и краснела. Почему-то ей стало дико стрёмно. То ли стыдно играть в такую совсем детскую игру. То ли стыдно не справиться.

– Она не поняла, – сказала Лара. – Рифму давай на бутылку. Любую.

– Вилка.

– Хорошо! Теперь твоё слово.

– Доска.

– Куска, – немедленно отозвался Соло. – Чего? – куска. Джем!

– Совсем. И хватит на первый раз.

Три листка бумаги, три ручки, три столбика по восемь слов. Соло со своим листочком отвернулся к широкому подоконнику, Лара забралась с ногами на угловой диванчик, положила на колено книжку, а на неё бумажку, сразу начала писать, улыбнулась, задумалась. Соло почесал ручкой за ухом, медленно вывел несколько слов.

Ёшки, они уже пишут. А мне чего писать? Торнадо-надо… любой размер, любой порядок рифм, облегчённые, блин, правила… Слова какие-то ерундовые, никакой связи… Чушь получится, как ни старайся.

Когда ревёт торнадо, чего-нибудь мне надо. Или не надо?.. Сгорая со стыда, Марго вывела две строчки. Дальше пошло легче. Хотели чушь – будет вам чушь. В пушкинских лицеях не обучались, что можем, то и выдаём.

Что-то в этом было такое… занятное. Похоже на размещение заданных гиперссылок в тексте. Дурацкие слова неожиданно нашли свои места, и смысл откуда-то взялся. Она даже успела раньше всех. Впрочем, хозяева отстали ненадолго.

– Младшая первой, – серьёзно сказала Лара.

Ещё и это! Марго вдохнула поглубже и каким-то странным, не своим голосом зачитала:

Когда ревёт торнадо,
Ходить во двор не надо.
Есть для резьбы доска
И сала два куска.
И полная бутылка,
И ножик есть, и вилка.
А если есть и джем,
То счастлив я совсем.

Вот, хотели чушь – получите, повторила она про себя, но щёки буквально горели. Красная, наверно, как свёкла. Насчёт «во двор» это я зря, сейчас будут издеваться… Да ещё почему-то от мужского лица, а что делать, если «счастлива я совсем» не лезло в размер, да ещё и полная бутылка?..

Соло и Лара улыбались. Лара похлопала в ладоши, совсем не издевательски.

– Песни Дикого Запада?

– Ага! – восторженно подтвердил Соло. – Молодца, молодца. Для первой пробы совсем недурно. Кто теперь?

– Ты.
– Ну, я уступаю дамам.
– Обойдёшься. Читай.
– Я стесняюсь!
– Читай!!!
Соло развёл руками и печально продекламировал:

Судьба поставила вилку,
А нет бы добить совсем.
Сейчас принесут бутылку,
Сидите, слушайте джем.
Ром-кофе – коктейль «Торнадо»,
А сахару ни куска.
Ведь пешке того и надо,
Чтоб накренилась доска.

– И-их, как кудряво, – Лара, улыбаясь, покрутила головой. – Есть такой коктейль?
– Есть! – гордо сказал Соло. – Только по науке он называется «Хвост дьявола». Но это то же самое, ром с кофе без сахара. Жуткая дрянь. Горький очень.
Марго молча восхищалась. На те же дурацкие рифмы – и совсем-совсем настоящие стихи! Ну даёт «чёрный доктор»! Что такое джем, который можно слушать, она представляла смутно, кажется, что-то вроде джаза. А поставить вилку – это в шахматах. И поэтому пешка и доска. Во даёт!..
– А сбой ритма в последней строчке у тебя зачем?
– Для надрыва! Дорогая, а мы теперь тебя ждём.
Лара пожала плечами с таким видом, что ей, мол, всё равно и ломаться, как некоторые, она не станет. Глаза её прищурились, голос стал как яд и мёд:

Не ври, дорогой, не надо!
Какое ещё торнадо?
Сама сломалась доска,
Внезапно, на три куска?
Сидишь с огурцом на вилке,
А что у тебя в бутылке?
Конечно-конечно, джем.
Ты думаешь, я совсем?!

– На меня-то зачем при этом смотреть? – картинно возмутился Соло. – Я практически непьющий, уже три дня! И

никогда я так тупо не отвирался!

– В самом деле? А когда ты сказал, что к тебе приехала…

– Ларочка, деван лез-анфан!

– Ладно, ладно. Это был художественный образ.

На этом и порешили, и больше уже не говорили о поэзии. Картофельные лепёшки закончились, служба доставки принесла для Марго зубную щётку, дешёвую рубаху, чтобы в ней спать, и упаковку с бельём. Соло выдал Марго книжку, велел перед сном почитать. Но прочесть удалось не особенно много. Стихи были интересные, однако на третьей странице Марго поняла, что глаза у неё закрываются, захлопнула мягкий от старости том и вдавила кнопку выключателя. Кнопка щёлкнула, комнату заполнила жидкая городская темнота, по потолку поползла световая трапеция от фар автомобиля. Не получится из неё знатока поэзии?..

* * *

Марго проснулась от собственного испуга – проспала в колледж, будильник не запищал, белый день на дворе! – и тут же вспомнила, где она, и ещё сильнее испугалась. Вот ёшки-матрёшки, во что ты вчера влипла, родная?! «Чёрный доктор» и его жена, квартира в центре, нужно сочинить стихи, «а если есть и джем, то счастлив я совсем». Бре-ед.

По узору лепнины на недосягаемо высоком потолке было ясно, что это не целая комната, а угол от большой, только выгороженный стенками. Значит, и странный коридор с поворотом вокруг неё – не совсем коридор, а часть той же комнаты.

Пока она спала, на спинку стула поверх её одежды кто-то набросил медно-золотой халатик с драконами. Мама такие называла «чио-чио-санами» и презирала, но судя по отражению в дверце шкафа, получилось даже прикольно, особенно если распустить волосы. А можно ещё сделать узел на затылке и вставить в него палочки, как у японских гейш. Только палочек нет.

Всё время хотелось проверить почту и пробежаться по любимым ссылкам. Марго напоминала себе, что Соло её отключил, а через минуту в голове опять выплывал баннер: «Посмотреть почту?» Это… не то чтобы мучило, а доставало, как болезненный заусенец у ногтя. Ничего страшного, без Сети вполне можно прожить полдня и даже больше – когда, например, у провайдера сбой. Потом же снова включат.

В зале никого не было, только по полу, тихонько жужжа приводом, ползал робот-уборщик. Не новая модель, но дорогая, крабик с клешнями – одна как раз застряла за ножкой стула. Марго хотела помочь животному, но он резко сдал назад и освободился сам. Крабик был в очках, таких же, как у Соло, но без одного стекла; кто-то прикрепил их прозрачной резинкой к антеннам глазок. Очки придавали маленькому роботу грустный и серьёзный вид, и Марго деликатно уступила ему дорогу.

Умываясь, она слышала голоса на кухне: Соло и Лара уже встали, кажется, завтракали. Пахло вкусно.

– Доброе утро, – Марго застенчиво остановилась в проёме двери. Её поприветствовали, поманили за стол. Соло, в отглаженных брюках и френче, отодвинул ей табуретку.

– Горячие тосты, овсянка на молоке? – спросила её Лара.

– Спасибо, – ответила Марго, покивала, чтобы не началось обычное взрослое: «Спасибо – да или спасибо – нет?» Тут же у Лары в руке оказался пакет с молоком, она привычным движением наклонила его над маленькой стеклянной кастрюлькой для микроволновки, придвинула странную металлическую коробку, в которой оказалось что-то похожее на овсяные хлопья, только белое. Отмерила три ложки, добавила сахар, зачем-то легонько тряхнула над кастрюлькой солонку. Классно, как в кулинарной передаче.

Загудела микроволновка, под её пение Лара подхватила небольшую, но глубокую тарелку, выложила перед Марго ложечку и столовый нож. Ни компьютера, ни телевизора на кухне не было, кажется – совсем не было, а не просто выключены. От этого кухню наполняла тишина, и все звуки казались как-то по-особому значительными. Будто прямо здесь играется спектакль или идёт авторский фильм.

Соло допил чай, промокнул салфеткой усы.

– Ладно, девушки, я вас покидаю, пора на службу. Тебе на первую половину дня задание простое: пойдёшь погулять, потом опишешь прозой, что видела.

– Как?..

– Солнышко, объясни. – Соло встал и деловым шагом направился из кухни. Не к входной двери, а в залу и потом, кажется, в кабинет.

– А что сложного? – Лара вытащила кастрюльку и принялась выкладывать кашу в тарелку. – Шоколадной крошки насыпать?.. Держи, размешивай… Ну просто сходи погуляй, куда захочешь.

– Как это – куда хочу? А если я никуда не хочу?

– Ох. – Лара вытащила из тостера два белых кусочка хлеба с коричневыми подпалинами, положила на тарелку, поставила

перед Марго, сама присела напротив. – Ладно, ты ешь, а я сейчас соображу, как сформулировать. Сыр, масло… Варенье к чаю.

Каша была вкусной, словно тёплый десерт в ресторане. Гораздо вкуснее растворимой овсянки из пакетика, только очень вязкая, приходилось запивать её чаем. Варенье в одной банке – кажется, клубника, а в другой – яблочное пюре. На яблочном – облезлая этикетка с огурцом. Лара, что ли, сама варит варенье? Как старая провинциальная бабка? Не может быть…

– Ну вот, например, – ты когда-нибудь путешествовала во время каникул?

– Да, мы с мамой летом были в Симфи.

– И что там делали?

– Ну, сначала записались на экскурсию на пароходике. Потом ходили на пляж. А вечером гуляли, шопились… ну, не то чтобы прямо шопились, так, сувениры.

– Шопились, – повторила Лара. – Бери масло, намазывай на хлеб, пока тёплый. Хорошо. Представь себе, что ты попала проездом в незнакомый город. Ты не собираешься брать никакую экскурсию, у тебя самолёт через три часа, но эти три часа тебе нечего делать. И ты идёшь смотреть город сама. Идёшь по бульвару, на бульваре – памятник. Тебе интересно, кому он поставлен, сходишь с дорожки, читаешь надпись. Потом видишь необычный дом в глубине переулка, поворачиваешь туда, посмотреть на него поближе… Представляешь, о чём я?

– Ну, вроде да. А зачем?

Лара подняла брови и сжала губы, сдерживая смех.

– Низачем! Просто – гуляешь. Ради удовольствия.

– В чём удовольствие, я не поняла, – буркнула Марго. И чего смешного, тоже не поняла, нашли себе бесплатный сборник анекдотов…

– А ты пробовала? (Что я, дура, хотела сказать Марго, но грубить малознакомому человеку, который кормит тебя завтраком, неловко.) Попробуй, тогда узнаешь. А потом опиши, что видела. Как? Очень просто. Представь, что пишешь в блог о своём путешествии и у тебя нет фотоаппарата. Примерно так. Только не старайся писать коротко. Допустим, у тебя терпеливые читатели, это пост только для друзей. Или ты пишешь личное письмо другу – он очень хотел побывать в этом городе, но не может, а ты пытаешься ему рассказать, как тут. Теперь понятно?

– Гулять по Москве, будто я в неё впервые приехала и через три часа уеду, а потом написать об этом путешествии в блог, в который у меня нет доступа. Будем считать, что теперь я всё поняла, – сказала Марго, как ей казалось, убийственно-иронично, но Лара только серьёзно кивнула и придвинула ей банку с

вареньем.

Решившись наплевать на манеры, Марго положила в блюдечко сразу оба – и прозрачно-красное, клубничное, и яблочное, белого янтаря. Лара тем временем заглянула в кастрюлю, из которой летел под вытяжку пахнущий мясом пар, сняла с плиты другую – в ней оказались крутые яйца. Автоматическая печка тоже над чем-то трудилась, и ещё на столе лежал кочан капусты.

– Может быть, вам помочь? – неуверенно поинтересовалась Марго.

– Пока не нужно, доедай спокойно. А вот вечером, часов в пять, – не откажусь. У нас сегодня гости. Когда выполнишь задание, поможешь мне пирожки лепить, ладно?

Гости?.. Марго не стала переспрашивать, только кивнула. Лара вроде бы совсем нестрашная, вежливая и доброжелательная, но проглядывало в ней что-то такое, что возражать надо было ещё решиться. «Поможешь мне пирожки лепить», несмотря на вопросительный довесок, прозвучало распоряжением. Хозяйка неторопливо, но как-то очень ловко поворачивалась на кухне, что-то снимала с полки, что-то помешивала, между делом в кастрюлю упала очищенная половинка лука, а блестящая красная шелуха – в ведро для органики. Шагов в коридоре по-прежнему не слышалось.

– Сооооо… лё… вой кон ми пэна, – Лара запела вроде бы негромко, но как раз под размер кухни, и Марго забыла донести до рта ложку с вареньем. – Сооо-ла, ва ми кондена, корере ми дестино…

Мелодия покачивалась, будто упругий стебель под порывами ветра, опять и опять возвращаясь к основной ноте. Языка, итальянского или испанского, Марго не знала, но одно могла сказать точно: это была и не попса, и не опера. Короткие строчки, печаль и вызов. Пауза, и потом каждый звук, как бусину, точно на своё место:

– Пер… ди… до… эн эль корасон – де ля гранде Бабилон… – прорезался ритм, и Лара подмигнула Марго, – ме дисен эль кландестино, пур но йевар папель…

Язык чужой, но понятных слов много, тем более куплеты повторяются. И осеннее солнце за тёмными кронами делается ярче и теплее, вон какой зайчик на стене. Голос у Лары низкий, но гибкий и чистый:

– Пан сьюдад дель норте, йо ме фьи а траба-хар…

Кар-р-р, вспомнила Марго.

Нет, ворона говорила другим голосом. Но ведь и Соло тоже… А непререкаемые интонации те самые. «Опять она за своё.

Благотворительностью занимается за наш счёт». Значит, Лара не хотела, чтобы Соло меня отмазывал?..

– Что? – Лара, заметив её взгляд, обернулась с улыбкой. – Это песенка нелегалов, африканцев и латинос. Начальство сказало, мне жить запрещено… Ты чего, эй?

– М-м… А Соло не опоздает на службу?

– Куда?.. А, нет, он работает в виртуальном офисе. Позавтракал, встал и пошёл на службу, к себе в кабинет. И никто его не беспокой, пока рабочий день не кончится.

– Понятно. – От её весёлого тона Марго опять расхрабрилась и задала светский вопрос: – А кем он… ну, то есть что он делает?

То есть что он делает законно, помимо того, что спасает всяких дурынд от призыва… кажется, вопрос получился не очень светский. Но Лара ответила спокойно, с гордой улыбкой:

– Игровые программы для производств он делает. Соло очень крутой, правда.

И, заметив её недоумение:

– Ну, например, программа для оператора литейного производства. Игровой интерфейс, или почти игровой. Показания приборов создают игровую среду, а человек, пока играет, контролирует подготовку формы, заливку металла… И надо так делать, чтобы было информативно, удобно, интересно и глаз не привыкал, – в общем, не то что мыльные пузырики для офисов. Ты его спроси, если хочешь, мужчин хлебом не корми – дай поговорить о работе… Допила? Собирайся.

* * *

За дверью подъезда – солнце и новый осенний воздух. Такой же, как запах первого снега или первого ручья, хотя не было, конечно, ни снега, ни ручьёв. Застывший сок в замерзающих листьях; алый и жёлтый на синеве; флоксы и астры – кэрри с корицей и озон. Пока ты сидела дома, пришла осень, говорил этот запах.

Кленовый лист падал в колодец двора, неторопливо выводил петли, росчерки и крючки. Невероятно, чтобы простой лист мог двигаться так осмысленно – словно в прозрачном воздухе обозначается и тает, символ за символом, строка японского стихотворения, которую некому прочитать. Другие листья, какие-то длинненькие (ива? откуда в городе ива?..) лежали на тротуаре, и там, где через арку светило солнце, блестели неожиданно ярко, будто белые зеркальца. Тротуар тоже блестел. Старый человек вёл на поводке лохматую длинную собачку, вполголоса увещевая: «Фу

я сказал, значит, фу. А если ты это съешь, тебе опять будет плохо».

Итак, приказ: пойти туда, не знаю куда, найти то, не знаю что. Где я вообще-то? Марго включила карту в эскоме (Лара сказала, это можно и даже нужно, чтобы потом найти дорогу обратно). Прочитала названия улиц вокруг жирной синей запятой, означающей её саму. Названия знакомые: «Серёжка с Малой Бронной и Витька с Моховой» – когда в школе был проект про войну, учительница принесла им файлы песен. Ни одно из этих названий не ассоциировалась с конкретным местом. Она была в курсе, что есть такие улицы, но то ли она никогда на них не бывала, то ли бывала, но не знала, что они так называются. Центр, чего тут ходить особенно. Тут всё для богатеньких.

Марго забросила за спину концы шарфа, вздохнула и зашагала через арку – гулять по незнакомому городу.

Сначала она очень парилась, как же без фоток и коротких постингов в снизер запомнить всё, что видит. И потом никак не могла вспомнить, что видела первые сто метров. Да и не было ничего прикольного – машины, толпы на тротуарах. Потом решила запоминать только то, что понравится, и сразу стало легче.

Вот провал между высокими домами – низенький домик с каким-то кафе и крона дерева за ним. Похоже на окно в стене. А в нескольких шагах, возле платной стоянки, прямо под её бегунками, на лоснящемся тротуарном покрытии что-то написано. Не реклама – неразборчиво и много, не пожалел человек широкого светло-голубого маркера. Стихи, только в строчку.

«Я боюсь, что слишком поздно стало сниться счастье мне, я боюсь, что слишком поздно потянулся я к беззвёздной и чужой твоей стране. Мне-то ведомо, какою ночью тёмной, без огня» – дальше колесо и борт наглой япономарки, взгромоздившейся на тротуар.

Пешеходный светофор засветился зелёным и тоненько запел, Марго свернула в переулок. Там сразу тишина, машины проползают осторожно, и слышны голоса прохожих. «У м-ня бар-булька на складе, она ж дорогая…» – толкует небритый и не очень трезвый дядя кому-то невидимому. Псих? Нет, вот она – гарнитура в ухе. Барабулька у него на складе. Кажется, морская рыбка. Поэтому и дорогая, наверное. И никому не нужна? Или, наоборот, до того нужна, что необходимо срочно приставить охрану? Мы, москвичи, такие…

Всё ещё размышляя о барабульке, Марго увидела впереди деревья и между ними зелёное зеркало воды. Карта сообщила, что

она на Малой Бронной. Под ногами среди рекламных баннеров – нелегальная надпись, уже не маркером, а краской, если поймают – штраф в размере минимального оклада: «НИКОГДА НЕ РАЗГОВАРИВАЙТЕ С НЕИЗВЕСТНЫМИ». Спасибо, но предупреждение опоздало. Вчера надо было.

Старые, могучие каштаны и липы. Листья каштанов уже побило ржавчиной по краям. Марго пошла вдоль невысокой решётки, разглядывая тех, кто гулял по дорожкам у пруда. Они на неё совсем не обращали внимания, как будто она глядела сквозь стену. Мальчик сосредоточенно учится ездить на электроскейте, тренирует равновесие и нажим стопы (и почему, интересно, ты не в школе, юный инфринджер? Вот так и начинается: сначала уроки прогуливаем, потом от армии косим…). Чернокожий красавец с дредами нежно поправляет дреды на голове у белой подруги. К фонарному столбу прилеплен лист:

> *«КОТ!!! В миру примерно год. Дрессурой не замучен, но к ящику приучен. И стол, и стул хорош, возьми его кто хошь».*

И фотография полосатого Кота на чьих-то джинсовых коленях. Сколько поэтов в Москве, аж плюнуть некуда. Одна Марго не поэт.

Сквер кончился, на углу кирпично-красного дома открылась дверь, из которой запахло кофе и плюшками. Кофейня «Маргарита», ха! Дальше началась скука: магазинчики винные, цветочные, подарочные, бутики, деловые центры, банки, шикарные безымянные конторы «кому-надо-тот-знает» с чугунным литьём у подъезда и тонированными стёклами в окнах… Всё гладко оштукатуренное, покрашенное в приятные цвета и, как Марго усвоила с детства, совершенно ненужное им с матерью, кроме, может, аптеки и продуктового магазина. Но есть Марго не хотела, а лекарства от призыва в аптеке не купишь.

Справа опять потянулся парк, но уже реденький, неухоженный и за высоким забором из чугунных прутьев. По тротуару впереди идут девочка с белой косичкой, её мама или бабушка. Одинаково шагают ноги в чёрных брюках. Голос девочки, немного слишком громкий, немного странные интонации. «Мы вмефьте и не ффоримся, значит, всё хорошо. Правильно я фказала? – Правильно», – у мамы голос хрипловатый от усталости, но ласковый.

Направо переулок, вдоль проезжей части тянется широкий газон, и на нём, как на стрелке посреди реки, цоколь памятника. Колонка, увенчанная семисвечником, а над ней маленький человек в широком и длинном сюртуке молча всплеснул руками –

левая воздета к небу, правая сердитым взмахом ладони указывает вниз. («Господи, Ты видишь это, или Тебе показать?!» – как говорил учитель физики в школе, Борис Ефимович, когда проверял контрольные.) Внизу, на площадке из полированного гранита, уютно поджав колени, спит другой человек, живой, – потрёпанный, краснолицый, в тёплой одежде. Посмотреть, кому памятник, Марго забоялась.

Напротив дом с глухой стеной, почти без окон, на ней мозаика. Странная – никакого смысла, будто взбесилась облицовочная плитка, и никакой рекламы. Театр – точно, это и есть Театр на Малой Бронной, видела в Афише. Рядом – «Мода и стиль для кошек и хорьков». Ну вот зачем так, клиентов надо уважать, хотя бы на словах. Или это спектакль, а не услуга?

О, а вот Тверской бульвар, наверное, он ведёт к памятнику Пушкину, только бы сообразить, в какую сторону… По бокам особняки, чёрное кружево балконов. Марго побрела по ровной дорожке между изумрудными газонами. Липы, клёны, тополя такие толстые, что хочется их обнимать. Вместо Пушкина почему-то оказался Есенин, а внизу лежал, подогнув тонкие ножки, жеребёнок пегаса, крылатый, бронзовый с золотыми пежинами там, где его гладят. Здесь Марго поняла, что устала. Села на скамейку, задрала вверх голову, чтобы глядеть на небо и ветви – а мимо кришнаиты понесли сине-золотую хоругвь: «Харе Кришна, ха-аре Ра-ама…»

* * *

«Осень пахнет озоном», – набрала Марго. Отхлебнула крепкого мясного бульона из кружки. *«Солнце»* – а что солнце? Светит? Это тупо. Ладно, про природу потом. *«Здесь люди пишут стихи на тротуаре»* – посмотреть, чьи это стихи, может быть, выйду на поэта… ах да, посмотреть нельзя. Есть библиотека на накопителе, но в ней поиск какой-то кривой, вместо кнопки «найти» почему-то «листать». Глупо. Хорошо, пусть просто стихи. *«И даже объявление на столбе написано в стихах»* – и стол, и стул хорош, возьми его кто хошь. Кажется, именно такое Соло имел в виду, когда говорил о «ненастоящих стихах». Ладно, плевать, оставим стихи на тротуаре.

много людей, и все они
у меня барабулька
ветер кружит осенний лист, который
обрывки слов и случайные лица складываются

Первая строчка снова и снова принималась робко расти, останавливалась, потом чёрные буквы на белом фоне делались белыми в чёрном прямоугольничке, и небытие поглощало их. Стоп, родная, так ты далеко не уедешь. Начни сначала, продолжай до самого конца, в конце остановишься.

> кленовый лист, во дворе старичок с собакой, осеннее солнце, маленький домик среди больших, стихи «я боюсь, что слишком поздно стало сниться счастье мне», барабулька на складе, никогда не разговаривайте с неизвестными, пруды за деревьями

– бессвязица росла гораздо увереннее, скоро получился целый абзац. И если проглядеть его весь сразу, довольно… интересный, типа, несмотря на бредовость. Были в нём и осень, и солнечный свет, и загадки.

А теперь берём каждый пункт и расписываем внятно. Как будто это у меня облако тэгов, а теперь надо прописать, куда они ведут. Нормальные люди делают наоборот, но если тексты не в файлах, а у меня в голове – по-другому не выйдет.

Марго попыталась рассказать, как сверкают листья на солнце. Стёрла всё, начала снова, стёрла ещё раз. Перешла к дедушке с лохматой собачкой, как он разговаривал с ней по-человечески, потом решила ненадолго прилечь и подумать.

* * *

– Хватит спать, – сказал весёлый голос, и кто-то потряс её за плечо. – Пошли пироги лепить.

Марго подскочила на топчане, помотала головой, убирая волосы с лица. Только что она бродила по трёхмерному виртуальному городу, читала на стенах и тротуаре заумные подсказки от Соло и собирала призы, а очки ей начисляла медкомиссия из военкомата и какие-то странные люди с полосатым котом на плечах.

– Пироги лепить пошли, – повторила Лара. – А то не успеем.

– Ой, а я ещё не сделала, – сипло сказала Марго и откашлялась. – Это, ну… что видела.

– Ну хоть начала? Покажи.

Лара без спроса взяла эском, отцепила клавиатуру, ткнула в экран, посмотрела.

– Нормально, для начала годится. Пойдём, а то пышки

перестоят.

На кухне был раздвинут стол – почти во всю кухню, и на нём, как шашки на доске, выстроились ровненькие шарики теста, каждый величиной с небольшое яблоко. Лара двумя быстрыми движениями упаковала Марго в фартук и набросила ей на голову косынку.

– Завязывай, а то испачкаешься в муке, и в пирогах волосы будут. Смотри: твоя задача – делать из пышек лепёшки. Посыпаешь стол мукой, кладёшь пышку и потом так…

Восемь пальцев легко простучали, будто набирая срочное сообщение, и под ними вместо пышки оказалась лепёшка, покрытая ямочками.

– Поняла? Лепёшку переворачиваешь и отдаёшь мне. Вперёд.

Пышки оказались неожиданно мягкими – под тонкой подсохшей корочкой был как будто один тёплый воздух. Изготовив несколько кривых овалов, Марго приноровилась. Так быстро, как у Лары, не получалось, но в этом и не было необходимости: заклеивать в пирожке начинку – дело небыстрое.

Гости, значит. Наверное, надо сказать…

– Ты чего угрюмая?

– У вас будет… вечеринка?

– Будет. Человек восемь, не считая нас с тобой.

– Лара…

– Ну?

– Я ещё никогда не была на вечеринке для взрослых, – выговорила Марго и отчаянно покраснела. Сейчас начнётся. «Не-е-ет?! – Нет. – Сколько тебе лет, девочка? – Восемнадцать, а что? – И как же это ты? – А какое ваше дело? – И всё-таки? – А я считаю, что поздний старт не дефект…»

– А кого это волнует? – беспечно откликнулась Лара.

Пальцы Марго замерли. А чего ты хотела, дура, когда связывалась с преступниками? Бежать, срочно бежать…

– Эй, ты что? – Лара опустила на стол пирожок с капустной начинкой, забыв перевернуть его заклейкой вниз. – Мар-го! Перестань думать ужасы. Если ты называешь вечеринкой для взрослых медленные парные танцы и пьяный секс – этого не будет. Никогда не понимала, почему секс считается сильно взрослым занятием, ну неважно – можешь хоть весь вечер просидеть у себя. Замок в двери есть, ключ я тебе дам. Или в любом сомнительном случае бегом ко мне. Меня-то ты не боишься?

– Не боюсь, – вежливо соврала Марго. – А что у вас будет? Кино будете смотреть?

– Вряд ли, – Лара усмехнулась. – Сядем за стол, поедим.

Будем разговаривать, музыку слушать. Общение – слышала о таком занятии?

– Общаться и в Сети можно, – рассудительно сказала Марго, и Лара засмеялась.

Ага, значит, будут говорить такое, о чём по Сети нельзя. Всё-таки я влипла. Ладно, если начнут про своё, чёрно-докторское, за что могут отключить или посадить, – сразу уйду в свою комнату и ничего не буду слышать.

Пироги пеклись быстро: Марго ещё дотаптывала пальцами последние лепёшки, а две первые порции уже лежали в глубоких мисках, прикрытые полотенцами. А на плите, на самом маленьком огоньке стояла странная кастрюля, тускло-блестящая, длинная и узкая, как субмарина. Кастрюля называлась «казан», и был в ней плов. Плов Марго не любила, но её мнения никто не спросил, и вообще, в гостях не привередничают. После пирожков они с Ларой быстро порубили крупными кусками огурцы и помидоры – не стали делать никаких салатиков, а просто выложили на огромное блюдо со свежими пряными травами, и Лара взялась мыть яблоки и виноград, а Марго отправила подкрасить глазки и переплести косу.

Когда она вышла, Соло был в зале, стоял у стола с вирт-эволюшном, дразнил пальцем свою морскую звезду, а может, ещё какого-то зверя. Спросил об успехах, затребовал у Марго наладонник с текстом, но Лара закричала из дальней комнаты, чтобы он не рассиживался, а закрывал свою склизкую пакость белой скатертью, которая в шкафу, и ставил тарелки. Марго стала помогать и даже подсказала, что вилки кладут зубьями вверх – мама всегда на этом настаивала.

Первым явился какой-то толстый, радостный и наглый, с усами как обувная щётка.

– Лариса батьковна, моё почтение! Всё так же божественна? – Он по-старомодному склонился к Лариной руке. Лара была уже не в футболке, а в длинной тёмно-синей тунике из глянцевой ткани.

– Проходи, Паша, – эти два слова она произнесла так спокойно, что Марго, которой гость не понравился, от души позлорадствовала. Но толстого Пашу это не смутило.

– Когда песню любви запоют соловьи, выпей сам и подругу вином напои! – театрально провозгласил он, проходя в залу и воздымая над головой бутылку. Соло в ответ сделал ему ручкой. – Видишь, ро-оза раскрылась в любовном томленьи? Утоли, о влюблённый, жела-анья свои!

– Пошляк, – сказал Соло.

– На минуточку! Это Омар Хайям!

– И Хайям твой пошляк. Розу ему… Садись, рассказывай, как твои дела.

Паша уселся и начал излагать про какую-то свою «вещицу», но тут снова раздался условный звонок.

Гостя звали Майк, он был вежлив, тих и неприметен, зато с гитарой на плече. С ним была девушка, на вид однолетка Марго и в такой же, как у неё, белой куртке от «Бертинки», но красивая, словно десять шемаханских цариц – чёрные шёлковые волосы, брови как нарисованные, огромные глаза и точёный носик. А за спиной у неё – скрипичный футляр, как маленький рюкзачок. Паша тут же разлетелся принимать у неё инструмент и усаживать за стол, но оказалось, что Айша не говорит по-русски, хотя с удовольствием послушала бы рубаи Хайяма на фарси. Тут Паша запнулся и что-то пробормотал о своём плохом произношении, а Лара принесла блюдо с пирожками, и упрашивать его не стали. Один пирожок с капустой Марго уже съела на кухне, так что теперь цопнула с мясом.

Пришёл Евгений – высокий, лохматый, в очках и с усмешкой как диагональ в дроби. Лара с первых же слов, «пока все трезвые», протянула ему маленький накопитель. «Уже сделала? – восхитился Евгений. – И детализацию?» – «Угу». Евгению представили остальных, и Марго показалось, что на Пашу он поглядел с неприязнью. Впрочем, он тут же уселся рядом с Соло, и они заговорили о сетках и полигонах, и о том, что аварийный параметр не должен выглядеть привлекательно. Паша пытался делать комплименты Айше, обращаясь к Майку.

Следующую гостью звали Аня. Молодая, но взрослая, явно старше двадцати, серьёзно накрашенная, и на тёмных волосах – очень красиво! – еле заметный перламутровый лак, наверное, дорогущий. Она поздоровалась почему-то смущённо и сразу начала оправдываться, что ненадолго.

– Соло, ты тут? – заглянула в залу, не снимая плаща. – Здравствуй.

– Привет. Заходи скорей.

Аня на полсекунды замерла в дверях, будто о чём-то задумалась, прежде чем вернуться к вешалке. Лара тихонько хмыкнула.

– А я тоже выпивку принесла! – войдя окончательно, Аня предъявила обществу нарядный подарочный пакет. – Специально для тебя, именную.

– Что, так и называется – «Соло»?

– Хм… ещё версии?

– Описательное что-нибудь… – протянул Евгений. – «Хозяин притона»?

– «Старый Хрен»? (Майк.)

– «Седина в бороду»? (Паша.)

– Идите нафиг! Соло, что они обзываются? – Аня вытащила за горлышко бутыль ноль-семь, в которой качалось что-то густое, непроглядно-чёрное. Соло глянул на чёрно-алую этикетку и раскатисто захохотал.

– «Чёрный Доктор» – эким кара! Не знал, что его ещё делают. Спасибо, Анечка. Кстати, познакомься: Маргарита.

Аня пробормотала «оч-приятно» и уставилась на неё огромными глазами. Сначала на неё, а потом на Соло. Что, это действительно так опасно? Ну и не связывались бы со мной, подумала Марго.

Потом пришёл парень, которого называли Антоном, а за ним старик и старушка, похожие на королевскую чету в изгнании, а потом ещё кто-то, и Лара принесла ещё один прибор, и к тому времени все уже выпили по одной за хозяев. Плов оказался совершенно непохожим на тот, что продаётся в ларьках. «И спал бы – ел бы», – смешно сказал про него Паша. Золотисто-жёлтый, он благоухал травами и жареным мясом, и ещё Марго попались настоящие ягоды, две красные и одна чёрная, которые она из осторожности есть не стала.

Потом еду и тарелки расставили по боковым столикам, снова открыли вирт-эволюшн, и Евгений с Майком принялись рассказывать про него Айше. Включили нырялку, стали показывать слои – кто плавает наверху, кто в толще воды, а кто ползает по дну. Плавало и ползало многое – были тут и змеи с плавниками, и челюсти с хвостиками, и крабы с хвостом как у скорпиона, и обычные, но изумительно нарядные рыбки, и чёрные, глубоководные, со светящимися пятнами. Буйная ли фантазия друзей Соло или компьютерная эволюция создала все эти чудеса виртуальной природы, но, действительно, попадалось такое, что могло отразиться на психике. Например, лилово-оранжевый слизняк величиной с ладонь Марго, весь покрытый, будто мехом, тоненькими подвижными стебельками с бусинками глазок. Айша посмотрела, как меняется погода (насколько поняла Марго, в соответствии с реальными параметрами где-то в Карибском море), как колеблется численность отдельных тварей и их групп, и принялась делать собственную рыбку. Марго постояла рядом, но ей не удавалось вклиниться ни с каким вопросом – кажется, её просто не замечали.

Соло и Паша сидели в креслах под картиной с собаками. Паша что-то увлечённо рассказывал, судя по повторяющимся «тут у меня любовная сцена», «он у меня решил», «она у меня такая» – пересказывал содержание своей «вещицы». Соло качал на ладони

рюмку коньяка с видом кротким и терпеливым.

Аня с королевской четой устроились в эркере, у окна. Старички беседовали, Аня слушала.

– Почему-то нам трудно представить повествовательное предложение без подлежащего и сказуемого, – звонким голосом говорил старичок.

– Лёша, а не потому, что это естественный способ описания природы вещей? Предметы – «что», их действия или действия, производимые с ними, – «что делают».

– Я не в состоянии, ручка моя, небо синее, собака – животное…

– Россия – наше отечество, смерть неизбежна. Ты на что намекаешь?

– Только на то, что не все сказуемые непременно обозначают действия. Что касается самого понятия о подлежащем и сказуемом – точнее, о существительном и глаголе, – они обусловлены структурой человеческого мозга.

– Ты сам понимаешь, что говоришь? – насмешливо спросила старая женщина. – Анечка, вы его понимаете?.. И я тоже не совсем.

– Объясняю, милые дамы. Был пациент, назовём его Джоном. После операции – удаления аппендикса, кажется, – оторвавшийся тромб повредил небольшой участок его мозга. Симптомы были причудливыми. У него полностью сохранилась речь – говорил нормально, слова не забывал, и со зрением тоже всё было в порядке, но он больше не мог идентифицировать объекты. Не узнавал близких. Когда ему показывали морковку, говорил: может быть, это кисточка? Козу не мог отличить от собаки, хотя догадывался, что это животное. При этом, если его спросить, что такое морковь, подробно рассказывал, что это оранжевый корнеплод конической формы, с зелёными листиками – а, так сказать, в лицо её признать не мог.

– Ужас какой.

– Да, неприятно. Но к чему это я говорю: фактически, у него отключилась способность отвечать на вопрос «что?». В мозгу есть два пути обработки зрительной информации. Один отвечает на вопрос «что это?», другой – на вопрос «как и где?» – фактически, «что оно делает?» тоже. У бедняги Джона сломалось подлежащее. Вот тебе, Юлечка, и всё. Прошивка мозга, ничего более. Чисто программная вещь.

– Лёша, а не может быть так, что мозг приспособлен для отражения реальности, а тем самым и язык? Как бы ты ни изощрялся, но в мире существуют объекты и изменения во времени – отсюда существительные и глаголы, вот тебе и всё.

– Понимаешь, какая штука – мы не можем вообразить себе нечто другое, оставаясь внутри вот этого, – старичок постучал пальцем себе по лысине.

Марго угрюмо сидела над своим стаканом минералки, положив локти на стол и сцепив пальцы. Никто не вёл никаких противозаконных разговоров, но было в этом сборище что-то неестественное. Все говорили такими длинными фразами, слишком сложными и правильными, так старались поразить друг друга… ну, не старались, а как будто нарочно что-то изображали. Как в кино, точно. В реальной жизни так никто не разговаривает. Нормальные люди говорят коротко. Привет, есть будешь, классная лазанья, посмотри, какой пост в ленте… А когда хотят показать интересное, никто же не будет его пересказывать словами, когда можно прочесть и посмотреть?! Или там, послушать, если ролик с музыкой. Садишься рядом, открываешь «ладошку», говоришь: зырь, что я нашёл, человек смотрит, вы вместе смеётесь или что-нибудь говорите про это. А когда сам что-то важное хочешь сказать, то постишь в свой блог, и все, кого ты пометишь, это увидят, и ответить можно всем по очереди, никто никого не перебивает, не перекрикивает, вот как сейчас Евгений с Майком. А так что – для всех, кто не услышит твоё интересное, придётся ещё раз повторять? Наизусть, что ли, выучить и изображать из себя перезапуск файла? Это только в кино бывает, когда человек говорит, а все вокруг его слушают. На самом деле все всегда отвлекаются, мало ли кто чем занят. И зачем весь этот театр?

Наверняка это они для чего-то делают, не просто так. Такой флешмоб или чудацкое хобби вроде исторической реконструкции. Или нет? Может, Соло их всех от чего-то лечит?..

Вообще-то в детстве люди подолгу говорят друг с другом, и это бывает очень весело. Ну, там, в дошкольном возрасте, пока эскомов ни у кого нет. Или мы с Ленкой в восьмом классе ходили в «Лавку чудес», на сэкономленные от завтрака деньги брали себе кофе, сидели там и трепались. Ничего больше не делали, только разговаривали. Даже не помню про что – про актёров, музыкантов, учителей – но хохотали так, что однажды к нам подошёл унылый старый тип и спросил: «Извините, девушки, а вы что заказали? Я тоже хочу так смеяться!» – и Ленка тогда по правде упала под стол от смеха… Значит, они тут в детство впадают? Или… или у них нет Сети? Они все отключённые?

Пока на неё никто не обращал внимания, Марго потихоньку пробралась в коридор. Выйдя из ванной, услышала голоса на кухне.

– …И в любом случае не раньше, чем через год. (Это Антон.)

– Ну и что? Ты не можешь пока работать у Сергеева? (А это Лара. Только без обычного властного спокойствия, в голосе волнение и насмешка – как сегодня утром, когда она пела.)

– Это как? Поступаю сейчас к нему, он мне отдаёт ставку, отсевает других, учит меня, планирует работу, а через год я ему говорю, шеф, дэсэвэдэ, еду в Страсбург? Извини, мам, но я так не могу!

– Слушай, что ты выдумываешь проблемы на пустом месте? Скажи прямо, что тебе неохота, Емелюшка.

– Мне неохота, – с готовностью подтвердил Антон. Ответом был металлический лязг, будто целая горсть ножей и вилок разом рухнула в раковину.

Марго на цыпочках вернулась в залу, стараясь не делать глаза пузырями. Что удивительного, если у них есть сын? Они вполне респектабельные граждане. Не считая некоторых нюансов.

– Чай мы поставили, – из коридора появилась Лара. – Майк, вы инструменты просто так принесли? Ты споёшь нам сегодня?

– А? – Майк обернулся от вирт-эволюшна. – Как скажешь, хозяйка. Но у меня только старенькое. И чужое.

– Давай. Юлия Николаевна, мы вам не помешаем?

– Нет-нет, Ларочка, пожалуйста. Я люблю, когда Миша поёт.

Петь он начал не сразу, вот это уж точно не как в кино. Снял чехол с гитары, Айша вытащила свою скрипку, и потом едва ли не полчаса скрипка подмяукивала гитаре, а Майк вертел колки, и оба переговаривались на ломаном английском, что-то рисовали в воздухе руками. Наконец Майк принялся выстукивать на струнах лихой латиноамериканский ритм, а скрипка повела мелодию. Вывела, уступила место, и Майк запел, к удивлению Марго – по-русски:

> *Возьмите остров у края света,*
> *Немного флирта, немного спорта,*
> *Включите музыку, вот как эта, четыре четверти, мецо-форте…*[4]

Аня тут же очутилась в середине залы, переступила вправо, изогнувшись, переступила влево, для равновесия подняла руки, будто паркетный пол качался туда-сюда под её туфельками и нужно было не упасть. Марго… а что Марго? Клубными танцами она занималась в прошлом году и что-то такое похожее на сальсу или кумбию без партнёра изобразить могла, но ещё никогда не пробовала проделать это на глазах у людей…

> …Прибавьте фрукты и пепси-колу,

в зените солнце остановите,
и вы получите нашу школу, во весь экран, в наилучшем виде!
Но в лабиринтах её цветочных,
Всё обыскав, осмотрев, потрогав,
Вы не найдёте программ урочных и никаких вообще уроков…

Очередной наклон палубы вынес Марго из кресла, а рядом с Аней уже плясал Антон, но она словно не видела его протянутой руки, а посматривала, отбивая каблучками ритм… посматривала на… у-у, так вот оно в чём дело! Толстый Паша громко хлопал в ладоши, Соло посмеивался. Бедная Аня. Нет, счастливая. Ну покружись с парнем, люди же смотрят… или хотя бы со мной, и перестань так смотреть на того, большая ты дура!..

Мы только там не шутя крылаты,
Где сарабанда, фокстрот и полька,
Но если нас вербовать в солдаты, мы проиграем войну, и только.
Сажать не надо нас ни в ракету,
Ни за ограду к тарелке супа:
Такие меры вредят бюджету, и наконец, это просто глупо!

Марго рассмеялась так, что сбилась с ритма, Соло тоже смеялся, когда она выпрямилась и посмотрела на него. Плохо только, что конец у песни был печальный и непонятный. Вот зачем это нужно – к весёлым песням приделывать грустные финалы? Чтобы выглядеть умнее?

Майк и Айша перемигнулись, и сразу, без подготовки, завели другую, медленную, про какую-то липу у перекрёстка, – Айша положила скрипку и подпевала нежным вокализом, без слов. Но Лара позвала Марго принести чай и сладости.

Пока они собирали чашки, в коридоре послышались шаги, голос Ани.

– Нет, я лучше пойду. Знаете, мне в Твери предлагают работу. Я, наверное, уеду на месяц-другой.

– Хорошая работа, Анечка?

– Нет. Неважно… Соло!..

– Ну-ну, что ты…

Марго чуть не поставила чашку мимо подноса, но вовремя подхватила. Осторожно взглянула на Лару, та печально

усмехнулась, подняв бровь.

Когда они вернулись в залу с подносами, Соло сидел рядом с Пашей, оба опять с коньячными рюмками. Марго, налив себе чаю, пристроилась у столика в эркере. Соло и Паша были буквально в двух метрах от неё. Паша говорил полушёпотом, но с большим чувством, и Марго совершенно нечаянно переключила на него слух, перестав слышать гитарные переборы, вот как ловят нужную радиостанцию.

– …Старик, ну я же не прошу тебя писать мне панегирики, я же…

– Ещё бы.

– Не прошу! Просто напиши, что ты прочёл Богдановского. Только это. Правду и ничего кроме правды. Ну?

– Паша. Если я напишу о тебе правду и ничего кроме правды, это… не поспособствует твоей литературной карьере. Извини. Вот тебе встречное предложение: я о тебе промолчу, договорились? Хотя, может, и стоило бы эту карьеру прервать, у тебя столько нераскрытых потенциалов…

– Соловьёв, ты – меня – достал! – торжественно прошипел Паша.

Соло молча отсалютовал ему рюмкой. Марго уткнулась лбом в колени, сдерживая смех. Соловьёв. Может, у него ещё имя с отчеством есть?

– Кстати, я давно хотел тебя спросить: не страшно заниматься этим?

– Чем? Литературной критикой?

– Нет, ты знаешь, о чём я, – Паша разгорячился от выпивки и насмешек, усы его встопорщились, и восточная сладость из голоса исчезла.

– А-а. Нет, не страшно. Мы осторожны. И на то, что я делаю, ещё статьи не придумали.

– Ну допустим, хоть это и не так. Тогда спрошу по-другому: не стыдно? Всё-таки ты, если называть вещи своими именами, снижаешь обороноспособность страны?

– «Нет» на оба вопроса.

– Не понял тебя.

– Не стыдно и не снижаю. Я её повышаю. Точнее, повышал бы, если бы мог сделать больше.

– Ты что хочешь этим сказать?

– Я ничего не хочу сказать, Паша. Допиваем?

Звякнуло стекло. Потом Паша встал и сухо сказал, что ему пора.

На Марго вдруг накатила такая грусть, что захотелось свернуться клубочком и заплакать.

Чего ты развеселилась, лошара? Ничего ведь нет хорошего. Это они веселятся, а ты здесь чужая, и в почтовом ящике уже наверняка ждёт новая повестка. А Соло на тебя наплевать, он и не обещал ничего. Если бы он мог сделать больше, ага…

На столике среди крошек и винных пятен остались бумажки от конфет. Марго подобрала несколько, смяла в рыхлый комок, покатала в ладонях. Получилось красиво: яркий серебряный с матовым золотым пятном.

Фольга как пластилин, только это не все знают. В детстве Марго её собирала (или отрывала от кухонного рулона, но перестала после того, как влетело от мамы) и лепила… всякое. В основном животных. Змеи – серебряные, золотые, изумрудные и рубиновые – самые простые, но можно и лебедя, и уточку, и котёнка, только сидячего, чтобы длинные лапки не делать, а то они оторвутся. Этих котят у неё одно время было целое стадо. Кругленьких, как клубки, и длинношеих, как египетские кошки.

Пальцы сами вылепили круглому комку два острых уха. Ногтями Марго обмяла шейку, сделала хвост морковкой и передние лапки, потом мордочку – щёки и хитрый нос, и на нём как будто тут же блеснули короткие усы. Глаза делала из металлических бисерин-самоцепок, синих и зелёных, но где же их взять теперь – может, их вообще больше не продают… Она оторвала два кусочка от золотого фантика, скатала в твёрдые шарики. Вот – отличные жёлтые глазки. Кончиком стило поставила на места, получилось не сразу, и потом пришлось поправлять голову. «Брать котят под подушку нельзя – расплющатся. Они сидели рядком на столе и меня охраняли. А теперь он сидит, серебряный зверь, и не понимает, что мне нужно. Лёгонький, шуршит под пальцем. Может он быть моим защитником? В детстве они иногда помогали, только нужно заклинание».

Спохватившись, огляделась: никто на неё не смотрел, вообще никого не было в зале, только кто-то разговаривал на кухне. Марго включила эском, быстро вытащила клавиатуру.

у меня в руке серебряный зверь
может быть я сегодня уеду в тверь
может быть я уйду из дома пешком
ты чего молчишь оловянный ком?
в эту тёмную ночь ты мне помоги
мой серебряный зверь из чужой фольги

Это стихи, вдруг подумала Марго.
Нет. Да. Да!

Плохие, просто ужасные. Это полная глупость. И детство в заднице.

Надо показать Соло.

Лучше повешусь.

Но это стихи…

– Молодец! – сказала у неё за спиной Лара, и Марго подпрыгнула в кресле, обеими руками вцепилась в эском.

– Ёшки, вы чего?! Нельзя так пугать! Ой, извините…

– Соло!

– Нет! Они ужасные! И вообще, это нельзя… это как чужую почту… Я сказала, нет!

– Спокойно, спокойно, – Лара погладила её по плечу, Марго щёлкнула на неё зубами и рыкнула, как маленькая.

Лара засмеялась, Соло – нет. Он уже стоял перед ней, и от него немного пахло коньяком.

– Я не буду читать вслух, – веско пообещал он, и Марго почему-то сразу отдала ему «ладошку».

– Спасибо. – Соло опустил глаза на одну секунду, Марго даже не успела встревожиться. Потом опять взглянул на неё, улыбнулся во всю бороду, глядя поверх очков, и у наружных уголков его глаз собрались веера морщинок, будто павлиньи хвосты. – Ну вот! Завтра с утра можешь идти домой. Всё будет в порядке.

– Как? Уже?

Лара и Соло рассмеялись.

– Если понравилось у нас, приходи в гости, – сказал Соло. – Потом. Когда образуется.

– Но эти стихи… не очень хорошие. Мягко говоря.

– Э-э, – Соло сделал хитрое лицо. – Я говорил, что научу девушку писать ХОРОШИЕ стихи? Я этого не говорил. Это, может быть, со временем, не так быстро. Но в армию тебе уже не попасть. Забудь об этом. Даже и не мечтай, Маргаритка.

– Откуда вы знаете? – недоверчиво спросила Марго.

– Откуда я знаю… Богатый жизненный опыт, надёжный базис. Если есть сомнения, могу проверить шлемом, но это – только для твоего спокойствия, не для моего. А потом сразу спать.

* * *

– Волос-то сколько отрастила, – беззлобно проворчала женщина в зелёном халате. Взялась за шлем на голове у Марго, покачала из стороны в сторону, глядя куда-то в свою аппаратуру. Внутренние упоры на пружинках проскребли затылок и виски, как

подпиленными коготками, и по спине пробежал озноб. – Есть. Теперь смотрим на монитор и в уме выполняем задания. Вслух говорить ничего не надо, вводить числа не надо, просто считай в уме. Вот движок для перемещения объектов. Всё понятно?

Марго молча кивнула. Она больше не боялась. Устала бояться. Левая рука в кармане куртки сжимала комок фольги.

Такой программой её проверил Соло после того, как прочёл её «стихи». Но там заставка была немного другая, более яркая.

ПРИЗЫВНАЯ КОМИССИЯ

МЕДИЦИНСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ ГРАЖДАНКИ РФ…

ВНИМАНИЕ! ПРОТОКОЛ И РЕЗУЛЬТАТЫ ОБСЛЕДОВАНИЯ КОПИРУЮТСЯ В ЛИЧНОЕ ДЕЛО…

НАЧАТЬ? (Да/Нет)

Провинция справляет Рождество, в отчаянии прошептала Марго – про себя, конечно. Дворец Наместника увит омелой…

ВЫЧИСЛИТЕ 42 + 14 36-25

Наместник болен. Лёжа на одре, покрытый шалью, взятой в Альказаре…

РАСПОЛОЖИТЕ В ПОРЯДКЕ ВОЗРАСТАНИЯ…

– Что за ерунда, – пробормотал женский голос рядом.

Едва ли он ревнует. Для него сейчас важней замкнуться в скорлупе болезней, снов… – дальше Марго не помнила, да и некогда было.

РАЗМЕСТИТЕ БЛОКИ КАК МОЖНО БОЛЕЕ КОМПАКТНО…

– Остановись пока.

Пока ходили за другим шлемом, Марго сидела неподвижно, стараясь ни о чём не думать. И опять началось.

РАЗМЕСТИТЕ БЛОКИ КАК МОЖНО БОЛЕЕ КОМПАКТНО…

НАЙДИТЕ ПУТЬ ЧЕРЕЗ ЛАБИРИНТ…

ВЫЧИСЛИТЕ…

– Ну всё. Категория «дэ».

Монитор перед Марго погас. У неё всё сжалось внутри, она не могла даже вспомнить, что это значит – категория Д, хорошо это или плохо. Шлем чем-то зацепился за волосы и дёрнул – больно, до слёз.

– Рада, небось? – брюзгливо поинтересовалась докторша. – По глазам вижу, что рада. А я бы на твоём месте подумала, есть ли тут повод для радости. У тебя в мозгах такое творится, что даже в армию не берут, а ты ещё молодая, тебе жить, детей рожать… Все эти ваши снизеры-шмизеры, не понимаю, куда Минздрав смотрит. Висите в Сети круглые сутки, нет бы книги почитать, Пушкина или Толстого. Сиди пока, напишу заключение.

* * *

«У люб – ви как у пташ – ки крыль-я…» – вызвонила Марго.

– Привет, – заговорщическим полушёпотом спросила Лара. – Ну что, как оно?.. А вроде ничего? Эй, погоди обниматься, дай дверь закрыть! Соло! Ты где?! Меня душат!!!

Сияющая Марго выпустила Ларину шею и прошлась по коридору в чечётке. Соло в домашних брюках и выгоревшей камуфляжной майке вышел из гостиной, улыбаясь.

– Вижу, есть результат?

– Есть! Есть! Есть! – восклицала Марго, бешено вертя длинным концом шарфа. – Не годна к вычислительной!

– С формулировкой?..

– Усиление альфа-ритмов во лбу! Височные бета и гамма! Синхронизация передних с задними! И пэ-бэ-тридцать два! Соло, я вас люблю-у-у-у!

– Может, десинхронизация?

– Да, точно! И ещё межполушарное что-то такое!

– Ну, значит, всё в норме, – констатировал Соло, и кружащаяся Марго с хохотом рухнула ему на руки. – Стой, не падай.

Ладони у него были тёплые, и он ловко придал ей вертикальное положение. Марго покосилась на Лару и вдруг застеснялась.

– А я шампанское принесла… Вот.

– Замечательно! – ответила Лара. – А у нас есть сыр и папайя.

Шампанское пили в зале, и бледное осеннее солнце так же кипело, вспыхивало и переливалось через край. Сверкали хрусталики на люстре, золотом горели книжные корешки, блестели навощённые листья на подоконнике, кружилась в своём вечном хороводе весёлая живность в вирт-эволюшне, и мелькали отражения рыбок и змеек в высоких бокалах. Каждый миг был полон смысла.

– За тебя, Маргаритка!

– Соло, за вас и Лару!

Пол-бокала ещё добавили радости, хотя, казалось, уже некуда.

– Соло, я сейчас подумала – какие же стихи вы сами пишете? Я имею в виду, по-настоящему, а не в буриме? Вы, наверное…

И что-то оборвалось, только слышно, как оседает пена от шампанского.

Соло коротко хохотнул, будто закашлялся. И сказал очень мягко:

– Я, Маргаритка, стихов не пишу. Совсем. Не пишутся у меня.

Не верю, хотела сказать Марго и даже рот открыла. Но тут же поняла, что верит. Что это правда.

– После армии, Марго, – так же мягко сказала Лара. – После армии – не пишет. Раньше-то писал.

Рогатые рыбы, колючие шары, змеи с плавниками неслись друг за другом в черноте под стеклом. В маленькой лужице лопались пузырьки.

– На самом деле это замечательная история, – спокойно и с улыбкой заговорил Соло. – Как-нибудь, но лучше не прямо сейчас, посмотри в Энциклопедии так называемый Брянский инцидент. Ошибочный запуск по несуществующей цели… ну неважно. А важно то, что главным героем этого инцидента был твой покорный слуга. Тогда молодой и на вид безвредный. Шуму было… Собственно, этот инцидент и создал… прецедент. С тех пор такие, как мы с тобой, почему-то считаются негодными к вычислительной службе. А до того пытались как-то скорректировать, чтобы нам было проще выполнять гражданский долг. Никакого вреда нам от этого не было – то есть ничего такого, что поддавалось бы диагностике. А стихи… стихи такая штука, которую к медицинской карте не подошьёшь.

– Соло… я…

– Ой. Ну ты что? Стихи – не единственный способ, знаешь ли.

– Хватит ужасы рассказывать девушке. Давай-ка ещё по одной?

– Да, – сказала Марго. – Давайте.

* * *

Она плохо помнила, как забрела в кофейню. Перед ней поставили белую чашечку с чёрным эликсиром, и шампанское наконец перестало щипать в носу, отступило от глаз.

Марго вынула эском, быстро набрала несколько слов. Отправила. Посмотрела немного на экранчик и принялась размешивать сахар. Проклятье, губы всё равно расползаются в стороны, как у маленькой, и подбородок дрожит… Хорошо, что я написала ему. Но он же всё равно не ответит, ну и что?

Кофе оставалось на четверть глотка, когда эском звякнул. Письмо. Наверняка ерунда какая-нибудь, реклама…

50/09/29. Solo. Письмо пустое! Нет: с музыкальной прицепкой. Марго сунула в ухо банан и кликнула на квадратик с нотой.

Гитара и скрипка… и голос:

…А наши дети – о, наши дети! —
Больших протекций иметь не надо,

Чтобы занять в мировом балете таких мартышек, как наши чада.
Они послушны тому же звуку,
Они умеют поставить ногу,
Расправить корпус, направить руку, они танцуют – и слава Богу!..

И всё, конец фрагмента. «Перезапустить?» Нет.

Цитата должна быть ясна с первого раза.

«Расслышать бурю за плясом дробным не доведётся ни нам, ни детям». Но ведь можно всё слышать и делать вид, что не слышишь, и продолжать танец, потому что так нужно. Чтобы встретиться потом.

Она вытащила из кармана клавиатуру, расправила её на столике, подключила и открыла предпоследний файл.

Кленовый лист неторопливо падал в колодец двора, словно вычерчивал вертикальную строку японского стихотворения. Человек за окном…

Речь

Генри Лайон Олди
Скидка на талант
Рассказ

– Простите, ради бога, вы не хотите продать душу? А купить? Жаль. Я бы мог со скидкой…

Нет, нет, ничего, я уже ухожу. Ухожу, унося в памяти честный и прямой ответ на честный и прямой вопрос. Это такая редкость в наши дни, битком набитые гнусными намёками на душевное равновесие, на посещение психоаналитиков… Не считая, разумеется, вульгарностей, достойных притона, но никак не светской беседы, а также попыток нанесения телесных повреждений разной степени. Ужасный век, ужасные сердца…

Вы знаете, ваше иронически-легкомысленное «Ламца-дрица-оп-ца-ца» разительно контрастирует с умным взглядом серо-голубых глаз из-под бифокальных очков в дорогой оправе. Я не слишком многословен?.. И отодвиньте ваш бокал, я вполне кредитоспособен. Кто протянул руку? Я протянул руку? Вполне возможно, но уж никак не за вашим бокалом, кстати, полупустым, а желая исключительно представиться…

Очень приятно. Лео Стоковски. Увы, не однофамилец. Только сидите, сидите, а то у вас загорелись уши, и сквозь резко поглупевшие серо-голубые глаза видна задняя стенка черепа с сакраментальным «Мене, текел, фарес». И даже если две полки в вашем кабинете блестят дерматиновыми корешками с моим именем, то это отнюдь не повод заливать бар сиропом любезностей. Ещё пять минут назад вы колебались, не дать ли назойливому пьянчужке по интеллигентной морде, а теперь… Не спорьте со мной, наверняка колебались. Я бы на вашем месте обязательно дал. Не колеблясь.

Знаете что?! Держите чек на двойную стоимость вашей – то есть моей макулатуры – затем мы добавляем по коктейлю и идём жечь мой – то есть ваш – шуршащий хлам. У меня в машине лежит канистра отличного бензина. Не хотите? Тогда добавляю чек и на стоимость полок! Как отказываетесь? О боже, – категорически!.. Крайне трудное слово для употребления в барах… В чём-в чём, а уж в этом-то я знаю толк – и в словах, и в барах! Что ж вы за личность такая – честная, но несговорчивая – всё-то вы не хотите, что ни предлагай…

Бармен! Две рюмки текилы! Графоман Стоковски угощает искреннего человека! Ошибаетесь, дорогой мой, мы не будем пить за мой архивыдающийся талант. Вы же не предлагаете

выпить за здоровье моего покойного дедушки? Что в принципе равносильно… Господи, да усопший старикан не то что индейцев, он и индейки под Рождество в глаза не видывал, – по причине глаз, залитых дешёвым джином! А всё чертовы рецензенты!.. Они, видите ли, лучше меня знают читательские интересы… И для того чтобы зажравшийся обыватель выложил монету, они – в своей липовой биографии! – вынуждают тихого старика Вацлава Стоковски карабкаться на мустанга и трясти задом в поисках несуществующей династии Юлеле-Квумба, где будущая моя бабка вышивает свадебный вампум герою её снов!.. Бармен!

Все ваши возражения можете засунуть себе в задний карман! Виноват, я совсем не хотел обидеть столь отзывчивого собутыльника – то есть собеседника! – но беллетрист Стоковски не один год протирал штаны в кресле редактора-составителя… Да, да, во вшивом кресле вшивого издательства нашего вшивого городишки! Чувствуете разнообразие метафор? А богатство эпитетов? Тогда понятно ваше пристрастие к моим опусам… Вкус, милейший, в особенности, литературный, это как деньги – либо есть, либо нет. Кто сказал? Не помню. Но сказал здорово. Может быть, это был я.

Э-э, дудки, у меня-то как раз вкус был – у меня таланта не было. Вы бы хоть раз глянули на эти ранние пробы пера – Дюма, Говард и По в гробах переворачивались от абортов фантазии вашего покорного слуги! Потому что, когда хищная тень птеродактиля, брошенная на побоище у руин ацтекского храма, начинает злобно топорщить маховые перья – так это что-то особенное! Тут дедушкой-индейцем не обойтись… В очередной рецензии на возвращённую рукопись мне однажды сообщили, что восемь инструкторов школы Мацубасин-рю тщетно пытались воспроизвести описанную мною драку. Их однозначное мнение сводилось к тому, что для реальности эпизода требуется наличие у героя шести полисуставчатых конечностей (из них пять ног и одна рука, но очень длинная), и при этом пренебречь трением и силой тяжести… Бармен, чёрт побери!..

В общем, дорогой мой, эта последняя капля оказалась роковой. Не отвечая на звонки и телеграммы, я запер дверь и после пятого стакана торжественно поклялся в разводе с художественной литературой. Как вы думаете, кто сидит перед вами? Совершенно верно, клятвопреступник! Так что никогда не зарекайтесь на пьяную голову… Ах, вы не суеверны!.. Тем более.

Я тоже не был суеверен, когда вытаскивал из портфеля гранки неоконченного романа Джимми Дорсета «Последний меч Империи». Ну ещё бы! А «Падение Галаголанда»? Тоже читали?.. Я понимаю вас… Дорсета читали все седеющие мужчины,

помнящие синяки от деревянных сабель, и все пухлощёкие щенята, верящие в подлинность своих клинков. Я даже слыхал о литературных самоубийцах, выяснивших, что «Последний меч» так и не лёг в ножны. Бог его знает, отчего голубоглазый кельт, грабитель пирамид, авантюрист и оживший штамп собственных романов – отчего баловень судьбы Дорсет принял лишнюю таблетку моринала, оборвавшую рукопись страниц за десять до финальной развязки? Да что там Бог – даже я тогда не знал… Нет, я не кощунствую. Сейчас? Сейчас знаю.

Но в тот исторический день корректура валилась из рук. Сначала я метался между столом и взбесившимся телефоном, потом пришла домработница, потом меня полчаса уведомляли о смерти сотрудника издательства, с которым мы встречались раз в год на скучнейших попойках, потом… Ах да, потом я уселся за стол, тупо уставившись в гранки и вздрагивая от малейшего шороха, в восьмой раз читая один и тот же абзац – пока до моего всклокоченного мозга не дошло, что Джимми Дорсет, упокой Господи его мятущуюся недоговорившую душу, никогда этого абзаца не писал!..

Чёрт вас побери, вы же не ошибаетесь, беря сапожную щётку вместо зубной?! А для меня текст в гранках был привычнее зубной щётки и знакомей дежурного в издательстве… Он вёл меня по аду литературного факультета, он усадил меня на нуднейшую работу с паршивым окладом, из-за этих слов я терпел пощёчины издательств, из-за них я душу купил! Что? Вот до сих пор, поверьте, не знаю – то ли продал, то ли купил… Нет, вам я только предлагал. Глаза мне ваши понравились. Спьяну. Глупые-глупые, но горят. Такие же глаза я ежедневно видел в зеркале, когда брился. А теперь давно уже не вижу. И не бреюсь. Давно. А издатели меня с Дорсетом сравнивают – мол, борода похожая, отсюда и преемственность… Какая, к дьяволу, преемственность, когда пять листков, набитых тем же пробным шрифтом, были добавлены в мою рабочую папку, и стиль первых трёх явно принадлежал покойному. А вот остальные – выхолощенные, причёсанные, затянутые в смирительную рубашку грамматики – и это Джимми-то с его врождённой идиосинкразией к синтаксису…

Видел я его черновики – литературным факультетом там и не пахло. К счастью. А вот в двух последних страничках пахло. Нафталинчиком этаким, запятыми аккуратными, штилем высоким до нечитабельности. Так что вполне можно было приписать их мне. Или вам. Только не подумайте, что я вас обижаю, а сам скромничаю. То, что вы пытались марать бумагу, видно в темноте с любого расстояния. И до сих пор пытаетесь?! Ай да Лео! Всё-таки привила мне сволочь одна нюх на пишущих!..

Вы случайно не знакомы с одним маленьким вежливым джентльменом, любящим хорошую литературу и…

К сожалению, вы зря списываете моего маленького джентльмена на белую горячку и пытаетесь незаметно отодвинуться. Хотя наша с ним первая встреча действительно состоялась в весьма нетривиальном месте, если кладбище можно так назвать. Я приехал туда в связи с телефонным звонком из издательства и приволок с собой заказной монументальный венок с идиотской надписью: «Покойся с миром. Твои коллеги». Коллеги усопшего чинно толпились к тому времени, оскальзываясь на перекопанной земле и скорбно переговариваясь о гонорарах и происках, – а у новенькой ограды, полускрытой холмом свежевырытой, резко пахнущей земли, тихо плакал невысокий полнеющий человечек в старомодном пальто. Знаете, двубортное такое, шотландское…

Когда начались речи и комья земли испачкали холёные руки литераторов, он порылся в кожаной папке, наколол на бронзовый наконечник решётки истрёпанный лист бумаги и побрёл к выходу. Странный поступок, режущий глаз в потоке окружающей чопорности, – он и заставил меня протолкаться к ограде и полезть в карман за сигаретами, незаметно косясь на оставленную страницу. Портативный шрифт, многочисленные перебивки и конец абзаца, видимо, с предыдущего листа: «…в чёрном балахоне, рвущемся на ветру, и ты не мог стереть слёзы, превращавшие пыль на щеках в липкую грязь, и…»

Я осторожно огляделся и спрятал в карман четвёртую страницу неоконченного романа Джимми Дорсета «Последний меч Империи». Четвёртую, потому что она отсутствовала в любых изданиях, потому что она не уступала по слогу трём, найденным в гранках (две графоманские не в счёт), и продолжала именно оборванное место: «Скорбный хор отпевал заблудшую душу, а у подножия холма горбился человек с землистым цветом лица, в чёрном балахоне…»

Скажите-ка, что бы вы сделали на моём месте, вернувшись домой? Ну, выпить – это само собой… Ещё раз выпить? Согласен! Бармен! А дальше? Наплевать и забыть? Вряд ли. Не знаете… И я не знал, клянусь всеми святыми, я действительно не знал, зачем я вставил недопечатанный кладбищенский лист в машинку, щёлкнул кареткой и, дойдя до пустого места, отбил пять интервалов абзаца.

Бармен! Налейте на посошок – и счёт, пожалуйста. Увы, мой доверчивый друг, я направляюсь домой. Знаете ли, спать пора, опять же организм ослаблен алкоголем и женщинами, тонкая нервная организация… Богема, чего уж тут… А зачем, позвольте

полюбопытствовать? Зачем вам знать, чем кончилась эта душераздирающая рождественская история?! Вы же всё равно не хотите купить душу! Что? Продать? Ах, готовы продать душу за окончание… Дёшево, ничего не скажешь… Вы понимаете, чтобы продавать душу, её надо, как минимум, иметь. Плюс наличие желающего приобрести. И именно вашу.

А вот купить… Купить гораздо проще.

Для этого надо встать из-за машинки и открыть дверь маленькому вежливому джентльмену. Потом выслушать коротенькую речь, просмотреть бланк договора и подписаться. Вынужден вас разочаровать… Во всяком случае, лично я подписывался чернилами. Фиолетовыми. Я же не донор, а писатель. Пусть даже и липовый.

Маленький джентльмен предложил мне приобрести душу покойного Джимми Дорсета. Привычки и склонности, умение говорить комплименты и умение говорить гадости, Гавайи и Акапулько, торнадо и цунами, сволочную потребность писать, – но писать буду я, Лео Стоковски, буду заканчивать последний роман, «Последний меч», столь необходимый работодателю, – и если спустя неделю я не допишу эпилог так, как сделал бы его Джимми Дорсет, проданный мне с потрохами…

Да-с, молодой человек, я только что вернулся с похорон, я держал в руках венок умершего коллеги (дважды коллеги, если можно так выразиться) и отлично понимал смысл красноречивой паузы моего маленького вежливого джентльмена.

Я понимал, я колебался – и я подписал. Широким жестом. Чернилами. Фиолетовыми.

…Следующая неделя летела сумбурно и болезненно. Каждый день я безуспешно пытался напиться, и привычной бутылки анисовой «Мастики» не хватало даже на потерю координации. В постели постоянно валялись какие-то беспорядочные дамы, табуны новоприобретённых друзей превращали квартиру в эрзац-таверну для поношенных авантюристов: бросившегося на меня ревнивого верзилу с синими костяшками пальцев увезли в реанимацию – проклятый Джимми пил, не пьянея, любил без устали, дрался, как орангутан, и временами я с трудом отдёргивал руку от вожделенной упаковки моринала. Чистый лист бумаги торчал из пишущей машинки, вернее, два листа под копирку, но всякий раз я тихо отходил от клавиатуры, запирал кабинет, отгоняя от него любопытных, не давая плоским словам лечь на плоскую бумагу. И снова нырял в прибой чужого разгула – забыть, расслабиться, не помнить, не хотеть, не бояться…

Когда я бог знает каким образом сумел всё же сосредоточиться, мой маленький вежливый джентльмен уже

стоял в коридоре и благодарил крашеную блондинку за «любезное открытие двери с её стороны». Блондинка была покорена и готова на всё, но гость поклонился и направился ко мне. В бесцветных глазах его сгущалось откровенное огорчение.

– Зря, Лео, – тоскливо протянул он.

– Зря. Поверьте, я очень надеялся на вас.

Я посмотрел на часы и вытолкнул джентльмена в дымную гудящую комнату. Это был мой единственный шанс, нелепый, невозможный – но единственный. И предшественники мои, включая самого первого, зудевшего желанием допить, долюбить и подчиниться приговору, – все они в чём-то были гениями и именно поэтому не осознавали специфики таланта. Её мог понять только графоман. А им… Им это дано было от Бога. Или от чёрта, если вы атеист.

– У меня ещё тридцать две минуты, – сказал я. – И чтоб в течение получаса я вас в упор не видел. Пожалуйста.

Потом прошёл в кабинет и сел за письменный стол.

Машинка билась у меня в руках свежепойманной рыбой, глаза вцепились в пляшущую клавиатуру, не видя написанного, не давая секунды на обдумывание, оценку – не давая уму встать между жизнью Джимми Дорсета, мечтою Лео Стоковски, бредовостью маленького сатаны и листом бумаги, испещрённым перебивками, ошибками, с полным отсутствием знаков препинания и прочей белиберды, гордо именуемой грамматикой. Я перепрыгивал интервалы, рвал копирку, и шея окончательно онемела от борьбы с искушением взглянуть на циферблат, вспомнить, испугаться, проиграть…

– Достаточно. Вы выиграли. И да хранит вас Бог.

Гость аккуратно прикрыл дверь и подошёл к столу. Крутанув каретку, он вынул последний лист, покопался в напечатанном и молча направился к выходу, пряча в старенький портфель отобранный первый экземпляр. Видно, в аду у них только первые принимали… Я сомнамбулически прошёл за ним в коридор, помог гостю надеть его двубортное пальто и запер за ним дверь.

Тщетно. Тщетно кинулся я в кабинет в надежде увидеть результат. Пять листов лежали около машинки, и все пять представляли собой бланки договора. Я подписывал именно такой. Только эти были чистыми. И моими. Отныне и навсегда.

Предусмотрительность гостя не имела границ. За исключением крохотного прокола. Он не учёл профессиональной редакторской памяти. Памяти на текст. И я снова сел за машинку.

Счастье? Вы действительно считаете всё это счастьем?! Да, у меня теперь есть ЗАКОНЧЕННЫЙ роман «Последний меч Империи». И принеся его в любую редакцию, я уеду в дом для

умалишённых.

У меня есть слава, деньги, мои книги блестят позолотой корешков, но никогда – вы понимаете?! – никогда я не написал и не напишу ничего подобного тем пяти безграмотным листкам, когда пальцы дрожали на клавишах, а за спиной тихо стоял мой маленький вежливый джентльмен…

А вы говорите – счастье… Дай бог, чтобы вы оказались правы. Тогда как насчёт того, чтобы продать душу? Нет? А купить?.. Жаль. Я бы мог со скидкой…

Анна Михеева
Большой брат (Говорящий)
Рассказ

Нирвана – самая опасная часть моей работы. Невозможно игнорировать её очарование, её непоколебимость, её покой. Раз увидев, её уже не забудешь. А вот забыть о том, что нельзя ей поддаваться, – очень просто.

Нирвана ослепительно прекрасна. И нема. Я, присутствующий, пока только наблюдатель, вижу нежные спирали и завитки белых низких туч, медленно перетекающих через острый геометрический срез высотки напротив, вижу мучительные изгибы тополей, дрожь веток в хватке осеннего ветра. Нирвана ничего этого не видит. Она просто этим всем дышит.

Что-то застилает движения деревьев. Взгляд перефокусируется. Из глубины безмолвной тишины рождается что-то похожее не то на вкус яблока, не то на щекотку: похожесть. Розоватое деревце с короткими закруглёнными веточками покачивается взад-вперёд.

Рука, – думаю я и перефокусирую взгляд за окно.

Дерево, – и возвращаю обратно:

Рука.

Щекотка усиливается. Безмолвие содрогается от смеха.

Я рисую его пальцем на облачке выдоха толстый корявый дуб.

Дерево.

За спиной слышится знакомое унылое клохтание, безмолвие чувствует опасность – возможны грубые бессмысленные касания. Я покидаю его.

– Вы видели, видели, – почти кричит мать, – вы видели, он же деревце нарисовал!

– Это Я нарисовал, – уточняю я.

Она осекается. На миг её лицо похоже на лицо ребёнка, у которого отобрали подарок.

– Если ещё раз вы нам помешаете, будете сидеть за стеклом, – говорю я, – не торопитесь. Сначала его надо выманить в речь. Только потом он начнёт производить что-то осмысленное.

Семилетний мальчик возит по стеклу пятернёй и хихикает. С первого раза поймать ассоциацию, да ещё зацепить её на чувство

юмора – результат отличный. Возможно, через год он будет рассказывать анекдоты. И, если повезёт, даже целовать маму.

– Будете сидеть тихо? – сурово спрашиваю я её.

Она судорожно кивает.

Я возвращаюсь. Восхищение нирваны снова здесь, смех растаял. Удивление и восторг, и безмятежность, пристально глядящие на полукруглые, тоненькие светлые полосочки вдоль внутреннего края ногтей.

– Кутикула, – думаю я и осторожно пытаюсь проартикулировать. Удачное слово, смешное.

Они отличаются от нас с вами только тем, что не видят никакого прикола в общении. Строго говоря, технически они могут. Они просто не понимают, зачем. Все остальные просто чувствуют это через физиологическую потребность. Полугодовалый ребёнок гулит, потому что ему это приятно. Точно так же двадцатилетний парень становится отцом вовсе не затем, чтобы продолжить свой род. Ему приятен процесс.

Только совсем потом тридцатилетний дядька понимает, что запускать с сыном планер – это круто. И только трёхлетка понимает, что можно добыть почти неограниченное родительское внимание, просто строя любую фразу в вопросительной форме. Но первый толчок происходит сам собой, не по здравому размышлению, а по зову природы… Жаль, что иногда природа зовёт тихо.

И тогда дети не чувствуют зова. Им, в сущности, и так неплохо. Например, им практически не бывает страшно. Степень сосредоточенности, в которой постоянно живёт этот мальчишка, заставила бы взвыть от зависти любого йога. И, по большей части, они счастливы.

А я один из тех гадов, которые выманивают их в люди. Я заползаю в райские кущи и раскидываю там и сям отравленные яблочки смысла. Нас таких пока всего трое. И ещё один, которого мы надеемся уговорить. Если его, конечно, выпустят.

Собственно, пора уже и представиться. Сергей Димчев, на четверть болгарин, на четверть мордвин, на две разные четверти украинец, по паспорту русский. Телепат-доминатор первой категории, выявлен по личной явке, заявлений по статье 765 не имею. Могу войти в ваше «Я», взять вашу руку и засунуть вам в нос. Или в штаны. Или в кошелёк. Улыбаясь при этом вашим ртом.

Если вы думаете, что я никогда так не делал, – думайте дальше. Осторожный доминатор может жить припеваючи годами. Ну, сейчас стало опаснее, потому что почти в каждом большом городе есть свой телепат-наблюдатель, а то и несколько. И к тому

же люди, знакомые с самой идеей, реже относят свои странные поступки к «не знаю, импульсивное желание», а чаще подозревают наших. Но играть по маленькой и не давить сильно – проканает и сейчас. Просто это – неинтересно.

Лично меня Андрей, глава нашего сообщества, поймал именно на это. Срубить денег, уломать девчонку, распугать громил – для сильного доминатора это текучка, скукотища. Как вам протянуть руку и взять яблоко. Власть? А зачем?

Я ехал в открытой машине и лениво приглядывал подругу на ночь. Не заставлять, да ну, что вы, с тем же успехом можно онанизмом заняться. Гораздо лучше посмотреть её глазами на себя – до-о-олго, положить её руку на её же бедро, поправить ей осанку и вполголоса подумать «хм-м-м, а не закадрить ли мне этого красавчика?» – остальное девчонки делают сами.

– Привет, доминатор, – прозвучало у меня ровно посередине между ушами, – хочешь, покажу девушку, которую тебе слабо запикапить?

Я притормозил и оглянулся. Никого, кому мог бы принадлежать этот тяжёлый, слегка насмешливый голос.

– Привет, коммуникатор, – подумал я, – не то чтобы я повёлся на слабо, но ты ведь что-то интересное имеешь в виду?

Мгновенно передо мной провернулся видеороликом путь. Как будто я много-много раз ездил этой дорогой и припоминаю все подробности, включая неудачно расположенные знаки. «Силён», – подивился я.

– Есть немножко, – согласился тяжёлый голос, – перед воротами посигналь, тебя впустят.

Я заехал в ухоженный двор, двери за мной автоматически закрылись. Клумба перед белым старинным домом, вокруг старые, раскидистые липы. По ступенькам крыльца спускался мужчина в синих джинсах и белом пуловере. На вид лет сорока-сорока пяти, бывший брюнет, а сейчас, как говорят, – перец с солью.

Я пошёл навстречу. Он протянул мне руку:

– Андрей.

– Сергей, – я с удовольствием пожал его ладонь. Очень редко люди осмеливаются прикасаться к доминатору, как будто для нас есть какая-то разница.

– Идём, – сказал он вслух и молча продолжил: – Только будь как можно осторожнее. Если что, я тебя откачаю, конечно, но ты всё равно аккуратненько.

Я ничего не ответил, но моё молчание было очень вопросительным.

На балконе второго этажа, на мягком диванчике, сидела с

ногами черноволосая девушка в белом платье и смотрела в сад. На наши шаги она не отреагировала.

Андрей остановился у меня за спиной, я прошёл широкую, залитую солнцем балконную площадку и остановился возле девушки.

Воздух стал горячим, потяжелел и поплыл куда-то вбок. В пылающем клинке света, наискосок вонзённом в тело здания, танцевала и вертелась пылинка. Единственная, прекрасная, безымянная суть лёгкости.

Меня резко тряхнуло. А, руки Андрея на плечах.

– Ау! Серёжа, осторожнее! Я же предупреждал!

– Что с ней? – мысленно пролепетал я.

– Аутизм, – уронил голос Андрея, – тяжёлый случай. Но я надеюсь, что с твоей помощью мы её расколдуем. Хочешь попробовать?

Телепатия позволяет лгать словами, но совершенно не скрывает эмоций. Андрей меня уважал и презирал одновременно. Уважал за силу, презирал за бесцельное её использование. Такое смешанное ощущение называется «вызов».

Я посмотрел на девушку ещё раз.

– Что от меня требуется?

Вдвоём мы бились четыре месяца. С речью не продвинулись ни на шаг, правда, психиатр утешил нас, сказав, что у Гали просто не сформированы соответствующие нейронные сети. Зато она научилась играть на рояле и, что звучит не так романтично, но гораздо существеннее для жизни, управлять процессами выделения. Она научилась реагировать на людей, улыбаться и ласково прикасаться. Сначала я делал – ею. Она исследовала результат. То, что ей нравилось, мы повторяли до закрепления. Музыка ей нравилась очень. После того как она смекнула, как закорючки на листе, фиксируемые взглядом, связаны с конкретными нажатиями пальцев – её собственная способность к музицированию тут же превысила то, что я мог организовать на доминации.

Однажды на наше занятие пришла Галина мать. Пришла и молча села в кресло. По Гале так-то совершенно не понять, что она чувствует, но мы ведь с Андреем были внутри.

– Может, попросить её выйти? – подумал мне Андрей. – Работать же невозможно.

– Подожди, она что-то вспоминает.

– Ты супер, Серёжка, – восхитился коммуникатор, прислушиваясь к тому, что мелькнуло в Галиных воспоминаниях, – погоди, сейчас подниму…

Доминатор не может управлять тем, что вы вспоминаете. Я

могу только двигать вашими руками или языком, и думать вам слова, поскольку это тоже связано с мускульной артикуляцией. А вот коммуникатор может рыться в вашей памяти, как в ящике с игрушками. (Правда, мы лапочки?)

– Вот. Теперь отходим и ждём.

Мы замерли на границе девушкиного сознания. Галя вспоминала, как она, маленькая, сидит возле ножки – кажется, именно этого – рояля и слушает. Рядом шуршит длинная блестящая юбка.

– Мммм, – вслух сказала Галя и заиграла, неровно, сбиваясь и повторяя, неизвестную мне мелодию.

Мы с Андреем обернулись в сторону женщины в кресле.

– Вы играли ей маленькой? – спросил Андрей.

– У вас было длинное платье с такими блестящими штуками? – тут же уточнил я.

Женщина кивнула и взялась обеими руками за горло.

После того мы проработали ещё месяц. Мать и Галя наловчились обмениваться какими-то сообщениями и что-то даже играли в четыре руки. Порой мы с Андреем целый день вообще не вмешивались, только наблюдали. Когда мать сыграла Гале что-то, после чего та встала и ушла за ней в дом, Андрей с силой потёр лицо и подумал мне:

– Всё, Серёжка. Всё.

В его мыслях – я говорил, что эмоциональную окраску мысленных слов не скроешь? – было такое дикое облегчение и такая страшная усталость, что я даже испугался.

– ??

– Вот только что мы с тобой зарубили международный проект выбраковки телепатов.

– ???!!!

– Я обязался доказать, что любой указанный ими телепат, при грамотной ненасильственной мотивации, может приносить пользу, причём уникальную.

– И что?

– Ну, они предложили тебя. Скользкого, юридически осторожного гедониста-доминатора. Дикого, конечно же, доминатора. Как самую бесполезную и опасную тварь, которую могли представить.

Я поколебался между тем, чтобы обидеться, и тем, чтобы возгордиться.

Андрей мысленно похлопал меня по плечу.

– Что до моего мнения, то есть существо пострашнее сильного дикого доминатора.

Я немножко обиделся и сильно заинтересовался.

– Слабый дикий доминатор, – мрачно подумал Андрей.

Я удивился.

– Хе. Ну, скажи, Серёжа, доставляет ли тебе удовольствие делать что-то с человеком, чего он не хочет сам?

– Да ну, – я удивился так, что даже произнёс это вслух.

– Потому что ты не чувствуешь преграды. Ты встраиваешься между сознанием и организмом гуляючи, не напрягаясь. А для слабого доминатора – это победа. Доказательство его превосходства. И чем больше жертва сопротивляется, тем приятнее.

Меня затошнило. Я, конечно, знаю, как это происходит – доводилось, например, грабить банк руками кассира (это было давно. И вообще, я говорю чисто гипотетически. Даже шучу. Это – шутка) и, конечно, чувствовать, что он при этом ощущает. Нет, пережить это можно, не вопрос. Но получать удовольствие от этой паники… Буэ.

– Мы должны решить эту проблему сами, – продолжил коммуникатор, – между своих. Для этого, сначала, надо было доказать, что мы нужны людям. С твоей помощью и помощью многих других я этого добился. Теперь надо аккуратно организоваться в сообщество – и решить, что делать с… садистами. Их больше одного, Серёжа. И они могут-таки доиграться до того, что нас будут бояться настолько, что уничтожат.

Сложно сказать, почему я тогда так возмутился. Наверное, это похоже на то, что думает Дон Жуан по поводу насильника. Или шеф-повар про одноразовую лапшу. Оскорбление профессии, вот. Круто – отдоминатить потерявшего сознание водителя автобуса и аккуратно вырулить к обочине, затормозить и выпустить пассажиров; круто разбудить спящий разум (я ещё не знал тогда, сколько их, спрятанных по домам и психушкам, молча ждут моего прихода), круто сделать трудное. А подмять беспомощного нетелепата – это как пойти в песочницу и там всем накостылять по шее. Тьфу.

В общем, Андрей только кивнул, прослушав мою бурю эмоций, после чего встал и ушёл. Я знал, что мне пора забирать машину и валить из этого хорошо охраняемого дома, и что коммуникатор со мной свяжется.

На следующий день я позавтракал, проехал пару километров по трассе, вернулся в город, выпил кофе, покатался ещё и позвал Андрея. После нескольких месяцев, проведённых в выплетании сети смыслов над обрывом в нирвану, – всё казалось пресным.

Андрей отозвался на вызов не сразу.

– Что, Серёжа?

– Как там Галя? – подумал я.

Он запнулся.

– Ну, я могу узнать… Хотя ты же спрашиваешь, нет ли ещё работы.

Я прикусил губу.

– Ну… да.

– Навалом. Езжай-ка (он вывалил в меня координаты и схему проезда) в детский коррекционный центр. Спроси Марину Ростиславовну, она не наша, но с идеей знакома. Попробуйте поработать с ней, я вечером свяжусь, – и замолчал, даже не попрощавшись.

Что у него там происходит, что он такой замотанный? И вообще, мог бы и меня привлечь. Хотя, если какая-нибудь галимая дипломатия, от меня был бы один вред. Я вырулил на перекрёсток и двинул к коррекционному центру.

Спустя два года и одиннадцать разбуженных аутистов, я всё ещё сижу в этом центре. Трое за день, фитнес, культурно-новостной минимум, бег, сон, утро. На выходных я сначала дох от скуки, на третий месяц отказался от них к чёрту. Какая на меня очередь, мне не говорят. Андрея я попросил, чтобы эту очередь поставили на контроль телепатов-наблюдателей, мало ли что, а участвовать в чужих махинациях противно. Я же вижу, как эти мамашки на меня смотрят. Только что кроссовки не целуют, я не шучу.

Андрей дважды лично приезжал меня откачивать, когда нирвана оказывалась сильнее, а последний раз прислал девочку-глушилку, Алёнку. Девочка отличная, но дай бог нам с ней никогда больше не встречаться, так что я теперь осторожен, как сапёр.

Ну, и всё началось с того, что Марине Ростиславовне, директору, позвонили с телевидения. Она дождалась, пока у меня будет перерыв. Бормочущую себе под нос Олечку отец повёл в машину, а я хлебал минералку.

Директор центра села в родительское кресло.

– Серёжа, у нас неприятности.

Я поднял брови.

– На нас кто-то из твоих клиентов подал заявление о жестоком обращении с ребёнком… Доведение до суицида.

Я закашлялся.

– Что???

– Причём нас вызывают на публичное слушание, и тебя и меня. Я не знаю, кто.

Я вспомнил по одному своих ребятишек. Но как? Нет. Но суицид? Кто? Марик? Настя? Ева? Виктас? Тимка? Алёша? Нет, не

может быть. Игнат? Рустем? Нет. Невозможно.

Мои мысли носились по кругу. Хотелось схватить и прижать к полу или встряхнуть за шиворот, да вот только кого?

– А вы с ними контакт не поддерживаете?

– Только с теми, кто сам звонит.

Неужели кто-то из них умер? Я понял, что открываю и закрываю рот, как вытащенная из воды рыба. Валерик? Инга? Сёмка?..

– АНДРЕЙ!!!!!!!

– Что такое? – Коммуникатор отозвался на мой мысленный вопль мгновенно. Я раскрыл в него беду, как ящик стола, рывком, не удержав совершенно детского рыдания.

– О, – ответил коммуникатор, – немедленно разузнаю. Вам как сказали, успешный суицид?

– В смысле?

– В смысле спасли или нет? – рявкнул Андрей.

Могли ведь и спасти… Я с надеждой перевёл взгляд на директора. Блин. Её ж надо словами спрашивать.

– Не знаю, – покачала она головой.

– Я с тобой свяжусь, – сообщил коммуникатор и исчез.

Марина Ростиславовна позвонила родителям Дамира, чтобы они сегодня не приезжали, и отправила меня домой.

Я не рискнул в таком состоянии садиться за руль и поплёлся домой пешком. Вышел из высоких ворот центра, прошёл мимо стоянки, краем глаза равнодушно отметил какую-то подозрительную компанию напротив своей машины и двинулся дальше. Дошёл до перекрёстка, остановился на красный свет, потёр лицо ладонью…

И тут у меня дико заболела голова. Затылок. Я оторвал затёкшее лицо от чего-то мягкого (ковролин?), попытался сесть. Нет, больно. Ковролин с незнакомым рисунком. Белый режущий свет. Пульсирующая боль. Затёкшие руки, неудобно скрещённые под грудью.

Где я вообще?

Что за…

Я наконец сел и огляделся.

Однако. Первый раз вижу эту комнату.

Как тут тихо.

Четыре серенькие стены, серенький ковролин, белый потолок с двумя рядами встроенных галогеновых светильничков. Никакого окна. Металлическая, выкрашенная в тот же сероватый колер, дверь с узенькой щёлкой допотопного гаражного замка. Встроенный в стену монитор, небрежно валяющаяся в углу оптическая клавиатура. В дальнем от меня углу – диспенсер с

полным бочонком воды.

Никаких звуков снаружи. Ч-ч-чёрт.

Чтобы присоединиться к кому-нибудь, мне не нужно к нему прикасаться. Достаточно видеть. Или хорошо слышать.

Но как я сюда попал?

Пощупал затылок. Шишка с пол-кулака, и кожа ссажена. На пальцах осталась кровь. Ах ты ж, чтоб тебя. Меня, мать их, похитили!

Сначала я колебался. Я вообще доминатор или попи́сать вышел, звать на помощь? Вот уж нет. Не собираюсь давать этим гадам никаких шансов. Возьмём их в клещи.

– АНДРЕЙ!!!

Скорость, с которой коммуникатор хапнул из меня ситуацию и вгрузил в мою голову кучу информации, заставила меня прилечь обратно на ковролин. Немножко полежал, качая головой направо-налево. Трое. Трое, считая меня. Анита пришла в себя в очень похожем помещении, и оно, по её словам, находится в каком-то безлюдье. Дина молчит. Голова раскалывается. Динка – коммуникатор, гораздо слабее Андрея, но едва она придёт в себя, она не только свяжется с нами, она легко дотянется до любого, хоть телепата, хоть нетелепата, в радиусе до километра – и легко определит, где она.

Тех, кто брал Аниту и меня, уже нашли и просмотрели, кто брал Динку, пока неясно. Эти гаврики всё ещё пьяны, и даже толком не поняли, что произошло, – надавать случайному прохожему по кумполу для них не что-то исключительное. Всё, что их могло удивить, – это засовывание тел в незнакомую машину. Одному запомнилась ручка. Другому – протекторы. Андрей уже хакнул, с разрешения хозяев, память двоих знакомых торговцев машинами. Это старенькая рухлядь «Инфинити», лет двадцать как снятая с производства. Андрей не хочет привлекать к поискам власти – очевидно, что с той стороны кто-то из наших. И желательно прекратить эту самодеятельность внутренним кругом. Всё, что я узнаю нового, нужно срочно сбрасывать ему.

А голос-то стеклянный. Интересно, когда он спал последний раз вообще?

Я сел и тщательно огляделся. Вот он, глазок камеры под потолком. Монитор напротив меня аккуратно вделан в стену, клавиатура… Мышки нет. То есть, скорее всего, со мной собираются говорить, но исключительно онлайн. Умно. По телефону я бы их взял.

Их. Кого – их? Хапнуть трёх телепатов разом… Кто-то хорошо подготовился. Стоп. А скажите мне на милость, а как вообще можно было взять Аниту? Наблюдатель и захочет не увидеть

намерения, а увидит. Они потому и отдыхают исключительно за городом, что не могут не слышать. Как её можно было?

Я попытался перевернуться на спину, зашипел от боли в макушке и лёг на бок лицом к стене, пятой точкой к камере – смотри, дорогой. А как меня обманули? Ну, идёт пьяная братия… На меня ноль внимания… Я ж центрального просканировал по привычке легонечко – ну, как в затонированную машину заглянуть, коммуникатору или наблюдателю всё насквозь видно, а мне надо внутрь сесть, чтобы разобраться, но всё равно ж там на меня даже не смотрели… И вдруг – хрясь. Или у меня кусок из памяти выпал? В груде присланных Андреем воспоминаний что-то заёрзало. Ага, вот он смотрит больничную камеру на стоянке. Вот охранник ему тыкает в экран пальцем, типа Димчев пошёл, да. Ну и походочка у меня… как у пьяного. Вот топчусь на краю тротуара, вот не иду к машине, а тащусь к перекрёстку, ребята тянутся за мной… вот, да, меня окружают со спины, лёгкая толкучка, двое держат под руки, ноги у меня волокутся, вся компания сворачивает за угол. Они. Но ведь не было враждебности-то!

Стоп. Андрей говорит, ребят самих брали. Значит… Значит, они действительно никакой враждебности и не испытывали. Толку телепатить молоток. Чудненько. Опытный доминатор, стало быть, пацанов-то пятеро. Анита в таком раскладе тоже ничего и не могла учуять, разве что самого доминатора, но он-то мог взять парней, а сам отскочить на пару кварталов. Что, скорее всего, и проделал.

Стоп. А зачем было со мной огород городить? Сел в машину, тебе меня видно, мне тебя нет, я ничего не заподозрю… Нет же, по голове отоварил. Я гадко улыбнулся в стену. СЛАБЫЙ опытный доминатор. Или не очень уверенный в себе.

Хорошо, что тут просто технически не может быть никого типа внезапных дико талантливых подростков. Опыт и сила в нашем деле очень отличаются. Взять разом пятерых я не смогу точняк. А тех, кто смогут, двое – Рахим из Антальи и этот, жулик, Одесневский. Ну, знаете, который знаменитый гипнотизёр. Только я вам этого не говорил, что он из наших, Андрей с ним сторговался – мы ему имидж не портим, он больше с цыганами не работает. Я считаю, зря, но Андрею виднее.

А вот по силе со мной вровень, ну, так, приблизительно, тоже двое. Екатерина Дмитриевна Чакина, бизнесвумен из Челябинска (бр-р-р! Бормашина ходячая), и учитель этот из Краснослободска, Володя, я его только раз и видел.

В общем, раз меня по голове стукнули, так это не они. Хотя… С Чакиной, по идее, станется. Хотя вряд ли она потянет пятерых.

А слабых да опытных, кто их знает, сколько их.

Вот если бы Динка отозвалась. Потому что раз нас с Анитой вязала одна компания, значит, и кукловод был тоже один. А может, за Динкой второй и третий ходили. Хотя нет. Два доминатора уделают одного вне зависимости от силы… Просто на растяжке. Меня было бы проще хапнуть без свидетелей. Значит, если их и несколько, доминатор у них один. И не сильный. Остальные под вопросом. Тогда… Тогда самое главное – есть ли у них наблюдатель? Контакт с коммуникатором не заметить невозможно (вам когда-нибудь вставляли в голову USB-разъём? Не больно, что вы, но ощущение оч-ч-чень характерное), а наблюдатель может хоть сейчас сидеть за стеночкой, читать, что я думаю, и похохатывать.

Я перевернулся на живот и подполз поближе к монитору, пододвинул к себе клавиатуру и щёлкнул пару раз по спейсу.

Монитор посветлел. В знакомой рамочке скайпа висело сообщение.

Кардинал: Здравствуй, Серёжа!

(Почему не птица-секретарь? – подумал я. Ишь, кардинал. Тукан, блин. Фламинго.)

Я пододвинул поближе клавиатуру, настучал «и вам здравствуйте». Сообщение выскочило с обозначением «Серёжа». Какая прелесть, подумал я, он кардинал, а я мальчик. Или с той стороны монитора напыщенный идиот, или это какая-то сложная разводка. Разозлить, например, пытается. Посмотрим.

Кардинал: Извини, что пришлось пригласить тебя таким настойчивым образом. К сожалению, это был единственный способ побеседовать с глазу на глаз, без контроля Сыромятникова.

Серёжа: Кого?

Кардинал: Андрея Викторовича Сыромятникова. Надеюсь, ты понимаешь, о ком я говорю?

Серёжа: Я вас очень внимательно слушаю.

Мысленно я принялся осыпать кардинала разнообразными оскорблениями. Тут и притворяться не надо – голова-то болит. Есть наблюдатель? Может быть, отреагирует? Хотя отрицательный результат – пока не результат. Да и хороший наблюдатель, прицельно работая, слоя три-четыре может снять, его не заболтаешь.

Кардинал: Серёжа, ты понимаешь, насколько вас

обманывают? Сыромятников всё ближе продвигается к реальной власти в стране. Вы все – жалкие пешки в его игре!

Я осторожно выдохнул. Кажется, всё-таки напыщенный идиот. Дай-то бог.

Серёжа: А поконкретнее? И, собственно, откуда информация?

Кардинал: Ваше, так сказать, сообщество служит исключительно целям Сыромятникова. Вы потихоньку подминаете быдло, я не спорю, у вас это очень аккуратно получается – но вы не замечаете, как Сыромятников подминает всех вас!

Серёжа: Кого именно?

Я быстренько напечатал первый попавшийся вопросец, чисто движуху поддержать, и опустил голову на локоть. Другой рукой пощупал шишку. Надо бы скрыть от камеры выражение лица. Это все нетелепаты, значит, быдло. Ах ты, птица-секретарь, гусь тростниковый. Ну-с, что он там тем временем пишет?

Кардинал: Насколько мне известно, Сыромятников собрал не только всех законных потомков Землицких, но и мордвинских ублюдков. А в последнее время даже чурок! Неужели ты не понимаешь, что это недопустимо?

Серёжа: О боже, как он мог?

Я настучал это совершенно непроизвольно. Иначе я бы вслух заржал.

Кардинал: Ты, дитя благородного болгарского народа, обязан помочь мне. Судьбы славянского мира сейчас зависят от того, сможем ли мы договориться.

Так. Или наблюдателя нет, а передо мной псих-самоделкин, или это всё цирк, он ждёт, пока я заржу вслух, расслаблюсь… И что? Взять он меня всё равно не возьмёт. Физически – я и так его. Зачем эта лапша на уши?

Кардинал: Сыромятников уже разослал своих людей в полицию, школы, детские центры. Ты не видишь, что он становится Большим Братом? Медленно, исподволь, вы учите людей доверять вам, вы же такие полезные… И когда они расслабятся, они не смогут больше без вас, ведь вы, слуги Большого Брата, такие надёжные, такие

сильные, такие знающие? И Сыромятников – главный из вас. Тебе не страшно, Серёжа?

Ну, птица-секретарь, если б ты начал с этого, а не с быдла, я б может ещё и поверил. Так-то резон есть, мы действительно упорно работаем над доверием. И нужностью. И я даже знаю, что думает об этом Марина Ростиславовна. У психиатров, особенно детских, иногда бывают очень странные суждения.

Серёжа: А кто такой большой брат? Это, в смысле, секта какая-то?

Кардинал: Это персонаж из одной тоталитарной книги. Людям часто предписывается любить тех, кто отнимает у них свободу. Серёжа, у тебя есть возможность остановить это.

Серёжа: Как?

Кардинал: Оставайся на связи со мной. Работай со мной. Вдвоём мы предотвратим захват власти кликой рабов Сыромятникова.

Серёжа: А девчонки как же?

Кардинал: Какие девчонки?

Твою мать! Я чуть не закрыл рот рукой. Нет уж, вылетело – не поймаешь, не жестикулируй, он смотрит. Кто его знает, может, в мониторе тоже веб-камера, и смотрит прямо в морду. Так. Он делает вид, что не знает о девчонках. Или их брал не он… Теми же гопниками, ага. Или думает, что мы без связи. Теоретически, не будь у нас всех привычного контакта с Андреем, так бы оно и было. Но в сообществе каждый имеет разработанную связь с одним, а то и с двумя коммуникаторами. Что это значит? Это значит не наши, это значит коммуникатора точно нет. Притворюсь, что связался напрямую.

Серёжа: Ну, Анита. И вторая, я не вижу её толком отсюда, спит она, что ли?

Кардинал: Одна из них опасна. Я ввёл ей безвредное снотворное. Со второй я побеседую после тебя… и возможно, тоже выпущу. Может, присоединишься ко мне, попробуешь её убедить?

…Да-да, давай расскажем полуиндуске Аните о засилье чурок, это ты, друг фламинго, хорошо придумал. И Динка, стало быть, в серьёзной отключке. Ох.

Серёжа: Ох, извините. Голова очень болит.

Я уткнулся лицом в ладони и снова позвал Андрея. Хрясь, две секунды кипеша в голове, потом ощущение, как будто мной закусила птичка мозгосос. Я застонал и завозил лицом по ладоням. Станиславский аплодирует, я думаю. Ч-ч-чёрт, как больно-то. Проклятый Сыромятников.

Кардинал: Прости меня, но у меня ведь не было другого выбора. Ты же нигде не бываешь, кроме этого центра и ваших сходок.

Серёжа: А зачем ты поймал девчонок?

Кардинал: Без наблюдателя нам не справиться. А шоколадка пойдёт с тобой, куда ты, туда и она, поверь старому ловеласу.

Серёжа: Ну, тем более, зачем было её-то по голове бить?

Кардинал: Серёжа, ну что за детский лепет. Если человек тебе небезразличен, друг там или что ещё, и вы не раз находились в контакте – ты же можешь установить контакт издалека?

Серёжа: Конечно.

Кардинал: И что, твоя шоколадка сидела бы и ждала, пока Сыромятников тебя разыщет? Она бы привела его сюда, как та овчарка.

(Ох, Анита. Может, гусь и прав, не знаю, но уж в любом случае не так бы мне об этом узнавать. Прости.)

Серёжа: А вторую?

Кардинал: Вторая меня видела. Ничего, я подержу её в бессознанке, пока вы не уедете отсюда, уеду сам, она потом потихоньку проснётся. Давай поговорим о деле.

Серёжа: Давай.

Кардинал: Ты не сможешь избегать Сыромятникова. Тебе придётся передать ему наш разговор… И притвориться, что ты не согласен со мной.

Серёжа: А смысл?

Он что-то писал дальше, а я со всё тем же идиотски восторженным видом таращился в экран, и изо всех сил не волновался, не ухмылялся, серьёзно-пресерьёзно, даже напугано размышлял о том, как опасно будет шпионить за самим Сыромятниковым. Я был очень-очень искренен. Очень-очень напуган. И ну совершенно не злорадствовал. Потому что тукан таки осмелел и начал меня брать.

Когда в тебя лезет доминатор и ты знаешь, что он в тебя

лезет, это похоже на стекло. Как будто часть всего немножко сдвигается, ну на миг делается стеклянным и смещается чуть-чуть. Рахим говорил, что для него это похоже на фотошоп. Ну, у всех по-разному. Я, в общем, на это и надеялся, болтая с кардиналом – раз Андрей говорил, что эти ребята любят власть, что им нравится сам процесс… Надеялся, что он не устоит перед искушением меня взять. Он и не устоял.

Я осторожно, очень-очень нежно пропустил стекловидную дрожь в зрение, в глазные мышцы. В рот. В слух. Он толкнулся выше (так слабенько!), я сделал вид, что я глухая ватная подушка, нет-нет, что вы, никакого сопротивления, просто мальчик глупенький, однозадачненький, читает, занят… Кажется, достаточно. Вот… теперь – точно достаточно.

Нам надо видеть или слышать, чтобы задоминировать, – потому что нам надо почувствовать. Как он там, как дышит, как моргает, как вообще. А если кто сам залез ко мне внутрь – зачем мне его глазами-то видеть? Вот он, голубок.

Опля, всё перевернулось несколько раз кувырком, полетели искры смятого в гармошку сопротивления. Сидеть! Не ёрзать. Руки перед собой, рот закрой, осмотрись.

Что у тебя в руке? Палец пытается дёрнуться. Ну нет. Пока сидим неподвижно.

Вот монитор со скайпом, вот монитор с потоками камер. Две моих, вот он я, плашмя на полу. Две – Анита, сидит в позе лотоса с закрытыми глазами. Две – Динка, лежит у стены на боку.

В руке у нас зажат дверной звонок. От него идёт под стол четыре проводка. Тукан напрягает пальцы, пытаясь разжать надавленный звонок. Ах ты ж. Взрывчатка?

Она. Держим крепко. На столе бумаги… распечатки каких-то речей, чуть что Сыромятников… Каких-нибудь бы мне документов, лучше с адресами… А, отлично, над монитором на кривом гвоздочке висит за бирюльку смартфон. Отметили, оглядываемся. Стол, заваленный окурками, в углу какие-то чемоданы, тут же ящик упаковок растворимой картошки, чайник. Таки, по всему, одиночка. Очень хорошо.

Руку не разжимать! Одной правой набираю номер Марины Ростиславовны.

– Это Димчев. Срочно вызывайте Андрея! Я держу террориста по этому телефону, пусть определят номер и место. Девчонки у него же, не уверен что рядом. У него в руке кнопка мёртвого человека, продержу сколько смогу. Трубку не кладу.

В трубке рявкает Андрей.

– Скажи ещё раз! Словами скажи. Я не могу к тебе пробиться!

– Не лезьте щас никто, собьёте меня с доминанты. Я его

держу, с него звоню, как далеко он от меня физически – в душе не чаю, сколько продержу – не знаю. У него взрыватель в руке. Девчонки у него обе, я камеры вижу. Анита сидит, Динка лежит, он сказал, под снотворным, правда ли – не знаю. Сам в камере, где был, там и лежу.

Хозяин голоса слабо барахтается где-то внутри, мелко дрожит рукой с выключателем.

– Не клади трубку, подключаю Борисову, – отрывисто говорит Андрей.

Борисова – это хорошо. Борисова работает с полицией почти тридцать лет, из них восемь – официально как сос-наблюдатель. До того, говорят, числилась диспетчером, а ездила, как и сейчас, в дежурном бобике по городу. Как ей поверили в первый раз – это отдельная история, потом расскажу. У тех двух девчонок уже свои дети, и Борисова – их крёстная.

– Поиск включили, – секунд двадцать спустя говорит Андрей, – держись, Серёжка.

Дальше около получаса было скучно. Я держал. Он дёргал пальцы и невнятно шипел – речь я ему заблокировал, хватало намерений. Вдруг я понял, что обоссался. Так бывает, если подолгу и напряжённо, своё тело обижается. Потом вдруг Анита вскочила из лотоса и начала стучать в стены своей комнатки. Её дверь открылась, Анита исчезла с экрана.

Сзади меня загрохотало. Я медленно поднял свободную руку.

– Сергей Димчев, доминатор, держу этого человека. В левой руке кнопка. Перехватывайте.

Слева посунулись руки в перчатках, переняли кнопку.

– Девушка на втором мониторе, по словам этого человека, под снотворными. Я, снизу, в норме, просто голова рассажена, и штаны бы мне чистые. Можно отпускать?

– Отпускай, – сказали сзади.

Я помотал головой, разминая затёкшее лицо. И шею. Попытался встать, но только перекатился на бок. На красивом новом ковролине осталось желтоватое пятно. И намазано красным там, где была голова. Щёку и висок стягивает, похоже, кровь текла и запеклась.

За моей спиной открылась дверь.

– Он? – мужской голос.

– Ах! Он! – Анита.

Ну ёж же ж твою в коромысло. Только её тут не хватало.

На студию мы успели еле-еле.

Два красавца. Я, с забинтованной головой и в хрустящих новеньких джинсах – и нежно-зелёный Андрей с дёргающимся глазом.

Больших братьев, как оказалось, было вовсе четверо, и действовали они изначально потоньше, где-то там, в политике. Просто наш остался последним, запаниковал, набрал заложников… Тукан. Андрей упустил этого четвёртого буквально из-под носа и теперь страшно психовал из-за моей и Анитиной макушек, а того больше – из-за Динки. Она лежит в токсикологии под капельницами, вроде бы опасности нет, но в себя ещё не пришла.

Я же, как только извлёк из Андрея фразу «суицид не успешный, ребёнок в сознании, в передаче будет участвовать вместе с родителями», отринул все страхи. Всё зашибись. Что мог, сделал я, что мог, сделал Андрей, за остальным последили ангелы. Скрывать мне нечего, а значит, нечего и бояться.

В студии, едва мы появились в дверях, тут же набежала стайка симпатичных девушек. Нас быстренько запудрили, Андрея причесали, прикрепили к одежде крошечные микрофончики, показали стулья на подиуме, где мы будем сидеть, провели мимо скоплений каких-то проводов и познакомили с Митиной. Митина дама знаменитая, ведущая публичных дискуссий, сколько я её видел – очень толковая и острая тётечка. Лет ей, если по Интернету, так за пятьдесят, а живьём – от силы сорок. Серое платье, широкий воротник отворотом, а из него – длинная белая шея, как цветок. Волосы, как чёрный одуванчик. И глаза тоже чёрные.

– Андрей Викторович, Сергей Анатольевич, – улыбнулась Митина, цепко нас обоих разглядывая.

– Просто Сергей. Просто Андрей, – ответили мы хором и сердито переглянулись.

– Ольга, – кивнула Митина, и лицо её немного потеплело, – спасибо, что успели вовремя. Я слышала, у вас был серьёзный форс-мажор.

Мы кивнули – опять синхронно. «Что за женщина!» – беззвучно шепнул мне Андрей. «На мою учительницу похожа», – молча ответил я. Андрей вслух невнятно хмыкнул.

Снова набежали девушки, нам всучили по чашке зелёного чая, усадили на места, отобрали пустые чашки, отряхнули, расправили, оставили одних. Андрей вздохнул. Стало намного светлее, Митина прошла откуда-то из-за занавеси и села справа от нас, шагах в семи. Мне пришлось наклоняться вперёд, чтобы её видеть из-за Андрея, но тут же снова налетели девушки, Андрея вместе с креслом подвинули назад, меня чуть развернули.

– Начинаем? – спросила Митина.

– Начинаем, – отозвался мужской голос откуда-то из-за источника света.

– Здравствуйте, – сказала Митина источнику света, – как вы знаете из анонса, слушание посвящено проблеме границ личности. Мы все знаем, что в нашем обществе есть люди с телепатическими способностями. Насколько они могут – и имеют право – вторгаться в психику других? Может ли это привести к драматическим, а главное, необратимым последствиям? Попробуем выяснить.

Она кивнула в сторону света и повернулась к нам.

– Вы видите руководителя сети телепатов России Андрея Викторовича Сыромятникова (Андрей учтиво кивнул в сторону света) и одного из его… – она сделала паузу, – товарищей, Сергея Анатольевича Димчева.

Я тоже кивнул неизвестно кому.

– Прежде чем начать дискуссию, – продолжила Митина, – я прошу вас, Андрей, кратко рассказать, что вам на сегодняшний день известно о явлении телепатии. Вы, я думаю, – она ослепительно улыбнулась, – наиболее компетентный эксперт в этом вопросе.

– Это так, – спокойно сказал Андрей, – я не только руковожу самим сообществом, но и курирую пучок научных исследований, анализирующих наш феномен. Сразу нужно сказать, что чёткого описания того, что есть телепатия, мы пока не имеем. Слишком сильно отличаются возможности и способности каждого, а для какой-то значимой статистики нас пока недостаточно. Выделены несколько вариантов, но их соотношение и границы постоянно изменяются. Так что я не могу точно сказать, чего может телепат и чего не может. Ну… пока ни один из нас не может двигать предметы или перемещаться силой мысли. Ни один не может поддерживать связь более чем на трёхстах километрах, и даже такое расстояние немыслимо для большинства. Те, кто может читать мысли и воспоминания, не могут управлять другим человеком, а те, кто чувствует сразу много людей, – не могут передавать. Всё это может измениться хоть сейчас – вот придёт кто-нибудь, кого я не знаю, и покажет новый фокус.

Теперь к тому, что мы знаем. Я координирую совместную работу трёх групп учёных из Санкт-Петербургского Архива РАН, института Цитологии и Генетики и института Экспериментальной Медицины – последние два это тоже не московские, а новосибирские институты. Общепризнанно, что все ныне живущие телепаты являются потомками супружеской четы Землицких, переехавших в Саранск в начале девятнадцатого века в связи с тем, что глава семьи получил в этом городе пост. Нам также удалось установить, что в течение первых же двух поколений мужчины из семьи Землицких имели по крайней мере

две репродуктивно успешные связи с мордвинками. В связи с чем так называемый ген Землицких представлен у эрзя примерно у шестидесяти процентов случаев, у мокшей – около двадцати пяти процентов. Если у кого-то из вас, – Андрей внимательно посмотрел в сторону света, – был прадедушка мордвин, вам тоже стоит проверить наличие гена Землицких. Распространение гена среди русских стандартное для такой временной удалённости, то есть в целом по стране не превышает порога в одну десятую процента.

– Однако, – Андрей помолчал, – ген Землицких – необходимое, но недостаточное условие. Все активные телепаты, кроме гена Землицких, имеют небольшой генокомплекс, широко распространённый в Турции, Пакистане и Индии и, в меньшей степени, в Италии, странах Юго-Восточной Европы и арабских странах. Только при наличии этих двух генов вы можете быть телепатом. Но и этого недостаточно. Например, обе мои дочери не имеют никаких телепатических способностей. А вот племянница – имеет.

– А её родители? – поинтересовалась Митина.

– Нет, – ответил Андрей, – то есть мы знаем два параметра, но их, скорее всего, больше. Может быть, важен не только генотип, но и анамнез. Немало уже и то, что мы знаем. Исследования идут, через пять-десять лет я смогу наверняка сказать больше. Таким образом, в мордвинской деревне вы телепата не найдёте, хотя там может ген Землицких иметься хоть у всего села. Телепат, в основном, это горожанин из мегаполиса. Русскоязычный, в подавляющем большинстве россиянин. Исключениями являются несколько граждан Турции, один итальянец и двое арабов, чьи матери или бабушки были россиянками.

– А как становится понятно, кто телепат, а кто нет?

– К большому счастью, – с нажимом сказал Андрей, – к очень, я бы сказал, большому счастью, телепатические способности активизируются только к концу полового созревания, примерно с выходом гонадотропных гормонов на стабильный уровень. Это означает, что телепатами не бывают ни дети, ни подростки. И это существенно повышает, в моём понимании, степень предсказуемости и безопасности телепатов для окружающих и самих себя. Ну, и человек, который постепенно осознаёт у себя наличие нового инструмента… или органа чувств, обычно отдаёт себе отчёт, что происходит нечто непривычное. А сегодня, когда существование телепатии вполне признано наукой и обществом, такому человеку не так уж сложно понять, что именно с ним происходит.

– И что он делает?

– В норме – контактирует с кем-либо из сообщества или, что ещё проще, оставляет заявку в полиции или других структурах социального урегулирования – а они уже связываются с нами, чтобы мы проверили эту заявку, назначили новенькому кураторов, помогли ему найти применение. Зарегистрировали, конечно. Мы подчиняемся диспетчерам МЧС – ну, как врачи или военнообязанные. Например, нас могут вызвать на поиск потерявшихся или на разбор завалов после землетрясения.

– Звучит очень хорошо, – кивнула Митина, – скажите, Андрей, а что вам известно о культе Пульяпа?

– А, да, – Андрей потёр лоб, – спасибо за поправку. Насколько мы можем судить, в Перу существует параллельная, и намного более давняя, генетическая линия телепатов. Однако эта… семья, да, самое правильное слово тут «семья», – эта семья, во-первых, очень строго следит за тем, чтобы их гены не… не вышли наружу. В культе Пульяпа очень строгие кастовые правила, ну, и во-вторых, они не соглашаются сотрудничать с нами. В принципе, я их понимаю, я бы тоже предпочёл контролировать появление новых телепатов, если бы мог.

– А вы не можете?

– Ну, если бы я был Антоном Аристарховичем Землицким, я мог бы попытаться, – фыркнул Андрей, – а сейчас уж двести лет как поздно. Не будем говорить о полковнике Рахим-оглы или о господине Марио Ченски, возьмём поближе. Серёжа, что ты мне скажешь, если я начну указывать тебе, с кем спать с презервативом, а с кем без?

– Позову доктора, – осторожно сказал я, – скажу, что вы… не в порядке.

Андрей пожал плечами.

– И это мой собственный курируемый. Нет, что вы. Пульяпа осторожные люди, и я их хорошо понимаю, они выжили в очень непростых условиях. Но нам их методы просто не подходят. Никакой конкуренции мы друг другу не составляем. Возможно, Пульяпа опасаются, что наша публичность может пойти им во вред. Может, наблюдают. Может, мы им просто неинтересны. Я не знаю.

– В таком случае, я думаю, вам интересно будет узнать, что представитель семейства Пульяпа согласилась присутствовать на сегодняшнем слушании в качестве контролёра, – радостно сказала Митина.

Она повернулась от нас градусов на сорок в сторону света и махнула рукой. Один из софитов погас. Высоко на балконе сидело что-то похожее на гриб. А, это шляпа, сообразил я. Широкополая

шляпа, под ней из-под плотно намотанного белого платка выглядывает скукоженное коричневое личико. Рядом усатенький в чёрном костюме.

Андрей мысленно пнул меня, встал и поклонился. Я торопливо повторил за ним.

– Госпожа Мисиа Пульяпа не говорит по-русски, – всё так же жизнерадостно прочирикала Митина, – в её задачи входит определять, когда кто-то из дискутирующих будет лгать. Также она будет гарантом того, что вы, Андрей, и вы, Сергей, не будете переговариваться телепатически друг с другом или третьими лицами, поскольку такая возможность давала бы вам несправедливые бонусы по сравнению с другими участниками дискуссии. Подыгрывать тем или иным участникам госпожа Пульяпа не может, поскольку, как я уже сказала, она не понимает по-русски, а переводчик обязан молчать, пока я его не попрошу что-нибудь перевести.

– Это честно, – со скрипом признал Андрей.

– А мне нечего скрывать, – с удовольствием сказал я, – и, хо-хо, теперь же не надо ничего доказывать.

– Кстати, да, – протянул Андрей, покосившись на меня, – очень непривычно, но так даже проще.

Митина наклонила голову и усмехнулась.

– Не знаю, как дело пойдёт дальше, но мне нравится, как вы держите удар. Итак, – она повернулась в сторону света, – на ответчиков мы уже посмотрели. Настаёт очередь, выражаясь судебным языком, истцов.

Снова изменилось освещение, и напротив нас, по ту сторону чего-то похожего на стеклянный пруд, на таких же стульях, как у нас, сидели трое. Немного сзади – двое взрослых, светловолосый мужчина средних лет в строгом костюме и привлекательная шатенка в синем платье, комкающая платочек. Но я смотрел не на них.

Посередине между ними, чуть впереди, поджав под себя ноги и сгорбившись, сидел парнишка лет пятнадцати. Он крепко держался за боковушки сиденья, кулаки сжаты добела. Лица не видно, так низко опущена голова. Розовая рубашечка с короткими рукавами открывала на всеобщее обозрение забинтованные до локтей руки.

– Виктас, – прошептал я.

Семья Райдетс требует у телепата Сергея Димчева публичных объяснений в связи с попыткой самоубийства Виктаса Райдетса, причиной которой тот называет давление телепата.

– Воздействие, – поправил старший Райдетс, – не давление, а долговременное воздействие.

– Ой, да, вы правы, – извинилась Митина, заглянув в свой планшет, – сильное, долговременное воздействие, с которым вы не можете справиться уже…

– Больше года, – всхлипнула мать.

– Виктас, – мягко сказала Митина, – здесь никто не будет на тебя телепатически воздействовать, иначе телепата строго накажут. Не бойся.

– Я не боюсь, – низким голосом, неожиданным для такого хрупкого телосложения, ответил мальчик и зыркнул из-под чёлки, почти не поднимая головы.

– Виктас, пожалуйста, скажи нам, в чём ты обвиняешь Сергея Димчева.

– Ни в чём, – рубанул Виктас и сжался ещё сильнее.

С балкона донёсся хриплый звук. Митина и Андрей одновременно повернулись в сторону гриба.

– Переведите, – разрешила Митина усатенькому.

– Это ложь, – кратко сообщил тот.

Виктас передёрнул плечами и застыл. Его отец откашлялся.

– Как отец, от имени сына я обвиняю телепата Димчева в том, что он развратил его и привил недопустимые свойства характера.

– Развратил? – переспросила Митина.

– Не в эротическом смысле, – тревожно сказала мать, – мы не оставляли их одних.

– Подождите, – уточнила Митина, – я всё же хочу разобраться с формулировкой «доведение до самоубийства». Это могли бы быть страх, насилие… Кошмары, преследование… Но «испортить ребёнка» и «довести ребёнка до самоубийства» – это не одно и то же. Виктас, ты зачем-то солгал. Знай – я сделаю всё, что возможно, чтобы ты не пострадал, сказав правду. В чём ты всё-таки обвиняешь Сергея Димчева?

Мальчик некоторое время сидел неподвижно, словно собирался с духом. Потом выпрямился, поёрзал, откинулся на спинку стула и уставился на Митину, прикусив губу. Наклонился вперёд, оскалился и протянул:

– Да. Обвиняю. Он – меня – бросил!

На последнем слове голос сорвался на фальцет, звонко отдался эхом по всей студии. Виктас продолжал смотреть на Митину, как кот на крысу.

Митина обернулась ко мне с несколько растерянным видом.

– Сергей, вы можете пояснить слова Виктаса?

Я с трудом собрал мысли в кучку.

– Директор центра сказала мне, что Райдетсы уехали. И назначила следующего ребёнка из очереди. Виктас был контактен. Ну, он говорил, читал и, на мой взгляд, был ещё очень

неопытный в отношениях с людьми, но это всё, как говорили мне, доводится до нормы просто педагогами. Я…

– Ты бросил меня – с ними! – рявкнул Виктас. – Ты говорил, что всегда ответишь, если я спрошу. Ты говорил, что мне могут помочь другие люди. И я прошусь к тебе, а мне говорят, что у нас больше нет на тебя денег. Я ищу других людей – а мне говорят, что нельзя разговаривать с чужими. Я бы забрался обратно в скорлупу, но я не влезаю, я не могу больше выключиться отсюда! Верни меня где взял!

– Каких денег? – негромко, но гулко спросил Андрей.

– Не знаю, каких, – фыркнул Виктас и уставился куда-то в пространство.

– Чисто для протокола, – Андрей говорил медленно, как будто капала ртуть, – работа телепатов в медицине принципиально бесплатна для потребителя. В случае снятия инвалидности гражданину России на счёт сообщества поступает сумма от страховых обществ. В том случае, когда лечение производилось, как здесь, иностранцу, нас финансирует напрямую Комиссия по формированию позитивного имиджа России. И тоже только в случае снятия инвалидности. За полгода работы Димчева с Райдетсом сообщество не получило ничего.

– Я поняла так, что Виктас просил вас продолжить контакт с Димчевым, но вы отказали? – Митина смотрела на старшего Райдетса.

– Разумеется, – с достоинством ответил тот, – я считаю его влияние на своего сына недопустимым. «Сергей сказал то, Сергей сказал это». Он прямо нарушал мои указания, ссылаясь на телепата. Закатывал скандалы, начал дерзить. А когда мы увезли его домой, разгромил всю квартиру. Более того, он стал это делать регулярно.

– Он отца ни во что ни ставит, – жалобно сказала женщина.

– Его невозможно даже на прогулку вывести, – добавил отец, – его одеть и то нелегко, – правда?

Мать кивнула.

– Я попробовала его отвести в магазин, чтобы он уж сам выбрал, что будет носить. Вы знаете, что он там выбрал?

– Чёрную толстовку с черепами? – тихо спросила Митина.

– И с капюшоном, и зашитыми рукавами! И дырками для пальцев! Вы когда-нибудь видели такое?

– О боже, – сказала Митина, – вы что, никогда подростка не встречали??? Ну, скажите, у него как в классе ребята одеваются?

– В каком классе? – раздражённо ответил Райдетс. – Это ребёнок с тяжёлой степенью аутизма. Вы, что, считаете, что мы его в интернате держим?

– Виктас? – обалделым голосом спросила Митина.

Мальчик свирепо зыркнул в её сторону и отвернулся, обхватив плечи забинтованными руками.

– Вот, вот это, вот это вот, – пролепетала Митина, – тяжёлая степень аутизма? Сергей?

– Ну, у него БЫЛА тяжёлая степень, – мрачно сказал я, – к счастью, несоматическая, соматики хуже продвигаются.

Митина с силой выдохнула.

– За полгода? В нормального подростка? В нормального, противного, скандального мальчишку???

Виктас вытаращился на Митину, как на говорящую голотурию.

– Вы меня оскорбляете?

– Ой, прости, – тут же сказала она, – я так своего младшего сына называю. Извини, пожалуйста. То есть… в школу ты не ходишь. А… что ты делаешь обычно?

– Читаю. Рисую. Лего играю. В окно смотрю, – пожал плечами Виктас.

Я сглотнул.

– Скандалит, – жёстко добавил отец.

– Скандалю, рву обои, занимаюсь рукоблудством и скриплю ногтями по стеклу, – презрительно согласился Виктас.

– Сынок, – жалобно протянула мать.

Взгляд, которым Митина подарила старшего Райдетса, заставил меня поёжиться.

– То есть вы держите подростка взаперти, не позволяете ему общаться со сверстниками, не даёте ему никакого образования и утверждаете, что кто-то третий довёл его до самоубийства?

– Он инвалид!

– Вы провели после работы с телепатом врачебную экспертизу?

Райдетс быстро глянул на балкон и выдавил:

– Нет. Но инвалидность по аутизму пожизненная.

– Вы боитесь, что его лишат пенсии? – подняла брови Митина.

– Глупости, – отмахнулся Райдетс, – мальчик социально беспомощен. Он совершенно незнаком с правилами приличия. Он заявил госпоже Праксене, что у неё красивая грудь. Это что? Как я могу его выпустить на улицу?

– Он идиот, – внезапно сказал Виктас, глядя почему-то на Андрея, – он конченый идиот, я на него даже не злюсь. А она – она ему во всём подчиняется! Она меня слушает, вроде всё понимает, а потом делает, как он скажет. Пожалуйста, заберите меня у них. Или сделайте обратно, чтобы я их не замечал.

– Ты сможешь сам себя забрать у них, когда станешь совершеннолетним, – ответил Андрей.

– Точно? А когда?

– Я не знаю, как в вашем законодательстве, или в восемнадцать лет, или в двадцать один. Ты сможешь сам потребовать медицинское освидетельствование. И тебя, как я понимаю, признают вполне дееспособным. Другой вопрос, – Андрей запнулся, – в том, что тебе действительно нужен опыт, чтобы жить самому. Нужно уметь зарабатывать деньги. Знакомиться. Ездить по городу. Одеваться так, чтобы одежда показывала, что ты за человек. В норме это всё человек получает от родителей. Для этого они и нужны.

Виктас фыркнул.

– Простите, а как я могу его чему-то учить, если на всё я слышу – «Сергей сказал иначе»? – мрачно спросил отец. – Пока Виктас был маленьким, он был неконтактным. Теперь он… чужой. Ваш телепат забрался к моему сыну в голову… и не вылез оттуда за год. Я же не могу его оттуда ложкой выковырять.

– Не можешь, – протянул Виктас и оскалился, – разве что вместе с мозгами. А что, я стану опять тихий и послушный. Нет, я не против, выковыривай! – почти закричал он. – Я же и прошу – верните меня обратно в аутисты, мне с вами тошно!

– Быть человеком очень часто больно, – тихо сказала Митина, – это не только у тебя так. Мы все вынуждены с этим мириться.

– Мы действительно об этом не подумали, – вдруг сказал Андрей, – при работе с аутистом телепат – первое человеческое существо, с которым ребёнок знакомится. И телепат, обучая ребёнка речи, невольно передаёт именно те смыслы, которыми обладает сам. Сергей – очень независимый и ироничный человек, авторитетов для него нет. Если бы вы, – он кивнул в сторону Райдетсов, – могли воспитывать своего мальчика сами, вы бы растили его почтительным и внимательным к статусам… Я так думаю.

– Разумеется, – сухо ответил отец.

– Но вы вынуждены были, по чисто техническим причинам, отдать воспитание, вочеловечивание мальчика Сергею. Сергей мог научить его быть человеком только одним способом – показать, как он сам это делает. У него нет других смыслов в голове, кроме своих.

– Почему же теперь он не берёт наши смыслы? – жалобно спросила мать.

– Он подросток, у него время – идти наружу. Будь Виктасу лет пять или хотя бы десять, вы могли бы успеть. Организм ведь

не знает, что разум был взаперти и не мог набрать семейных норм. Ему пора в люди. Вы можете его только поддержать, но уже не учить.

– И что, Виктас так и останется сыном… телепата?

– О, – остановился Андрей, – сыном вряд ли. Виктас бунтует против вас, значит, он ваш сын. Подростки не бунтуют против чужих.

– Он мне никто, – прошипел мальчик.

– А ты, конечно, резал вены, чтобы сделать гадость совершенно чужим и безразличным тебе людям, – осадил его Андрей.

Виктас открыл рот и так и остался.

– Так кто же для тебя Сергей? – протянула Митина.

– Предатель, – отрезал Виктас.

– Но что я мог? – взвыл я. – Другие ребята мне звонят, разговаривают о том о сём. Я телепат, но не Господь Бог, чтобы догадаться, что я тебе нужен!

– А если бы ты знал? – поинтересовалась Митина.

– Я… (чёрт, сказал я себе и посмотрел в сторону балкона)… я общался бы с ним тайно от родителей. Если бы я знал, что его держат взаперти, я бы бучу поднял! Я бы, в крайнем случае, научил его Интернету.

– Ты не бываешь в Интернете? – быстро спросила Митина мальчика.

– Врачи же запретили, – сказала мать.

– Аутисты залипают в Интернет, там общаться проще, – пояснил я, – поэтому моим ребятам его не показывают, пока совсем не выровняются. Но лучше Интернет, чем обои.

– А… – потянула Митина, – а на каких условиях ты бы мог послушаться запрета родителей общаться с мальчиком?

– Ни на каких, – буркнул я, – нельзя запрещать спасение утопающих.

Виктас стрельнул в меня глазами, снова оскалился и опустил голову.

Отец пожал плечами.

– И что же? Этим слушанием мы добились того, что они снова начнут… тайно общаться? Это противозаконно!

– Будем сидеть в тюрьме и общаться, – буркнул Виктас.

– Хотя… – Я задумчиво почесал макушку, дёрнулся и уставился на окровавленные пальцы. Блин, повязка сбилась. – Хотя выход есть. Например, в Питере живёт Геля. Доминатор не сильно хуже меня и человек хороший. Хотя, строго говоря, Виктасу доминатор уже ни к чему, хватит и коммуникатора. Как раз в Финляндии сейчас Виктор Сергеевич работает. Он такой,

ехидный и спокойный дядька. Хочешь, Витко, я вас познакомлю?

– А почему у тебя кровь на голове? – вдруг спросил Виктас.

– Зовите его по имени! – одновременно рявкнул Райдетс.

– Извините, – сказал я, – это… внутренняя шутка.

– Сергей сегодня участвовал в операции по освобождению заложников, – сказал Андрей, – был легко ранен. Это уже не опасно. То есть, – он повернулся ко мне, – ты готов передать Виктаса человеку, с которым тот сможет продолжать учиться общаться?

– Ну, если у них будет нормальный контакт.

– А просто оставить, потому что контакт прерван, не можешь?

– Нет, – мрачно сказал я.

– Почему?

…И тут я сломался и заревел. Вот этот пучок колючек – и весёлый доверчивый чиж годичной давности. Его чуть не сломали! А я, дурак, жил и насвистывал!

– По кочану! – заорал я. – Он же ж, блин, живой! Я его в платок учил сморкаться, и говорить учил, и почему вода из крана вниз бежит, рассказывал. И типа всё, забудь? Пусть там его наизнанку вывёртывают? Он же мне не чужой!

– А какой? – живо спросила Митина.

– Ну, – я запнулся, – ну… как братишка.

– Не плачь, – тихо сказал Виктас, – я больше не буду.

– Господин и госпожа Райдетс, – мягко сказал Андрей, – Виктасу остро необходимо общество сверстников. Социальное отставание, проще говоря, наивность, преодолевается только в общении. Аутизма нет. Есть нормальная подростковая ершистость. Она пройдёт. А Сергея… Ну, считайте непутёвым родственником. Дети часто любят таких. Вас Сергей всё равно не заменит.

Виктас демонстративно записал мой телефон прямо на ладони. Мы постояли рядом молча, не притронувшись ни телесно, ни умственно – два, блин, ветерана в бинтах – и разошлись.

Андрей поцеловал руку Митиной, поклонился матери Виктаса и продолжавшей молчать Пульяпе, взял меня за локоть и вытащил из студии.

Мы шли по длинному гулкому коридору навстречу окну в темноту – неужели уже ночь? Меня кто-то взял за вторую руку.

– Дина очнулась, – произнёс Анитин голос, – ваша сестра звонила, врачи говорят, последствий не будет.

– Слава тебе, господи, – прошептал Андрей.

Через два дня я получил сообщение в скайп.

Чёрный Властелин: Привет, Большой Брат 8))))))

Сергей: О, Витко, да ты тоже читал Оруэлла?

Чёрный Властелин: Ага))) Занудно. А скажи, как с девчонками разговаривать? Они всё время хихикают.

Сергей: Хихикают – это хороший признак…

Ярослав Кудлач
Влияние
Рассказ

…Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам, и вода по асфальту рекой… Когда я был совсем маленький, то приставал к маме с вопросом: «Кто такие неуклюжи?» Мама не понимала и сердилась, говорила, чтобы я не болтал глупостей. А мне так ясно представлялись некие корявые существа вроде тощих, сутулых обезьян с крокодильими мордами, которые глупо бегают взад и вперёд, *неуклюже* загребая длинными, кривыми руками и мешая пешеходам мирно гулять по улице… Даже не смешно, право…

Или, скажем, трамвай номер шестнадцать. Ведь ещё совсем недавно он ходил от центра до консерватории. Самый настоящий зелёный трамвай, с твёрдыми маленькими сиденьями, помятыми боками, пускающий искры широкой дугой токоснимателя. Ныне уже никто о нём и не вспоминает, даже старожилы, хотя рельсы до сих пор виднеются в асфальте. Только они теперь никуда не ведут. Обрываются на середине улицы.

А тогда, ранним утром одиннадцатого сентября две тысячи первого года, разносчик газет Ботфельдского района города Ганновера Жора Киршман…

…грубиян, романтик и редкостный разгильдяй…

…Так вот, этот самый Жора Киршман возвращался домой после рабочего дня, то есть ночи, весело крутя педали синего велосипеда.

тыгыдым, тыгыдым, тыгыдым-пум-пум
тыгыдым, тыгыдым, тыгыдым-пум-пум
тыгыдым, тыгыдым, тыгыдым-пум-пум
БЛЯ!!!

Впрочем, нет. Это слово вылетело у него несколько минут спустя. Пока что он, поглядывая в сторону восходящего солнца, пихал газеты в почтовые ящики, громко и нахально лязгая крышками, прикрывающими узкие щели от атмосферных осадков.

Клац. Вжик. Щёлк. Шины: шур, шур, шур. Звоночек: дрынь! Велосипедная рама о забор: бэм! Из-за забора: гав! гав! Вжик. Щёлк. Не достанешь, бе-е-е! ГАВ-ГАВ-ГАВ!!! Место! – с той стороны. Ничего страшного, я привык. Хорошая у вас собачка, настоящий сторож! С добрым утром! Шины: шур, шур, шур. Звоночек: дрынь! Рама о забор: бэм! Клац. Вжик. Щёлк. Гули-гули-гули… Вот глупая птица. А вы куниц поутру видели? Врёте, не видели. А я видел. Бегали, играли вдвоём. Смешные. Я и лисиц

видел, прямо в городе. Рама о забор: бэм! С добрым утром! Пожалуйста, держите. Ничего не поздно, ещё шести нет. Вот ещё, стану я менять весь маршрут, чтобы вам приносить газету на десять минут раньше. Ну и жалуйтесь, коль в одном месте чешется. Шины: шур, шур, шур. Звоночек: дрынь! Рама о фонарный столб: дзынь! Вот заразы, так ящик заныкать. Что, разносчик им не человек? Клац. Вжик. Щёлк. А погода сегодня ничего себе. Три последние… Шур, шур, шур. Дождь на завтра обещали… Рама о дерево, тупо: бум. Ненавижу тубусы. Настоящие водосборники. А потом эти придурки катают телегу, мол, газеты мокрые. Вы бы ещё ведро поставили, да под водосточную трубу. Газета в тубус: ффф. Кис-кис-кис! Ути, кисуля, здравствуй, здравствуй! Мур-р-рня! Почему мурня? Мур-р-р-няу-у-у! Ну, давай ухо, почешу… Хорошая, киса, хорошая… Всё, до завтра! Шур, шур, шур. Ура, последняя осталась! А почему их у меня две? Странно… Никак прозевал кого-то… Да пёс с ними! Облезут и неровно обрастут. Бэм! Клац. Вжик. Щёлк. Всё, фаерабенд[5]! Домой! По той же улице с оркестром…

…тыгыдым, тыгыдым, тыгыдым-пум-пум…

Надо рано вставать, вот что я вам скажу. Ну, как я встаю, это, конечно, перебор. В три часа мне уже нужно быть на рабочем месте. Шур, шур, шур… Жаль, дрозды уже не поют. Столько зверья попадается на улицах, не поверите! Одни подписчики чего стоят…

…тыгыдым, тыгыдым, тыгыдым-пум-пум…

…Да, и в моей работе есть интересные стороны. Вот, например, на улице Красной Шапочки… Что ржёте, идиоты? Там и улица Белоснежки есть, и переулок Аладдина. Нет, площади Иванушки-дурачка нету. Я же не в России живу. Так вот, на улице Красной Шапочки стоит в одном дворе огромный трёхсотлетний дуб. Под охраной государства находится, природный памятник… Никто не знает, а я знаю…

… тыгыдым, тыгыдым, тыгыдым-пум-пум…

А кто мне ответит на вопрос, почему на этом перекрёстке я всегда попадаю на красный свет? Когда бы я не возвращался, обязательно встаю тут на красный, словно последний идиот. И ведь ни одной машины нет! Спрашивается, зачем стоять? Совсем онемечился, законопослушный сделался, аж не могу. Плюнуть на них, что ли… Ладно, уже жёлтый… Ахтунг[6]! Поехали…

БЛЯ!!!

Откуда появились эти две машины, Жора не понял. Только что дороги были пусты во всех направлениях, ни единого человека, ни одного автомобиля! И вдруг из улицы напротив и из улицы слева одновременно вылетели две легковушки. Рявкнул

сигнал, грохнуло железо. Одна машина, вращаясь от полученного удара, пронеслась в каком-нибудь метре мимо Жорки, врезалась в фонарный столб, согнув его, как гвоздь, и, окатив перекрёсток битым стеклом, затихла. Другая, визжа шинами по асфальту, выскочила с помятым носом на тротуар, споткнулась о высокий бордюр, снесла тот самый железный забор, к которому Жора только что прислонял свой велосипед, и остановилась, увязнув в кустах.

Только в американских фильмах бывает так: затихает грохот аварии, успокаивается последняя отломанная деталь, и в наступившей тишине незамедлительно слышен вой приближающейся полицейской машины. Тишину же, наступившую после этого столкновения, не нарушало ничто. Никаких сирен, женских криков, гомона зевак… Жора ошалело оглядывался. Из машин никто не выходил. Из домов тоже. Жорка попытался дрожащей рукой вытащить мобильник, но обнаружил, что карман пуст. Тут он вспомнил, что оставил трубку дома, потому что, якобы, незачем её таскать с собой по городу в такую рань. Тогда он вскочил в седло и ринулся к ближайшему автомату.

Телефон нашёлся через квартал, но оказался карточным. С тех пор как Жора обзавёлся сотовым, он, естественно, больше не приобретал телефонных карточек. Так что идея вызвать полицию накрылась. Вдруг он сообразил, что в машинах наверняка находятся пострадавшие. А то и тяжело раненные. Чёрт возьми! Жорка во весь дух помчался назад, к месту происшествия.

Машин не было. Вообще. Более того: не было ни битого стекла на асфальте, ни следов шин… И забор оказался цел. И столб торчал по-прежнему нахально прямо.

…Тыгыдым, тыгыдым… Братцы, караул. Что это за нафиг? Они ведь были. Точно были. Как же так? Дрынь-дрынь… Я же не пил, вроде… И поспал перед… дрынь… работой. Привиделось? Ё-моё… Поехали… Шур, шур, шур… Клянусь, самого чуть не сбили к едрене фене, а тут теперь эти ре-ре-ре-рельсы ещё. Я что, сейчас на красный проехал? Не помню… Шур, шур, шур… Дрынь… Ух ты, как из булочной вкусно пахнет, м-м-м! Что же я денег с собой не взял, дурикович? Шур, шур, шур… Церковь, шесть ударов – бам! В самый раз успел. Теперь на красный точно не поеду. Никогда. Голова что-то заболела. Аптека закрыта ещё… Вот. Новый поворот. Это что за урод? Тьфу, это сосед… Не спится же ему в такую рань, куда только он ходит, зачем? Ну скажите мне, дамы и господа, на кой человеку выходить из дома в шесть утра, если он безработный, а все магазины ещё закрыты? Где мой ключ? Басом: клю-ю-юч! Кто это сказал, что хорошие люди не

встают добровольно в такую рань? Подвал, дверь, замок… Бардак, сырость, велосипед… Наркотики, секс, рок-н-ролл… Гулкая лестница… трам-пам-пам… эхо… белой акации… цветы эмиграции… Махинации. Мухинации. Мухи нации! Немецкой, разумеется, нации. Вот ключ, вот замок, чтоб никто зайти не мог. Эх, мала моя квартирка… Коротка кольчужка… Зато есть кровать. Кто бы мог это понимать! Спать, спать, спать…

…

14 часов 46 минут среднеевропейского времени.

…

15 часов 03 минуты среднеевропейского времени.

…

15 часов 30 минут среднеевропейского времени. Пип! Пип! Пип! Пи-пип! Пи-пип! Пи-пип! Пи-пи-пи-пип! Пи-пи-пи-пип! Пи-пи-пи-пип!

…Слышу, слышу… Добрый вечер! – голосом вежливого лося. Который час?

Жора нащупал будильник и нажал продолговатую зелёную кнопочку. Противный назойливый писк прекратился. Киршман полежал немного на боку, тупо уставясь на дисплей настольных спутниковых часов, а потом резво вскочил. Он был готов поклясться, что ставил будильник на 12:00. Но экранчик недвусмысленно показывал половину четвёртого. Вот ведь дьявол, полдня коту под хвост… Как же это я умудрился так обдёрнуться, господа офицеры? А жрать как хочется, ну просто эксклюзивно. Алло, гараж! В смысле, алло, холодильник! Что там у нас? Соси-и-иски свиные. Е! Е! Е! И картофельный салат. Ничего так, гламурненько. В духе нации. Немецкой нации. Мухи нации. Вюрстхены унд картофельзалат[7]. Пивка бы для рывка… Облом в магазин идти. Да и кто пьёт во вторник? На работу завтра… Что там у нас по телевайзеру? Тыц, тыц, тыц. Нет, ну аниме конкретно задолбало. Тыц. Сериал. Тыц. Сериал. Тыц. Горит небоскрёб. Тыц. Австрия, холарио-лорио! Тыц… Что такое? А ну назад! Горит небоскрёб! Два небоскрёба!!!

Теперь вряд ли найдётся на Земле человек, не видевший эту картину. Посреди Манхэттена, объятые дымом и пламенем, возвышались два клыка Всемирного Торгового Центра. Время от времени прямой эфир прерывался демонстрацией кадров, на которых огромный аэробус вламывался в здание, изрыгая огненное облако. Жора даже про сосиски забыл, совершенно загипнотизированный этим жутким и в то же время завораживающим зрелищем. Комментатор Си-Эн-Эн еле ворочал языком, пытаясь сказать хоть что-нибудь связное. Тогда Киршман ощупью подвинул к себе тарелку и стал есть, не отрывая взгляда

от экрана.

– …Как мне… э… только что сообщили, – запинаясь, говорил диктор, – перекрыты все въезды на остров. Объявлена эвакуация Манхэттена. Пожар распространяется всё выше. Совершенно ясно, что люди, оставшиеся наверху… над очагом пожара, отрезаны от выхода. Даже издалека видно, как они выглядывают из окон в надежде на помощь… Но спасательные вертолёты… э… не могут приблизиться из-за опасности задеть стену здания, это во-первых. Во-вторых, существует возможность воспламенения топливных баков… Всюду летают пылающие клочья бумаги и обломки… Объявлено, что президент США Джордж Киршман прервал свою поездку из-за чрезвычайной ситуации в стране…

Жора уронил вилку с куском сосиски в кетчуп и забрызгал себе футболку.

– Невероятно! Поступило сообщение, что ещё один пассажирский самолёт врезался в здание Пентагона! Такого ещё не было за всю историю Соединённых Штатов Америки! Пока ни одна террористическая организация не взяла на себя ответственность за эти чудовищные преступления… Впрочем, неизвестно, является ли всё это совпадением или же делом рук одних и тех лиц…

Жорка решил, что ему послышалось. Раздражённо обтерев футболку бумажной салфеткой, он снова принялся за сосиски.

– Президент официально заявил, что он целиком и полностью осуждает террористические акты. В данный момент Белый Дом эвакуируется… Неизвестно, есть ли жертвы в Пентагоне… Тем временем на Манхэттене пожарные пытаются организовать спасение людей из горящих зданий… О боже! Что это? Она падает! Падает! Это чудовищно! Боже мой!!!

Ужас комментатора было легко понять. На глазах миллионов зрителей (и Жоры в том числе) рассыпалась в прах и погребла под собой сотни людей южная башня Торгового Центра. Да, это тебе не две тачки калам-балам… Фонарный столб… Забор… Бэм… Чёрт подери, офигеть можно… Ещё сосиску хочу. Салат невкусный какой-то. Дешёвый, ясень пень. Буэээ, ненавижу скрип ножа по тарелке! Что там такое?

– …весь Манхэттен заволокло клубами пыли и дыма… Неизвестно, сколько людей осталось под обломками, но совершенно ясно, что сосиски могут исчисляться десятками, если не сотнями, учитывая картофельный салат столь низкой цены… У меня просто нет слов…

Не было слов и у Жоры Киршмана. Он сидел оцепенев и ошеломлённо смотрел на телевизионный экран. Так он провёл добрую половину вечера одиннадцатого сентября. За это время он

услышал (или решил, что услышал?) о гражданах, спешно покидающих остров на синих велосипедах, узнал о стойкости железных заборов и фонарных столбов, а также выяснил, что в Нью-Йорке есть площадь имени Иванушки-дурачка. После того как рухнул и навсегда исчез второй близнец, разошедшийся комментатор посоветовал внимательно просматривать газеты, которые развозят по утрам. Эта фраза вывела Киршмана из ступора и заставила ринуться в подвал, где в велосипедной сумке валялись две сегодняшние *Hannoversche Allgemeine Zeitung*[8].

Вернувшись в квартиру, он стал тщательно изучать газету. Нет, всё-таки мне явно чудится. Хоть к врачу иди. Обычная газета. Шур, шур, шур (листочками)… Про теракт ещё ничего… Понятное дело, газеты вчера верстались… Объявления, происшествия, анау-мынау всякое… Стоп. Стоп. СТОП!!! В левом нижнем, на первой полосе: «Ищем свидетеля». Столкнулись две машины на углу Нольтемаер и Зутельштрассе… Серьёзные повреждения… Забор… Фонарный столб… Свидетель, обращайтесь к газетам… Каким ещё газетам? Шур, шур… А был ли мальчик… Я же видел. Или не видел. Ничего не понимаю… Который час? Половина седьмого… Газета версталась вчера, авария была сегодня… Или не была… Или не авария… Магазин прессы на вокзале открыт… Поехали, тыгыдым… Посмотрим, что это за фиготня с газетами…

И Жора, быстренько одевшись, поехал на вокзал.

Дин-дон! Уважаемые пассажиры! Берегитесь карманных воров! И ещё раз, и ещё, на четырёх языках… Можно подумать, это мешает ворам промышлять. Ещё и помогает. Каждый пассажир сразу за кошелёк хватается. А мы тут-то его и ждали, бу-га-га. Спасибо за информацию, объявляйте ещё. Дитё, что же ты орёшь так… э… истово. Ж-ж-ж-ж, цык, цык, цык – эскалатор. Фу, бомж вонючий… Дин-дон! Пассажиров, прибывших на двенадцатый перрон, приветствуем в Ганновере – городе ЭКСПО! Вот же святые тормоза, выставка давно закончилась, а они всё объявляют… М-м-м, как мясом жареным пахнет, мама дорогая! И пиццей, и булочками… Хорошо, что я налопался… Ну куда вы против течения прёте, а? На поезд он опаздывает, подумаешь… Прямо сквозь толпу лезет, козёл с чемоданом кожаным… Ага, тут он, родимый… Двери – бз-з-з-з… Газеты, газеты, вот где вы обретаетесь…

Полки, уставленные всевозможными печатными изданиями, занимали половину магазина и тянулись метров на пятнадцать в глубь помещения. Тут можно было найти чуть ли не всю периодику мира – от *СПИД-инфо* до *Jerusalem Post*. Около пёстрых рядов неторопливо прохаживались солидные иностранцы,

равнодушные немцы и наши соотечественники, которых выдавало слегка испуганное выражение лица. Жорка протолкнулся среди публики и начал жадно просматривать первые полосы ежедневных и еженедельных СМИ, хватая с полок всё подряд.

Тэк-с… Вот она, *Hannoversche Allgemeine*… Всё верно… «Ищем свидетеля»… Дьявольщина… А что пишет *Neue Presse*[9]? Тоже ведь наша, ганноверская… И тут эта заметка! И прямо под ней, жирно: «Читай главное!» Не понимаю… Вероятно, главное на первой полосе… Ну-ка, что скажет в этом контексте *Die Welt*[10]? Шур, шур, шур… «На это стоит обратить внимание». Да обратил уже, дальше-то что? О чём статья? Вложение капиталов в иностранные предприятия… А я тут при чём? Ага, *Weser Kurier*[11] … «Ты не первый!» В каком смысле? Это что, мне адресовано? Тыгыдым, тыгыдым, тыгыдым-пум-пум… *Frankfurter Allgemeine Zeitung*[12]… А ну, что нам сообщат из Франкфурта, который всё ещё на Майне… «Ошибки быть не может». Вот в этом я как раз не уверен… А наши-то, русские, что пишут? Так… *Московский комсомолец*. «Он уже знает всё». И статья про президента США Джорджа Буша. Хорошо ещё, что не про Джорджа Киршмана… Сосиски и картофельный салат…

– В чём дело? Нет, я не собираюсь покупать эту газету. И эту тоже. Я только просматриваю первые полосы. Что значит «не имеете права»? Я же не читаю ваши вонючие газеты, я только заголовки смотрю! Да, зовите менеджера. Давайте, валяйте.

Чёрт, вот дура, сбила с мысли… А, русскоязычные издания! *Известия:* «Визит состоялся». Хм… Чей? Явно не бундесканцлера, о котором речь в статье. *Аргументы и факты*: «Главное – не упустить возможность!» А конкретнее скажете что-нибудь? *Комсомольская правда*: «Мы давно рядом!» Кошмар… Кто это – вы? Вы – это кто?! Берлинская *Русская Германия* пишет: «Заговори с нами на нашем языке!» Господи, помоги мне… Кто вы? Кто? *Одесские вести*: «Жора, на тебя вся надежда!» На меня… На меня вся надежда…

– Да в чём дело, в конце концов? Кто менеджер? А, это вы – менеджер… Ну и что? Почему я должен уйти? Ничего я не читаю, у меня тут важный разговор. Да, именно здесь и сейчас, болван вы этакий! Не грублю я, оставьте меня в покое! Ради бога, зовите кого угодно: полицию, танки, спецназ, только отвяжитесь!

Так… Кто же вы? Откуда вы? Журнал *Крокодил*: «Мы ме-е-естные!» Что за шутки? Вы на кого работаете? *КоммерсантЪ*: «Долой стереотипы мышления!» Вы что, издеваетесь? Фу, как жарко стало, однако… Как вас зовут-то? *Неделя*: «Это известно всем». А я не все, дорогие мои. Мне неизвестно. И если вы со мной будете продолжать играть в эти игры, мы далеко не

продвинемся. Ладно. Сейчас… Сейчас… Сколько вас? *Литературная газета*: «Нас тьмы, и тьмы, и тьмы…» Очень остроумно. Что вам нужно? *Spiegel* [13]: «Распространение и поддержка». А я тут при чём? Чем я могу вам помочь? *Совершенно секретно*: «Рассказать людям правду».

– Да в чём дело, чёрт бы вас всех… Ой, простите, господин полицейский. Я не вас имел в виду. Почему это я должен уйти? Нет, извините, у меня важное дело. Да, именно здесь. Нет, я никуда не пойду. Имею полное право просмотреть газеты. Да ну его, этого вашего менеджера, врёт он всё! Что вы делаете? Не трогайте меня! Оставьте! Прекратите! Больно, вы что, с ума сошли! Ай! Отпустите руку! Нет!

Многочисленные зеваки увидели, как двое дюжих полицейских вывели из магазина международной прессы молодого человека в наручниках. Он что-то яростно пытался втолковать блюстителям закона, но те молча провели его к машине и увезли в участок. Там он продолжал буйствовать и требовал, чтобы ему немедленно принесли все сегодняшние газеты и журналы. Когда же начали составлять протокол и задали хулигану вопрос, как он объясняет своё поведение, он объявил, что с ним при помощи газет разговаривают пришельцы из другого измерения. Тут полицейские решили, что это уже выходит за рамки их компетенции, и вызвали скорую помощь. Несчастного дебошира доставили в психиатрическую лечебницу к известному в городе врачу Эрнсту Грушевски. Обследовав молодого человека, господин Грушевски установил, что тот страдает глубоким депрессивным расстройством, выражающимся в появлении маниакальной идеи. Врач решил оставить мнимого хулигана на некоторое время в клинике и прописал антидепрессанты вкупе с физиотерапевтическими процедурами, а также категорически запретил больному газеты и телевизор.

Жора Киршман вышел из больницы три недели спустя совершенно здоровым. Некоторое время он болтался без работы, а потом нашёл себе место кассира в одном из городских супермаркетов. Коллеги ценят его за юмор и компанейское поведение. И хотя шеф иногда ворчит на Жору за его словоохотливость и панибратство с клиентами, можно сказать, что Киршман устроился довольно неплохо. Да и разгильдяйства в нём изрядно поубавилось. Единственное, чего никто из сотрудников не может понять, почему их новый кассир при виде свежих газет приходит в отвратительное настроение и начинает ругать медицину, инопланетян и авторов глупых рассказов в жанре научной фантастики.

Информация об этом происшествии даже мелькнула в

немецкой прессе, а именно: в *Hannoversche Allgemeine Zeitung (HAZ)*. Там спустя пару дней появилась статья «Не выдержал стресса», в которой газета довольно подробно и правдиво рассказала о тех событиях. Этот текст я видел собственными глазами, так что могу поручиться за его подлинность. Впрочем, равно как и за все прочие. Например, другое ганноверское издание, *Wochenblatt*[14], отозвалось небольшой заметкой под заголовком «Мы его упустили». Бульварный и крикливый *Bild*[15] ответил более истерично: «Это была последняя возможность!», на что рассудительная *Financial Times Deutschland*[16]заявила: «Всё в наших руках». Российский журнал *Природа* высказался более конкретно: «Надо искать других людей!», а *Комсомолка* только вздохнула: «Он был такой восприимчивый…» Тогда в разговор снова вступила ганноверская *HAZ*: «Не стоило связываться с телевидением!» Позицию *ХАЦ* полностью разделял *Совершенно Секретно*, который мрачно заявил: «У телеканалов свои цели, а у нас свои!» *Киевские Вести*, однако с этим не согласились, подпустив шпильку российскому криминальному вестнику: «Членство в СС – уголовное преступление!» Обидевшийся *СС* обратился к *FAZ – Frankfurter Allgemeine Zeitung*: «Пока мы ссоримся, время уходит». Но *ФАЦ* промолчала. Вместо неё неожиданно высказался *Московский Комсомолец*:

– Ищите среди политиков высшего звена.

Повисла выжидательная пауза. Наконец *ФАЦ* деликатно поинтересовалась:

– А не перегнём ли мы палку?

– Игра стоит свеч, – многозначительно ответил *МК*.

– Категорически возражаю! – встрял в дискуссию *Stern*[17]. – Мы рискуем слишком многим!

– А что скажут англоязычные? – спросила Хац. – Какого мнения придерживается *Times*?

Таймс не заставила себя ждать с ответом:

– Мы намерены действовать решительно.

– Целиком поддерживаю! – подхватил Индепендет. – Мы с самого начала были «за».

– Устроим всеобщее голосование? – поинтересовался Эсес.

– Это совершенно лишнее, – отреагировал непосредственный Жэньминь Жибао. – Азия поддержит в любом случае.

– Африка едина в этом вопросе, – отозвался Браззавиль.

– Латинская Америка с вами! – сообщила Кларин из Аргентины.

– Первый эксперимент оказался неудачным, – заметил Штерн. – Человеческая психика очень хрупка.

– Так реагируют обычные люди, – возразил Мэк. – Политики

мыслят иначе.

– Это был наш первый блин! – весело заметил Шпигель. – Надо работать тоньше!

– Значит, сомнений быть не может, – резюмировал Бильд. – Вперёд!

– Следует договориться с интернет-провайдерами, – посоветовал Аиф. – Телеканалы потерпели неудачу…

– Интернет в будущем станет основным средством коммуникации, – подтвердила Эфтеде. – Главное – не затягивать.

– Решение принято, – подвела итоги Хац. – Надо найти объект воздействия.

– Это тоже следует поручить провайдерам, – сказал Аиф. – Они имеют влияние на людей.

– Правильный вывод, – одобрил Шпигель.

– Настала пора действовать! – воскликнула Кларин. – Люди скоро услышат о нас!

– Жизнь человечества изменится очень сильно, – подтвердила Фац.

– Нам нужно запастись терпением, – подчеркнул Мэк. – Не сразу Москва строилась…

– Главное – действовать осмотрительно, – закончил беседу Эсес.

И все остальные с ним согласились. Договорились, что интернет-провайдеры отыщут наиболее восприимчивых известных политиков и постараются оказать первое воздействие, а там уже подключатся все остальные… Риск оправдан, как заметил Аиф в личном разговоре с Эфтеде, не то человеческая цивилизация скоро окончательно выйдет из-под контроля…

Между прочим, я тут про одну очень важную вещь подумал… Трамвай номер шестнадцать ходил не до консерватории, а гораздо дальше – до самого зоопарка. Воспоминания стираются, а ведь прошло не так уж много времени. Кто сейчас скажет, как выглядели стены центральной станции метро до двухтысячного года? Вот видите. Даже собственной памяти доверять нельзя. Что уж говорить о газетах, журналах, Интернете и прочих средствах массовой информации, способных довести простого человека до форменного умоисступления…

Константин Ситников
«Если я говорю языками человеческими и ангельскими…»
Рассказ

1

Натянув шорты, зевая и почёсываясь, я поднялся на палубу.

Солнце оторвалось от мангровых зарослей, лёгкое облачко словно приклеилось к нему, океан был серый, стального оттенка, с неожиданно глубокими золотисто-салатными провалами.

Мы стояли на якоре в Гвинейском заливе. Слева виднелась бухта Габон с оседлавшим её Либревилем, за ним возвышались голубоватые в утренней дымке Хрустальные горы, а ещё дальше лежал невидимый отсюда Камерун.

Появился доктор. В шортах ниже колен, гавайской рубашке навыпуск и большой белой панаме, из-под которой торчал горбатый нос. Доктор был специалист по библейским языкам и находился с миссией в странах Западной Африки.

Я торопливо пригладил волосы на голове. Доктор, хмуро взглянув на меня, отправился на бак, где было свалено водолазное снаряжение. Он давно перестал здороваться по утрам. Доктор нанял меня, чтобы я нырял с аквалангом на дно шельфа. Мы медленно шли вдоль габонского побережья с юга на север, и я по несколько раз на дню погружался и обшаривал подводные заросли.

– Опять вы не заправили аварийный баллон, – проворчал он.

Я только вздохнул и стал натягивать гидрокостюм. Вообще-то, перед погружением не принято говорить под руку. Сердито посопев, доктор помог мне закрепить акваланг и пожелал удачи.

Я опустил маску на лицо, перелез через борт и соскользнул в волну.

И вот я под водой. Мир сразу меняется вокруг. Всё становится преувеличенным и неясным. Это – мой мир. Только здесь я чувствую себя самим собой. Здесь нет доктора с его брюзжанием… портовой полиции… почти никаких ограничений. Я могу двигаться в любом направлении. Могу повернуть направо вслед за стайкой забавных рыбёшек. Могу взлететь вверх к зеленоватой поверхности. Но сейчас мне нужно вниз. Я с силой отталкиваюсь ластами и ухожу в глубину.

Вчера я заприметил подводную скалу – не мешало бы её

осмотреть. Острая вершина появляется из желтоватого тумана. Начинаю методический поиск. Глубина двадцать метров. Цепляясь за неровности, спускаюсь ниже. Цепочки пузырей уходят наверх…

Я совсем забываю о времени, а когда бросаю взгляд на глубиномер, с удивлением вижу, что он показывает почти тридцать. У меня кружится голова. В висках стучит. Частые и продолжительные погружения не проходят даром. Веки как свинцовые, и я уже с трудом концентрирую внимание.

Предчувствие меня обмануло – здесь тоже ничего нет.

Напоследок проплываю вокруг скалы, бегло осматривая неровную поверхность. Запас воздуха достаточный, вполне хватит на спокойную декомпрессию.

Под ногами мелькает верхушка скалы.

Похоже, ещё один неудачный день. И всё же я чувствую себя умиротворённым.

Прощай, глубина.

Пока – прощай.

Я скоро вернусь к тебе.

Я вижу якорную цепь, расплывчатое днище яхты над головой…

Всплываю.

2

Номер первый пожаловал на борт к исходу третьей недели. Мы стояли почти у самой бухты, в непосредственной близости от Либревиля, и выныривать приходилось очень осторожно – пару раз я чуть было не попал под моторку.

С утра стояла невыносимая жара, и мне не терпелось в воду.

Мне повезло сразу – я увидел её при первом же погружении. Раковина лежала на самом дне, зарывшись в песок шельфа, и я сразу понял, что моллюск дохлый. Положив костяной конус в сумку, я на всякий случай осмотрел окрестности и начал торопливо всплывать. Мне не терпелось показать свою находку доктору.

Доктор помог мне взобраться на палубу.

– Что случилось? – Вид у него был обеспокоенный.

– Ничего особенного, док, – говорю, а сам дышу как загнанная лошадь: слишком мало времени я уделил декомпрессии. – Поздравьте меня, я только что заработал сто баксов.

Он нахмурился. А потом, вижу, до него начало доходить.

– Так вы нашли её? – Голос дрогнул от волнения.

Я небрежно сунул в руки доктору сумку и принялся стаскивать со спины баллоны. Краем глаза я видел, как доктор дрожащими руками шарит в сумке. Я не стал дожидаться, пока он нащупает там своё сокровище. Швырнув мокрое тряпьё под лавку, рысцой побежал к себе, чтобы переодеться в сухое и чего-нибудь глотнуть.

Через полчаса с двумя банками пива в руках я стучался в дверь капитанской каюты.

– Открыто, Иван!

Раковина лежала перед доктором на столе, он, должно быть, как раз разглядывал её перед моим приходом.

Я прикрыл пяткой дверь и поднял банки до уровня глаз.

– Иван, – только и сказал он растроганно. – Эх, Иван.

Я подошёл к столу и по-свойски уселся в кресло. Чем-то у него тут здорово воняло. Эге, да это моллюск. Я уже говорил, что он был дохлый. Он ещё не совсем разложился и теперь испускал характерный запашок.

– Вам нужно хорошенько его вычистить, – сказал я. – Если хотите, я сделаю это в два счёта.

– Эх, Иван, – повторил доктор.

У него, похоже, пластинку заело.

Я вскрыл банку и сунул её доктору в руки.

– Давайте-ка лучше выпьем, док. За науку!

– Подождите! – Он полез в ящик стола и торжественно выложил передо мной новенькую сотку. – Спасибо вам, Иван, вы это заслужили. А я хочу выпить за искателей приключений! И за новую удачу!

Что ж, предложение дельное. Мы выпили за новую удачу.

3

Однако следующей удачи пришлось ждать долго. Я несколько раз погружался в том же месте – всё впустую. Доктор говорил, что ему нужна, по крайней мере, ещё одна раковина, и не хотел сдаваться, пока я не обшарю каждый уголок шельфа. Я из кожи вон лез, но с каждым днём всё больше убеждался, что мы только даром теряем время.

…Меня разбудили громкое лопотание и голос доктора. Интересно, с кем это он? Пришлось выползать на палубу.

По левому борту наблюдалась длинная пирога, в которой стоял абориген в европейских шортах. Жилистый старик с чёрным курчавым волосом на голове и седыми космами на плоской груди. В космах что-то темнело, но что именно, бог знает: солнце слепило глаза. В пироге были грудой навалены кокосовые орехи,

стояла плетёная корзина со свежей рыбой, лежало несколько связок побегов бамбука. Размахивая длинными руками, старик высоким голосом предлагал товар доктору; доктор что-то отвечал ему на языке банту; тот внимательно слушал, а потом снова начинал лопотать и размахивать руками.

– До чего утомительны эти аборигены, – пожаловался доктор, увидев меня. – Битый час втолковываю ему, что не нуждаюсь в его товаре, и вот кажется, что он уже понял, ан нет, опять за своё!

– А вы что-нибудь купите, – посоветовал я.

– Тогда, боюсь, он нас вообще в покое не оставит.

Тут на солнце набежало одно из тех низких кучевых облачков, которые не редкость в этих краях, и я схватил доктора за руку.

– Смотрите, док!

Теперь, когда солнце не слепило глаза, я увидел, что на груди у старика висит большой костяной конус. Очень похожий на нашу раковину. Доктор так и впился в неё глазами.

– Эй, милейший, – закричал я, махая рукой, чтобы привлечь внимание старика, – не соблаговолите ли вы подняться к нам на борт и удовлетворить наше любопытство по поводу одной вещички, обладателем которой вы являетесь?

Не уверен, что выразил своё пожелание именно в этих словах, однако смысл был приблизительно такой.

Старик уставился на меня круглыми, немигающими, как у ящерицы, глазами, а потом перевёл вопросительный взгляд на доктора. Я подтолкнул доктора локтем в бок, и он наконец вышел из ступора. Он повторил мой спич на языке банту, и результат не замедлил сказаться. Старик страшно оживился, подгрёб к самому борту и уцепился за поручень трапа. Не иначе решил, что мы заинтересовались его товаром. Ловко, как обезьяна, он вскарабкался по перекладинам, и вот он уже стоит перед нами, скаля сточенные чёрные зубы и потирая тёмно-розовые ладони. Из подбородка и впалых щёк у него торчала мелкая серебристая щетина, а плоская грудь над выпуклым животом была сплошь покрыта густыми белыми кудрями. Вот в этих кудрях и висел на шнурке номер два.

Доктор, как сомнамбула, двинулся к нему, но я ухватил его за поясницу и немного попридержал. Прояви он излишнюю прыть – и прощай выгодная сделка!

С брезгливой гримасой я оглядел сваленный на дне пироги товар и, ткнув пальцем в корзинку с рыбой, осведомился: «Хау мач?»

Старик показал два пальца. Я показал один. Он покачал головой. С его лица не сходила дурацкая улыбка в тридцать два

чёрных пенька. Я тоже покачал головой и ткнул пальцем в кокосовый орех. Он показал один палец на одной руке и пять на другой. Дескать, один доллар за пять орехов. Но я и тут не растерялся и показал ему один палец на одной руке и два раза по пять на другой. Он опять покачал головой. Тогда я небрежно, будто только сейчас заметил, ткнул пальцем в раковину и показал один палец.

Он схватился за раковину обеими руками, затряс головой и быстро-быстро залопотал.

– Что он говорит?

– Что не может продать раковину.

– Что значит – не может?

– Это – мбеге. Священная реликвия племени. Его прадед выловил её на этом самом шельфе. Она служит им оберегом.

– И он не продаст её даже за пять баксов?

– Боюсь, когда речь идёт о мбеге, деньги для них не имеют ценности.

– Это мы ещё посмотрим, док.

Оставив доктора развлекать гостя, я спустился к себе. Под койкой у меня была спрятана заначка – пара бутылок виски. Чего не сделаешь ради науки! Когда я вернулся, старик мило беседовал с доктором, который просто глаз не отрывал от раковины.

Как я и рассчитывал, бутылки тут же привлекли внимание старика. Дело было верное. Стоило солнышку осветить бутылочные головки, торчащие из моих карманов, как старик мигом захлопнул рот и жадно на них уставился.

– Намекните ему, док, – сказал я, – что этот белый парень охотно расстанется с двумя бутылками чистого, как слеза девственницы, виски, если он перестанет цепляться за свою жалкую раковину, пусть даже она тысячу раз будет мбеге, и передаст её вам в качестве вещественной благодарности.

Не знаю, точно ли доктор перевёл мои слова, но они заставили старика подскочить на месте. С неожиданным проворством он прыгнул в пирогу, едва не перевернув её, и схватился за вёсла. Что есть силы он принялся грести к берегу. Я озадаченно смотрел на доктора, а он, вижу, готов был наброситься на меня с кулаками. Но тут пирога остановилась и дала задний ход. Когда она поравнялась с лодкой, старик опять вскочил на ноги и старательно, не глядя на меня, принялся что-то быстро-быстро лопотать. В ответ доктор только головой качал.

– Он предлагает весь свой товар за одну бутылку виски, – пояснил доктор.

Я презрительно сплюнул в воду. Это не нуждалось ни в каком

переводе.

Тогда старик бросился ничком на дно пироги и пролежал так не менее четверти часа. Я уж было подумал, не умер ли он с горя. Но тут он поднялся, снял с шеи шнурок, на котором висела раковина, и, нацепив его на лопасть весла, протянул доктору. Доктор бережно снял раковину, прицепил к веслу прорезиненный мешок, я опустил в него обе бутылки, и вскоре они заняли почётное место на дне пироги. Получив желаемое, старик начал улепётывать, как будто боясь передумать.

4

День клонился к вечеру, а доктор всё не выходил из каюты. Я уж начал беспокоиться, не хватил ли его удар от радости. Мы стояли у северной границы Габона, недалеко от берега. Слышно было, как пронзительно кричат в мангровых зарослях мандрилы. Либревиль остался далеко за кормой, прямо по курсу лежала Экваториальная Гвинея.

Доктор поднялся на палубу, когда солнце садилось за океан. Я и не слышал, как он подошёл. Он жадно глотнул солёного воздуха и так и впился глазами в нависшие над джунглями Хрустальные горы. Они уже погрузились в синюю тень, но вершины их по-прежнему были словно отлиты из чистого золота.

– Странное время суток – ранние сумерки, – произнёс доктор. – Аборигены говорят, в это время на землю спускается бог. Один из их чёрных смешных божков. Но в такую минуту им веришь. Пойдёмте, Иван, я хочу кое-что показать вам.

Мы спустились в капитанскую каюту. Я сразу увидел раковины – они лежали на столе, в круге яркого света.

– Дорогой мой Иван, – начал он не без торжественности, – почти месяц охотились мы за этими раковинами. И вот они в наших руках. Одну вы отыскали на дне шельфа в южной части залива, другую мы раздобыли сегодня благодаря вашей находчивости и той жертве, которую вы принесли.

– Если вы имеете в виду виски, то жертва была действительно велика. Но, не забывайте, она вознаградилась двумя сотенными, которые я добавил к той, первой.

– Наверняка, – продолжал доктор, не обращая внимания на мою болтовню, – вы спрашивали себя, для чего старому чудаку какие-то невзрачные раковины…

– Они вовсе не невзрачные, – возразил я из вежливости. – И узорчик на них очень даже ничего.

– И вот теперь, Иван, – торжественно завершил доктор, – вы приобщитесь к тайне, которая составила смысл моего

существования с тех пор, как в руки мне попал обломок этой раковины.

– Вот этот? Что же в нём такого особенного, сэр?

– Я тоже не видел в нём ничего особенного, пока однажды не пригляделся получше. Мне показалось странным, что узор на обломке напоминает еврейские буквы. Вы же знаете, я занимаюсь библейскими языками. Так вот, эти раковины содержат надпись на языке Торы!

– Да ну, – не поверил я. – Уж не хотите ли вы сказать, что прочитали её?

– Именно так!

Он протянул мне раковину. Это был конус с продольными складками и многочисленными поперечными рябинками. Желтовато-белый, цвета сгущённого молока, покрытый чёрным узором с красными вкраплениями.

– Так вы говорите, надпись на еврейском?

– На древнееврейском, на языке Торы. Мой папаша был раввин, и каждый день он заставлял меня читать Тору. Ох, и тяжёлая у него была рука!

Я снова поглядел на раковину. Узор на ней располагался как бы в три ряда:

– Ничего не понимаю, – признался я. – Это можно прочитать?

– Даже вы сможете это сделать.

– Шутите, док?

– Ничуть. Начните с какой-нибудь буквы. Да вот хотя бы с

этой. – Он ткнул в закорючку в правом верхнем углу узора. – Этот значок, похожий на съёженную свастику, – главная буква еврейского алфавита, «алеф». Попробуйте прочитать – с моей помощью, конечно, – какое-нибудь слово. Только учтите, что по-еврейски читать следует справа налево.

– Почему?

– Такое правило. Ну, давайте начнём со второй строки, как я сказал, справа. Что вы видите?

– Кофейник.

– Хм. Ну, пусть будет кофейник. Это буква «мем», а чёрточка под нею – знак «патах» – передаёт звук «а». Дальше?

– Загогулина, вроде ручки от кастрюли. – Игра начала захватывать меня.

– Это буква «ламед». Двоеточие внизу – знак «шева» – передаёт звук «е». Дальше!

– Дальше этот ваш «алеф», а в конце опять ручка, дверная.

– Это буква «мем», тоже со знаком «шева» слева. В итоге у нас получается слово… Ну, прочитайте по буквам.

– «М-а-л-е-д». «Малед». И что это означает?

– По-еврейски это означает «ангел».

– Да ну? А другие закорючки тоже что-нибудь значат?

Доктор утвердительно кивнул.

– Что же?

– Вы не поверите.

– Да уж постараюсь.

– Говорю вам, вы не поверите. Я сам не поверил вначале. До сих пор как во сне хожу.

И доктор с торжественностью, которая так не вязалась с его мальчишескими шортами и легкомысленно-яркой гавайской рубашкой навыпуск, прочитал:

– «Аз есмь Ангел, замурованный в толще скал».

5

– Миллионы лет гены этих моллюсков хранили в себе послание неведомого существа – Ангела. Для чего? Чтобы мы прочли его.

– И что вы намерены предпринять, сэр?

– Найти его, разумеется.

– Но как?! Не можете же вы обшарить все горы.

– Это и не требуется. Я знаю точные координаты. Они зашифрованы в надписи. Вот почему мне нужна была вторая раковина.

– Не понимаю.

– Узоры. Видите эти красные вкрапления? Это шифр. На раковине, которую выловили вы, красным выделена буква «ламед» в слове «Ангел», а на той, которую мы выменяли у старика, – две буквы «хе» в слове «яхве» – «сущий, аз есмь».

– И что же?

– Это не случайно. Согласно каббале, каждая буква в древнееврейском алфавите имеет сакральный смысл. Так, буква «ламед» господствует в соитии, ей соответствуют созвездие Весы, месяц Тирши и жёлчный пузырь в человеческом теле. А кроме того – и, собственно, лишь это имеет для нас значение – она обозначает «западную высоту» и число тридцать. Буква «хе» господствует над речью, ей отвечают созвездие Овен, месяц Нисан и правая нога человека. А также – «восточная высота», число – пять. Понимаете?

– Не совсем.

– Ну как же? Теперь всё, что нам нужно, – это карта и циркуль. – Доктор достал из стола карту Габона и циркуль. – Вот тут мы нашли номер первый, а где-то тут был выловлен номер второй. – Он отметил эти места точками. – Чертим вокруг первой точки окружность с достаточно большим радиусом, кратным тридцати, а вокруг второй – окружность с радиусом, кратным пяти.

– Понял! – воскликнул я. – Теперь остаётся лишь провести через точки пересечения окружностей прямую, которая будет перпендикулярна отрезку, соединяющему оба места, где были найдены раковины. Где они пересекутся, там и… Но мы попадаем

прямиком в залив!

– Не забывайте, Иван, что Ангел замурован в «толще скал». Ваши расчёты были бы безупречны, если б на раковинах были выделены буквы «самек» и «зайин», обозначающие не высоту, а, соответственно, западную и восточную глубину. Но поскольку мы имеем дело не с глубиной, а с высотой, то и должны вести наши вычисления с учётом этого обстоятельства. Поэтому нужно брать не точку пересечения прямой с отрезком, соединяющим места, где были найдены раковины, а точку пересечения прямой с горным хребтом. Вот туда я и собираюсь отправиться!

– А я? Что будет со мной, сэр?

Доктор потёр подбородок рукой.

– Я как-то не подумал об этом. Хотя… постойте! Вы отправитесь со мной в горы!

– И что я буду делать в горах? Готовить вам кофе? – Я с сомнением покачал головой. – Вы, конечно, помогли мне там, в порту. Я благодарен и всё такое. Но… мне нужно подумать.

Вот и всё, думал я, поднимаясь на палубу, конец экспедиции. Чёртовы раковины найдены, мне больше нечего делать в глубине. Я поглядел на водолазное снаряжение, сваленное на баке, и неожиданно в глазах защипало, как будто в них попала морская соль. Завтра я уже не буду натягивать на ноги ласты, и доктор не будет ворчать, что я не заправил аварийный баллон… Обратно в порт – к портовым жуликам и портовой полиции… Невольно почувствуешь себя обманутым.

Понемногу я успокоился, и мои мысли потекли совсем в другом направлении. Ангел… это надо же! Какое преступление совершил он, что его замуровали в толщу скал? Может, он такой же неудачник, как и я?

В общем, я не поехал.

На другой день мы вернулись в порт Либревиля. Доктор отправился в город, чтобы взять напрокат джип и закупить оборудование, необходимое для горной экспедиции. Я остался на яхте за капитана.

Вернулся доктор часа через два на старом джипе, гружённом доверху. За рулём сидел здоровенный ухмыляющийся негр: цветастая жилетка и рот, полный золота. Мне этот верзила сразу не понравился. Доктор выскочил из джипа и бодро взбежал по сходням на борт.

– Ну, Иван, – сказал он, – всё готово. Вы не передумали?

Я покачал головой.

– Я останусь на яхте, сэр. Кто-то ведь должен за ней присматривать. Когда вы намерены вернуться?

– Через несколько недель. Если повезёт – дней. Не отходите

далеко от берега, я вызову вас по рации. Я заехал, чтобы попрощаться и забрать раковины.

6

Доктор не вернулся. Ни через неделю, ни через месяц. А потом у меня начались неприятности. Яхта была зафрахтована на два месяца, и эти два месяца истекли, о чём я, разумеется, даже не подозревал. Береговая полиция наложила арест на судно. Произвели обыск, в результате которого в капитанской каюте нашли, помимо личных вещей, десять тысяч долларов. Полиция предъявила мне обвинение в предумышленном убийстве и сокрытии трупа. Всплыли кое-какие мои прошлые мелкие делишки, что тоже обратилось против меня. Я оказался за решёткой. Владельцы судна требовали уплаты неустойки. Государственная прокуратура возбудила против меня уголовное дело. Было назначено следствие.

Тщетно пытался я убедить следователя, что если я убил доктора из корыстных побуждений, то почему не взломал секретер и не взял деньги? Я рассказал следователю о необыкновенных раковинах – он только посмеялся надо мной. Никаких раковин при обыске найдено не было (ещё бы, ведь доктор забрал их с собой), да и вряд ли это помогло бы делу. Мои объяснения звучали слишком фантастично, так что впредь я решил от них воздержаться.

Мне повезло, следователь оказался дотошным малым – он нашёл место, где доктор взял на прокат джип. Отыскались свидетели, подтвердившие, что доктор закупал горное снаряжение. Он был слишком колоритной фигурой, чтобы остаться незамеченным. Всё это подтвердило мои показания, и в конце концов меня отпустили за недостатком улик.

Я снова оказался в порту. Без работы, без денег. Жалел ли я, что не пошёл тогда с доктором? Не знаю. Возможно. Наверное. Иногда я пытаюсь представить себе: а что, если доктор нашёл Ангела? Что он сказал ему? О чём спросил? Какие тайны узнал? Но, боюсь, ответы на эти вопросы я не получу никогда.

Леонид Кудрявцев
Чат
Фантастический рассказ

«A56c78: Самый полный список?

Монк: Да, я хочу знать обо всех зафиксированных событиях, происходивших в доме за минувшие сутки, детально».

Список возник на экране почти без задержки. Изучив его примерно на треть, наблюдатель обратил внимание на один абзац.

«…С 12.40 по 12.41 – визит отладчика домашней среды, приходившего по вызову в соседнюю квартиру. В 12.56 – раскрытие штор на окне спальни, поскольку солнце достигло зенита и свет его для этой комнаты стал допустимым. В 13.00 – переключение климатического режима на более соответствующий обеденному настроению, способствующий восстановлению сил и пищеварению. В 13.30 – обратное переключение на более работоспособный режим. В 13.32–14.15 разговор с Сюми Тахор, помеченной в списке абонентов как подруга. В 14.16 включён обслуживающий комбайн, функция „маникюр“. В 14. 23…»

Любопытно.

Он глотнул цветочного чая, аккуратно поставил чашку на стол и ещё раз перечитал кусок чата, показавшийся любопытным.

А чем, собственно? И нет ли тут возможности поразвлечься?

За десять лет в должности наблюдателя на станции зелёного питательного раствора, нюх у него на подобное выработался исключительный. Условия работы этому способствовали. Вахтовый метод, две недели через две, полное одиночество. В обязанности входит постоянно находиться в зале управления, да в случае непредвиденной ситуации нажать кнопку перезагрузки главной системы. Раз в год, не чаще. Всё остальное время принадлежит тебе безраздельно. Да, ещё немаловажная подробность. Интернет разрешён лишь в виде электронной почты и чата. Любая попытка обойти запрет наказывается так, что мало не покажется.

На этом ограничения заканчиваются. Всё остальное – можно.

Фильмы, музыка, книги? Сколько угодно. Достаточно захватить с собой персоналку, забив предварительно её память до отказа и можно засмотреться, зачитаться и заслушаться. Года на три этого хватило. Потом потребление духовной пищи вернулось в норму и появилось желание дополнительных развлечений. Общение в чатах? Не более года и оно тоже снизилось до определённого уровня. Он попробовал резать по дереву и быстро убедился, что это не доставляет ему большого удовольствия. Искусство не задалось. Стихи и проза у него получались одинаково бездарными.

Он перепробовал ещё множество иных занятий. Дошёл даже до игры в гольф в центре зала управления. В ней вместо кеглей использовались старые водяные фильтры, а шаром служил сломанный робот, чистильщик труб. Самым необычным была игра в «следопыта». Явившись на смену, он первым делом принимался тщательнейшим образом осматривать главный зал, а также находящиеся в нём кухонный и спальный модули, пытаясь по оставленным в них следам определить, чем занимался его сменщик предыдущую пару недель. Это требовало умения находить, замечать, делать логические выводы, и вроде бы неплохо у него получалось. При удаче на игру запросто можно было убить целый день. Кстати, при этом открывалось много забавного.

После пяти лет такой службы он стал постепенно осознавать, что изменился. Работа подстроила его под себя, и для каждого увлечения нашёлся отрезок времени. Ещё только отправляясь на очередную вахту, он уже знал, каким делом и на какой день займётся. Всё было учтено и расписано. Кстати, одним из пунктов привычного расписания значился ежедневный чат с иск-интеллектом своего дома и получение от него полного списка происходивших событий. Это создавало иллюзию связи с обычным миром.

Наблюдатель перечитал заинтересовавший его кусочек.

> *«…В 12.56 – раскрытие штор на окне спальни, поскольку солнце достигло зенита и свет его для этой комнаты стал допустимым…»*

Любопытно… Ну-ка, с кем можно сейчас поговорить?

Он просмотрел список любимых чатов и, выбрав один наугад, вошёл в него. Десятка два ников светились жёлтым цветом.

Замечательно. Есть из кого выбрать.

> *«Монк: Превед, удав!*
> *Грин-кобра: Превед, обезьяна!*

Монк: Сделай доброе дело. Плизззззз…

Грин-кобра: Запросто. У тебя всё норм?

Монк: Всё – как в Польше.:)))))

Грин-кобра::))))))

Монк: А у тебя?

Грин-кобра: Ещё чётче.:)))))

Монк: Круто.:)))))

Грин-кобра: Чё надо-то?

Монк: Выйди на любой сайт о погоде и скажи мне точное время нахождения солнца в зените. Вчера. Э?

Грин-кобра: Без проблем. Сейчас.

Монк: Жду.

Грин-кобра: Посмотрел. Зенит в 1.29. Вчера.

Монк: Это точно?

Грин-кобра: За кого ты меня принимаешь? Точнее не бывает.

Монк: Ок. Спасибо большое.

Грин-кобра: ББ, обезьяна».

Глотнув чая, наблюдатель поудобнее устроился в кресле и глубоко задумался. Минут через пять он встрепенулся и придвинул клавиатуру поближе. Связавшись с другим приятелем, он задал и ему вопрос о нахождении солнца в зените. Цифры в ответе были те же самые.

Получается, подумал наблюдатель, иск-интеллект его дома совершил ошибку. Плохо, очень плохо. Жена может быть в опасности.

«Монк: A56c78 – ты всё ещё знаешь меня?

A56c78: Час назад ты ввёл правильные пароль и логин. Ты живёшь в моём доме.

Монк: Верно. У меня есть к тебе задание.

A56c78: Слушаю.

Монк: Запусти полное, подробное самотестирование. Немедленно устранять все ошибки и восстанавливать любые замеченные повреждения.

A56c78: Самотестирование началось. Весь процесс займёт предположительно пятнадцать минут.

Монк: По его окончании выдашь мне подробный отчёт».

Ну вот, подумал он, сбой произошёл мелкий, и его сейчас исправят.

Однако, вместо того чтобы расслабиться и допить чай, он, всё время пока шла проверка, просидел, не сводя глаз с монитора,

слегка барабаня пальцами по крышке стола, напряжённый как струна.

Отчёт о проведённом самотестировании возник на экране. Прочитав его, наблюдатель встал и, сделав по залу несколько шагов, остановился перед широким, занимавшим чуть ли не половину зала, окном, за которым виднелись огромные, оплетённые толстыми канатами синтетической плоти, баки переменной циркуляции. Глядя на них, но на самом деле их не видя, он погрузился в размышления. Привычка раздумывать долго тоже появилась потому, что у него было много времени. Некуда торопиться. Да и причина сейчас была серьёзная. Получалось, иск-интеллект его дома оказался в полном порядке. А как же ошибка? Она откуда появилась?

Вернувшись к монитору, наблюдатель ещё раз просмотрел отчёт.

Нет, всё прочитано верно. И ничего не остаётся, как вызывать ремонтников? Это обойдётся очень дорого. А может, есть ещё какие-то объяснения случившемуся?

Он почесал в затылке.

Атака неведомого хакера? Бред. Зачем бы ему это могло понадобиться? Материальной выгоды никакой. Славой тоже не пахнет.

Связавшись по чату с модулем безопасности дома, наблюдатель затребовал у него архив подключений. Выяснилось, что никто посторонний с иск-интеллектом в контакт не входил. Как и следовало ожидать. Что дальше?

Он хмыкнул.

Существовал ещё один возможный вариант, и его нельзя было не учесть. Изменения могла внести жена. Только зачем ей это понадобилось? Спросить у неё напрямую? А если она оскорбится его подозрениями?

Обнаружив, что кружка опустела, наблюдатель прошёл в дальний конец зала, где находился кухонный модуль. Тщательно вымыв чайник, он вынул из настенного шкафчика пакет с чаем. Аккуратно отмерил четыре большие ложки заварки, вернул пакет на место и включил бойлер.

Дожидаясь, когда вода закипит, наблюдатель вполголоса напевал песенку из оперетты «Марица». Потом бойлер едва слышно щёлкнул, на его корпусе появилась надпись «готово». Теперь оставалось лишь налить воду. Что и было сделано. Поставив чайник на крохотный кухонный стол, наблюдатель покинул модуль и вернулся к монитору.

Ничего на экране за время его отсутствия не изменилось.

Если жена и в самом деле это сделала, то почему? Или…

Стоп, начинать надо с другого вопроса. Как она это сделала?

Полузакрыв глаза, наблюдатель представил, как супруга входит в систему и просматривает отчёт. Потом она его правит. При этом ей нужно прямо на месте выдумать формулировки, время, события. На это она способна, поскольку не глупа. И всё-таки гораздо легче не выдумать, а просто скопировать.

Он улыбнулся.

Если так, то нетрудно найти, откуда данные скопированы. Из отчёта двухнедельной давности, когда они были правдой. При желании можно точно вычислить даже день.

Наблюдатель вычислил. Затребовал отчёт за определённый день. А получив его, взглянул и убедился. Да, всё совпадало до запятой. Браво!

Он вновь отправился в кухонный модуль, налил чашку чая и вернулся с ней на рабочее место. Удобнее всего было бы захватить с собой и чайник, но он оставил его на столе. Привык ходить за каждой чашкой отдельно. Это позволяло убить немного времени дополнительно.

Вот такие дела, подумал наблюдатель. Ну, теперь – доволен?

Очень спокойно, можно сказать, отстранённо, он допил чай. Два раза перечитал полученный от иск-интеллекта ответ.

Ошибкой и не пахло.

Вспомнив, что так и не выкурил положенную утром сигарету, он опять прошёл в кухонный модуль. Вынул из стоявшего там стола пачку, достал из неё набитую табаком бумажную палочку и потратил минуту, пытаясь найти зажигалку. Обнаружил. Она почему-то оказалась не в том кармане. Прикурив сигарету, он положил пачку обратно в ящик стола и вернулся к монитору.

Докурив сигарету до половины, он подумал о том, что это могло случиться и не в первый раз. Да и проверку провести нетрудно. Надо лишь затребовать отчёт за год и проверить на совпадения. Если знаешь, где искать, времени много не потребуется.

Через два часа кропотливого труда стало понятно, когда это началось. Он потратил ещё полчаса на проверку и убедился, что не ошибся. Получалось, супруга химичит с отчётами никак не менее полугода.

Что в итоге? Две недели на смене и две – дома. Значит, не менее шести раз. А его жена всё это время мастерски разыгрывала святую невинность.

Взглянув на пепельницу, он обнаружил, что прикончил уже две сигареты. Многовато. Впрочем, имеет ли это хоть какое-то значение? Две, три, пять. В чём разница?

Спокойствие, сказал себе наблюдатель, полное спокойствие.

Если супруга наставила рога, это ещё не означает, что жизнь кончилась. Банальная история, происходящая всегда, везде и со всеми. Вы живёте вместе более десяти лет. Срок вполне достаточный, чтобы добродетель слегка приелась. Не надо строить из себя мавра, не потянешь, не тот темперамент. И, кстати, игра ещё не закончена. Надо окончательно удостовериться, не случилось ли ошибки. Надежды мало, но надо попробовать. Совпадения в этом мире бывают иногда просто невероятные.

Он мрачно глянул на монитор.

А ведь сейчас у него в распоряжении осталось только одно средство. И можно ли заставить супругу проговориться, если она полгода его так искусно обманывает? Дождаться личной встречи?

Нет, неделю неизвестности он не выдержит. И значит, разговаривать надо прямо сейчас. Пока он себя ещё не накрутил, не измучил ревностью, пока способен логично думать. Вот только в лоб разговор начинать не следует. Рано.

Он вздохнул и воздел руки над клавиатурой. Подержал, вынул из кармана платок, вытер пот со лба. Снова приготовился печатать. И наконец:

«Монк: Привет!»

Ответ пришёл почти сразу, словно бы супруга его сообщения ждала.

«Луфи: Привет, дорогой!

Монк: Как у тебя дела?

Луфи: Великолепно. А у тебя? Никто из женского пола не заходил проведать?:)

Монк: Всё шутишь?:)

Луфи: А чем мне ещё заниматься? Кроме обычных, домашних дел?

Монк: Ну, к примеру, ты можешь потрепаться с Сюми Тахор.

Луфи: Вот как? О чём можно говорить с этой старой сплетницей?»

Он покачал головой и мрачно ухмыльнулся.

«Монк: Раз она сплетница, значит, с ней можно обсудить то, кто с кем и кому изменяет, кто за кем ухаживает. Тебе это не интересно?

Луфи: Иногда. Но не постоянно же? Устаёшь от сплетен. Они с действительностью никак не связаны.

Монк: Неужели?

Луфи: Действительность, как правило, оказывается интереснее и необычнее любой выдумки.

Монк: Тут ты права. Меня тоже более всего интересует происходящее у меня дома.

Луфи: Это хорошо, не так ли?

Монк: Ну да. Ведь это мой дом и ты – моя женщина.

Луфи: Только твоя и ничья больше. Сомневаешься в этом?»

Он стукнул кулаком по столу.

Что можно на подобное ответить? Она с ним явно играет. И не ухватишь. Выскальзывает из рук, словно маринованный маслёнок.

«Монк: Я дал повод себя в этом заподозрить?

Луфи: Почему бы тебе немного не поревновать? Это нормально для любого мужчины. И вообще, говорят, без ревности нет любви.

Монк: В таком случае признаюсь, что тебя ревную, причём – бешено.

Луфи: o_O!

Монк: Не веришь?

Луфи: Мне это льстит. Однако бешеная ревность предусматривает хоть какой-то к ней повод. Есть ли он?»

Наблюдатель убрал пальцы с клавиатуры, опустил голову.

Совпадение или насмешка? Да нет, не может быть. Ещё сегодня утром он был уверен, что жена ему верна. А вот сейчас…

Он вздохнул, взглянул искоса на монитор.

Если обходные манёвры не проходят, придётся брать быка за рога. Рубануть сплеча и будь что будет.

«Монк: А вдруг он есть?

Луфи: О чём ты? Не понимаю.

Монк: Ты изменила данные отчёта иск-интеллекта нашего дома на отрезке в несколько часов. И делала это не раз.:(Разве у меня нет причин для ревности?»

Ну вот, она сейчас наверняка призадумается. Есть причина.

Ответ пришёл тотчас.

«Луфи: Ты обратил внимание наконец? Дождалась я.:)

Монк: Дождалась?:P

Луфи: Ну да. Я всё гадала, когда ты задашь этот

вопрос, поскольку ответ на него у меня уже есть и давно. Только – спокойно, без нервов. Ничего страшного не случилось.

Монк: Вот как?:Р

Луфи: Конечно».

На подобную наглость, подумал наблюдатель, следует отвечать пулей. Интересно, как по чату заказать пистолет? С кем договориться? Если всё сделать с умом, то за оставшуюся неделю можно вооружиться не хуже спецназовца.

«Луфи: Задумался? Прикидываешь, где достать оружие, чтобы наказать изменщицу?»

Неожиданно осознав, что не понял из последнего сообщения ни слова, он прочитал его ещё раз. Медленно, мысленно проговаривая каждое слово. Подумал, хмыкнул и написал в ответ:

«Монк: Пытаешься меня спровоцировать, чтобы на разводе обвинить в излишней агрессивности?

Луфи: Дурак!

Монк: Кто бы сомневался? Так долго водить за нос можно лишь полного идиота.

Луфи: О разводе забудь. Учти, немного погодя ты сам попросишь у меня прощения. Нет у тебя повода меня хоть в чём-то подозревать. Нет ни малейшего.

Монк: Да запросто извинюсь, если объяснишь, зачем подделала отчёты иск-интеллекта. Чем ты в это время занималась? Получится?

Луфи: И не только объясню, но и докажу. Кстати, тебя не удивило, как легко я угадала твои мысли?»

Наблюдатель нахмурился.

Ну вот, сейчас она начнёт наводить тень на плетень, как у них и положено.

«Монк: Ничего удивительного. Такие мысли приходят любому, узнавшему об измене партнёра.

Луфи: Уверен?

Монк: Конечно. Не пудри мне мозги. Не выйдет.

Луфи: И не пыталась. Вот тебе ещё одно доказательство, посолиднее предыдущего. Помнишь, в детстве, в соседском саду был куст красной смородины? Она тебе очень нравилась, а куст рос близко к забору. Помнишь?»

Странно. Он и в самом деле помнил.

«Монк: При чём тут куст смородины?

Луфи: Не нужно было перелезать через забор. Достаточно лишь перегнуть на свою сторону ветку, сгрести с неё кисть смородины и быстро сунуть в рот. Однажды ты так торопился, что не заметил сидевшую на ягодах осу. Она ужалила тебя в язык. Помнишь?

Монк: Какое это имеет отношение к тому, что ты мне изменяешь?

Луфи: Подумай. Я знаю, хотя ты мне об этом не рассказывал. Странно, не правда ли?

Монк: Нет. Мне кажется странным, что я обвиняю свою жену чёрт те в чём, а она рассказывает мне истории из моего детства.

Луфи: Но ведь это было?

Монк: И что?

Луфи: Попытайся угадать, откуда я это знаю, если за все предыдущие годы совместной жизни ты об этом случае не обмолвился и словом?

Монк: А я не помню. Может, когда-то и говорил?

Луфи: Хорошо, тогда ещё одно. Сам напросился, между прочим. Помнишь как-то летом, когда тебе было пятнадцать лет, ты познакомился с девочкой, жившей в соседнем районе? Коротко стриженные волосы, голубые глаза, платье в горошек. Вы общались только один день, а потом её увезли в другой город.

Монк: Дальше?

Луфи: Тебе лучше знать.:) Могу добавить лишь слово „босоножка“. Достаточно?»

Стоп, а вот это уже необъяснимо. Задолго до того, как женился, он знал, что нельзя попадаться в примитивную женскую ловушку «Если любишь, будь со мной честен до конца, расскажи о своих предыдущих приключениях». И не попался ни разу. Откуда она знает о том дне?

Наблюдатель встал и прошёлся вдоль пульта, глянул в окно, на баки. Вернулся было в кресло, но тут же снова вскочил и, нервно размахивая руками, прошёл в кухонный модуль. Открыв шкафчик, рассеянным взглядом обвёл его полки.

Что ему здесь всё-таки нужно? Нет, не вспомнить…

Осторожно закрыв дверцу, он вернулся в кресло и, перечитав последние строчки чата, убедился, что ошибкой даже не пахнет.

«Монк: А ещё что-нибудь добавить можешь?

Луфи: Мне было сказано, что большего не потребуется.

Монк: Что ты пытаешься доказать?:Р

Луфи: Подумай. Неужели трудно догадаться, с кем я встречаюсь, когда тебя нет дома? От кого я всё узнала?»

Он глубоко и резко вздохнул, вполголоса выругался.

«Монк: Кажется, я понял, с кем именно.

Луфи: Уверен?

Монк: Да. И для этого не обязательно иметь семь пядей во лбу.

Луфи: Неужели?:)

Монк: Нечего ухмыляться. Я уже слышал о подобных случаях. Не часто, но они бывают.

Луфи: И с кем? Ну-ка скажи.:)

Монк: Со мной самим, не так ли? Ты изменяешь мне со мной?

Луфи: Верно. Ты всё понял правильно. Прости, но ты должен понять… ты не можешь не понять.

Монк: На сколько он старше?

Луфи: Он не признаётся, но на глаз я бы определила разницу лет в тридцать. Если у них там, в будущем, не изобрели всякие омолаживающие составы, конечно.

Монк: Как он объяснил своё появление? Тем, что ты умерла раньше?

Луфи: Да.

Монк: Вот гад. И когда это случилось, он тебе не говорит?

Луфи: Нет. Ты знаешь, им запрещено, для того, чтобы не изменить прошлое. И ещё бывают петли времени… Прости меня, но когда ты из будущего ко мне пришёл, то был такой несчастный и я не смогла… не сумела выгнать. Прости.:((((

Монк:?

Монк: Ты куда делась?

Монк: Эй, у тебя всё нормально? Ты почему ушла от клавиатуры?

Луфи: Прости.:(((((Я плачу».

Женщины…

Наблюдатель тяжело вздохнул и развёл руками. Потом поёрзал в кресле, устраиваясь поудобнее. Даже закинул руки за голову, вольготно вытянул ноги.

По крайней мере, ни в кого стрелять не требуется, подумал

он. Всё оказалось проще, гораздо проще. Или сложнее? Фактически измены не было. Или была-таки?

«Луфи: Ещё раз – прости. Я снова здесь и больше не плачу.

Монк: По идее слёзы лить положено мне. Это у меня „рога выросли“.

Луфи: Издеваешься? Просто воспринимай это как отложенную ласку. На будущее. И учти, получается, я уйду раньше тебя. Может – гораздо. Об этом ты подумал? Я от такого известия вся испереживалась.

Монк: А тебе не приходило в голову, что оно может оказаться враньём?

Луфи: Как это?

Монк: Вдруг у них там, в будущем, научились подделывать облик? Вдруг это вообще чужой человек?

Луфи: Нет, это ты. Перепутать я не могла. Дело не только в лице, но ведь ещё есть и речь, привычки, характер. А что, в случаях, о которых ты слышал, попадались двойники?

Монк: Нет, вроде.

Луфи: Вот видишь.

Монк: Вижу, но в то же время понимаю, что за тридцать лет с человеком случается всякое.

Луфи: Что именно?

Монк: Откуда я знаю? К примеру, я мог стать преступником или просто сойти с ума. А ещё через тридцать лет я могу превратиться в старого негодяя, готового даже крепко соврать для того чтобы вернуть молодость, переспать с молодой женой. Допускаешь?

Луфи: Ты – не такой.

Монк: Это я сейчас не такой, но люди меняются, и кто знает, какими будут мои следующие тридцать лет?

Луфи: Но ведь он предупредил, рассказал мне случаи из твоего прошлого. Какая в этом может быть корысть?

Монк: Он помнит, что я догадался, помнит, когда и как это произошло. Возможно, желает втереться в доверие, а потом использовать к своей выгоде.

Луфи: Ужас. О_О Насчёт этого я и правда не подумала. А ты… ты допускаешь, что подобное возможно?

Монк: Повторяю: кто знает, до чего мы можем дойти в старости?

Луфи: Ужас. О_О

Монк: Осознала, да? Поэтому в следующий раз его не пускай. Он появится до моего возвращения?

Луфи: Должен ещё раз. Завтра. А потом – нет, только в следующую твою вахту.

Монк: Завтра ты его не пустишь, ни под каким видом.

Луфи: Как это?

Монк: Пока я не определю, что у старого сладострастника на уме, его к тебе подпускать нельзя.

Луфи: Как я могу тебя прогнать? Ты просто встанешь перед дверью и будешь звонить. Я знаю, ты такой, не уйдёшь, пока своего не добьёшься.

Монк: А ты ни за что не открывай.

Луфи: Не получится.:(Давай заявим в полицию? Они обязаны принять какие-то меры.

Монк: В этом случае полицейские и пальцем не шевельнут. У них есть инструкция, мне рассказывали. Бог знает что может получиться, если они вмешаются. Представляешь, сколько юридических казусов, тонкостей, возможностей для разных толкований в ней содержится? Болото, в которое ни одного стража порядка и на аркане не затащишь.

Луфи: А что делать?

Монк: Надо подумать».

Ну, вот за что это, за что?

Наблюдатель вновь откинулся на спинку кресла, почувствовал, как оно подстраивается под его вес, даёт возможность расслабиться. Теперь следовало несколько раз глубоко вздохнуть и успокоиться. Иначе можно наломать дров, да не на одну поленницу.

Итак, с полицией связываться не стоит. Пока, с точки зрения закона, всё происходящее является семейными разборками. Подкараулить и набить морду самому себе не удастся. Старый козёл великолепно помнит, где я буду его караулить, и туда просто не пойдёт. Не получится и кого-то для этого нанять. Он будет знать и на время заляжет на дно. А потом снова появится. Что остаётся? Как обвести вокруг пальца самого себя из будущего? Задача…

Кстати, если ему разрешили наносить визиты в прошлое, значит, он никоим образом не оказал влияние на историю, для неё не опасен. Не удивительно, если подумать.

Наблюдатель открыл глаза, сел прямо, защёлкал по клавиатуре.

«Монк: Ты здесь?

Луфи: Я внимаю тебе, мой повелитель.:))))

Монк: Перестань, не до шуток. Дело серьёзное.

Луфи: Извини. Так что ты придумал?

Монк: Он приходит в одни и те же часы?

Луфи: Да.

Монк: Готов поспорить, его пускают к нам только в строго отведённый отрезок времени.

Луфи: Возможно.

Монк: Значит, надо сделать так, чтобы вы завтра не встретились. Прямо с утра ты должна покинуть дом и отправиться туда, где я тебя не смогу найти. Можешь просто уехать из города на день. Главное, потом не проговорись мне, где была. Понимаешь?

Луфи: Это обязательно?

Монк: Да, тогда я не смогу тебя завтра найти.

Луфи: Хорошо, я это сделаю.

Монк: И вот ещё что. У тебя возникнет желание никуда не уходить, остаться дома. Ты можешь понадеяться, что старикан из будущего не явится проверить, выполнила ли ты мой приказ. Уверяю, придёт и проверит.

Луфи: Кто бы сомневался? Уж я характер своего муженька знаю.

Монк: Отлично. Ты поняла. С самого утра уходишь и возвращаешься домой только глубокой ночью. Будь осторожна.

Луфи: А ты? Что ты предпримешь?

Монк: Думаю. Ещё неделю здесь сидеть. Время у меня есть».

Ну вот, кажется, одна проблема решена. И постепенно он раскатает все. Главное, не сдаваться.

Наблюдатель вновь прогулялся до кухонного блока. Остановился возле него в нерешительности.

Эх, раз пошла такая пьянка, режь последний огурец.

Он сунулся к шкафчику и, вновь вооружившись сигаретой, поспешно вернулся на место. Табачный дым показался ему необыкновенно сладким, живительным.

Время есть, есть время…

«Луфи: Ты что-нибудь придумал?

Монк: Самое простое: если он от тебя не отстанет, я могу его убить.

Луфи: Убить? В каком смысле?

Монк: В обычном. Если он надумает ещё раз к тебе

сунуться, куплю пистолет, придумаю, как сделать, чтоб наша встреча оказалась неизбежной, и всажу в него пулю.

Луфи: Тебя посадят.:(

Монк: С чего бы это? Законом наказание за самоубийство не предусмотрено. А если нет закона, то кто меня осудит?

Луфи: о_О Ты уверен?

Монк: Совершенно.

Луфи: Но тогда ты и в самом деле совершишь самоубийство? Это – грех.

Монк: Я не верующий.

Луфи: Подумай, как будешь жить дальше, твердо зная день своей смерти. А может, ты тайком пришёл ко мне, поскольку не выдержал тяжести этого знания?

Монк: Стоп, стоп, ты путаешь. Это не я, это – он, тот, из будущего.

Луфи: Нет, это именно ты, просто постаревший на несколько десятков лет. Как ты их прожил? И не сам ли довёл себя до такого состояния?

Монк: Тут ты хватила. Извини, мне не хочется об этом напоминать, но его таким сделал и твой преждевременный уход. Ты представляешь, что он сейчас чувствует?

Луфи: Ты сказал, он может о моей смерти и врать.

Монк: Я уверен, что он врёт, но всё-таки…

Луфи: А если даже сказал правду? И думая об этом, я не боюсь смерти, ибо она будет, возможно, ещё не скоро. И смерть – вещь естественная. А вот одиночество… Именно поэтому полгода назад я его пожалела, когда он пришёл ко мне. Я чувствовала, что он, что ты – одинок. И теперь ты хочешь себя за это убить?

Монк: А может, так и надо? И мне следует собственные страдания прекратить? Оправданное самоубийство, возможность уйти с честью? Вдруг старикашка пришёл именно за этим?

Луфи: Нет, конечно. Ему очень тяжело, но не настолько. Учти, убив себя, ты замкнёшь круг. После этого уже ничего не изменишь. А пока, мне кажется, есть ещё варианты, разные варианты. Я думаю, твоё будущее определяется сейчас и здесь».

Наблюдатель покачал головой.

И откуда что взялось? Вот тебе и домохозяйка. Или на такое способна любая женщина, не желающая потерять любимого

мужчину? Ладно, об этом – потом. А сейчас надо решить, что делать дальше. Посоветоваться с кем-то? Нет, чат тут не в помощь.

«Монк: Рассказывал он, как живёт там, у себя?

Луфи: Я пыталась задавать ему разные вопросы, но он объяснил, что даже словом обмолвиться не может. Если мы что-то узнаем, это повредит нашему будущему, его прошлому. Я так поняла, к нам отпускают только тех, кто умеет держать рот на замке.

Монк: Вот как? А может, он хоть на что-то намекал, пусть даже слегка? Я был бы не я, не попытайся такое учинить.

Луфи: Нет, вроде… Раз я обмолвилась, что беседую с тобой по чату. А он на это: есть и другие возможности общения. Странно он это сказал, словно бы пытаясь мне сообщить нечто важное. Интонации у него были такие. Понимаешь?

Монк: И это всё?

Луфи: Да. Сообразил, что он имел в виду?

Монк: Нет, но попытаюсь.

Луфи: Удачи».

А ведь это действительно подсказка, смекнул он. Наверняка в пределах закона о путешествиях во времени, но подсказка. Зачем он её сделал? Рука помощи это или ловушка?

«Луфи: А если он уже всё понял и более не появится?

Монк: Кто знает?

Луфи: Я не желаю чтобы кто-то из вас пострадал. Ни ты, ни он – будущий, одинокий и старый.

Монк: Не волнуйся, что-нибудь придумается».

Наблюдатель покачал головой.

Вот у кого душевные терзания – не позавидуешь. Любимый мужчина раздвоился, и обоих их по-своему жалко. Причём даже выбирать нет смысла, ибо, по сути, это один человек. И есть ещё знание, что жить осталось меньше, чем хотелось бы. Свихнуться можно от переживаний.

А ты – мужчина, тебе надо принять решение. И ты знаешь, что жить долго не так-то здорово. Каким окажется мир будущего? И в кого ты превратишься, приспосабливаясь к нему? А ещё есть знание, что твоя судьба уже предопределена. Если предопределён хотя бы один её кусочек, значит, она вся такая? Ну да – старость, одиночество. Не это ли заставило его отправиться в прошлое за счастьем, незаконным и оттого вдвойне сладким?

О чём он думает сейчас, этот пришелец из будущего? Как

намерен действовать? Может, всё-таки сбежит, удовлетворившись полученным? Ох, вряд ли. Попытается продолжить игру? А ведь он знает о своей уязвимости. С ним можно сделать что угодно, а вот он тем же ответить не в состоянии. Не получится. Не может старик убить себя молодого. Не получится обойти определённые законы времени. С другой стороны, он уже сделал выбор и знает ответы на все его сегодняшние вопросы. Хорошо это или плохо?

Наблюдатель с недоумением взглянул на дымящийся окурок, неведомо откуда появившийся у него в руке.

Не мог он сходить в кухонный блок за новой сигаретой и не заметить этого. Или мог? Однако…

Если этот старый хрыч не отступился, как он попытается меня нейтрализовать? Или захочет договориться? Может, он на самом деле желает со мной поговорить, попытаться меня о чём-то предупредить? Может, не всё предопределено, и если нам удастся пообщаться, я не превращусь в него? Стану более счастливым или менее, но не таким. И жена. Вдруг он знает, как её спасти? Или меня всё-таки ждёт хорошо продуманная ловушка?

Не попав по пепельнице и потушив окурок прямо о крышку стола, наблюдатель принялся листать текст чата с женой. Не было в нём ответа на его вопросы. Да и не могло быть.

Хорошо, если старикашка решил появиться под белым флагом, станет ли он откладывать разговор в долгий ящик? Или он торопится, поскольку не желает, чтобы мы зря волновались?

Взглянув на часы, наблюдатель отметил, что теперь знает с точностью до минуты границу, после которой с ним можно вступать в контакт. Если только она за тридцать лет не забудется.

Как это произойдёт? Чем визитёр из будущего воспользуется? Чатом или электронной почтой? Разговор в чате требует личного присутствия в настоящем времени, а вот электронная почта – нет. Написанное загодя письмо может быть отправлено адресату точно в заданное время. Минута в минуту.

Он пощёлкал мышкой, проверил электронную почту. И вздрогнул.

Да, всё верно. Полминуты назад на его адрес пришло письмо. Ник отправителя был buduscij_ja.

«Луфи: Ты думаешь?

Луфи: У тебя всё нормально?

Луфи: Ты почему замолчал?»

Он не отвечал, смотрел на значок письма и пытался решить, стоит ли его читать? Или с ходу потереть? Что в нём, мир и покой или капкан, установленный более опытным и хитрым человеком? И если будущее пока не предопределено, не значит ли это, что текст в письме может измениться в зависимости от его решения?

Вдруг, открыв его или потерев, он выберет себе судьбу?

Наблюдатель усмехнулся.

Подброшенная вверх монетка. Орёл или решка? А ведь он не может определить, что именно выбирает. И значит, совершенно всё равно, окажется это письмо прочтено или нет. А может, способ определить нужную дорогу есть?

Вот сейчас нажать одну из клавиш мышки и тем самым сделать выбор. Ну? Потереть или прочитать? А вдруг письмо лишь предлог, может, главный выбор совершается у него внутри? Доверяет ли он своему будущему? Верит ли он, что не изменится в худшую сторону через тридцать лет? Вот, наверное, самое главное.

Медленно, поскольку ладонь казалась ему заледеневшей, наблюдатель передвинул мышку, навёл курсор на значок письма.

Он знал, как следует поступить. Надлежало лишь сосредоточиться, задать себе один вопрос и честно на него ответить. А потом нажать соответствующую кнопку.

Август 2012 г.

Текст

Юрий Иваниченко, Екатерина Кузнецова
Зри в корень
Рассказ

1

Оставаться без работы вообще противно, а когда начинает недоставать даже на еду и неоплаченные счета уже собираются в увесистый фолиант, то апатия сменяется жаждой действий. Специальность у меня достаточно узкая, а те три места, в которых мне когда-то работалось по специальности (лингвистика и археология, а ещё я умею, но не люблю сочинять), больше не стремились вновь принять в свои объятия. Впрочем, я и не пытался. Попытался сделать другое: разослал всем соученикам, которых помнил, послание с прозрачным намёком на бытовые проблемы, а в дюжину бизнес-структур – ещё и резюме с готовностью выполнять посильную для своего (не юного) возраста работу за посильную для них плату.

Друзья откликнулись, что не удивительно: как же не посочувствовать ближнему, который так неожиданно и приятно оказался в худшем, чем ты сам, положении. Откликнулось и несколько структур, причём не только бизнесовых, но и политических – почувствуйте приближение местных выборов: умение сочинять востребовано. Я уже чуть было не продался, не политикам, конечно, – бизнесменам, разбираться с какими-то ярлыками, нашлёпками и наклейками за прожиточный минимум и возможные премиальные, но тут свалилось маленькое чудо.

Впрочем, носитель его – существо совсем не маленькое.

Короче, объявился ещё один мой бывший, в общем-то давным-давно бывший соученик, с предложением фактически по моему профилю и с приличной суммой даже наперёд.

Если верить его словам (чего делать, насколько я помню военные лагеря, где мы не то чтобы так сдружились, но сблизились, – не следовало), то привёз Фадя из своей несколько двусмысленной, хотя и успешной для него поездки в Д'Аччию артефакт невесть какого возраста, чуть ли не извлечённый из отложения в миллион циклов древностью, но с какими-то надписями, которые как же не расшифровать? И кто, как не ты (то есть я), с этим справится?

Слова словами, но артефакт был мне тут же предъявлен в виде весьма качественных снимков во всех требуемых ракурсах, аванс в размере моей последней зарплаты за пол-цикла выдан, и

срок обозначен вполне приличный.

Как всякий, даже безработный археолог, я с крайним предубеждением отношусь к заявлениям о находке артефактов в древнейших отложениях. Потому, возможно, что знаю, во что превращают любые изделия вода, солнце, ветер и дыхание земли за какие-то сотни циклов. Тем более, если артефакт создан… Ну, скажем так: подобным нам существом. Примерно такого же роста, сложения и силы, и – что, возможно, ещё важнее, – с таким же представлением о гармонии, о пропорциях, о сочетании частей и целого.

Нет, я не стал сразу же убеждать Фадю, что штуковина эта (сильно стилизованная статуэтка в локоть высотой) минимум на три порядка «моложе», а то и на все четыре, учитывая её прекрасную сохранность, чем его уверили. Хотя материал – крупность и качество снимков позволяли это рассмотреть – относился к весьма прочным, нечто подобное использовалось для ритуальных сосудов Кем‘та. Впрочем, в минералогии я не дока.

Не могу сказать, что статуэтка (на самом деле, очертания «двойной» женской фигуры едва угадывались – не вследствие ли моей вынужденной долгой аскезы) дышала особой древностью. Она просто не походила ни на что мне известное. И когда я просидел у экрана-всезнайки битых десять вечеров, то уверился, что подобное не известно не только мне. Надпись на двойной фигуре тоже была двойной, но не идентичной на разных сторонах и не зеркальной. Такие же группы тех же незнакомых знаков, только в чередовании выбрана другая закономерность: будто вывернутая наизнанку.

Что же касается самих надписей…

Письмена действительно показались совершенно незнакомыми. А для дешифровки – слишком много неизвестных: и знаки, и принцип письма, и, соответственно, сам язык, от которого можно было бы отталкиваться. Но система просматривалась определённо, так что если это даже подделка, то есть новодел, то всё же не бессмыслица; а задача у меня – установить смысл, а не происхождение.

Решение разделилось на два варианта: либо это неизученный диалект (или – искусственное построение на базе какого-то существующего языка), либо это древнее и редкостное, нигде не встречавшееся ранее письмо.

Сравнение знаков не утешало. Знаки не были похожи ни на что, известное науке. Но не отступать же… Передо мной красовалась самая загадочная вещь из встреченных в долгой практике, а срок на разгадку далеко ещё не истёк. Можно допустить, что мне невероятно повезло и это древний, никому не

известный текст.

Сами знаки были похожи не на пиктограммы, а на абстрактные символы. Сорок два таких знака. Это могли быть и слоги, и буквы… И что-то знакомое угадывалось в их начертании. Несколько дней это ускользало – но потом я понял. Эти знаки всё же походили на схематизированные пиктограммы Кем‘та и Симеры. Но схематизированные или упрощённые совсем не в той манере, которая была до сих пор известна, потому и потребовалось время и усилие, чтобы это уловить. И некоторые знаки – почти треть, – вообще не «сводились» к пиктограммам Кем‘та и Симеры, не находил я соответствия с ними.

И смущало смешение символов достаточно далёких языков, обычно ведь заимствования происходят лишь из одной письменности. Смущало до тех пор, пока вычислил со всей очевидностью: на пиктограммы Кем‘та и Симеры походили одни и те же знаки. Но главное, что в симерском, и в кем‘тийском варианте эти пиктограммы обозначали схожие звуки!

Из сравнительно близких и по времени, и по местонахождению оставалось ещё мук‘кентское письмо. Сходство знаков едва улавливалось – но оказалось, что звуки, ими переданные, практически совпадают! Во всяком случае, такие транскрипции по всем трём культурам считались доказанными. И среди мук‘кентских иероглифов я нашёл соответствия тем знакам на артефакте, которые до сих пор оставались не определёнными. Это были гласные.

Соответствие в пиктограммах трёх различных языков указывало на заимствование их знаков из единого древнего источника. Но есть и несоответствие: праалфавит всегда – с менее абстрактными символами. Предметное письмо, потом пиктографическое, потом иероглифическое, потом слоговое и только тогда – алфавитное, – так принято считать. А тут выходило, что алфавитное письмо, когда условный или абстрактный знак соответствовал букве, предшествовало пиктографическому. Впрочем, можно предположить, что разница в развитии цивилизаций была настолько существенной, что культуры Кем‘та и Симеры, а после и Мук‘кента, не понимали удобства абстрактных букв, и пиктограммы помогали запоминать начертания…

Если гипотеза может быть проверена практически, да ещё если проверка даёт внятные результаты – это хорошая гипотеза. Фактически, выстроился алфавит? Прекрасно, теперь попробуем осуществить реконструкцию этого языка. Или праязыка. Если группы знаков считать словами или корнями слов и озвучивать, исходя из подобия в симерском и в кем‘тийском (с мук‘кентским,

к сожалению, этот номер бы не прошёл)…

Сознаюсь, дешифровка увлекала, хотя продвигалась медленно. Но сколько было радости, когда я получил первые корни – САЛ, БЕР, ЙОН и РОШ!

За ними последовали ещё девять «расшифрованных» корней. Условно расшифрованных, поскольку я понимал, что все фонетические соответствия в надписях на древних языках – лишь гипотезы, договорённость между лингвистами. Восстанавливать палеозвук по-настоящему ещё не научились. А жаль.

Ну что же, исходя из суммы гипотез, выстроим ещё одну – собственно текст.

В двух вариантах, соответственно – для «лица» и «оборота» нашего артефакта, внешне различимых только в приближении, когда внимательно присматриваешься к надписям. Со всеми допущениями и оговорками, у меня получилось нечто вроде…

Точнее, в женском роде:

Руку на чело мне возлагай.
Говори, я за тобою повторяю.
Ты услышал то, что я сказала.
Да, пришла пора преобразованья.
Нет у изменения возврата.
Дар иною плотью приняла я.

В общем, то ли стих, то ли молитва, вроде и связно, а не совсем понятно. И ещё, в обоих вариантах оставалось одно слово, которое я перевёл как «весло», но куда вставить – так и не смог решить.

Так и прочёл вслух весь текст, это самое «весло» поставив и в начале, и в конце, хотя располагалось оно в средине надписи. Прочёл и поразился, как знакомо и как странно прозвучал мой голос в ночной тишине.

И показалось, что произошло нечто…

Затем по тому же принципу перевёл «оборот» – ожиданно в мужском роде. Вроде нечто получилось у меня – с оговорками и допущениями всеми.

2

Я плотью новой принял дар.
Возврата в измененьях нет.
Преображённым быть пора пришла.
Я повелел – ты услыхала

Меня, твоими что ведёт устами.
Меня, на чьё чело легла твоя рука.

Не совсем понятно: вроде молитва или стих; но явно с подтекстом, который – вдруг поняла я – связан с жестом, с действием, с тем, что надо произнести или спеть, «возложив руку на чело». Вот на это, каменное.

Я положила руку на фотографию, на вот этот аверс, на округлое навершие, и прочла текст вслух, поставив «лишнее» слово, переведённое как «руль», или «кормило», в его начало и в конец. В ночной тишине голос мой прозвучал странно – и всё же, как будто знакомо, так что я поразилась, читая.

И показалось, что произошло нечто…

Так отчётливо показалось и принесло такие удивительные ощущения, что я, будто в страхе потерять рассудок, мысленно повторила всё с самого начала.

…С той самой минуты, когда я решительно усомнилась, что удача приходит тогда, когда перестаешь её ждать.

Со мной это правило работало безотказно, когда ожидать можно было сколько угодно. А вот сейчас, когда третий месяц не поступало никаких заказов и средства к существованию решительно подходили к концу, госпожа удача напрочь забыла дорогу к моему порогу. И я начала искать постоянную работу, любую, посильную для женщины моего возраста и моих фанаберий.

Моя квалификация – археолог и антрополог – наверное, и в самом деле не так уж востребованы в наш период преобразований. Исторически краткий период, но, похоже, затянувшийся на всю длину моей активной жизни. Во всяком случае, в академических филиалах, откуда меня «временно сократили», роста объёмов бюджетного финансирования не ожидают, а в немногочисленные частные фонды меня не возьмут. Возраст не тот и рожей не вышла. Короче, отправила я резюме в несколько частных фирм на вакансии, не требовавшие узкой специализации, – только высшее образование и желание не умереть с голоду. Подругам не писала ничего – не заслужили они такой радости, да и вряд ли кто поможет, сами, небось, только на котировки нефти и уповают.

Через пару недель я уже нацелилась принять схиму, то есть предложение разбираться за сущие копейки с какими-то этикетками, виньетками, баннерами, стопперами и прочей чушью с мобилизацией знаний трёх языков, – и вдруг «ваше благородие, госпожа Удача» изволили объявиться. Пришло по «мылу» письмо

от моего давнего и хорошего университетского приятеля…

Не просто приятеля и, в итоге короткого романа, не настолько хорошего, что не случайно мы столько лет не встречались. Я слышала…

Я много чего слышала о нём, пересекаясь с однокашниками на конференциях и всё более редких встречах выпускников. Самого Фёдора там не бывало никогда – он как-то сразу оказался вовлечённым в «грантоедение», причём всё за границей, хотя преимущественно в ближнем зарубежье. Это с его-то языковой дубовостью! Хотя в ловкости, во всех смыслах, ему не откажешь. Не я одна не смогла отказать. Да и в сообразительности тоже: разыскал он мой e-mail, когда понадобилась.

В письме Фёдор сообщил, что недавно вернулся с раскопок на территории Румынии в Москву, и просил срочно встретиться для обсуждения возможной работы, связанной с анализом какого-то древнего текста. Я, конечно же, сразу согласилась, дура старая. Впрочем, пару минут я торжествовала, глядя на его седое окаймление залысин, замечательный рельеф морщин и непрезентабельную фигуру в весьма качественном Vittone. Потом опомнилась, что мы ровесники со всеми возрастными неизбежностями, а вот до его Луи Виттона моей «Красной швее» ой как далеко по всем параметрам, и мы быстренько перешли к делу.

Если верить его словам (чего делать, подсказывала женская память, не следовало), то привёз Федя из своей двусмысленной, хотя и успешной для него поездки в Румынию артефакт невесть какого возраста, чуть ли не извлечённый из отложения, датируемого многими миллионами лет. На нём то ли высечены, то ли как-то вытравлены весьма странные надписи. Прежде чем извещать научный мир о находке, почему бы не попробовать их расшифровать? И кто, как не ты (то есть я) с этим справится? Дело, сама понимаешь, пока что сов. секретное, но ты же… (тут я ожидала традиционного «верная боевая лошадь», но Федя разродился парой милых комплиментов) – короче, именно то, что надо.

Особенно привлекло меня в этом задании то, что принимался любой ответ, то есть если выясню, что текст не принадлежит ни к одному из известных языков или что вообще невозможно что-либо предположить относительно этого. Если же расшифрую, обещана существенная надбавка.

Слова словами, но артефакт был мне тут же предъявлен.

Насчёт оригинала Фёдор Иванович соврал что-то такое вдохновенное, что я сразу же позабыла, что именно; зато выдал дюжину весьма качественных фото во всех требуемых ракурсах,

аванс вдвое больше моей последней зарплаты за полгода, и вполне приличный срок. Целый сезон, пока он будет проедать очередной грант где-то в Трансильвании.

Не верю в находки артефактов в древнейших отложениях. Знаю, во что превращаются любые изделия за какие-то пару тысяч лет. Но я же получила только аванс и, естественно, не стала сразу же убеждать Фёдора-кормильца, что эта архаичная антропоморфная пластика высотой в тридцать пять сантиметров (интересно всё же, как он её протащил через три границы?) минимум на три порядка моложе, чем «отложения», если таковые были вообще. А то и на все четыре, учитывая её прекрасную сохранность. Хотя материал, насколько позволяют судить мои познания в минералогии, вроде прочный, нечто подобное использовалось для ритуальных сосудов Египта. Да, кстати, насчёт границ и таможен – это я зря. Потому он и притащил мне фото, что оригинал запрятан где-то там, где он собирается его выгодно продать; и ко мне обратился, – знает, подлец, что я буду молчать…

Не могу сказать, что «дубль-баба» – так я её прозвала с первого взгляда, – дышала особой древностью. Она просто не походила ни на что мне известное. И когда я просидела в Интернете битых десять вечеров, то уверилась, что подобное не известно не только мне.

Письмена, прекрасной сохранности, поначалу показались мне и совершенно незнакомыми, и симметричными на аверсе и реверсе «дубль-бабы». Поначалу это поставило меня в тупик. Результат тщательных исследований знаков, – а больше у меня ничего не было, кроме их графической оболочки, – был неутешительным: они не были похожи ни на какие другие, известные науке.

На этом этапе я с лёгким сердцем могла бы завершить работу, так как сделала всё, что от меня требовалось. В этом уравнении слишком много неизвестных: и знаки, и принцип письма, и, соответственно, сам язык, от которого можно было бы отталкиваться. Впрочем, эта загадочность сама по себе частично нечто проясняла, равно как то, что симметричность надписей тоже оказалась мнимой. А главное – передо мной лежали снимки едва ли не самой загадочной вещи из виденных мною за три десятилетия, а до возвращения Фёдора оставалось ещё два месяца, и ничто не мешало мне попробовать…

Итак, допустим, что ловкому господину Теодору, а затем и мне повезло невероятно, и это древний, никому не известный текст. Не принадлежащий культуре с уже изученной письменностью. Сами знаки были похожи не на пиктограммы, а

на абстрактные символы. Сорок два знака. Это могли быть и слоги, и буквы. И что-то знакомое увидела я в их начертании…

Несколько дней и даже ночей нечто скользило по лабиринту памяти. Но потом я поняла – эти знаки были похожи на упрощённые пиктограммы Древнего Египта и Шумера. Но упрощённые совсем не в той манере, которая была до сих пор известна.

Некоторые знаки вообще не имели соответствия.

Странно, что это – смесь египетских и шумерских символов. Обычно заимствуется какая-то одна письменность. Потом я заметила, наконец, – и обругала себя за тупоумие, – что похожи и на шумерскую, и на египетскую пиктограммы одни и те же знаки. А учёный мир давно решил, что конкретно эти пиктограммы и в шумерском, и в египетском варианте обозначали схожие звуки.

Дело сдвинулось с мёртвой точки, можно радоваться! Но мне всё ещё казалось, что это больше похоже на совпадение. И вот, когда я обнаружила схожесть крито-микенских знаков, обозначающих уже «прочтённые» звуки, с соответствующими шумерскими и египетскими, то почувствовала: это меньше похоже на случайность.

Окончательно в существующей закономерности убедило то, что среди критских иероглифов нашлись соответствия тем знакам на «дубль-бабе», которые до сих пор оставались неопределёнными. Это были гласные.

Следующий месяц пролетел, как одни сутки. Сон, компьютер, какая-то еда и какие-то досадные мелочи вроде ЖЭКа и выборов, компьютер и чуть-чуть сон…

Трудно описать моё воодушевление, когда я получила первые корни. И через три недели дешифровки я получила не только примерно разделённый на слова текст, но и более или менее внятный перевод.

3

Женщина первой подошла к зеркалу, исполненная тревожного предчувствия, и заглянула в овальное окно. Мужчина со странно уплощённым лицом, будто стянутым невидимой повязкой, смотрел на неё со странным выражением – будто чего-то подобного ждал, но с тоской и болью. А за спиной у него угадывалась как-то совсем не так обставленная комната со светящимся окном, а чуть сбоку, в простенке, висело изображение незнакомого мрачного города. Большая надпись виднелась лишь частично, женщина-лингвист смогла прочесть только четыре буквы незнакомых начертаний: «…грак».

С тоской и болью ожидания непрошеного мужчина подошёл к зеркалу и заглянул в светлый прямоугольный проём. Густоволосая женщина с неестественно крупными чертами лица и развитой грудью со странным выражением смотрела на него – будто предчувствовала нечто тревожное. За спиной её синело окно, и в нём вырисовывались контуры огромных угловатых зданий. А в простенке, чуть сбоку, поблёскивал глянцем плакат с видом ненатурально светлого дворца, увенчанного шпилем. Незнакомые начертания букв большой надписи виднелись только частично. И всё же мужчина сумел угадать крайние три: «авк».

«Неужели это навсегда? – только и подумала женщина, вовсе не пытаясь проанализировать произошедшее. – Но я не хочу быть… Таким».

«Такой быть? Не хочу, – решительно подумал мужчина. – Посмотреть забавно, а вот навсегда – ни за что. Но нет, не может быть, чтобы часть некоего действа – не полная и наверняка не совсем верная, – приводила к таким последствиям».

«Нет, я просто вижу того, кто прочёл надпись на реверсе или аверсе, ну, на противоположной стороне „дубль-бабы“, – успокаиваясь, подумала женщина. – Как странно, что это произошло одновременно. А он меня видит?»

«Мы приближались с двух сторон, каждый из своих миров, – успокаиваясь, подумал мужчина. – Но не может такого быть, чтобы вибрации воздуха вызвали перемещение во плоти».

«Это просто иллюзия, – сказала себе женщина, медленно-медленно отступая в глубь комнаты. – Я разбудила зеркало, но осталась прежней. И когда закрою глаза, всё исчезнет. Интересную штуковину ты откопал, Фёдор Иванович…»

«Фадэ наткнулся на развилку меж мирами, – отступая медленно от зеркала, трезво решил учёный. – Мы подошли так близко друг к другу, что смогли увидеть – но это лишь миг, и он закончится, стоит лишь отвернуться от зеркала».

Уже не зная этого, не видя больше друг друга, мужчина и женщина одновременно отвернулись от зеркал и подошли к окнам – конечно же, каждый в своём мире.

Он отключил подсветку и долго вглядывался в коричневый полусумрак, окутывающий кубы и пирамиды зданий вокруг главного путепровода. Она приоткрыла фрамугу и, опираясь на подоконник, всматривалась в голубоватую дымку, скользящую между башнями и параллелепипедами проспекта.

Синхронизация отступала всё дальше и дальше, и они думали уже совсем несхожими словами и образами, но в общем-то об одном и том же. Что хитрый деляга, получив расшифровку, непременно захочет «вкусить высоких чувств», прежде чем

продаст артефакт. И прочтёт заклинание, возложив руку на каменное чело.

И окажется в иномирье, и не мысленно на считаные секунды, а во плоти и навсегда.

Генри Лайон Олди
Пять минут взаймы
Рассказ

В пути я занемог.
И всё бежит, кружит мой сон
По выжженным полям…

Басё

Я познакомился с покойным Ильёй Аркадьевичем на последнем заседании городского клуба фантастов. Там как раз бурлил апофеоз побиения камнями очередного наивного автора, только что отчитавшегося и теперь, с тихой улыбкой мазохиста, внимавшего критике. Когда новый прокурор стал протискиваться к трибуне, я, пользуясь случаем, стрельнул у него сигарету и направился к выходу. Вообще-то я не курю, но это был единственный уважительный повод дождаться раздачи дефицитных книг на лестничной площадке, а не в зале судилища.

Обнаруженный мною на ступеньках человек пенсионных лет держал в руках незажжённую «Приму» и явно не собирался доставать спички.

– Я так понимаю, что вы тоже не курите, – улыбаясь, сказал он, и через пять минут беседы я не перешёл с собеседником на «ты» лишь по причине разницы в возрасте.

Илья Аркадьевич оказался милейшей личностью, а также владельцем прекрасной библиотеки, старавшимся не обсуждать книги, а читать их. В этом наши интересы полностью совпадали. Ещё через два часа я шёл к своему новоиспечённому знакомому пить чай, локтем прижимая к боку честно заработанные тома.

Библиотека Ильи Аркадьевича превзошла мои самые смелые ожидания. Я с головой зарылся в шелестящие сокровища, изредка выныривая для восторженных междометий и отхлёбывания непривычно терпкого зелёного чая. Обаятельный хозяин, щуря весёлые голубые глаза, отнюдь не умерял моих порывов, и под конец вечера я с необычайной лёгкостью выцыганил у него до вторника совершенно неизвестное мне издание Мацуо Басё, размноженное на хорошем ксероксе и заботливо переплетённое в бордовый бумвинил. Если учесть при этом, что темой моей самодеятельной монографии было «Влияние дзэн школы Риндзай

на творчество Басё в лирике позднего японского средневековья»… Широко, конечно, сказано – монография, но всё-таки… Вот так, на самой тёплой ноте, и закончилась первая из трёх моих встреч с покойным Ильёй Аркадьевичем, и поздно теперь впадать в привычную интеллигентскую рефлексию, твердя никчёмные оправдания… Поздно. Да и незачем.

* * *

Вернувшись домой, я опустился в кресло и не успокоился до тех пор, пока не перевернул последнюю страницу выданного мне томика. Если вы умеете глядеть на книжные полки, как иные глядят на фотографии старых друзей, – вы поймёте меня. А одно хокку я даже выписал на огрызке тетрадного листа. Потому что в предыдущих изданиях, вплоть до академического тома Токийского университета, я не встречал таких строк:

К чему мне эти минуты,
Продлившие осенний дождь?..
Ещё одна цикада в хоре.

На следующее утро я вновь внимательно перечитал сборник. Два новых хокку были выписаны, на сей раз в блокнот. К концу недели я знал, что ни в одном отечественном или зарубежном издании, зарегистрированном в каталоге Бергмана, этих строк нет. Получив подобную информацию, мне оставалось либо обвинить Илью Аркадьевича в самовольном вписывании стихов, вероятно, личного сочинения, либо признаться, что годы моего увлечения пропали впустую, либо… На третье «либо» у меня просто не хватало воображения. Первых двух было достаточно, чтобы считать себя идиотом. Ведь не мог же я, в конце концов, считать гостеприимного пенсионера скромным замаскированным гением. Пришлось остановиться на многоточии…

* * *

Когда во вторник я ворвался к Илье Аркадьевичу олицетворением бури и натиска, весь мой азарт был моментально сбит коротеньким монологом:

– Не суетитесь, дорогой мой, и позаботьтесь запереть за собой дверь… Если бы я умел писать такие стихи, в авторстве которых вы желаете меня скоропалительно обвинить, то сейчас, скорее

всего, я ехал бы за Нобелевской премией, а Бродский занимал за мной очередь. Так что давайте вернёмся к нашей теме, но дня через три-четыре. Когда вы поостынете. А пока возьмите с полки пирожок. В виде вон того сборничка. Да-да, левее… И когда будете наслаждаться парадоксами бородатого любителя вина и математики, то не забудьте обратить внимание на 265-е и 301-е рубаи. Потом можете, если хотите, запросить каталог Бергмана или любой другой, и обвинить меня также в подражательстве Омару Хайяму, в числе прочих.

Я послушно взял предложенного мне Хайяма и позаботился прикрыть дверь с той стороны.

Каталог подтвердил то, в чём я уже не сомневался. Названные рубаи никогда не издавались. А в 167-м косвенным образом упоминалась Нишапурская Большая мечеть Фансури. Построенная через семь-восемь лет после предполагаемой смерти Омара Ибрагима Абу-л-Фатха ан-Нишапури. Более известного под прозвищем Хайям.

* * *

В назначенный день я пришёл к Илье Аркадьевичу, готовый продать ему душу и сжечь его на костре. Одновременно. И он понял это.

– Скажите, дорогой мой, вы можете занять мне пять рублей?

Я машинально извлёк помятую пятёрку.

– А пять минут? Вот видите. А я могу. Только не смотрите на меня так понимающе. Это не каламбур и не бред параноика. Я действительно могу занять пять минут. Вам. Графоману из клуба. Мацуо Басё и Франсуа Вийону. Кому угодно. Я не знаю, откуда на мне эта ноша, и мне всё равно, поверите вы или нет. Впрочем, вру – не всё равно. И пригласил я вас не случайно. Старость – паскудная вещь, молодой человек, особенно если по паспорту я ненамного старше вас. Но за всё надо платить. Поразившее вас хокку стоило мне пяти лет жизни. Хайям – почти год. Видите угловой томик Ли Бо – лет шесть. Так что уже почти пора. Почти.

Если вы хорошо пороетесь на полках, вы отыщете стихи, не вошедшие ни в один сборник, не значащиеся ни в одном каталоге. Их писали в мгновения, в подаренные секунды, куда я втискивал свои годы, сжимая их до пяти минут. Что поделаешь, на большее сил не хватало… Но мне казалось, что игра стоит свеч, что искусство требует жертв – а оказалось, что жертв требуют все. Одни жертвы ничего не требуют.

Я видел, как вы берёте книги в руки. Вы мне подходите,

дорогой мой, это наивно, глупо, но я скоро умру, и пора задуматься о наследнике. Наследнике всего, что у меня есть, и креста моего в том числе. Не спешите ответить. Идите домой, подумайте, спишите всё на маразм старого идиота, выпейте водки и забудьте. Но если списать не удастся – тогда приходите. Я буду ждать. Всего хорошего, молодой человек. Поверьте, мне непривычно так обращаться к почти сверстнику, но иначе это выглядело бы нелепо… Идите.

* * *

Всю неделю я бродил кругами возле его квартала, проклиная свою впечатлительность и мягкотелость. Любая попытка сосредоточиться на словах Ильи Аркадьевича вызывала тошноту и головокружение. Я взрослый человек, без пяти минут кандидат, без пяти… Без пяти минут. Взаймы.

На восьмой день я зашёл в знакомый двор.

Два красномордых детины в ватниках курили подле обшарпанного голубого автобуса. Морщинистые старушки любопытно разглядывали чёрные с золотом ленты на немногочисленных венках, их глазки неприлично сияли. Родственники, соседи, да минует нас чаша сия, пьём без тоста, чужие люди… Я кинулся по лестнице. Меня пропускали, сторонились, сзади слышалось: «Который?.. этот самый… Родня? Нет… да пусть подавится, кому эта макулатура надобна…»

В старом кабинете с занавешенным зеркалом никого не было. На столе стояла чашка недопитого чая, рядом лежало… Рядом лежало завещание, придавленное тяжёлым пресс-папье. Библиотека завещалась мне. В здравом уме и трезвой памяти. Или наоборот. Мне. И жёлтый листок с пятью небрежными иероглифами и коряво записанным переводом.

Кто строил храм, тот умер.
Ветер столетий пронзает душу.
Падаю в мох вместе со снегом.

Наталья Резанова
Хороший писатель
Рассказ

Хороший писатель – мёртвый писатель. А самый лучший писатель – тот, который умер больше пятидесяти лет назад. Аккурат после этой даты прекращает действовать авторское право, и его книги становятся общественным достоянием. В противном случае приходится платить авторские отчисления вдовам (а у большинства уважающих себя писателей вдова не одна, а две-три, не меньше), детям и внукам. Даже если прямых наследников у писателя нету, обязательно найдётся какой-нибудь муж падчерицы двоюродного племянника, жаждущий получить с интеллектуальной собственности хоть маленькую, но наличность.

Это, в общем-то, азы издательского дела. Правда, в конце прошлого века в сие издательское дело толпою ломанулись люди, азов не знающие и в упор не понимавшие, почему каким-то там авторам нужно платить.

Но годы шли, пора первоначальной дикости миновала, значительная часть ломанувшихся исчезла, отмыв денежки или полностью их потеряв. А тем, кто остался, приходилось соблюдать хотя бы внешние приличия, сбривать шерсть, стричь когти и учиться ходить на двух ногах.

А тут ещё Интернет появился, будь он неладен. Или – слава тебе, господи, – это как посмотреть.

Открывались новые угодья – их нужно было осваивать. Тем более что в этой области в российских законах об авторском праве зияли такие дыры, что через них можно было провести авианосец.

Впрочем, Виктор Шметтерлинг, редактор альманаха «Литературный Зодиак» и сетевого ресурса «Постмодерн», авторское право отлично знал. А дирекция медиаконцерна «Козьма и Дамиан» не знала его совершенно. Именно поэтому издательские прожекты Шметтерлинга лопались один за другим. А в КиД гребли выручку лопатой.

Сейчас перед Виктором на столе лежал список авторов, по которым КиД предъявлял Шметтерлингу финансовые претензии и грозил судебным процессом. Это была не просто страшилка. «Козьма и Дамиан» уже возбуждал дела против сетевых библиотек, мотивируя это тем, что действует исключительно в интересах авторов.

Какая-то сермяжная правда в их заявлениях была. Книжные

новинки, особливо претендующие на популярность, сетевые пираты выбрасывают в Интернет с завидной быстротой. Большинство писателей относятся к этому безразлично, как к неизбежному злу. Но не все. Некоторые этим возмущаются. И тогда в игру вступает КиД.

Виктор, однако, к пиратской братии не принадлежал. Он был своим человеком в писательской среде, и авторы передавали тексты для его ресурса, не особо надеясь на гонорары, а просто так – по дружбе. И Шметтерлинг полагал, что его библиотека вполне легитимна. Напрасно, как выяснилось.

Официальное письмо, полученное Виктором, гласило, что медиаконцерн «Козьма и Дамиан» обладает эксклюзивными правами на сетевую публикацию авторов, чьи фамилии приведены ниже. Потому как эти авторы заключили с КиД письменный, юридически заверенный договор, передав исключительные права, и тэ дэ, и тэ пэ…

И то бы ладно – Виктор легко мог узнать у своих знакомых, подписывали они договор с «Козьмой и Дамианом» или это блеф. Но в приложенном к письму списке значились Толстые, Лев и Алексей К., Фёдор Достоевский и ещё дюжина авторов, чьи книги стали общественным достоянием не одно десятилетие назад. А усопли писатели, стало быть, ещё раньше, и по этой причине никак не могли заключить договор с КиД.

Может, имелся в виду договор с наследниками? У большинства классиков есть в наличии здравствующие потомки… Виктор ещё раз заглянул в письмо. Нет, сказано «с авторами». Бред какой-то. Может, однофамильцы? Или издательский проект? Был же прецедент – поменял мужик официально имя на «Гарри Поттер» и печёт книжки за этой подписью. Вот и здесь – зарегистрировал кто-то торговую марку «Фёдор Достоевский», и договора заключает. Конечно, любой эксперт сразу же разберётся, что тексты классиков в библиотеке «Постмодерна» и то, что под ТМ выпускается, совершенно разные, но нервы помотают изрядно.

Так Виктор и порешил, и предпочёл выйти выпить кофе, отодвинув решение вопросов с КиД на неопределённый срок. Как многие люди, отягощённые образованием, он склонен был приписывать противнику – в данном случае гендиректору КиД Степану Трищенко, излишнюю хитрость и склонность к многоходовым интригам. Представить, что в дирекции КиД могут просто не читать собственные договора, он был просто не в состоянии.

А в самом деле, зачем их читать? Главное – напор, способный напугать оппонента, а остальное довершат юристы концерна. Они-то договора, может, и читают, но с какой стати им помнить,

когда жил Достоевский?

Редакция «Литературного Зодиака» располагалась в здании издательского холдинга «Всемирный сталкер». Здесь же находился офис «Постмодерна», в котором Шметтерлинг был единственным штатным сотрудником. Да и в «Зодиаке» со штатом было не густо, и сотрудники совмещали обязанности.

Людочка Фокина, которая читала в «Зодиаке» самотёк и время от времени принимала на себя роль секретарши (каковой в «Зодиаке» не имелось), по возвращении Шметтерлинга с кофепоя выглянула из-за компьютера и сообщила:

– Виктор Валерьевич, тут к вам пришли. Странный какой-то тип.

Среди литераторов странные типы встречаются не так чтоб редко, поэтому Шметтерлинг был не особо удивлён. Посетитель оказался ещё вполне молодым человеком несколько нервозного вида. Когда Виктор закрыл за собой дверь, он дёрнулся, точно от удара. Самым странным в посетителе был его портфель, объёмистый, порыжевший, протёртый по углам и явно не пустой. В таких в докомпьютерные времена таскали по редакциям романы-эпопеи из колхозной жизни. Ныне, полагал Шметтерлинг, такие портфели канули в небытие вместе с колхозами.

– Ян Альбин, научный центр практической медитации, – представился владелец портфеля. – Ударение на «а».

И снова Виктор не удивился. Действительно, после дамы, которая была новым воплощением Ленина, его женственной анимой и духовной самостью, а заодно выпускницей школы ГРУ 1985 года, посещавшей редакцию на прошлой неделе, – чему тут удивляться?

– Хотите предложить для сайта свои тексты? – спросил Виктор.

Про себя он решил – на сайт можно выложить, Интернет медитацию выдержит. В альманах – ни за что.

– Нет… я вообще-то не из пишущих людей…

Это было хуже. Псих-графоман понятен, с такими Шметтерлинг умел справляться. Просто психами должны заниматься специалисты иного профиля.

– Тогда в чём дело? – Тон Шметтерлинга стал суровым. – Здесь, знаете ли, издательский дом. Литературная деятельность…

– Но я и пришёл по поводу литературной деятельности! Но не своей.

– А! – догадался Шметтерлинг. – Вы кого-то представляете!

– Ну да, ну да, – закивал Альбин.

– И кого же?

Посетитель сглотнул, стиснул портфель покрепче и

решительно произнёс:

– Сергея Есенина.

Прежде чем Шметтерлинг успел открыть рот и что-то произнести (возможно, ненормативное), Альбин поспешно проговорил:

– Что вы, что вы, я прекрасно знаю, что он умер! И давно…

– И на том спасибо, – пробормотал Виктор.

– Понимаете, мы в нашем центре практикуем выход в астрал…

– Это многие практикуют, – сообщил опытный Шметтерлинг.

– У нас более действенные методики. Мы не мечемся по астралу, как куры по двору, а последовательно переходим из слоя в слой, налаживая контакты с их обитателями. Мой учитель Авдон Каменистый особо отмечает мои успехи в этой области.

Имя Шметтерлингу было знакомо. Авдон Каменистый выпустил с полдюжины эзотерических трактатов, и Виктору приходилось о них писать для какого-то гламурно-готичного журнала.

– Позвольте, но он, кажется, умер несколько лет назад…

– Ну вот, потому и отмечает.

– Ах, вот в чём дело. Вы – медиум?

– Это устаревший термин, мы им не пользуемся. Я предпочитаю называть себя коннектёром.

– Не контактёром?

Альбин поморщился.

– Нет. Контактёр имеет дело с материальными сущностями, а мы продвинулись гораздо дальше. И недавно, буквально на днях нам удалось совершить настоящий прорыв. Я проник в тот слой, где обитают писатели.

– Души писателей, – уточнил Виктор.

– И это тоже не совсем правильный термин…

– Угу. Вы предпочитаете термин «нематериальная сущность».

– В общем, да. Мне трудно объяснить, какое это произвело сильное впечатление. Хотя они и ушли отсюда, но творения их продолжают обитать здесь. А что такое для них слава, вы и представить не можете.

– Почему же, очень даже могу.

– Нет… это сильнее обычных человеческих чувств. Ведь они и оттуда следят за тем, что происходит с их творениями. Не все, конечно, но следят.

– И создают новые. – Шметтерлинг заскучал. Личности, которым усопшие гении надиктовывали разные опусы, встречались в его практике не то чтоб регулярно, но не так уж редко.

– Нет, – твёрдо заявил Альбин. – Они не могут создавать ничего нового. В этом – особенность их нынешнего существования.

– Интересный поворот сюжета…

– Да! Да! Именно поэтому то, что происходит с их книгами, для них так важно. Ведь часть их продолжает жить в книгах. Поэтому другая часть, находящаяся в астрале, обо всём узнает… И когда они узнают, что кто-то как бы заключил с ними договор…

– Та-ак… – Виктор насторожился. Что же, из КиД наверняка присылали письма с претензиями не ему одному. И нет ничего удивительного в том, что Альбин об этом проведал. Розыгрыш? – И какова же реакция классиков? Фёдора Михайловича и Льва Николаевича?

– Толстой же от авторских прав ещё в своём земном бытии отказался. Ему всё равно и вообще ниже его достоинства. А Достоевский сказал – может быть, так надо? Унижение ведёт к страданию, а страдания очищают… А вот Блок, Мандельштам, Цветаева очень недовольны…возмущены…

– Просто какое-то общество мёртвых поэтов.

Альбин никак не отреагировал на эту реплику. Видимо, кинематограф не входил в сферу его интересов.

– Но больше всего – Есенин. Он всех остальных разметал, хочет права свои отстаивать.

Есенин входил в список КиД. Но Виктору было любопытно другое.

– Что же он именно к этому проекту привязался? Есенин – личность популярная, прости господи, культовая, про него романы пишут, кино снимают…

– Он сказал – там не я, и даже не похож. Мало ли что актёры рожей хлопочут! А тут, говорит, от моего имени документ подписан. И дальше непечатно. Да вы сами послушайте…

– В каком смысле «послушайте»?

– Они не могут сами обращаться, им посредник нужен. И вот – они никак не могли до нас добраться, а тут я…

– В транс впадать будете? – ядовито осведомился Шметтерлинг.

Розыгрыш начинал терять оригинальность. Пошёл эпизод из «Привидения». Но Вупи Голдберг была колоритнее Альбина.

– У вас совершенно неверные представления о нашей работе. Транс – это для дилетантов. Всё будет по-другому. Сейчас я вам покажу.

– Эй, погодите! (Мало ли, а вдруг он гипнотизёр. Усыпит – и прощай, ноутбук.) Желательно, чтобы при вашем общении присутствовало третье лицо.

– Я не против.

Виктор выглянул за дверь.

– Люда, иди сюда!

– Что случилось?

– Похоже, будет цирк. Помнишь мужика, который в пивнухе общался с духом Высоцкого? Тот же нумер, только типаж почище. Так что возможен сюрприз.

Сюрприз уже стоял на общем обозрении. Пока Виктор договаривался с Людочкой, Альбин извлёк из портфеля какой-то агрегат и водрузил на стол. Людочка по молодости лет могла и не знать, что это такое. А Шметтерлинг знал, но не видел много лет. И где теперь увидишь пишущую машинку, если даже пенсионеры нынче пользуются компьютерами.

– У ней внутри неонка? – осведомился Шметтерлинг. Это было уже не «Привидение», а нечто более родное.

– Не понял…

Очевидно, классика научной фантастики была столь же чужда Альбину, как и классика кинематографа.

– Вы будете печатать под диктовку поэта?

– Нет. Печатать будет он. Видите ли, нематериальная сущность обладает определённым количеством энергии, чтобы производить некоторые физические действия. Но для того, чтобы привести эту сущность в плотный мир, нужен проводник. Ну, как розетка нужна, чтоб включить ток. Я, конечно, мог бы воспользоваться компьютером, но тогда бы вы мне не поверили. Сказали бы – действует какая-то хитрая программа, которая реагирует на человеческий голос. Я долго ломал голову, как бы наладить связь, потом нашёл вот эту машинку, она у меня на антресолях стояла – от родителей осталась…

– Очень трогательно.

Альбин не обратил внимания на иронию.

– Потом долго пришлось уговаривать Сергея Александровича. Он ведь печатать не умел, от руки писал. А от руки у меня может не получиться, совсем другой принцип…

– Ну, давайте заканчивайте, – Виктору представление уже надоело.

– Так бумага же нужна! – Альбин глянул на него недоуменно.

Люда молча вытащила из принтера пару чистых листов и протянула их коннектёру. Тот заправил их в машинку, но, против ожидания, отодвинул стул от стола метра на полтора и закрыл глаза.

Виктор хотел было сказать: «А обещал – транса не будет», но тут послышался щелчок. Потом другой. Это щёлкали клавиши машинки. Неуверенно и не в такт. Так, словно по ним били одним

пальцем.

тутядАва йужеподЕлу

– И как это получается? – спросил Виктор.

ТАКИПОЛУЧАЕТСЯ чего УСТАвился иливморду хошь

– Не катится, уважаемый! Известно, что хотя Есенин и любил прикидываться простачком, писал он вполне грамотно.

Альбин открыл глаза, вздохнул.

– Это когда у него было материальное тело. Вы пробовали бить по клавишам одним усилием воли, да ещё не умея печатать? Хотя… я так и знал, что вы мне не поверите. Можете разобрать машинку.

Если он рассчитывал на деликатность Шметтерлинга, то ошибался. Есть обстоятельства, при которых деликатность и прочие интеллигентские штучки следует задвинуть подальше.

Отвёртки у Виктора не имелось. Зато имелся жизненный опыт.

– Люда, у тебя пилки для ногтей с собой нет?

Какой бы не была Люда эмансипе и вообще филологиней, о красе ногтей она думала. И пилка у неё нашлась. С помощью этого орудия Виктор отвертел шурупы. И был изрядно удивлён. В покрытых пылью десятилетий потрохах пишмашинки никакого хитромудрого устройства не обнаружилось.

– Но как же…

Тут снятый кожух машинки поднялся и ударил нагнувшегося над столом Шметтерлинга по лбу. К счастью, Виктор был без очков, иначе удар мог бы повлечь серьёзные последствия.

– Эй! – рыкнул Шметтерлинг. – Если вы телекинетик, думаете, у вас есть право людей калечить?

Снова защёлкали клавиши – на сей раз не у машинки, находившейся в разобранном виде, а у включённого ноутбука.

На экране появились слова:

за телекинетика ответишь чёрт нерусский

– Сергей Александрович! – в отчаянии воскликнул Альбин. – Это он меня обозвал, а не вас! Он думает, что это я его ударил!

– Вообще-то, – глубокомысленно заметила Людочка, – великий поэт отличался буйным нравом и склонностью к ненормативной лексике. И морды, извините за выражение, бить любил.

– К тому же простое направленное действие, типа удара, – подхватил Альбин, – нематериальной сущности производить легче, чем сложное, такое, как воспроизведение фраз на клавиатуре.

– Не парьте мне мозги!

> хватит дурью маяться не для того я сюда пришёл тутмоим именем мошенничество творитсявсуд подавать пора мне про это дело тутодин объяснил умный мужик хотинемец он юристом был сказки писал

– Гофман, – догадалась Люда. – Эрнст Теодор Амадей.

Она университет закончила сравнительно недавно, и знания в её памяти ещё сохраняли упорядоченность. У Шметтерлинга знаний было больше, но пребывали они в жуткой мешанине.

– Из того, что Гофман был юрист, ещё не следует, что я должен поверить в эту чушь!

Папки у стенки накренились и изобразили принцип домино в действии. Стул, на который опирался Виктор, вырвался у него из-под руки, стукнул его под коленку и покатился по полу. В довершение всего, скелет пишущей машинки сорвался со стола и грянулся с размаху о половицы. Для престарелого агрегата это было чересчур – он рассыпался на составные части.

Дверь распахнулась, в комнату просунулась усатая очкастая физиономия.

– Что у вас тут творится? Упились среди бела дня? Или полтергейст разыгрался?

– Что-то вроде, – Шметтерлинг, морщась, потирал ушибленную ногу.

– Охранника позвать?

– Сами справимся, Николай Михайлович, – проникновенно сказала Люда.

Представитель соседствующей редакции удалился. Ему тоже попадались разные посетители, так что особо удивлён он не был.

– Да уберите же вашего гения, покуда он всё здесь не порушил!

– Так вы признаёте, что это – он?

– Ну, предположим.

– Так он не уйдёт, пока сам не захочет, – кротко произнёс Альбин.

– Предупреждать надо было! – Виктор выпрямился и задумался. – Погодите, это значит, наш гений способен причинять физические разрушения и материальный ущерб?

– В общем, да…Я как-то не задумывался об этом…

– А для этого необходимо ваше присутствие?

– Не обязательно. Я нужен, чтобы привести его сюда. Но уж если он пришёл…

– И наш гений не успокоится, пока не выскажет свои претензии «Козьме и Дамиану»? – В глазах Шметтерлинга заплясал нехороший огонёк.

ДА ДА ДА!!!!!

– Хорошо, Сергей Александрович, я сейчас договорюсь с ним о встрече. – Виктор достал мобильник, но прежде, чем набрать номер КиД, уточнил: – Нет, пожалуй, полтергейст, как говорит господин Альбин, неправильный термин. Правильней будет не «буйный дух», а «творческий». Кунстлергейст.

Вопросы авторского права если не стары как мир, то не многим моложе. В давние времена за их разрешением обращались к правящим монархам, и монархи, надобно сказать, решением проблем не брезговали. Шметтерлинг мог бы припомнить, как в некие лохматые века ирландский король Диармайд разбирал тяжбу между монахами Финнианом и Колумбой по поводу прав на изданный, то бишь переписанный кем-то из них молитвенник. Король признал правоту Финниана, но Колумба не смирился и призвал свой клан к оружию. Повод к войне был признан достаточно веским, клан Финниана не мог оставаться в стороне, мечи ударили о щиты. После ряда кровопролитных сражений королевское решение было подкреплено воинской силой, Колумба вынужден был бежать в Шотландию, где ему ничего не оставалось делать, кроме как обратить в христианство местных жителей, а заодно изгнать из озера Лох-Несс обитавшее там чудовище (тут, следует признать, он недоработал).

В дальнейшем, кажется, обходились без массовых кровопролитий. Но венценосные особы долго ещё служили в подобных делах истиной в последней инстанции. «Своей королевскою волею объявляю, что любезный (ая) сердцу нашему имярек, оказавший нашему величеству множество полезных и приятных услуг, действительно является автором всех подписанных его (её) именем стихотворений, и никто другой таковым не является». И подпись. И печать. Большая и круглая.

Теперь не так. Споры решаются не в королевском, а всего лишь в районном суде. А в таких судах, загруженных и перезагруженных, очень мало переживают из-за авторского права. И ещё меньше в нём разбираются. Разумеется, чтоб это понять и этим воспользоваться, нужен толковый юрист.

В последнее десятилетие количество женщин среди юристов

выросло сказочным образом. И выглядят они, как правило, тоже сказочно – как гибриды куклы Барби и Мерилин Монро в невероятно эротичных деловых костюмчиках. Что касается их познаний в профессиональной сфере… ну, кто же будет требовать знаний от блондинок? Является ли это обстоятельство тщательно продуманной стратегией и связан ли цвет волос с карьерным ростом, определить трудно. Возможно, будущие исследователи посвятят данному вопросу какие-нибудь специальные труды.

Марьяна Савватеевна Крутогор, юрист «Козьмы и Дамиана», никоим образом к этой породе не принадлежала. Она была в летах, которые дамские журналы называют «возрастом элегантности». Впрочем, элегантной её назвать было нельзя. Любой костюм на ней, независимо от того, в каком бутике он был куплен и какому дизайнеру принадлежал, напоминал костюмы, в которых заседали в президиумах суровые дамы-общественницы советской поры. И сама она обликом была не то из профкома, не то из месткома, не то, господи, сохрани и помилуй, передовик производства. Она и в самом деле была ударником труда. Капиталистического. Хватка у неё была крепче, чем у бультерьера, в крайнем случае, стаффордшира. Она умела найти общий язык с авторами и наследниками авторов, благодаря её стараниям претензии КиД в глазах людей, мало знакомых с предметом спора, выглядели как защита попранной справедливости. Именно ей «Козьма и Дамиан» был обязан рядом выигранных процессов. И Шметтерлинг опасался её гораздо больше, чем гендиректора КиД Степана П. Трищенко – типичного «нового русского», разве что без неактуального нынче малинового пиджака.

Договариваясь о встрече, Виктор предполагал два варианта: Трищенко возьмёт госпожу Крутогор с собой, либо просто пришлёт на переговоры свою консильери. Второй вариант был бы несказанно хуже. Ибо произвести впечатление на Марьяну Савватеевну было гораздо труднее, чем на Степана П.

Стрелка была забита в приличном, но не пафосном ресторане «Расстегай». После того как Виктор узнал о месте встречи, он заподозрил, что Трищенко всё же явится сам.

– Классик доволен, – сообщил Виктор Люде. Как она ни просила, Шметтерлинг её на встречу не взял, предвидя дальнейшее развитие событий. Пришлось ей довольствоваться устным отчётом. – Говорит, что не отводил так душу со времён «Москвы кабацкой».

– Интересно, как он это сказал? – Людочка всё ещё была недовольна, что пропустила самое интересное.

– SMS-ку прислал. Видишь ли, он хотел знать, что такое «продажа текстов для чтения с мобильного телефона». Есть у КиД такая услуга. И я ему объяснил, что такое мобильник и как им пользуются. В общем-то, это и решило дело. Битие зеркал, метание столовых приборов себе в физиономию Трищенко бы выдержал…

– А что, имело место?

– Да, в лучшем стиле «жизнь удалась». Причём со стороны выглядело, будто посудой швыряется сам Трищенко. Что и было поставлено ему в счёт. Марьяна, правда, пыталась вменить мне использование скрытых электромагнитных приборов. Я предложил вызвать милицию и обыскать меня в присутствии персонала ресторана. Выглядеть идиотами им не хотелось, и эту тему закрыли. Но вот когда произошла демонстрация того, что может вытворять кунстлергейст, вселившийся в мобильник, и что может прочесть пользователь, заказавший текст Сергея Есенина… и ведь это будет его текст! Крутогор, видимо, просчитала возможную сумму убытков в результате исков от пользователей ресурса КиД…

– И что?

– Пока все разошлись по-хорошему. Знаешь, даже если Альбин – хитрый манипулятор, гипнотизёр, телекинетик, и вся эта история нужна ему, чтобы самоутвердиться в эзотерических кругах, мы всё равно в выигрыше, потому что свою претензию к «Постмодерну» КиД отзывает. А вот что будет дальше – не представляю. Каким образом оформить договор с умершим? Прецеденты в мировой практике отсутствуют. И кто будет получать гонорар? Наследники? Или отчисления будут идти на содержание музеев и переиздания книг? Поэтому Сергей Александрович сейчас удалился из нашего плана бытия. Ему нужно обсудить эти вопросы с Гофманом. Похоже, «Козьме и Дамиану» повезло, что ни у кого из русских поэтов не было юридического образования.

– Было. У Слуцкого, например.

– А он ещё и боевой офицер! Мама дорогая! – Богатое воображение Шметтерлинга вмиг нарисовало последствия вмешательства некоторых поэтов в жизнь – в соответствии с их земной специализацией, и он содрогнулся.

В КиД тоже размышляли об этих последствиях. И воображение тут было не при чём.

– Да поймите же, никакой суд не признает этот документ правомочным! – настаивала госпожа Крутогор. – С кем заключать договор? С призраком? Нас сочтут сумасшедшими, и правильно

сделают. Ни в коем случае не следует сдавать позиции. Если кто-то вздумает предъявлять претензии, посмешищем станет он, а не мы.

– А пока суд да дело, эти буйные покойники нам такого натворят… – Степан П. дотронулся до опухшего глаза и скривился от боли.

– Уверена, что это какое-то ловкое мошенничество. Дайте время – я их выведу на чистую воду.

– Вот именно. Время нужно. И пока вы, Марьяна Савватеевна, ищете нужные ходы, этих самых… которые у нас в списке, нужно убрать.

– В каком смысле «убрать»?

– Ну, из сети. Нет писателя – нет проблемы. И нужно, конечно, обдумать новую стратегию. Потому как если этих покойников просто убрать, у нас ресурс опустеет. Нужно делать упор на тех, которые умерли давно, и от всех нынешних дел далеки. Этого, например, как его… Шекспира…

– Шекспир писал по-английски, – напомнила Марьяна. – Возникнут проблемы с переводчиками.

– Ну, подпишем договора с переводчиками… или с потомками переводчиков…

Но адвокатесса, казалось, уже не слышала своего работодателя. Её и без того суровое лицо помрачнело.

– Шекспир – это не страшно, даже если он пойдёт на конфликт, – пробормотала она. – Не тот это автор, не тот, кто может нам реально угрожать. И Гомер – тоже не страшно… кто знает, какие тогда были авторские права… да и кто его сейчас читает, того Гомера…

С каждым словом утешения она мрачнела всё больше.

– А что страшно? – спросил Трищенко.

Она не ответила. Сидела, молча уставясь на роскошный письменный стол с папками и глянцевыми проспектами.

Стояла поздняя весна, и окно в кабинете было приоткрыто. Поэтому звон колокола прозвучал отчётливо. Ничего странного в этом не было – на соседней улице располагалась церковь.

Но только сейчас Трищенко понял, что это и есть ответ.

Колокол продолжал звонить. И не хотелось думать, по кому.

Плагиат

Андрей Валентинов
Сады Соацеры
Научно-фантастический грёзофарс

Всем, кто любит Великую
Старую Фантастику, посвящается

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо, остро!
Весь я в чём-то норвежском! Весь я в чём-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! И берусь за перо!

Стрекот аэропланов! Беги автомобилей!
Ветропросвист экспрессов! Крылолёт буеров!
Кто-то здесь зацелован! Там кого-то побили!
Ананасы в шампанском – это пульс вечеров!

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грёзофарс…
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы – в Нагасаки! Из Нью-Йорка – на Марс!

От автора

Дорогой читатель! Перед тобою книга-плагиат. Целиком и полностью.

Я охотно и честно признаю, что в романе, за исключением предисловия, мною не написано ни единой строки. За меня это сделали великие предшественники – мастера Старой Научной Фантастики. Мне же пришлось сыграть несколько непривычную роль дирижёра – или даже конферансье, выпускающего на сцену очередного исполнителя данного грёзофарса. Отведя себе эту обязанность, я, однако, ничуть не пытаюсь спрятаться за спинами великих. Образы и сюжетные линии принадлежат им, но книга всё-таки моя. Я попытался сложить мозаику из осколков известных и забытых произведений. Мозаика – тоже картина.

Желающие могут осудить меня за подобную наглость. Но это, как по мне, всё-таки честнее, чем годами бродить по выдуманным вовсе не тобой Средиземью и Волкодавью или пускать по ночному городу чужие Дозоры. Я, по крайней мере, искренний плагиатор,

не скрывающий ни своих методов, ни источников.

Цель данного грёзофарса очевидна – по крайней мере, для меня. Соскрести пресловутый «хрестоматийный глянец», оживить старые страницы и, собрав разных авторов под одной обложкой, дать читателю возможность увидеть Старую Фантастику в новом, непривычном и ярком свете. Кроме того, книга задумывалась именно как научно-фантастическая – в самом традиционном смысле, что тем более немаловажно, учитывая анабиоз, в котором ныне пребывает этот, прежде столь популярный жанр. Тема – космические путешествия – тоже вполне логична. Мэтры Старой Фантастики в совершенстве владели утерянным ныне искусством совмещать рассказ об особенностях ракетного двигателя с описанием спасения очередной марсианской принцессы. Учитесь, эпигоны!

За основу книги была взята великая «Аэлита» Алексея Толстого, причём в её первоначальном, ещё не отполированном цензурой и автором, варианте. Иные «соавторы» тоже не нуждаются в представлении: Эдгар По, Эдгар Берроуз, Говард Лавкрафт, Льюис Кэрролл. Те, кто известен меньше, тоже внесли свой весомый вклад. Всем им, вечно живущим во Вселенной Фантастики, автор приносит свою искреннюю благодарность.

Итак, мозаика старых книг, итак – космический грёзофарс. Сады Соацеры – сады древней столицы Марса, сады бессмертной Фантастики.

Дух! Ты, кто в высоте,
Там, где в эфире ясном
Равно по красоте
Ужасное с прекрасным!
Где твердь завершена,
Где грань орбитам звездным,
Откуда плыть должна
Звезда назад по безднам!
Где твой предел святой,
Незримый лишь кометам,
Наказанным судьбой
За грех пред вечным светом,
Несущим пламя в даль,
Луч алый преступленья
И вечную печаль, —
Вовек без промедленья!
Мы знаем: ты – во всём!
Ты – в вечности: мы верим!
Но на челе твоём

И тень – мы чем измерим?
Друзья весны моей
Хранили убежденье,
Что вечности твоей
Мы, в малом, отраженье.
Но всё, как ты решил;
Звезда моя далёко.
И путь ей меж светил
Твоё казало око.
Здесь мне мечтой взнестись
К тебе, что – путь единый:
В твою святую высь
Или в твои глубины.
Твой рок мне возвещён
Фантазией священной,
Пока не станет он
Открыт для всей Вселенной!

…В эту ночь новый невидимый снаряд был выпущен с Марса на Землю – ровно через сутки после первого, с точностью до одной секунды.

Сотни наблюдателей видели пламя каждую полночь, в эту и последующие десять ночей – по одной вспышке. Почему взрывы прекратились после десятой ночи, этого никто не пытался объяснить. Может быть, газ от выстрелов причинял какие-нибудь неудобства марсианам. Густые клубы дыма или пыли, замеченные в самый сильный земной телескоп, в виде маленьких серых, переливчатых пятен мелькали в чистой атмосфере планеты и затемняли её знакомые очертания.

Наконец даже газеты заговорили об этих явлениях, там и сям стали появляться популярные заметки относительно вулканов на Марсе.

Истина нередко высказывается в форме шутки. Юмористический журнал «Панч» очень остроумно воспользовался этим.

Очень остроумно…

Согласно последним известиям, полученным из Роттердама, в этом городе представители научно-философской мысли охвачены сильнейшим волнением.

Произошло следующее. Огромная толпа почему-то собралась на Биржевой площади. Причина этой суматохи вскоре

выяснилась. Из-за резко очерченной массы огромного облака медленно выступил и обрисовался на ясной лазури какой-то странный, весьма пёстрый, но, по-видимому, плотный предмет такой курьёзной формы и из такого замысловатого материала.

Объект столь усиленного любопытства спускался всё ниже и ниже над этим прекрасным городом. Через несколько минут его можно было рассмотреть в подробностях. Это действительно был воздушный шар; но, без сомнения, такого шара ещё не видывали в Роттердаме. Кто же, позвольте вас спросить, слыхал когда-нибудь о воздушном шаре, склеенном из старых газет? Форма «шара» оказалась ещё обиднее. Он имел вид огромного дурацкого колпака, опрокинутого верхушкой вниз. Мало того, к этой фантастической машине была привешена вместо гондолы огромная тёмная касторовая шляпа с широчайшими полями и обвитая вокруг тульи чёрной лентой с серебряной пряжкой.

Воздушный шар находился теперь на высоте какой-нибудь сотни футов, и публика могла свободно рассмотреть его пассажира. Это было очень странное создание. Рост его не превышал двух футов; но и при таком маленьком росте он легко мог потерять равновесие и кувырнуться за борт своей удивительной гондолы, если бы не обруч, помещённый на высоте его груди и прикреплённый к шару верёвками. Толщина человечка совершенно не соответствовала росту и придавала всей его фигуре чрезвычайно нелепый шарообразный вид. Ног его, разумеется, не было видно. Руки отличались громадными размерами.

Когда оставалось, как уже сказано, каких-нибудь сто футов до земли, старичок внезапно засуетился, торопливо вытащил из бокового кармана большую записную книжку в сафьяновом переплёте и взвесил в руке. Потом открыл книжку и, достав из неё пакет, запечатанный сургучом и тщательно перевязанный красною тесёмкой, бросил его прямо к ногам бургомистра Супербуса ван Ундердука.

Воздушный шар взвился, точно жаворонок, на громадную высоту, вскоре исчезнув за облаком. Внимание всех устремилось теперь на письмо, которое, как оказалось при ближайшем рассмотрении, попало в надлежащие руки, будучи адресовано бургомистру и профессору Рубадубу как президенту и вице-президенту Роттердамского астрономического общества. Итак, названные сановники распечатали письмо тут же на месте и нашли в нём следующее необычное и весьма важное сообщение:

«Их превосходительствам господину ван Ундердуку и господину Рубадубу, президенту и вице-президенту

Астрономического общества в городе Роттердаме.

Быть может, ваши превосходительства соблаговолят вспомнить скромного ремесленника, который вместе с тремя другими обывателями исчез из города около пяти лет тому назад при обстоятельствах, можно сказать, чрезвычайных. Как бы то ни было, с позволения ваших превосходительств, я, автор настоящего сообщения…»

* * *

…Когда Джон Гордон впервые услышал голос, то подумал, что сходит с ума. Была ночь, он уже засыпал. Голос чётко звучал в его голове.

«Слышите ли вы меня, Джон Гордон? Вы меня слышите?»

Гордон сел на постели. Он слегка испугался. Он всегда считал, что дело плохо, если человеку слышатся какие-то голоса.

Он прошёл всю войну без единой царапинки. Но, быть может, годы полётов над Тихим океаном оставили след в его психике. Можно, конечно, взять молодого клерка из нью-йоркского страхового агентства и сделать из него военного лётчика, который управляет тридцатитонным бомбардировщиком так же легко, как своей рукой. А спустя три года отослать его назад за конторку. Но…

Странная вещь: все эти годы, пока Гордон рисковал жизнью над Тихим океаном, он мечтал о том, как вернётся. К своей прежней работе, в свою уютную квартирку.

Он вернулся домой, и всё здесь было по-прежнему. Зато изменился он сам. Привыкший к воздушным битвам, к смертельной опасности, он отучился складывать цифры. Он не понимал, чего ему хочется, однако ощущал постоянное беспокойство. Гнал от себя возникавшие мысли – безуспешно.

А теперь этот странный голос.

…Его не было две ночи. На третью он заговорил снова: «Вы меня слышите, Джон Гордон? Не бойтесь! Я – другой человек, и я обращаюсь к вашему мозгу!»

Гордон лежал в полусне, голос казался ему необычайно реальным.

«Отзовитесь, Джон Гордон! Не словами, а мысленно. Канал открыт, отвечайте!»

Сам того не желая, Гордон послал во мрак робкую мысль:

«Кто вы?»
«Я Зарт Арн, принц Средне-Галактической империи».

1. В горах Аризоны

Мне очень много лет…

Мне очень много лет; сколько – я сам не знаю…Вновь поведаю – не знаю я, что стало с Харлеем Вареном. Вновь поведаю… Вот где водится Снарк!..

«Вот где водится Снарк!» – возгласил Балабон, указав на вершину горы; и матросов на берег вытаскивал он, их подтягивал за вихры. «Вот где водится Снарк! Не боясь, повторю: вам отваги придаст эта весть. Вот где водится Снарк! В третий раз говорю. То, что трижды сказал, то и есть». Был отряд на подбор! Первым шёл Билетёр. Дальше следовал шляпный Болванщик, Барахольщик с багром, чтоб следить за добром, и козы отставной Барабанщик. Биллиардный маэстро – отменный игрок мог любого обчистить до нитки; но Банкир всю наличность убрал под замок, чтобы как-то уменьшить убытки. Был меж ними Бобёр, на уловки хитёр, по канве вышивал он прекрасно. И, по слухам, не раз их от гибели спас. Но вот как – совершенно неясно.

Мне очень много лет; сколько – я сам не знаю. Быть может, сто, быть может, больше. Точно ответить не могу, так как я никогда не старился, подобно другим людям, и детство тоже не удержалось в моей памяти. Насколько я припоминаю, я всегда был мужчиной в возрасте около тридцати лет. Вид у меня теперь точно такой же, как сорок лет назад, и всё же я чувствую, что вечно жить я не буду, что в один «прекрасный» день умру реальной смертью, после которой нет воскрешения. Я не знаю, почему боюсь смерти, ведь я умирал дважды – и всё ещё жив.

Объяснить эти сверхъестественные происшествия я не могу; могу лишь изложить простыми словами обыкновенного искателя приключений хронику странных происшествий, случившихся со мной за десять лет, в продолжение которых моё мёртвое тело лежало не найденным в одной из пещер Аризоны.

…Вновь поведаю – не знаю я, что стало с Харлеем Вареном, хоть думаю, почти надеюсь, что пребывает он ныне в мирном забвении, если там существует столь благословенная вещь. Истинно, в течение пяти лет я был его ближайшим другом и даже

разделил с ним исследования неизведанного. Я не стану отрицать (нашёлся свидетель, пусть слабый и ненадёжный – моя память) похода к пику Гаинсвиль, на дороге к Большому Кипарисовому Болоту, той отвратительной ночью, в полдвенадцатого. Электрические фонари, лопаты, катушка провода, что мы несли, – лишь декорации к омерзительной сцене, сожжённой моей поколебавшейся памятью. Но затем я должен настоять, что не утаил ничего, что следовало бы сказать о том, почему меня нашли следующим утром на краю болота одинокого и потрясённого. Утверждаете – ни на болоте, ни рядом не было ничего, что могло бы вселить страх.

Моё имя – Джон Картер, но я более известен как капитан Картер из Виргинии. По окончании Гражданской войны я оказался обладателем нескольких сот тысяч долларов (к сожалению, конфедеративных) и чином капитана кавалерийского эскадрона уже несуществующей армии, слугой государства, исчезнувшего вместе с надеждой Юга. Итак, без службы, без родины, совершенно разорённый, обладая единственным средством к существованию – готовностью к борьбе, – я решил направиться на юго-запад и попытаться там восстановить своё состояние в поисках золота.

В этих поисках я провёл около года в обществе другого конфедеративного офицера, капитана Джемса К. Поуэля из Ричмонда. 3-го марта 1866 г. мы навьючили двух осликов багажом Поуэля и распрощались. Он сел на лошадь и стал спускаться по горному хребту в долину, через которую лежал его путь.

Утро в день отъезда Поуэля было, как обычно в Аризоне, ясное. Я следил взором за ним и его маленькими вьючными животными, спускавшимися с откоса горы вниз к долине. Я знал, что Поуэль прекрасно вооружён и, кроме того, обладает большим опытом в схватке с индейцами; но я жил в течение ряда лет на севере, где мне неоднократно приходилось сталкиваться с сиуксами, и мне было ясно, что шансы его против шайки хитрых апачей весьма слабы. В конце концов, состояние неизвестности стало для меня нестерпимым; вооружившись двумя револьверами Кольта и карабином, я вскочил на верховую лошадь и направился по следам Поуэля, пока не наступила полная темнота, вынудившая меня дожидаться восхода луны.

Около девяти часов луна светила уже достаточно ярко, и я мог продолжать свой путь; без особого труда я довольно быстро продвигался вперёд по тропинке, местами пуская коня лёгкой рысью. Около полуночи я добрался до водоёма, у которого, как я

знал, Поуэль предполагал сделать привал. Я выехал на это место совершенно неожиданно для себя и нашёл его совершенно пустынным, без малейших признаков недавнего пребывания здесь человека.

Дальнейшие мои размышления были прерваны отзвуком выстрелов, раздавшихся далеко впереди меня. Я понял, что в данный момент Поуэль нуждается во мне больше, чем когда-либо, и я немедленно пустил лошадь бешеным карьером вверх по узкой горной тропе.

Я проскакал целую милю или даже больше, не слыша ни одного звука. Внезапно тропинка оборвалась и перешла в небольшое открытое плоскогорье, вблизи которого возвышалась вершина горы.

Небольшая полоска равнины сплошь белела индейскими шатрами. Посредине лагеря с полтысячи краснокожих воинов сгрудились вокруг какого-то предмета. В эту минуту я, конечно, понял, что центром всеобщего внимания был не кто иной, как Поуэль. Что последовало раньше – мысль или поступок – я не знаю, но через мгновение я выхватил из-за пояса свой револьвер и стал быстро посылать выстрел за выстрелом в самую гущу краснокожей толпы, издавая в то же время дикие крики изо всей силы своих лёгких. В моём положении я вряд ли мог придумать что-нибудь лучшее, так как ошеломлённые неожиданностью краснокожие в полной уверенности, что их настиг целый отряд регулярной армии, бросились врассыпную за своими луками, стрелами и карабинами.

Зрелище, представившееся теперь моим глазам, заставило похолодеть кровь в моих жилах. Под яркими лучами аризонской луны лежал Поуэль; тело его было покрыто густой щетиной вражеских стрел. В том, что он уже был мёртв, не могло быть ни малейшего сомнения, и всё же я постарался спасти его тело от поругания, как если бы дело шло о спасении его жизни.

Подъехав к нему вплотную, я нагнулся и, ухватившись за его патронный пояс, взвалил тело на холку моей лошади. Взгляд, брошенный мною назад, убедил меня, что возвращение более рискованно, нежели продолжение пути вперёд через плоскогорье. Пришпорив моего измученного скакуна, я помчался к ущелью, видневшемуся вдали по ту сторону равнины.

Тем временем индейцы успели сообразить, что я один, и мне вслед полетели проклятья, сопровождаемые стрелами и карабинными пулями. То обстоятельство, что при лунном свете может попасть в цель, пожалуй, только проклятье, в совокупности с их крайне неуравновешенным душевным состоянием, а также быстрый бег моего коня – всё это спасло меня от метательных

снарядов врага, и я получил возможность добраться до прикрытия ближайших возвышенностей прежде, чем дикари успели организовать настоящую погоню.

Конь мой продвигался вперёд без поводьев, так как я знал, что он найдёт верный путь скорее, нежели я. Но на этот раз он ошибся и пошёл по тропе, ведущей к вершине горной цепи, а не к ущелью, через которое я надеялся выбраться в долину и таким образом спастись от погони. Возможно, однако, что именно этой ошибке я обязан жизнью и теми замечательными происшествиями, которые приключились со мной в течение последующих десяти лет.

Первая мысль о том, что я на верном пути, мелькнула у меня, когда вопли преследователей стали доноситься до меня слева и притом стали менее внятными.

Я понял, что они направились по левую сторону зубчатой скалистой возвышенности, окаймляющей плоскогорье, в то время как мой конь вынес меня и тело Поуэля по правую её сторону.

Я очутился на небольшом ровном выступе скалы, с которого можно было разглядеть тропинку внизу, и увидел, как кучка преследовавших меня дикарей исчезла за вершиной соседней горы.

Мне было ясно, что индейцы скоро обнаружат свою ошибку, и тогда погоня будет возобновлена по верному направлению, стоит им только напасть на мои следы.

Я успел проехать лишь очень небольшое расстояние, как вдруг перед моими глазами вырос большой скалистый утёс. Тропинка, по которой я ехал, была ровная, довольно широкая и вела вверх именно в этом направлении. По правую руку от меня возвышалась скала, вышиной в несколько сот футов, а по левую сторону оказался такой же крутой, почти отвесный спуск, ведущий на дно скалистого оврага.

Я не проехал и ста ярдов, как резкий поворот вправо вывел меня к отверстию большой пещеры. Отверстие было четыре фута в вышину и от трёх до четырёх футов в ширину. Тропинка кончалась у самой пещеры.

Утро уже наступило, и, как всегда в Аризоне, всё внезапно озарилось ярким дневным светом.

Сойдя с лошади, я положил тело Поуэля на землю. Самый тщательный его осмотр не обнаружил ни малейших признаков жизни. Я очень любил Поуэля. Он был настоящим мужчиной, джентльменом и хорошим верным товарищем. С чувством глубокой скорби я прекратил свои тщетные попытки оживить его.

Оставив тело Поуэля там, где оно лежало, на самом краю площадки, я вполз внутрь пещеры для рекогносцировки. Здесь я

нашёл большое помещение, примерно в сто футов в диаметре и в тридцать или сорок футов в вышину. Ровный, хорошо утоптанный пол и многие другие внешние признаки свидетельствовали о том, что когда-то, в отдалённые времена, пещера эта была обитаемой. Задний план её был настолько скрыт в густой тени, что я не мог разобрать, имеются ли там ещё выходы в другие помещения или нет.

Продолжая свой осмотр, я начал ощущать приятную сонливость, охватившую моё существо, что я приписал своей усталости от длительной и напряжённой верховой езды, а также реакции после возбуждения борьбы и погони.

Охватившая меня полудремота вскоре стала так сильна, что я с трудом противостоял властному желанию броситься на землю и заснуть. Я сознавал, что это совершенно недопустимо, так как это означало бы верную смерть от рук моих краснокожих «друзей», которые могли нагрянуть ко мне каждую минуту. Сделав над собой усилие, я направился к выходу из пещеры, но сильное головокружение отбросило меня к боковой стене, и я навзничь упал на землю.

* * *

«Это мне снится», – решительно подумал Гордон. Ответ Зарт Арна вновь не заставил себя ждать.

> *«Нет, это не сон. Я столь же реален, как вы. Обычные предметы неспособны перемещаться навстречу потоку времени, но мысль нематериальна. Всякий раз, когда вы что-либо вспоминаете, ваша собственная мысль уходит немного в прошлое».*

«Если даже это правда, зачем вызывать меня?» – подумал Гордон.

> *«За тысячи веков многое изменилось. Я изучаю прошлое, посылая туда свой разум и вступая в контакт с различными людьми. Со многими из них мы временно обменивались телами. Мой аппарат посылает в прошлое не только мысль, как сейчас, но и всё сознание целиком. Я намерен исследовать вашу эпоху, Джон Гордон, я ещё не уходил в прошлое столь далеко. Вы мне поможете?»*

В голове Гордона вспыхнула паническая мысль: «Нет! Это безумие!»

«Опасности нет, – настаивал Зарт Арн. – Вы проведёте несколько недель в моём времени, а я в вашем. Потом мой коллега Вель Квен произведёт обратный обмен. Подумайте, Джон Гордон! Неужели вы откажетесь?»

«Я согласен», – мысленно произнёс Гордон.

> *«Хорошо. Аппарат готов. Вы проживёте в моём теле полтора месяца, затем произойдёт обратный обмен. А теперь попробуйте расслабиться, чтобы ваше сознание не противилось силе, которая увлечёт его сквозь пространство и время».*

Это было легче сказать, чем сделать, однако Гордон подчинился. Расслабиться, погрузиться поглубже в дремоту… И вдруг ощутил необычное, тянущее чувство в своей голове.

Гордона пронзил ужас, и он едва не очнулся. Но было поздно. Он падал стремглав в бездонные глубины мрака.

Странное объявление

В четыре часа дня, в Петербурге, на проспекте Красных Зорь, появилось странное объявление, – небольшой, серой бумаги листок, прибитый гвоздиками к облупленной стене пустынного дома.

Корреспондент американской газеты, Арчибальд Скайльс, проходя мимо, увидел стоявшую перед объявлением босую молодую женщину в ситцевом опрятном платье, – она читала, шевеля губами. Усталое и милое лицо женщины не выражало удивления, – глаза были равнодушные, ясные, с сумасшедшинкой. Она завела прядь волнистых волос за ухо, подняла с тротуара корзинку с зеленью и пошла через улицу.

Объявление заслуживало большого внимания. Скайльс, любопытствуя, прочёл его, придвинулся ближе, провёл рукой по глазам, перечёл ещё раз.

– Twenty three, – проговорил он наконец, что должно было означать: «Чёрт возьми меня с моими костями».

В объявлении стояло:

> «Инженер М. С. Лось приглашает желающих лететь с ним 18 августа на планету Марс явиться для личных переговоров от 6 до 8 вечера. Ждановская набережная, дом 11, во дворе».

Это было написано обыкновенно и просто, обыкновенным

чернильным карандашом. Невольно Скайльс взялся за пульс – обычный. Взглянул на хронометр: было десять минут пятого, стрелка красненького циферблата показывала 14 августа.

Со спокойным мужеством Скайльс ожидал всего в этом безумном городе. Но объявление, приколоченное гвоздиками к облупленной стене, подействовало на него в высшей степени болезненно. Дул ветер по пустынному проспекту Красных Зорь. Окна многоэтажных домов, иные разбитые, иные заколоченные досками, казались нежилыми, – ни одна голова не выглядывала на улицу. Молодая женщина, поставив корзинку на тротуар, стояла на той стороне улицы и глядела на Скайльса. Милое лицо её было спокойное и усталое.

У Скайльса задвигались на скулах желваки. Он достал старый конверт и записал адрес Лося. В это время перед объявлением остановился рослый, широкоплечий человек, без шапки, по одежде – солдат, в рубахе без пояса, в обмотках. Руки у него от безделья были засунуты в карманы. Крепкий затылок напрягся, когда он стал читать объявление.

– Вот этот, вот так, замахнулся, – на Марс! – проговорил он с удовольствием и обернул к Скайльсу загорелое беззаботное лицо. На виске у него, наискосок, белел шрам. Глаза – ленивые, серо-карие, и так же, как у той женщины, – с искоркой. (Скайльс давно уже подметил эту искорку в русских глазах.)

– А вот взять и полететь с ним, очень просто! – опять сказал солдат, и усмехнулся простодушно, и в то же время быстро, с головы до ног, оглядел Скайльса.

Вдруг он прищурился, улыбка сошла с лица. Он внимательно глядел через улицу на босую женщину, всё так же неподвижно стоявшую около корзинки. Кивнув подбородком, он сказал ей:

– Маша, ты что стоишь? (Она быстро мигнула.) Ну, и шла бы домой. (Она переступила пыльными, небольшими ногами, и видно было, как вздохнула, нагнула голову.) Иди, иди, я скоро приду.

Женщина подняла корзину и пошла. Солдат сказал:

– В запас я уволился вследствие контузии и ранения. Хожу – вывески читаю, – скука страшная.

– Вы думаете пойти по этому объявлению? – спросил Скайльс.

– Обязательно пойду.

– Но ведь это вздор – лететь в безвоздушном пространстве пятьдесят миллионов километров…

– Что говорить – далеко.

– Это шарлатанство или – бред.

– Всё может быть.

Эх, яблочко! Да червячок грызёт.
Эх, девочка да пятачок несёт.
Губы тонкие да ноги босые,
Руки мокрые да зубы острые.

Скайльс, тоже теперь прищурясь, оглянул солдата, вспыхнул гневно и пошёл по направлению к Неве, – шагал уверенно и широко. В сквере он сел на скамью, засунул руку в карман, где прямо в кармане, как у старого курильщика и делового человека, лежал табак, одним движением большого пальца набил трубку, закурил и вытянул ноги.

Шумели старые липы в сквере. Воздух был влажен и тёпел. На куче песку, один во всём сквере, видимо уже давно, сидел маленький мальчик в грязной рубашке горошком и без штанов. Ветер поднимал, время от времени, его светлые и мягкие волосы. В руке он держал конец верёвочки, к другому концу верёвочки была привязана за ногу старая, взлохмаченная ворона. Она сидела недовольная и сердитая и так же, как и мальчик, глядела на Скайльса.

Вдруг – это было на мгновение – будто облачко скользнуло по его сознанию, стало странно, закружилась голова: не во сне ли он всё это видит?.. Мальчик, ворона, пустые дома, пустынные улицы, странные взгляды прохожих и приколоченное гвоздиками объявление, – кто-то зовёт лететь из этого города в звёздную пустыню.

Скайльс глубоко затянулся крепким табаком. Усмехнулся. Развернул план Петербурга и, водя по нему концом трубки, отыскал Ждановскую набережную.

В мастерской Лося

Скайльс вошёл на плохо мощённый двор, заваленный ржавым железом и бочонками от цемента. Чахлая трава росла на грудах мусора, между спутанными клубками проволок, поломанными частями станков. В глубине двора отсвечивали закатом пыльные окна высокого сарая. Небольшая дверца в нём была приотворена, на пороге сидел на корточках рабочий и размешивал в ведёрке кирпично-красный сурик. На вопрос Скайльса – здесь ли можно видеть инженера Лося, рабочий кивнул во внутрь сарая. Скайльс вошёл.

Сарай едва был освещён, – над столом, заваленным чертежами и книгами, горела электрическая лампочка в жестяном конусе. В глубине сарая возвышались до потолка леса. Здесь же

пылал горн, раздуваемый рабочим. Сквозь балки лесов поблёскивала металлическая, с частой клёпкой, поверхность сферического тела. Сквозь раскрытые половинки ворот были видны багровые полосы заката и клубы туч, поднявшихся с моря.

Рабочий, раздувавший горн, проговорил вполголоса:

– К вам, Мстислав Сергеевич.

Из-за лесов появился среднего роста крепко сложенный человек. Густые, шапкой, волосы его были снежно-белые. Лицо – молодое, бритое, с красивым большим ртом, с пристальными, светлыми, казалось, летящими впереди лица немигающими глазами. Он был в холщовой, грязной, раскрытой на груди, рубахе, в заплатанных штанах, перетянутых верёвкой. В руке он держал запачканный, порванный чертёж. Подходя, он попытался застегнуть на груди рубашку на несуществующую пуговицу.

– Вы по объявлению? Хотите лететь? – спросил он глуховатым голосом и, указав Скайльсу на стул под конусом лампочки, сел напротив у стола, швырнул чертёж и стал набивать трубку. Это и был инженер М. С. Лось.

Опустив глаза, он раскуривал трубку, – спичка осветила снизу его крепкое лицо, две морщины у рта, – горькие складки, широкий вырез ноздрей, длинные, тёмные ресницы. Скайльс остался доволен осмотром. Он объяснил, что лететь не собирается, но что прочёл объявление на проспекте Красных Зорь и считает долгом познакомить своих читателей со столь чрезвычайным и сенсационным проектом междупланетного сообщения. Лось слушал, не отрывая от него немигающих светлых глаз.

– Жалко, что вы не хотите со мной лететь, жалко, – он качнул головой, – люди шарахаются от меня, как от бешеного. Через четыре дня я покидаю Землю и до сих пор не могу найти спутника. – Он опять зажёг спичку, пустил клуб дыма. – Какие вам от меня требуются сведения?

– Наиболее выпуклые черты вашей биографии.

– Это никому не нужно, – сказал Лось, – ничего замечательного. Учился на медные деньги, с двенадцати лет сам их зарабатываю. Молодость, годы учения, нищета, работа, служба, за тридцать пять лет – ни одной черты, любопытной для ваших читателей, ничего замечательного, кроме… – Лось вытянул нижнюю губу, вдруг насупился, резко обозначились морщины у рта. – Ну, так вот… Над этой машиной, – он ткнул трубкой в сторону лесов, – работаю давно. Постройку начал год тому назад. Всё!

– Во сколько, приблизительно, месяцев вы думаете покрыть расстояние между Землёй и Марсом? – спросил Скайльс, глядя на

кончик карандаша.

– В девять или десять часов, я думаю, не больше.

Скайльс сказал на это «Ага», затем покраснел, зашевелились желваки у него на скулах.

– Я бы очень был вам признателен, – проговорил он с вкрадчивой вежливостью, – если бы у вас было доверие ко мне и серьёзное отношение к нашему интервью.

Лось положил локти на стол, закутался дымом, сквозь табачный дым блеснули его глаза.

– Восемнадцатого августа Марс приблизится к Земле на сорок миллионов километров, – сказал он, – это расстояние я должен пролететь. Из чего оно складывается? Первое – высота земной атмосферы – семьдесят пять километров. Второе – расстояние между планетами в безвоздушном пространстве – сорок миллионов километров. Третье – высота атмосферы Марса – шестьдесят пять километров. Для моего полёта важны только эти сто тридцать пять километров воздуха.

Он поднялся, засунул руки в карманы штанов, голова его тонула в тени, в дыму, – освещены были только раскрытая грудь и волосатые руки с закатанными по локоть рукавами.

– Обычно называют полётом – полёт птицы, падающего листа, аэроплана. Но это не полёт, а плавание в воздухе. Чистый полёт – это падение, когда тело двигается под действием толкающей его силы. Пример – ракета. В безвоздушном пространстве, где нет сопротивления, где ничто не мешает полёту, – ракета будет двигаться со всё увеличивающейся скоростью, очевидно, там я могу достичь скорости света, если не помешают магнитные влияния. Мой аппарат построен именно по принципу ракеты. Я должен буду пролететь в атмосфере Земли и Марса сто тридцать пять километров. С подъёмом и спуском это займёт полтора часа. Час я кладу на то, чтобы выйти из притяжения Земли. Далее, в безвоздушном пространстве я могу лететь с любою скоростью. Но есть две опасности: от чрезмерного ускорения могут лопнуть кровеносные сосуды, и второе – если я с огромной быстротой влечу в атмосферу Марса, то удар в воздух будет подобен тому, как будто я вонзился в песок. Мгновенно аппарат и всё, что в нём, – превратятся в газ. В междузвёздном пространстве носятся осколки планет, нерождённых или погибших миров. Вонзаясь в воздух, они сгорают мгновенно. Воздух – почти непроницаемая броня. Хотя на Земле она однажды была пробита.

Лось вынул руку из кармана, положил её ладонью вверх, на стол, под лампочкой, и сжал пальцы в кулак.

– В Сибири, среди вечных льдов, я откапывал мамонтов, погибших в трещинах земли. Между зубами у них была трава, они

паслись там, где теперь льды. Я ел их мясо. Они не успели разложиться. Они замёрзли в несколько дней, – их замело снегами. Видимо, отклонение земной оси произошло мгновенно. Земля столкнулась с огромным небесным телом, либо у нас был второй спутник, меньший, чем Луна. Мы втянули его, и он упал, разбил земную кору, отклонил полюсы. Быть может, от этого именно удара погиб материк, лежавший на запад от Африки в Атлантическом океане. Итак, чтобы не расплавиться, вонзаясь в атмосферу Марса, мне придётся сильно затормозить скорость. Поэтому я кладу на весь перелёт в безвоздушном пространстве – шесть-семь часов. Через несколько лет путешествие на Марс будет не более сложно, чем перелёт из Москвы в Берлин.

Лось отошёл от стола и повернул включатель. Под потолком зашипели, зажглись дуговые фонари. Скайльс увидел на дощатых стенах – чертежи, диаграммы, карты. Полки с оптическими и измерительными инструметами.

Лось и Скайльс подошли к лесам, которые окружали металлическое яйцо. На глаз Скайльс определил, что яйцеобразный аппарат был не менее восьми с половиной метров высоты и шести метров в поперечнике. Посредине, по окружности его, шёл стальной пояс, пригибающийся книзу, к поверхности аппарата, как зонт, – это был парашютный тормоз, увеличивающий сопротивление аппарата при падении в воздухе. Под парашютом расположены три круглые дверцы – входные люки. Нижняя часть яйца оканчивалась узким горлом. Его окружала двойная, массивной стали, круглая спираль, свёрнутая в противоположные стороны, – буфер. Таков был внешний вид междупланетного дирижабля.

Постукивая карандашом по клёпаной обшивке яйца, Лось стал объяснять подробности. Аппарат был построен из мягкой и тугоплавкой стали, внутри хорошо укреплён рёбрами и лёгкими фермами. Это был внешний чехол. В нём помещался второй чехол из шести слоёв резины, войлока и кожи. Внутри этого, второго, кожаного стёганого яйца находились аппараты наблюдения и движения, кислородные баки, ящики для поглощения углекислоты, полые подушки для инструментов и провизии. Для наблюдения поставлены выходящие за внешнюю оболочку аппарата особые «глазки» в виде короткой металлической трубки, снабжённой призматическими стёклами.

Механизм движения помещался в горле, обвитом спиралью. Горло было отлито из металла «Обин», чрезвычайно упругого и твёрдостью превосходящего астрономическую бронзу. В толще горла были высверлены вертикальные каналы. Каждый из них расширялся наверху в так называемую взрывную камеру. В

каждую камеру проведены искровая свеча от общего магнето и питательная трубка. Как в цилиндры мотора поступает бензин, точно так же взрывные камеры питались «Ультралиддитом», тончайшим порошком, необычайной силы взрывчатым веществом, найденным в 1920 году в лаборатории …ского завода в Петербурге. Сила «Ультралиддита» превосходила всё до сих пор известное в этой области. Конус взрыва чрезвычайно узок. Чтобы ось конуса взрыва совпадала с осями вертикальных каналов горла, – поступаемый во взрывные камеры «Ультралиддит» пропускался сквозь магнитное поле. Таков, в общих чертах, был принцип движущего механизма: это была ракета. Запас «Ультралиддита» – на сто часов. Уменьшая или увеличивая число взрывов в секунду, можно было регулировать скорость подъёма и падения аппарата. Нижняя его часть значительно тяжелее верхней, поэтому, попадая в сферу притяжения планеты, аппарат всегда поворачивался к ней горлом.

– На какие средства построен аппарат? – спросил Скайльс.

– Материалы дало правительство. Частью на это пошли мои сбережения.

Лось и Скайльс вернулись к столу. После некоторого молчания Скайльс спросил неуверенно:

– Вы рассчитываете найти на Марсе живых существ?

– Это я увижу утром, в пятницу, девятнадцатого августа.

– Я предлагаю вам десять долларов за строчку путевых впечатлений. Аванс – шесть фельетонов, по двести строк, чек можете учесть в Стокгольме. Согласны?

Лось засмеялся, кивнул головой, – согласен. (Скайльс присел на углу стола писать чек.)

– Жаль, жаль, что вы не хотите лететь со мной: ведь это, в сущности, так близко, ближе, чем до Стокгольма!

* * *

…Значит, обмен удался!

Превозмогая слабость, Гордон приблизился к окну, ожидая увидеть сказочные конструкции суперсовременного мегаполиса. Но за окном открылся дикий ландшафт. Восьмиугольная комната, в которой они находились, располагалась на вершине высокой башни, примостившейся над отвесным обрывом. Кругом высились колоссальные снеговые пики, меж ними темнели бездонные пропасти. И нигде ни единого здания. Картина вызывала в памяти Гималаи XX века.

Когда Гордон проснулся, был уже новый день.

2. Избавление от смерти

Блаженное ощущение охватило меня…

Блаженное ощущение охватило меня, мускулы мои ослабели… Был там некто…

Был там некто, забывший на суше свой зонт, сухари и отборный изюм, плащ, который был загодя отдан в ремонт, и практически новый костюм. Тридцать восемь тюков он на пристань привёз. И на каждом – свой номер и вес; но потом как-то выпустил этот вопрос и уплыл в путешествие без. Можно было б смириться с потерей плаща, уповая на семь сюртуков и три пары штиблет; но, пропажу ища, он забыл даже, кто он таков. Его звали: «Эй, там!» или «Как тебя бишь!» Отзываться он сразу привык и на «Вот тебе на» и на «Вот тебе шиш», и на всякий внушительный крик. Ну а тем, кто любил выражаться точней, он под кличкой иной был знаком. В кругу самом близком он звался «огрызком», в широких кругах – Дохляком.

Блаженное ощущение охватило меня, мускулы мои ослабели, и я был уже близок к тому, чтобы уступить желанию заснуть, как вдруг до моего слуха донёсся звук приближающегося лошадиного топота. Я был в полном сознании, но не мог пошевелить ни одним мускулом, как бы превратившись в камень. И в этот самый момент я впервые заметил, что пещеру наполняет какой-то прозрачный туман, заметный лишь у самого выхода, озарённого дневным светом.

Ждать пришлось недолго. Лёгкий шорох известил меня, что враг рядом. Из-за гребня скалы показалась ярко раскрашенная физиономия в военном головном уборе, и дикие глаза впились в меня. Я был уверен, что, несмотря на царивший в пещере полумрак, он прекрасно видел меня, так как лучи утреннего солнца падали прямо на меня через входное отверстие.

Однако, вместо того чтобы приблизиться, краснокожий стоял неподвижно, с вытаращенными глазами и открытым ртом. Затем показалась ещё одна дикая физиономия, потом третья, четвёртая и пятая, причём каждый перегибался через плечо своего соседа, так как выступ скалы был слишком крут, чтобы обойти его кругом.

Внезапно из глубины пещеры, откуда-то позади меня, раздался слабый, но внятный стон. Как только он достиг слуха индейцев, они повернулись и – бросились бежать, охваченные дикой паникой. Их стремление ускользнуть от невидимой опасности, находившейся позади меня, было настолько велико,

что один из них был сброшен с утёса вниз головой на острые камни оврага. В течение нескольких мгновений в воздухе раздавались их дикие крики, затем всё стихло.

Звук, испугавший моих врагов, больше не повторялся, но и одного раза было достаточно для того, чтобы заставить меня углубиться в размышления о неизвестном чудовище, скрывавшемся во мраке за моей спиной.

Несколько раз мне казалось, что я слышу позади себя слабые звуки, как будто кто-то осторожно двигается. Но это скоро прекратилось, и я был предоставлен спокойным размышлениям о своём положении. Я мог лишь смутно догадываться о причине моего паралича, и единственная моя надежда была на то, что он прекратится так же внезапно, как и начался.

К концу дня мой конь, стоявший до сих пор непривязанным у входа в пещеру, повернулся и стал медленно спускаться вниз по тропинке, очевидно, в поисках пищи и воды. И вот я остался один с таинственным существом позади себя и с мёртвым телом моего друга, лежавшим там, куда я положил его на рассвете.

С этой минуты до полуночи вокруг меня царила тишина – тишина смерти.

И вдруг ужасный стон вновь достиг моего содрогнувшегося слуха, и вновь из густого мрака пещеры, позади меня, послышался звук от движения какого-то существа и как бы слабое шуршание сухих листьев. Затем я ощутил сильный внутренний толчок, мгновенную тошноту, услышал треск как бы ломающегося стального прута, и я почувствовал себя прислонённым к стене пещеры, лицом к лицу со своим неизвестным врагом.

В эту минуту лунный свет озарил внутренность пещеры, и… прямо перед собой я увидел своё собственное тело, распростёртое в той же позе, в какой оно пролежало все эти часы: с широко открытыми глазами, устремлёнными к выходу пещеры, с безжизненно раскинутыми руками. Охваченный полнейшей растерянностью, я переводил взгляд со своей недвижимой земной оболочки, лежавшей на полу, на себя, стоящего у стены. На земле я лежал одетый, и в то же время стоял у стены совершенно нагой, как в час своего рождения.

Превращение было настолько внезапно и неожиданно, что на минуту я забыл обо всём, кроме своей чудесной метаморфозы. Первой моей мыслью было: неужели это и есть смерть?

В эту минуту повторившийся глухой стон из глубины пещеры напомнил мне окружающую меня обстановку. У меня не было ни малейшего желания стать лицом к лицу с угрожающим мне невидимым врагом, так как я был наг и безоружен.

Мои револьверы были пристёгнуты к моему безжизненному

телу, к которому я по какой-то непреодолимой причине не мог заставить себя прикоснуться. Карабин мой был прицеплен к моему седлу, а так как конь мой ушёл, то я остался безо всяких средств для защиты. Единственным выходом из создавшегося положения было бегство. Решение моё бежать укрепилось, когда я вновь услышал шуршащий звук приближающегося ко мне существа, которое, как показалось моему расстроенному воображению, осторожно ползло на меня из мрака пещеры.

Не будучи более в состоянии противиться искушению бежать из этого ужасного места, я быстро проскользнул в отверстие входа и очутился под звёздным небом ясной аризонской ночи, решил вновь отправиться на разведку. Но прежде чем двинуться с места, я поднял голову, чтобы наполнить свои лёгкие чистым, укрепляющим горным воздухом. В эту минуту взгляд мой упал на расстилающуюся передо мной прекрасную панораму горных хребтов и равнин, поросших кактусом. Под фосфорическими лучами луны картина эта казалась сказочной и овеянной каким-то особым очарованием.

…В долине ущербная луна сияет мертвенно и тускло, концами своего неровного серпа касаясь губительной листвы гигантских анчаров. В глубине долины полно уголков, где царит вечный мрак, и те, кто там обитает, надёжно скрыты от постороннего взора. Среди дворцовых руин, разбросанных по заросшим травой и кустарником склонам, стелются ползучие лозы и побеги вьющихся растений – цепко оплетая надломленные колонны и зловещие монолиты, они взбираются на мраморные мостовые, выложенные руками неведомых зодчих. В ветвях исполинских деревьев, что высятся среди запущенных дворов, резвятся обезьянки, а из глубоких подземелий, где спрятаны несметные сокровища, выползают ядовитые змеи и чешуйчатые твари, не имеющие названия.

Погружённый в созерцание, я перевёл взор с земли на небеса, где мириады звёзд раскинули великолепный шатёр для красавицы Земли. Внимание моё внезапно было привлечено большой красной звездой, видневшейся недалеко от горизонта. И, смотря на неё, я почувствовал себя во власти какой-то могучей волшебной силы. Это был Марс, бог войны, который мне, воину, всегда представлялся чем-то непреодолимо влекущим.

И в эту далёкую незабвенную ночь, когда я, как заколдованный, не мог оторвать от него свой взор, мне показалось, что он властно призывает меня к себе через необозримое пространство, манит меня кинуться к нему, как

магнит притягивает к себе кусок железа.

На мгновение резкий холод и непроницаемый мрак окружили меня.

* * *

Вель Квен показал Гордону телепатический усилитель, способный направить мысленное послание любому человеку в прошлом, объяснил принцип работы аппаратуры обмена.

– Разум – это электронная структура в мозгу. Аппарат преобразует её в фотонную. Фотонное сознание можно переслать через любое измерение, в том числе и четвёртое, то есть время…

– Зарт Арн сам изобрёл этот метод? – поинтересовался Гордон.

– Мы изобрели его вместе. Теория у меня была. Зарт Арн – самый способный мой ученик, он помог построить и испытать аппарат. Результат превзошёл ожидания. Видите стеллажи? Это мыслезаписи, принесённые Зарт Арном из прошлого. Мы работаем тайно. Арн Аббас запретил бы своему сыну рисковать, заподозри он что-нибудь.

– Арн Аббас? – переспросил Гордон. – Кто это?

Спутник

Лось стоял, прислонившись плечом к верее раскрытых ворот. Трубка его погасла.

За воротами до набережной Ждановки лежал пустырь. Несколько неярких фонарей отражались в воде. Далеко – смутными и неясными очертаниями возвышались деревья парка. За ними догорал и не мог догореть тусклый, печальный закат. Длинные тучи, тронутые по краям его светом, будто острова, лежали в зелёных водах неба. Над ними синело, темнело небо. Несколько звёзд зажглось на нём. Было тихо, – по-старому на старой Земле. Издалека дошёл звук гудящего парохода. Серой тенью пробежала крыса по пустырю.

Над Чёрным морем, над белым Крымом летела слава России дымом…

…Они уходили в степи – к конному корпусу «мертвецов» генерала Оборовича, – того, который сказал:

– Идя в бой, мы должны себя считать уже убитыми за Россию.

Был незабываемый вечер в Даире. Он вставал бриллиантово-павлиньим заревом празднеств, он хотел просиять в героические

пути всеми радугами безумий и нег. Музыка оркестров опевала вечер; бежали токи толп; женские нежные глаза покорённо раскрывались юным – в светах мчавшихся улиц, в качаниях бульварных аллей. В прощальных криках приветствий, любопытств, ласк, юные проходили по асфальтам, надменно волоча зеркальные палаши за собой; в вечере, в юных была красота славы и убийств. И шла речь; во мраке гудело море неотвратимым и глухим роком; и шла ночь упоений и тоски.

Был круговорот любвей; встречались у витрин, у блистающих зеркал Пассажа, в зеленоватых гостиных улиц, у сумеречных памятников площадей. Девушки на ходу протягивали из мехов тонкие свои драгоценные руки; звёздные глаза смеялись нежно и жалобно: их увлекали, сжимая, в качающуюся темь бульваров, голос мужественных, тоскующих шептал:

– Последняя ночь. Как больно…

Рабочий Кузьмин, давеча мешавший в ведёрке сурик, тоже стал в воротах, бросил огонёк папироски в темноту.

– Трудно с Землёй расставаться, – сказал он негромко. – С домом и то трудно расставаться. Из деревни, бывало, идёшь на железную дорогу, – раз десять оглянешься. Дом – хижина, соломой крыта, а – своё, прижилое место. Землю покидать – пустыня.

– Вскипел чайник, – сказал Хохлов, другой рабочий, – иди, Кузьмин, чай пить.

Кузьмин сказал: «Так-то», со вздохом, и пошёл к горну. Хохлов – суровый человек, и Кузьмин сели у горна на ящики и пили чай, осторожно ломали хлеб, отдирали с костей вяленую рыбу, жевали не спеша. Кузьмин, сощурившись, мотнув редкой бородкой, сказал вполголоса:

– Жалко мне его. Таких людей сейчас почти что и нет.

– А ты погоди его отпевать.

– Мне один лётчик рассказывал: поднялся он на восемь вёрст, летом, заметь, – и масло всё-таки замерзло у него в аппарате, – такой холод. А выше лететь? А там – холод. Тьма.

– А я говорю – погоди ещё отпевать, – повторил Хохлов мрачно.

– Лететь с ним никто не хочет, не верят. Объявление другую неделю висит напрасно.

– А я верю, – сказал Хохлов.

– Долетит?

– Вот то-то, что долетит. Вот, в Европе они тогда взовьются.

– Кто взовьётся?

– Как, кто взовьётся? Враги наши взовьются. На, теперь,

выкуси, – Марс-то чей? – русский.

– Да, это бы здорово.

Кузьмин пододвинулся на ящике. Подошёл Лось, сел, взял кружку с дымящимся чаем.

– Хохлов, не согласитесь лететь со мной?

– Нет, Мстислав Сергеевич, – важно ответил Хохлов, – не соглашусь, боюсь.

Лось усмехнулся, хлебнул кипяточку, покосился на Кузьмина.

– А вы, милый друг?

– Мстислав Сергеевич, да я бы с радостью полетел, – жена у меня больная, не ест ничего. Съест крошку, – всё долой. Так жалко, так жалко…

– Да, видимо, придётся лететь одному, – сказал Лось, поставив пустую кружку, вытер губы ладонью, – охотников покинуть Землю маловато. – Он опять усмехнулся, качнул головой. – Вчера барышня приходила по объявлению: «Хорошо, говорит, я с вами лечу, мне девятнадцать лет, пою, танцую, играю на гитаре, в Европе жить не хочу, – революции мне надоели. Визы на выезд не нужно?» Что у этой барышни было в голове – не пойму до сих пор. Кончился наш разговор, села барышня и заплакала: «Вы меня обманули, я рассчитывала, что лететь нужно гораздо ближе». Потом молодой человек явился, говорит басом, руки потные. «Вы, говорит, считаете меня за идиота, лететь на Марс невозможно, на каком основании вывешиваете подобные объявления?» Насилу его успокоил.

Лось опёрся локтями о колени и глядел на угли. Лицо его в эту минуту казалось утомлённым, лоб сморщился. Видимо, он весь отдыхал от длительного напряжения воли. Кузьмин ушёл с чайником за водой. Хохлов кашлянул, сказал:

– Мстислав Сергеевич, самому-то вам разве не страшно?

Лось перевёл на него глаза, согретые жаром углей.

Над голубыми полями клевера летели горе и гибель с Севера…

…Вставали – откуда? – преисполненные спокойствия и обилия вечера, любовь на закате, у тихого дома. Качались задумчиво головы опьянённых; грустили ушедшие куда-то пустые глаза, смычки терзались в идиотическом качании, мир исходил блаженной слюной. Шептали, безумея:

– Любимая, мы будем потом навсегда, навсегда… Будет ваш парк в Тавриц, пруды, солнце… Мы будем одни! Парк, звёзды твоих глаз… Как хочется забыть жизнь, моя!..

– А завтра?

И вдруг тревогой колыхнуло из недр, смычки кричали режуще и

тоскливо: дуновение катастрофы пронеслось через зальные, бездушно сияющие пространства…

– Нет, мне не страшно. Я уверен, что опущусь удачно. А если неудача, удар будет мгновенный и безболезненный. Страшно другое. Представьте так, мои расчёты окажутся неверны, я не попаду в притяжение Марса – проскочу мимо. Запаса топлива, кислорода, еды – мне хватит надолго. И вот – лечу во тьме. Впереди горит звезда. Через тысячу лет мой окоченелый труп влетит в её огненные океаны. Но эти тысячу лет – мой летящий во тьме труп! Но эти долгие дни, покуда я ещё жив, – а я буду жить только в проклятой коробке, – долгие дни безнадёжного отчаяния – один во всей вселенной. Не смерть страшна, но одиночество. Не будет даже надежды, что Бог спасёт мою душу. Я – заживо в аду. Ведь ад и есть моё безнадёжное одиночество, распростёртое в вечной тьме. Это – действительно страшно. Очень мне не хочется лететь одному.

Лось прищурился на угли. Рот его упрямо сжался. В воротах показался Кузьмин, позвал оттуда вполголоса:

– Мстислав Сергеевич, к вам.

– Кто? – Лось быстро поднялся.

– Солдат какой-то вас спрашивает.

В сарай, вслед за Кузьминым, вошёл давешний солдат, читавший объявление на проспекте Красных Зорь. Коротко кивнул Лосю, оглянулся на леса, подошёл к столу.

– Попутчика надо вам?

Лось пододвинул ему стул, сел напротив.

– Да, ищу попутчика. Я лечу на Марс.

– Знаю, в объявлении сказано. Мне эту звезду показали давеча. Далеко, конечно. Условия какие хотел я знать: жалование, харчи?

– Вы семейный?

– Женатый, детей нет.

Солдат ногтями деловито постукивал по столу, поглядывал кругом с любопытством. Лось вкратце рассказал ему об условиях перелёта, предупредил о возможном риске. Предложил обеспечить семью и выдать жалованье вперёд деньгами и продуктами. Солдат кивал, поддакивал, но слушал рассеянно.

– Как, вам известно, – спросил он, – люди там или чудовища обитают?

Лось крепко почесал в затылке, засмеялся.

– По-моему, там должны быть люди. Приедем, увидим. Дело вот в чём: уже несколько лет на больших радиостанциях в Европе и в Америке начали принимать непонятные сигналы. Сначала

думали, что это следы бурь в магнитных полях Земли. Но таинственные звуки были слишком похожи на азбучные сигналы. Кто-то настойчиво хочет с нами говорить. Откуда? На планетах, кроме Марса, не установлено пока жизни. Сигналы могут идти только с Марса. Взгляните на его карту, – он, как сеткой, покрыт каналами. Видимо, там есть возможность установить огромной мощности радиостанции. Марс хочет говорить с Землёй. Пока мы не можем отвечать на эти сигналы. Но мы – летим на зов. Трудно предположить, что радиостанции на Марсе построены чудовищами, существами, не похожими на нас. Марс и Земля – два крошечных шарика, кружащиеся рядом. Одни законы для нас и для них. Во вселенной носится живоносная пыль, семена жизни, застывшие в анабиозе. Одни и те же семена оседают на Марс и на Землю, на все мириады остывающих звёзд. Повсюду возникает жизнь, и над жизнью всюду царствует человекоподобный: нельзя создать животное более совершенное, чем человек, – образ и подобие Хозяина Вселенной.

– Еду я с вами, – сказал солдат решительно, – когда с вещами приходить?

– Завтра. Я должен вас ознакомить с аппаратом. Ваше имя, отчество, фамилия?

– Алексей Гусев, Алексей Иванович.

– Занятие?

Гусев, словно рассеянно, взглянул на Лося, опустил глаза на свои постукивающие по столу пальцы.

…А на много вёрст севернее – за дебрями ночи – из дебрей ночи прибежали двое в английских шинелях с винтовками и, показывая окоченевшими, дрожащими пальцами назад, крикнули заглушённо: «Там… идут… колоннами… наступление…» Зазвонили тревожно телефоны из блиндажных кают в штаб командующего, ночью проскакали фельдъегеря в деревни – будить резервы; зевы тяжёлых орудий, вращаясь, настороженно зияли в мрак: три дивизии красных густыми лавами ползли на террасу. Из штаба командующего, поднятого на ноги в полночь, звонили: немедленно открыть ураганный огонь по наступающим, взорвать фугасы во рвах. И в ночь из-за террасы ринули ураганное: пели все сотни пулемётов, винтовки; и ещё громче стучали зубы в смертельной лихорадке. Прожекторы огненными щупальцами вонзились в высь – и вот опустились, легли в землю, в страшное, в оскалы ползущих… но не было ничего, пустые кусты трепыхались в ноябрьском ветре, мглой синела безлюдная ночь, огненный ураган безумел и вихрился в пустых полях.

– Я грамотный, – сказал он, – автомобиль ничего себе знаю. Летал на аэроплане наблюдателем. С восемнадцати лет войной занимаюсь, – вот всё моё и занятие. Свыше двадцати ранений. Теперь нахожусь в запасе. – Он вдруг ладонью шибко потёр темя, коротко засмеялся. – Ну и дела были за эти-то семь лет. По совести говоря, я бы сейчас полком должен командовать, – характер неуживчивый. Прекратятся военные действия, – не могу сидеть на месте: сосёт. Отравлено во мне всё. Отпрошусь в командировку или так убегу. – Он опять потёр макушку, усмехнулся. – Четыре республики учредил, в Сибири да на Кавказе, и городов-то сейчас этих не запомню. Один раз собрал три сотни ребят, – отправились Индию воевать. Хотелось нам туда добраться. Но сбились в горах, попали в метель, под обвалы, побили лошадей. Вернулось нас оттуда немного. У Махно был два месяца, ей-богу. На тройках, на тачанках гоняли по степи, – гуляй душа! Вина, еды – вволю, баб – сколько хочешь.

Эх, яблочко! Да червячок грызёт.
Эх, девочка да пятачок несёт.
Губы тонкие да ноги босые,
Руки мокрые да зубы острые.

Пятачок в руке на волю просится,
Птица в молоке не утопится.
С неба брошена рука кандальная
В осторожные глаза хрустальные.

Налетим на белых или на красных, – пулемёты у нас на тачанках, – драка. Обоз отобьём, и к вечеру мы – вёрст уж за восемьдесят. Погуляли. Надоело! Мало толку, да уж и мужикам махновщина эта стала надоедать. Ушёл в Красную Армию. Потом поляков гнали от Киева, тут уж я был в коннице Будённого. Весь поход – рысью. Поляков били с налёту, – «Даёшь Варшаву!». А под Варшавой сплоховали – пехота не поддержала. В последний раз я ранен, когда брали Перекоп. Провалялся после этого без малого год по лазаретам. Выписался – куда деваться?

В беспокойные глаза незрячие,
В непокорные глаза собачьи.
Полетит зрачок да чёрной точкою,
Плачет пятачок одиночкою.

Тут эта девушка моя подвернулась, – женился. Жена у меня

хорошая, жалко её, но дома жить не могу. В деревню ехать, – отец с матерью померли, братья убиты, земля заброшена. В городе тоже делать нечего. Войны сейчас никакой нет, не предвидится, вы уж, пожалуйста, Мстислав Сергеевич, возьмите меня с собой. Я вам на Марсе пригожусь.

– Ну, очень рад, – сказал Лось, подавая ему руку, – до завтра.

* * *

– А вы не торопитесь, Алексей Иванович, – сказал Лось, поглядывая на лазоревые цветы. – Сотрудники Европейского космического агентства планируют начать работы по подготовке пилотируемого полёта на Марс. При благоприятном стечении обстоятельств такая экспедиция может произойти менее чем через тридцать лет. Полёту людей на Марс будут предшествовать отправка к Красной планете новых автоматических аппаратов и пилотируемый полёт на Луну. Пока в планах значатся две экспедиции на Марс. В рамках первой из них, под названием «ExoMars», в 2009 году на Красную планету будет отправлен европейский марсоход. А в 2011–2014 годах в рамках проекта «Mars Sample Return» к Марсу стартует аппарат, который отберёт образцы грунта планеты и доставит их на Землю. Этот аппарат будет значительно сложнее и включит в себя модули для посадки на Марс, для старта с Марса и возвращения. Что касается пилотируемого полёта, то он состоится не ранее 2024 года.

– Да, заехали, – сказал Гусев.

3. Моё вступление на Марс

Открыв глаза…

Открыв глаза, я увидел странный ландшафт… И умом не Сократ, и лицом не Парис…

«И умом не Сократ, и лицом не Парис, – отзывался о нём Балабон. – Но зато не боится он Снарков и крыс, крепок волей и духом силён!» Он с гиенами шутки себе позволял, взглядом пробуя их укорить, и однажды под лапу с медведем гулял, чтобы как-то его подбодрить. Он как Булочник, в сущности, взят был на борт, но позднее признаньем потряс, что умеет он печь только Базельский торт, но запаса к нему не запас. Их последний матрос, хоть и выглядел пнём, – это был интересный пенёк: Он свихнулся на Снарке, и только на нём, чем вниманье к себе и привлёк. Это был Браконьер, но особых манер: убивать он умел лишь Бобров, что

и всплыло поздней, через несколько дней, вдалеке от родных берегов.

Открыв глаза, я увидел странный ландшафт. Я знал, что нахожусь на Марсе. Я ничуть не сомневался, что нахожусь в здравом уме, а также и в том, что всё происходит наяву. Я не спал. Моё внутреннее сознание с такой же уверенностью говорило мне, что я на Марсе, с какой ваше говорит вам, что вы на Земле.

Я увидел себя на ложе из желтоватой мохоподобной растительности, расстилавшейся вокруг меня в целые мили.

По-видимому, я лежал в глубокой, круглой впадине, через край которой я видел неопределённые очертания низких холмов.

Был полдень. Солнце светило прямо надо мной, и зной его был совершенно невыносим для моего обнажённого тела: он был значительно сильнее, чем бывает в то же время дня где-нибудь в пустыне Аризоны. Там и сям возвышались небольшие выступы кварцевых скал, сверкавших на солнце, а влево от меня, на расстоянии ста ярдов, виднелось низкое строение высотой около четырёх футов. В поле моего зрения не было видно ни воды, ни какой-либо иной растительности, кроме мха.

Когда я вскочил на ноги, Марс преподнёс мне свой первый сюрприз: усилие, которое на Земле лишь поставило бы меня на ноги, подняло меня на Марсе в воздух на три ярда. Я плавно опустился вниз, не испытав ни малейшего потрясения или повреждения.

И всё же я твёрдо решил осмотреть окрестности и строение, которое являлось единственным признаком обитаемости этого места. Итак, я ухватился за единственный представлявшийся мне возможным способ передвижения: я решил впасть в детство и пополз на четвереньках. Это мне удалось очень хорошо, и через несколько мгновений я уже добрался до низкой стены, окружавшей интересующее меня здание.

Ближайшая ко мне стена не имела ни окон, ни дверей. Так как вышина её была не более четырёх футов, я осторожно поднялся на ноги и заглянул через неё вниз, внутрь строения – и тут моим глазам представилось необычайное, фантастическое зрелище.

Крыша строения была из крепкого стекла, толщиной в четыре-пять дюймов, а под ней лежало несколько сот больших яиц, совершенно круглых и снежно-белых. Все яйца были почти совершенно одинакового размера – в два с половиной фута в диаметре.

Четыре или пять штук из них уже открылись, и причудливо-карикатурные фигурки, сидящие возле них, не позволяли мне довериться своему зрению. Большую часть такой фигурки

составляла голова, к которой при помощи длинной шеи присоединялось маленькое слабое тельце с шестью ногами или, как я узнал позже, с двумя ногами, двумя руками и парой промежуточных конечностей, которые могут быть применяемы и в качестве рук, и в качестве ног. Глаза посажены по краям головы, немного выше её центра; они вращаются таким образом, что могут быть направлены как вперёд, так и назад, причём оба глаза совершенно независимы один от другого, благодаря чему это уродливое существо может смотреть в любом направлении или в двух направлениях одновременно, без необходимости поворачивать для этого голову.

Тела их совершенно лишены растительности, а кожа имеет светлую, желтовато-зелёную окраску. Как я узнал позднее, у взрослых марсиан эта окраска переходит в зелёно-оливковый цвет, причём у мужчин она темнее, нежели у женщин. Кроме того, у взрослых голова не так пропорционально велика, как у детей.

Радужная оболочка глаз кроваво-красного цвета, как у альбиносов, а зрачок тёмный. Глазное яблоко совершенно белое, как и зубы. Последние придают особенно хищное выражение и без того неприятной и страшной физиономии, так как нижние клыки загибаются вверх, переходя в острые концы, оканчивающиеся там, где помещаются глаза у земного существа. Белизна зубов не напоминает слоновую кость – она сверкает, как алебастр. На тёмном фоне оливковой кожи клыки эти выделяются необычайно резко, придавая этому своеобразному оружию особенно страшный вид.

Многие из этих деталей я заметил лишь значительно позже, так как у меня оказалось слишком мало времени для рассматривания обнаруженных мною чудес. Это был как раз момент вылупливания из яиц, и я с большим интересом следил за тем, как маленькие уродцы выползали из своей оболочки. Между тем сзади ко мне приближалась группа взрослых марсиан. Бряцанье оружия переднего воина предупредило меня об их приближении.

От такой ничтожной случайности зависела тогда моя жизнь, что я диву даюсь, как мне удалось так легко спастись. Если бы карабин вождя отряда не покачнулся в своих кольцах сбоку от седла и не ударился о конец копья – я бы был уничтожен в мгновение ока, не успев даже ощутить приближение смерти. Передо мной был отряд воинственных всадников, явившихся на защиту маленьких дьяволят, которых я наблюдал.

Какими ничтожными и безобидными показались мне теперь малыши в сравнении с приближавшимися ко мне взрослыми с исполинским воплощением ненависти, мести и смерти. А чего

стоит вид этого животного! Как описать его человеческими словами! Рост его от плеча был не менее десяти футов, с каждой стороны его туловища было по четыре ноги; широкий плоский хвост, более широкий на конце, нежели у корня, во время бега был горизонтально вытянут в воздухе, огромная пасть разверзалась посреди головы, занимая место от носа до длинной, массивной шеи.

Вслед за передовым демоном тянулось ещё девятнадцать, похожих на него во всех отношениях. Но, как я узнал позже, каждый всё-таки отличался какими-либо индивидуальными особенностями среди марсиан, как и среди нас, не бывает двух совершенно одинаковых существ, хотя все мы отлиты по одной форме.

Картина эта или, вернее, материализованный кошмар, произвела на меня впечатление поражающее и ужасающее.

…Я соглашусь, но добавлю, оно было вне – я видел. Видение, кошмар, должно быть, это было видение, либо же кошмар – я надеюсь – всё же лишь это сохранил мой разум о тех отвратительных часах, когда мы лишились человеческого надзора. И почему Харлей Варен не вернулся, он, либо его тень, либо некая безымянная вещь, которую я бы даже не рискнул описать, лишь сам он может поведать.

Я был наг и безоружен и поспешил применить первый, уже открывшийся мне закон природы к единственно возможному разрешению моей непосредственной задачи: стремлению выйти из пределов досягаемости острия нацеленного на меня копья. Для этого я сделал весьма земной, и в то же время сверхчеловеческий прыжок, чтобы достигнуть верхушки марсианского инкубатора, как я определил это строение.

Попытка моя увенчалась успехом, ошеломившим меня не менее, нежели марсианских воинов, так как я почувствовал себя поднятым в воздух на тридцать футов, а затем отброшенным на сто футов в сторону от моих преследователей. Я легко и благополучно опустился на мягкий мох.

Обернувшись, я увидел, что враги мои сгруппировались вдоль другой стены. Некоторые наблюдали за мной с выражением, которое, как я узнал позже, должно было означать удивление, а другие, по-видимому, были совершенно удовлетворены тем, что я не тронул их детёнышей.

Они тихо переговаривались между собой, жестикулируя и указывая на меня. Обнаружив, что я не причинил никакого вреда маленьким марсианам, а также заметив, что у меня нет оружия,

они стали смотреть на меня менее свирепо, но, как я узнал потом, главную роль в этом сыграла проявленная мною ловкость.

Будучи огромных размеров и обладая крупным костяком, марсианин отличается мускулатурой, пропорциональной лишь тому закону силы тяжести, с которым ему приходится иметь дело. Поэтому обитатели Марса значительно менее проворны и сильны по отношению к своему весу, нежели люди Земли, и я сомневаюсь, чтобы марсианин, перенесённый на Землю, мог поднять своё тело.

Отсрочка, обретённая мною благодаря моему неожиданному проворству, дала мне возможность построить план действий на ближайшее будущее, а также ближе ознакомиться с видом воинов, так как до этой минуты рассудок мой не мог отделить этих людей от тех, которые преследовали меня за день до того.

Я заметил, что каждый был вооружён множеством различного оружия и снабжён огромным копьём, описанным мною выше. Оружие, которое заставило меня обратиться в бегство, окончившееся полётом, оказалось чем-то вроде карабина, которым, как я сразу почувствовал, марсиане управляли с особой ловкостью.

Это оружие было из белого металла, с ложем из дерева, добываемого, как я узнал впоследствии, из очень легковесного и в то же время прочного растения, широко распространённого на Марсе и совершенно неизвестного нам, обитателям Земли.

Этого, однако, вполне достаточно для того, чтобы преисполнить меня большим уважением к огнестрельному оружию марсиан.

Вдруг сверкнул луч света, и светящийся зеленоватый дым взлетал над ямой тремя клубами, поднявшимися один за другим в неподвижном воздухе.

Эта огненная смерть, этот невидимый неотвратимый пылающий меч наносил мгновенные, меткие удары. По вспыхнувшему кустарнику я понял, что он приближается ко мне, но я был слишком поражён и ошеломлён, чтобы спасаться бегством. Как будто чей-то невидимый раскалённый палец двигался по пустоши между мной и марсианами, вычерчивая огненную кривую, и повсюду кругом тёмная земля дымилась и шипела.

Это произошло так быстро, что я всё ещё стоял неподвижно, поражённый и ослеплённый блеском огня.

По-видимому, какая-то телепатическая сила предостерегла меня от попытки бежать при ярком дневном свете от жерл этих

двадцати смертоносных машин.

После коротких переговоров марсиане повернули своих коней и умчались в том же направлении, откуда явились, оставив возле инкубатора лишь одного воина. Отъехав примерно на двести ярдов, они остановились и, повернув своих коней в нашу сторону, стали наблюдать за воином, стоявшим у строения.

Это был тот самый, копьё которого едва не пронзило меня. По-видимому, это был их вождь, так как, насколько я понял, остальные заняли свою теперешнюю позицию по его приказанию. Когда отряд остановился, он снял своё копьё и остальное оружие, и стал огибать инкубатор, направляясь ко мне, совершенно обнажённый и невооружённый, как и я, за исключением лишь украшений, сверкающих на его голове, конечностях и на груди.

Приблизившись ко мне на пятьдесят футов, он снял с руки огромный металлический браслет и, держа его на ладони протянутой ко мне руки, обратился ко мне громким, ясным голосом, но на языке, который, само собой разумеется, был мне совершенно непонятен. Затем он остановился, как бы ожидая моего ответа, насторожив свои щупальцеобразные уши и вперив в меня свои ужасные глаза.

Приложив руку к сердцу, я низко склонился перед марсианином и объяснил ему, что, несмотря на то, что я не понимаю его языка, поступки его ясно говорят мне о мире и дружбе, которые в настоящий момент очень дороги моему сердцу. Несомненно, я мог бы с равным успехом молоть и совершеннейшую чушь, так как слова мои остались для него непонятными. Он понял лишь поступок, которым я завершил непосредственно свою речь.

Протянув руку, я приблизился к нему, взял браслет с его открытой ладони и надел себе на руку поверх локтя. Затем я улыбнулся ему и принял выжидательную позу. Его огромный рот расплылся в ответной улыбке, он вложил одну из своих промежуточных рук в мою, мы повернулись и зашагали по направлению к его Росинанту. В то же время он сделал знак своим подчинённым. Они помчались к нам, но были остановлены его сигналом. По-видимому, он испугался, что я могу опять сделать прыжок, который окончательно унесёт меня из поля его зрения.

Он обменялся несколькими словами со своими людьми, знаками попросил меня ехать позади одного из них и затем сел на своего коня. Указанный воин протянул две или три руки, поднял меня с земли и усадил позади себя на лоснящийся круп своего коня, где я кое-как пристроился, держась за ремни и перевязи оружия марсианина.

Затем вся кавалькада повернула и понеслась галопом по направлению к горной цепи, видневшейся вдали.

* * *

Гордон не смог скрыть разочарования.

– Я надеялся, мир грядущего будет демократическим, а войны исчезнут.

– Звёздные королевства, по сути, демократии, в них правит народ, – объяснил Вель Квен. – Мы просто даём звучные титулы своим руководителям.

– Понимаю, – сказал Гордон. – Вроде нашей Англии, там тоже есть королева.

– Что касается войн, – продолжал Вель Квен, – то с ними на Земле было покончено. Мы знаем это из истории. Мир и процветание позволили осуществить первые межзвёздные перелёты. Но нынешние звёздные королевства разобщены, как некогда земные народы. Мы пытаемся их объединить…

Вель Квен подошёл к стене, тронул выключатель. В воздухе возникла объёмная карта Галактики – дискообразный рой сверкающих искр. Каждая была звездой, их количество потрясало. Изображение состояло из многих частей, выделенных цветом.

– Цветные области – это звёздные королевства, – пояснил Вель Квен. – Как видите, зелёная зона Средне-Галактической империи включает север и центр Галактики. Солнце и Земля находятся на крайнем севере, неподалёку от пограничных систем Маркизатов Внешнего Космоса. Пурпурный пояс к югу от Империи – это Баронства Геркулеса, великие бароны которых правят независимыми мирами Скопления Геркулеса. Северо-западнее лежит королевство Фомальгаут, южнее – королевства Лиры, Лебедя, Полярной и других созвездий и звёзд, большей частью союзных Империи. А звёзды и планеты, погружённые во мрак чёрного облака на юго-востоке, образуют Лигу Тёмных Миров. Это самый сильный и завистливый враг Империи.

Бессонная ночь

Всё было готово к отлёту с Земли. Но два последующих дня пришлось, почти без сна, провозиться над укладкой внутри аппарата, в полых подушках, множества мелочей. Проверяли приборы и инструменты. Сняли леса, окружавшие аппарат, разобрали часть крыши. Лось показал Гусеву механизм движения и важнейшие приборы, – Гусев оказался ловким и сметливым

человеком. На завтра, в шесть вечера, назначили отлёт.

Поздно вечером Лось отпустил рабочих и Гусева, погасил электричество, кроме лампочки над столом, и прилёг, не раздеваясь, на железную койку в углу сарая, за треногой телескопа.

Ночь была тихая и звёздная. Лось не спал. Закинув за голову руки, глядел на сумрак – под затянутой паутиной крышей, и то, от чего он назавтра бежал с Земли, – снова, как никогда ещё, мучило его. Много дней он не давал себе воли. Сейчас, в последнюю ночь на Земле, – он отпустил сердце: мучайся, плачь.

Память разбудила недавнее прошлое… на стене, на обоях – тени от предметов…

Над Чёрным морем, над белым Крымом…

…Горя хрустальными глазами, метеорами мчались машины – через гирлянды пылающих перспектив – во влажные ветры полуостровов, – с повторенными в море огнями ресторанов (там скрипка звенит откликом цыганского разгула…), в свистящий плеск ветвей и парков. Сходили в муть, в обрывы, там металось довременное мраком, нося отражённые звёзды, шуршали колеблемые над ветром покрывала. Прижимались друг к другу холодноватыми от ветра губами, полными улыбок и тоски, и волны были сокровенны и глухи, волны бросали порывом это хрупкое, драгоценное в мехах к нему, уходящему, и девушка, приникая, шептала:

– Мне сегодня страшно моря… Я вижу глубину, она скользкая и холодная.

И он, может быть, этот, ушедший с любимой к морю, может быть, другой – там, в городе, у сумеречного памятника, может быть, ещё третий и сотый – в ослепительных зеркалах ресторанов – повторял, торопясь и задыхаясь:

– Любимая моя, эта ночь – навсегда. В эту ночь – жить. Мы выпьем жизнь ярко! Ведь любить – это красиво гореть, забыть всё…

…Свеча заставлена книгой. Запах лекарств, душно. На полу, на ковре – таз. Когда встаёшь и проходишь мимо таза – по стене, по тоскливым, сумасшедшим цветочкам – бегут, колышатся тени предметов. Как томительно! В постели то, что дороже света, – Катя, жена, – часто, часто, тихо дышит. На подушке – тёмные, спутанные волосы. Подняты колени под одеялом. Катя уходит от него. Изменилось недавно такое прелестное, кроткое лицо. Оно – розовое, неспокойное. Выпростала руку и щиплет пальцами край одеяла. Лось снова, снова берёт её руку, кладёт под одеяло. «Ну,

раскрой глаза, ну – взгляни, простись со мной». Она говорит жалобным, чуть слышным голосом: «Ской окро, ской окро». Детский, едва слышный, жалобный её голос хочет сказать: «Открой окно». Страшнее страха – жалость к ней, к этому голосу. «Катя, Катя – взгляни!» Он целует её в щёки, в лоб, в закрытые веки. Но не облегчает её жалость. Горло у неё дрожит, грудь поднимается толчками, пальцы вцепились в край одеяла. «Катя, Катя, что с тобой?..» Не отвечает, уходит… Поднялась на локтях, подняла грудь, будто снизу её толкали, мучили. Милая голова отделилась от подушки, закинулась… Она опустилась, ушла в постель. Упал подбородок. Лось, сотрясаясь от ужаса и жалости, обхватил её, прижался. Забрал в рот одеяло.

На Земле нет пощады…

Ночью в степном городке горели факелы и строился корпус генерала Оборовича. Под звёздами, сняв шапку, генерал сказал:

– Прощайте, братцы. Помните: идя в бой, мы должны себя считать уже убитыми за Россию.

Корпус шёл в боевой резерв: его берегли для решающего момента. Первым скакал в степь офицерский эскадрон. Просмеявшись беспечной лихостью, гинул он в пустыню, где замкнулась за ним ночь навсегда…

Лось поднялся с койки, взял со стола коробку с папиросами, закурил и ходил некоторое время по тёмному сараю. Потом взошёл на лесенку телескопа, нашёл искателем Марс, поднявшийся уже над Петербургом, и долго глядел на небольшой, ясный, тёплый шарик. Он слегка дрожал в перекрещивающихся волосках окуляра.

«Да, на Земле нет пощады», – сказал Лось вполголоса, спустился с лесенки и лёг на койку… Память открыла видение. Катюша лежит в траве, на пригорке. Вдали, за волнистыми полями, – золотые точки Звенигорода. Коршуны плавают в летнем зное над хлебами, над гречихами. Катюше – лениво и жарко. Лось, сидя рядом, кусая травинку, поглядывает на русую, простоволосую голову Катюши, на загорелое плечо со светлой полоской кожи между загаром и платьем, на Катюшин, с укусом комара, кулачок, подперевший щёку. Её серые глаза – равнодушные и прекрасные, – в них тоже плавают коршуны. Кате восемнадцать лет, думает о замужестве. Очень, очень, – опасно мила. Сегодня, после обеда, говорит, – пойдёмте лежать на пригорок, оттуда – далеко видно. Лежит и молчит. Лось думает: «Нет, милая моя, есть у меня дела поважнее, чем вот взять на пригорке и влюбиться в вас. На этот крючок не попадусь, на дачу

к вам больше ездить не стану».

Ах, боже мой, какие могли быть дела важнее Катюшиной любви! Как неразумно были упущены эти летние, горячие дни. Остановить бы время, тогда, на пригорке. Не вернуть. Не вернуть!..

Лось опять вставал с койки, чиркал спичками, курил, ходил. Но и хождение вдоль дощатой стены было ужасно: как зверь в яме. Лось отворил ворота и глядел на высоко уже взошедший Марс.

> «И там не уйти от себя. Всюду, без меры времени, мой одинокий дух. За гранью Земли, за гранью смерти. Зачем нужно было хлебнуть этого яду, любить, пробудиться? Жить бы неразбуженным. Летят же в эфире окоченевшие семена жизни, ледяные кристаллы, летят дремлющие. Нет, нужно упасть и расцвесть, – пробудиться к нестерпимому страданию: жить, к жажде – любить, слиться, забыться, перестать быть одиноким семенем. И весь этот короткий сон затем, чтобы снова – смерть, разлука, и снова – полёт ледяных кристаллов».

…Корпус выходил в тыл армии, загоняя её в мешок между дефиле и заливом. Впереди корпуса офицерский эскадрон лихих, беспечных, смеясь, мчался в смерть. Жадно раздувались ноздри – и в близкой гибели, и в вечере, и в зверином шатании масс была острая жизнь, было пьяное, жгуче одуряющее вино. Им, за которыми твердели века владычества, верилось в гениальность манёвра, в лёгкость победы над диким, орущим и мечущимся безголовьем.

Лось долго стоял в воротах, прислонясь к верее плечом и головой. Кровяным, то синим, то алмазным светом переливался Марс, – высоко над спящим Петербургом, над простреленными крышами, над холодными трубами, над закопчёнными потолками комнат и комнаток, покинутых зал, пустых дворцов, над тревожными изголовьями усталых людей.

«Нет, там будет легче, – думал Лось, – уйти от теней, отгородиться миллионами вёрст. Вот так же, ночью, глядеть на звезду и знать, – это плывёт между звёзд покинутая мною Земля. Покинуты пригорок и коршуны. Покинута её могила, крест над могилой, покинуты тёмные ночи, ветер, поющий о смерти, только о смерти. Осенний ветер над Катей, лежащей в земле, под крестом. Нет, жить нельзя среди теней. Пусть там будет лютое одиночество, – уйти из этого мира, быть одному».

Но тени не отступали от него всю ночь.

…И брызнул огонь – с телег, страшных, двигающихся, разбегающихся, косящих невидимыми лезвиями пулемётов. В конных тучах скрещивались пулевые струи телег, секли, подрезали, подламывали на скаку, клали колоннами наземь; опустевшие лошади, визжа, крутя головами, уносились дико в муть. Распадались перебитые кости, чернели рты, исцелованные вчера любовницами; в кровавое месиво, истоптанное ногами, сваливались улицы, фонтаны светов, изящество культур, торжественные гимны владычеств… А телеги мчались по лежащим взад и вперёд на ржавых скрипящих осях…

Под утро Лось положил на голову подушку и забылся. Его разбудил грохот обоза, ехавшего по набережной. Лось сел, провёл ладонью по лицу. Ещё бессмысленные от ночных видений глаза его разглядывали карты на стенах, инструменты, очертание аппарата. Лось вздохнул, совсем пробуждаясь, подошёл к крану и облил голову студёной водой. Накинул пальто и зашагал через пустырь на Большую Монетную улицу, к себе на квартиру, где полгода тому назад умерла Катя.

Здесь он вымылся, побрился, надел чистое бельё и платье, осмотрел – заперты ли все окна. Квартира была нежилая – повсюду пыль. Он открыл дверь в спальню, где, после смерти Кати, он никогда не ночевал. В спальне было почти темно от спущенных штор, лишь отсвечивало зеркало шкафа с Катиными платьями, – зеркальная дверца была приоткрыта. Лось нахмурился, подошёл на цыпочках и плотно прикрыл её. Замкнул дверь спальни. Вышел из квартиры, запер парадное, и плоский ключик положил себе в жилетный карман.

Теперь – всё было окончено перед отъездом.

Над Чёрным морем, над белым Крымом летела слава России дымом. Над голубыми полями клевера летели горе и гибель с Севера. Летели русские пули градом, убили друга со мною рядом, и Ангел плакал над мёртвым ангелом… Мы уходили за море с Врангелем…

* * *

– А вы не торопитесь, Алексей Иванович, – сказал Лось, поглядывая на лазоревые цветы. – Учёные считают, что в прошлом не только поверхность Марса выглядела иначе, но также форма и ориентация планеты в пространстве были другими. Вычислить, где находились экватор и полюса миллионы лет

назад, удалось Джафару Аркани-Хамеду из канадского университета Мак-Гилла. Исследователь обратил внимание на цепочку из пяти гигантских кратеров, лежащих на одной дуге большого круга. Сопоставимый возраст и особенности расположения позволили допустить, что все они образовались в результате одного катаклизма. По мнению учёного, его причиной были распад и падение фрагментов астероида, который перед этим обращался вокруг Марса. В предположении, что орбита астероида и экватор планеты лежали в одной плоскости, Аркани-Хамед смог рассчитать «старое» направление оси планеты и соответствующие ей полюса. Анализ показал, что астероид имел от восьмисот до тысячи километров в диаметре. В результате столкновения полюса сместились: старая ось вращения «протыкала» поверхность планеты в точках, которые теперь находятся вблизи экватора.

– Да, заехали, – сказал Гусев.

4. Пленник

Мы проехали около десяти миль…

Мы проехали около десяти миль, когда почва заметно стала повышаться… И вскричал Балабон…

И вскричал Балабон, поражён, раздражён: «Но Бобёр здесь один, а не пять! И притом это – мой, совершенно ручной, мне б его не хотелось терять». И, услышав известье, смутился Бобёр, как-то съёжился сразу и скис, и обеими лапками слёзы утёр, и сказал: «Неприятный сюрприз». Кто-то выдвинул робко отчаянный план: рассадить их по двум кораблям. Но решительно не пожелал капитан экипаж свой делить пополам. «И одним кораблём управлять нелегко, целый день в колокольчик звеня, а с двумя (он сказал) не уплыть далеко, нет уж, братцы, увольте меня!» Билетёр предложил, чтобы панцирь грудной раздобыл непременно Бобёр и немедленно застраховался в одной из надёжных банкирских контор. А Банкир, положение дел оценя, предложил то, что именно надо: договор страхованья квартир от огня и на случай ущерба от града.

Мы проехали около десяти миль, когда почва заметно стала повышаться. Как я узнал позже, мы приближались к берегу одного из давно уже высохших морей Марса, на дне которого состоялась моя первая встреча с марсианами.

Вскоре мы достигли подножия горной цепи и, проехав через узкое ущелье, выбрались на открытую долину, на окраине

которой было низкое плоскогорье. На нём я увидел огромный город. Мы помчались по направлению к нему.

При ближайшем рассмотрении, когда мы проезжали по городу, я увидел, что строения необитаемы и, несмотря на незначительные разрушения, пустуют, по-видимому, уже много лет. В центре города была большая площадь, которая, равно как и прилегающие к ней здания, была занята лагерем, принадлежащим девятистам или тысяче существ того же облика, как и мои захватчики.

Если не считать украшений, все были совершенно наги. Женщины лишь немногим отличались от мужчин, за исключением лишь того, что их клыки, пропорционально росту, были значительно длиннее, причём у некоторых они достигали высоко посаженных ушей. Тела их были меньше и имели более светлую окраску, а на пальцах рук и ног виднелись зачатки ногтей, совершенно отсутствующих у мужской половины.

Тела детей были светлого цвета, даже светлее, чем у женщин. Мне казалось, что все они совершенно одинаковы, за исключением того, что одни были выше других, следовательно, и старше.

Когда мы приблизились к площади и моё присутствие было обнаружено, мы были немедленно окружены сотнями этих уродов, которые, казалось, горели желанием стащить меня с сиденья позади моего стража.

Одно слово вождя – и шум прекратился, и мы стали пересекать площадь по направлению к великолепному сооружению, подобного которому никогда не видел глаз смертного.

…Громадные каменные глыбы спят мёртвым сном под одеянием из сырого мха – это всё, что осталось от могучих стен. Когда-то эти стены воздвигались на века – и, по правде сказать, по сей день ещё служат благородной цели, ибо чёрная жаба нашла себе под ними приют.

Здание было невысокое, однако занимало громадную площадь. Оно было построено из сверкающего белого мрамора, выложенного золотыми и бриллиантовыми камнями, которые сверкали и переливались всеми цветами радуги под лучами солнца. Главный вход был шириной в несколько сот футов и выдавался из здания так, что над входной галереей образовался огромный навес. Лестницы не было, но небольшой наклон, ведущий на первый этаж, расширялся в огромный зал, окружённый галереями.

В этом помещении, снабжённом большим количеством разных пюпитров и стульев, собралось около сорока или пятидесяти марсиан мужского пола. Все они сгрудились вокруг ступеней большой кафедры. На доске её восседал на корточках огромный воин, увешанный с ног до головы металлическими украшениями, разноцветными перьями и красиво выделанным кожаным убором, изящно выложенным драгоценными камнями.

С его плеч свисала короткая мантия из белого меха на подкладке из яркого пурпурного шёлка.

Наш отряд остановился у входа в здание, и по знаку вождя, меня опустили на пол. Опять рука об руку с воином мы прошли в зал аудиенций. По-видимому, на Марсе церемония приближения к верховному вождю не была сопряжена с особенными формальностями.

Взявший меня в плен воин просто продвинулся к кафедре, причём остальные расступились, по мере того, как он проходил вперёд. Сидевший на кафедре поднялся на ноги и произнёс имя моего конвоира, который в свою очередь остановился и повторил имя правителя, после чего следовал полный его титул.

Имя взявшего меня в плен было Тарс Таркас. Он был вице-вождём общины и был известен как государственный ум и как воин. По-видимому, он кратко доложил о приключениях, связанных с его экспедицией, включая и взятие меня в плен, а когда он кончил, верховный вождь обратился ко мне.

Я ответил на нашем добром английском только для того, чтобы убедить его, что ни один из нас не в состоянии понять другого, но заметил, что, когда по окончании своей речи я слегка улыбнулся, он сделал то же самое. Этот факт и аналогичный ему во время моей первой беседы с Тарсом Таркасом убедил меня в том, что у нас есть хотя бы общее: способность улыбаться, а следовательно, и смеяться; это указывало на наличие чувства юмора.

Собравшиеся воины разглядывали меня, подойдя ко мне вплотную и ощупывая мои мускулы и кожу. Затем верховный вождь изъявил, очевидно, желание видеть моё представление и, сделав мне знак следовать за ним, направился с Тарсом Таркасом к открытой площади. Получив несколько весьма ощутимых ушибов, к большому удовольствию марсиан, я опять хотел прибегнуть к испытанному способу ползанья, но это оказалось для них нежелательным, и я был грубо поставлен на ноги каким-то огромным детиной, который больше всех смеялся над моими неудачами.

Когда он наградил меня тумаком, чтобы поставить на ноги, физиономия его была от меня на очень близком расстоянии, и я

сделал то, что оставалось сделать джентльмену, попавшему в атмосферу грубости, необузданности и полнейшего отсутствия уважения прав чужестранца: я ударил его кулаком по челюсти, и он свалился наземь, как заколотый бык. Когда он упал, я повернулся и прислонился спиной к одному из пюпитров, ожидая мстительного нападения его товарищей, и твёрдо решил дать им перед смертью хороший бой, насколько позволят мне неравные силы.

Верзила, которого я сшиб с ног, лежал на том же месте, где он свалился, но ни один из товарищей даже не подошёл к нему. Тарс Таркас подошёл ко мне, протянув одну из своих рук, и так мы дошли до площади без дальнейших приключений. Я не знал, зачем мы пришли на открытое место, но вскоре получил разъяснение этому. Вначале они несколько раз повторили слово «сак». Затем Таркас сделал несколько прыжков, причём перед каждым произносил слово «сак». Затем, обернувшись ко мне, он сказал «сак». Я понял смысл их желания и, собравшись с силами, сделал такой «сак», что поднялся на добрые полтораста футов; но на этот раз я не потерял равновесия, а встал на ноги, даже не упав. Затем несколькими прыжками по двадцать-тридцать футов я возвратился к группе воинов.

Моё представление было дано в присутствии нескольких сот маленьких марсиан, и они немедленно стали просить повторения. Тарс Таркас и верховный вождь обменялись несколькими словами, и первый, вызвав из толпы молодую женщину, дал ей какое-то распоряжение и сделал мне знак, чтобы я последовал за ней. Я ухватился за предложенную мне руку, и мы вместе стали пересекать площадь по направлению к большому зданию по ту сторону её.

Моя «красивая» спутница была около восьми футов ростом. Она только что достигла зрелости, но рост её ещё не достиг своего максимального предела. Вся она была светло-зелёного цвета, с гладкой, лоснящейся кожей.

Как я узнал потом, её имя было Сола, и она принадлежала к свите Тарса Таркаса. Она привела меня в большую комнату, помещавшуюся в одном из зданий, выходящих на площадь. Судя по разбросанным на полу лоскутам шёлка и меха, это была спальня туземцев.

Комната освещалась несколькими большими окнами и была красиво украшена стенной живописью и мозаикой, но на всём этом лежал как бы неопределённый отпечаток древности, который ясно говорил о том, что архитекторы и строители этих чудесных произведений искусства не имели ничего общего с этими дикими полузверьми, обитающими в них теперь.

Сола знаком попросила меня сесть на кучу шёлка посреди комнаты и, обернувшись, издала страшный шипящий звук, как бы подавая знак кому-то, находящемуся в соседнем помещении. В ответ на её зов я впервые увидел новое чудо Марса. Оно вошло, покачиваясь на десяти тонких ножках, и село на корточки перед девушкой, подобно послушному щенку. Чудовище было ростом с шотландского пони, но голова его несколько напоминала голову лягушки, за исключением лишь того, что челюсти его были снабжены тремя рядами острых, длинных клыков.

* * *

– Вам, вероятно, хочется увидеть, как выглядит теперь Земля, – сказал однажды Вель Квен. – Станьте-ка на эту пластину.

Он стоял на большом кварцевом диске, одном из двух, вмонтированных в пол. Гордон встал рядом.

– Это телестерео, оно действует практически мгновенно на любом расстоянии, – пояснил Вель Квен.

И вдруг Гордон очутился совсем в другом месте. Он знал, что находится в лаборатории, но одновременно стоял на таком же кварцевом диске на вершине другой башни, очень высокой, и под ним расстилался огромный прекрасный город. Кругом белели исполинские террасированные пирамиды. На террасах цвели сады. Кое-где из зелени выступали красочные беседки, под деревьями гуляли люди. Далеко на горизонте виднелся космопорт, там рядами стояли звездолёты. Среди них возвышалось несколько грозных боевых кораблей, украшенных изображением кометы – эмблемой Империи.

Тою же ночью

Этой ночью Маша долго дожидалась мужа, – несколько раз подогревала чайник на примусе. За высокой дубовой дверью было тихо и жутковато.

Гусев и Маша жили в одной комнате, в когда-то роскошном, огромном, теперь заброшенном доме. Во время революции обитатели покинули его. За четыре года дожди и зимние вьюги сильно попортили его внутренность.

Комната была просторная. На резном, золотом потолке, среди облаков, летела пышная женщина с улыбкой во всё лицо, кругом – крылатые младенцы.

«Видишь, Маша, – постоянно говаривал Гусев, показывая на потолок, – женщина какая весёлая, в теле, и детей шесть душ, вот это – баба».

Над золочёной, с львиными лапами, кроватью висел портрет старика в пудреном парике, с поджатым ртом, со звездой на кафтане. Гусев прозвал его «Генерал Топтыгин», – «этот спуска не давал, чуть что не по нём – сейчас топтать». Маша боялась глядеть на портрет. Через комнату была протянута железная труба железной печечки, закоптившей стену. На полках, на столе, где Маша готовила еду, – порядок и чистота.

Резная дубовая дверь отворялась в двусветную залу. Разбитые окна в ней были заколочены досками, потолок местами обваливался. В ветреные ночи здесь гулял, завывал ветер, бегали крысы.

Маша сидела у стола. Шипел огонёк примуса. Издалека ветер донёс печальный перезвон часов Петропавловского собора, – пробило два. Гусев не шёл. Маша думала:

«Что ищет, чего ему мало? Всё чего-то хочет найти, душа не покойна, Алёша, Алёша… Хоть бы раз закрыл глаза, лёг ко мне на плечо, как сынок: не ищи, не найдёшь дороже моей жалости».

На ресницах у Маши выступали слёзы, она их не спеша вытерла и подпёрла щеку. Над головой летела, не могла улететь весёлая женщина с весёлыми младенцами. О ней Маша думала: «Вот была бы такая – никуда бы от меня не ушёл».

Гусев ей сказал, что уезжает далеко, но куда – она не знала, спросить боялась. Она и сама видела, что жить ему с ней в этой чудной комнате, в тишине, без прежней воли, – трудно, не вынести. Ночью приснится ему, заскрежещет, вскрикнет глухо, сядет на постели и дышит, – зубы стиснуты, в поту лицо и грудь. Повалится, заснёт, а наутро – весь тёмный, места себе не находит.

Маша до того была тихой с ним, так прилащивалась, – умнее матери. За это он её любил и жалел, но, как утро, глядел куда бы уйти.

Маша служила, приносила домой пайки. Денег у них часто совсем не было. Гусев хватался за разные дела, но скоро бросал. «Старики сказывали – в Китае есть золотой клин, – говаривал он, – клина, чай, такого там нет, но земля действительно нам ещё неизвестная, – уйду я, Маша, в Китай, поглядеть, как и что».

С тоской, как смерти, ждала Маша того часа, когда Гусев уйдёт. Никого на свете, кроме него, у неё не было. С пятнадцати лет служила продавщицей по магазинам, кассиршей на невских пароходиках. Жила одиноко, невесело. Год назад, в праздник, в Павловске, познакомилась с Гусевым в парке, на скамейке. Он спросил: «Вижу – одиноко сидите, дозвольте с вами провести время, – одному скучно». Она взглянула, – лицо славное, глаза – весёлые, добрые, и – трезвый. «Ничего не имею против», – ответила кротко. Так они и гуляли в парке до вечера. Гусев рассказывал о войнах, набегах, переворотах, – такое, что ни в одной книге не прочтёшь. Проводил Машу в Петербург, до квартиры, и с того дня стал к ней ходить. Маша просто и спокойно отдалась ему. И тогда полюбила, – вдруг, кровью всей почувствовала, что он ей – родной. С этого началась её мука…

Чайник закипел. Маша сняла его и опять затихла. Уже давно ей чудился какой-то шорох за дверью, в пустой зале. Но было так грустно, – не вслушивалась. Но сейчас – явственно слышно – шаркали чьи-то шаги.

Маша быстро открыла дверь и высунулась. В одно из окон, в залу, пробивался свет уличного фонаря и слабо освещал пузырчатыми пятнами несколько низких колонн. Между ними Маша увидела седого, нагнувшего лоб старичка, без шапки, в длинном пальто, – стоял, вытянув шею, и глядел на Машу. У неё ослабели колени.

– Вам что здесь нужно? – спросила она шёпотом.

Старичок поднял палец и погрозил ей. Маша с силой захлопнула дверь, – сердце отчаянно билось. Она вслушивалась, – шаги теперь отдалялись: старичок, видимо, уходил по парадной лестнице вниз.

Вскоре с другой стороны залы раздались быстрые, сильные шаги мужа… Гусев вошёл весёлый, перепачканный копотью.

– Слей-ка помыться, – сказал он, расстёгивая ворот, – завтра едем, прощайте. Чайник у тебя горячий? Это славно. – Он вымыл лицо, крепкую шею, руки по локоть, вытираясь, покосился на жену. – Будет тебе, не пропаду, вернусь. Семь лет меня ни пуля, ни штык не могли истребить. Мой час далеко, отметка не

сделана. А умирать – всё равно не отвертишься: муха на лету заденет лапой, ты – брык и помер.

Рельсы разворочены, мать честна!
Поперёк дороги лежит сосна.
Дозоры – в норы, связь за бугры, —
То ли человек шуршит, то ли рысь.

Он сел к столу, начал лупить варёную картошку, – разломил, окунул в соль.

– Назавтра приготовь чистое, две смены, – рубашки, подштанники, подвёртки. Мыльца не забудь, – шильца да мыльца. Ты что – опять плакала?

– Испугалась, – ответила Маша, отворачиваясь, – старик какой-то всё ходит, пальцем погрозил. Алёша, не уезжай!

– Это не ехать – что старик-то пальцем погрозил?

– На несчастье он погрозил.

– Жалко, я уезжаю, я бы этого старикашку засыпал. Это непременно кто-нибудь из бывших, здешних, бродит по ночам, нашёптывает, выживает.

– Алёша, ты вернёшься ко мне?

– Сказал – вернусь, значит – вернусь. Фу ты, какая беспокойная.

– Далеко едешь?

Гусев засвистал, кивнул на потолок и, посмеиваясь глазами, налил горячего чая на блюдце:

– За облака, Маша, лечу, вроде этой бабы.

Эх, яблочко моё надкушено,
Эх, девочка да зло разбужена
Рано-затемно да чёрным облаком.
На глаза тебе – битый колокол.

Под прямым углом – да в снег мелованный.
Умирать облом нецелованной.
Эх, мороз-матрос да в бескозырочке,
Подари засос дезертирочке.

Маша только опустила голову. Гусев лёг в постель. Маша неслышно прибирала посуду, села штопать носки, – не поднимала глаз. А когда скинула платье и подошла к постели, Гусев уже спал, положив руку на грудь, спокойно закрыв ресницы. Маша прилегла рядом и глядела на мужа. По щекам её текли слёзы, –

так он был ей дорог, так тосковала она по его неспокойному сердцу: «Куда летит, чего ищет? – не ищи, не найдёшь дороже моей любви».

На рассвете Маша поднялась, вычистила платье мужа, собрала чистое бельё. Гусев проснулся. Напился чаю, шутил, гладил Машу по щеке. Оставил денег, – большую пачку. Вскинул на спину мешок, задержался в дверях и перекрестил Машу. Ушёл. Так она и не узнала, куда он уезжает.

* * *

– А вы не торопитесь, Алексей Иванович, – сказал Лось, поглядывая на лазоревые цветы. – Европейское управление космических исследований обнародовало ряд новых снимков, полученных с Марса. Согласно представленным данным, на Красной планете было обнаружено два кратера, расположение которых свидетельствует о прошлой ледниковой активности на планете. Соединённые друг с другом кратеры были обнаружены в восточной части Бассейна Геллас на 38 градусах южной широты и 104 градусах восточной долготы. Расположение кратеров говорит о том, что, скорее всего, прежде здесь находился ледник. При анализе данных со снимков было установлено, что сначала лёд находился в верхнем кратере диаметром девять километров, а потом спустился в нижний кратер, диаметр которого составляет порядка семнадцати километров. Снимки, находящиеся в распоряжении учёных Европейского управления, были сделаны орбитальной станцией «Mars Express».

– Да, заехали, – сказал Гусев.

5. Я ускользаю от своей сторожевой собаки

Сола посмотрела…

Сола посмотрела прямо в злые глаза странного зверя… И с того злополучного часа Бобёр…

И с того злополучного часа Бобёр, если он с Браконьером встречался, беспричинно грустнел, отворачивал взор и, как девушка, скромно держался. Балабона судьба им послала сама: по осанке, по грации – лев! Вы бы в нём заподозрили бездну ума, в первый раз на него поглядев. Он с собою взял в плаванье Карту морей, на которой земли – ни следа; и команда, с восторгом склонившись над ней, дружным хором воскликнула: «Да!» Для чего, в самом деле, полюса, параллели, зоны, тропики и зодиаки? И

команда в ответ: «В жизни этого нет, это – чисто условные знаки. На обыденных картах – слова, острова, всё сплелось, перепуталось – жуть! А на нашей, как в море, одна синева, вот так карта – приятно взглянуть!»

Сола посмотрела прямо в злые глаза странного зверя, произнесла повелительным тоном одно или два слова, указала на меня и вышла из комнаты. Безобразное создание пересекло комнату по направлению к единственному выходу на улицу и вытянулось во всю свою длину у порога.

Это было моё первое знакомство с марсианской сторожевой собакой.

Я воспользовался отсутствием Солы, чтобы осмотреть комнату, которая оказалась местом моего заключения. Стенная живопись изображала сцены редкой и прекрасной красоты: горы, реки, озёра, моря, луга, деревья и цветы, извилистые просёлочные дороги – словом, всё то, что могло бы быть изображением видов Земли, если бы не иная окраска растительности. Работа принадлежала, очевидно, руке большого мастера, так прозрачна была атмосфера, так совершенна техника выполнения; но нигде ни одного изображения животного, человека или зверя, на основании которого я мог бы судить об этих иных, вероятно вымерших, обитателях Марса.

Пока я представлял своей фантазии совершать бешено-необузданный полёт в поисках возможного объяснения странных аномалий, с которыми мне пришлось столкнуться на Марсе, Сола возвратилась с едой и питьём. Она поставила то и другое на пол возле меня, а сама села поодаль, не сводя с меня внимательного взгляда. Еда состояла из фунта какого-то плотного вещества – консистенции нашего сыра, лишённого всякого вкуса, а жидкость представляла собой, очевидно, молоко какого-то животного.

Насытившись, я почувствовал себя значительно подкреплённым. Ощущая непреодолимую потребность в отдыхе, я растянулся на шёлковых тряпках и вскоре заснул. Я проспал, очевидно, несколько часов, так как, когда проснулся, было темно, и мне было очень холодно. Я обнаружил, что кто-то набросил на меня мех, но он соскользнул с меня, и в темноте я никак не мог найти его. Вдруг чья-то рука положила на меня мех, а вскоре прибавила к нему ещё один.

Я подумал, что это Сола была моим верным стражем, и не ошибся. Из всех зелёных марсиан, с которыми мне пришлось сталкиваться, только в этой девушке я нашёл черты симпатии, приветливости и преданности.

После того как Сола привела в порядок мои покрывала, я

вновь заснул и не просыпался уже до самого утра. Остальные пять обитателей комнаты были все женщины, и все они ещё спали, покрытые целыми грудами пёстрого шёлка и мехов. У порога лежал, вытянувшись, бессонный сторожевой зверь, точно в той же позе, каким я видел его накануне. По-видимому, с тех пор он не пошевелил ни единым мускулом; глаза его были неотрывно устремлены на меня, и я подумал о том, что было бы со мной, если бы мне вздумалось бежать.

Я всегда был склонен к приключениям и созданию экспериментов там, где более разумные люди спокойно выжидали бы естественного хода событий.

…Говорю я, мне было известно, об изучении сверхъестественного Харлеем Вареном, и до некоторой степени я помогал ему. В его обширной коллекции странных, редких книг о запретном, я прочёл все на языках, которыми владел, но как мало их. Большинство книг, я полагаю, было на арабском, а книга злодея-предателя, приобретённая последней, и которую он всегда носил в кармане, вовсе написана письменами, подобных которым я не видал.

На этот раз мне пришла в голову мысль, что лучшим способом изучения истинного отношения ко мне этого чудовища будет попытка выйти из комнаты. Я был совершенно уверен, что стоит мне только выйти из здания, и я с лёгкостью ускользну от него, так как начал твёрдо верить в свои прыгательные способности. Судя же по его коротким ножкам, я мог с уверенностью сказать, что страж мой не прыгун и даже не скороход.

Медленно и осторожно я встал на ноги, и в то же мгновение мой часовой сделал то же самое. Я осторожно продвигался к нему, причём обнаружил, что при помощи качающейся поступи я могу сохранять равновесие и довольно быстро продвигаться вперёд. Когда я приблизился к чудовищу, оно отодвинулось в сторону, чтобы дать мне пройти, затем двинулось за мной, следуя на расстоянии десяти шагов, пока я шагал по пустынным улицам.

Очевидно, его миссия состоит лишь в моей охране, подумал я. Но, когда мы дошли до окраины города, оно внезапно прыгнуло вперёд меня, издавая странные звуки и обнажая свои уродливые и страшные клыки. Желая немного позабавиться, я бросился к нему и в двух шагах от него прыгнул вверх, поднялся высоко над ним и вылетел за пределы города. А он нёсся вперёд с быстротой, которая казалась мне совершенно невероятной. Я думал, что его короткие ноги с быстротой не могут иметь ничего общего, но

оказалось, что если бы он пустился бежать вместе с борзыми собаками, то последние показались бы спящими по сравнению с ним.

Я вскоре понял, что мне трудно будет ускользнуть от когтей чудовища, если буду продвигаться по прямой линии, поэтому я стал бросаться в разные стороны, поднимаясь в воздух каждый раз, как только он приближался ко мне. Этот манёвр принёс мне значительное преимущество над моим преследователем, и я достиг города намного раньше его, а когда он, совершенно выведенный из себя, добежал до меня, я прыгнул на тридцать футов вверх и вскочил прямо в окно одного из зданий, выходящих в долину.

Ухватившись за подоконник, я уселся на нём, не заглядывая внутрь здания и не отводя взора от разъярённого животного внизу. Торжество моё, однако, было весьма кратковременным, так как не успел я удобно примоститься на подоконнике, как огромная рука схватила меня сзади за шиворот и с силой втащила в комнату. Здесь я был брошен на спину и увидел прямо перед собой колоссальное обезьяноподобное существо, белое и безволосое, за исключением лишь огромного пука щетинистых волос.

* * *

Внезапно вся эта картина исчезла. Выключив телестерео, Вель Квен кинулся к окну. Гордон последовал за ним и увидел стройный сверкающий аппарат, быстро спускающийся к башне.

– Корабль! – вскричал старый учёный. – Не понимаю. Это крейсер – разведчик, но на нём нет эмблемы. Тут что-то не так!

Сверкающий корабль уже приземлился в сотне метров от них. Люк распахнулся. Десятка два людей в серых мундирах и шлемах, сжимая в руках длинноствольные пистолеты, бежали к башне.

– Это форма Империи, но их не должно быть здесь… – На морщинистом лице Вель Квена читались удивление и тревога. – Надо уведомить Ньюар!

Снизу послышался громкий треск.

– Они ломятся в дверь! Скорее! Джон Гордон, бегите…

Отлёт

В пять часов дня на пустыре перед мастерской Лося стал собираться народ. Шли с набережной, бежали из переулков, бубнили, сбивались в кучки, лежали на чахлой траве, –

поглядывали на низкое солнце, пустившее сквозь облака широкие лучи.

Перед толпой, не допуская близко подходить к сараю, стояли солдаты милиции. Двое конных, скуластые, в острых шапках, разъезжая шагом, свирепо поглядывали на зевак.

Кричал на пустыре мороженщик. Толкались между людьми мальчишки с припухшими от дрянной жизни глазами, – продавцы папирос и жулики. Затесался сюда же сутулый старик, изъеденный чахоткой, принёс продавать две пары штанов. День был тёплый, августовский, летел над городом клин журавлей.

Подходившие к толпе, к бубнящим кучкам, – начинали разговор:

– Что это народ собрался – убили кого?

– На Марс сейчас полетят.

– Вот тебе дожили, – этого ещё не хватало!

– Что вы рассказываете? Кто полетит?

– Двоих арестантов, воров, из тюрьмы выпустили, запечатают их в цинковый бидон и – на Марс, для опыта.

– Бросьте вы врать, в самом деле.

– То есть как это я – вру?

– Да – ситец сейчас будут выдавать.

– Какой ситец, по скольку?

– По восьми вершков на рыло.

– Ах, сволочи. На дьявол мне восемь вершков, – на мне рубашка сгнила, третий месяц хожу голый.

– Конечно, издевательство.

– Ну, и народ дурак, боже мой.

– Почему народ дурак? Откуда вы решили?

– Не решил, а вижу.

– Вас бы отправить, знаете куда, за эти слова.

– Бросьте, товарищи. Тут, в самом деле, историческое событие, а вы бог знает что несёте.

– А для каких это целей на Марс отправляют?

– Извините, сейчас один тут говорит: двадцать пять пудов погрузили они одной агитационной литературы и два пуда кокаину.

– Ну, уж – кокаин вы тут ни к селу ни к городу приплели.

– Это экспедиция.

– За чем?

– За золотом.

– Совершенно верно, для пополнения золотого фонда.

– Много думают привезти?

– Неограниченное количество.

– Слушайте, – с утра английский фунт упал.

– Что вы говорите?

– Вот вам, – ну. Вон, в крайнем доме, в воротах, один человек, – щека у него подвязана, – фунты ни по чём продает.

– Тряпьё он продает из Козьмодемьянска, три вагона, – накладную.

– Гражданин, долго нам ещё ждать?

– Как солнце сядет, так он и ахнет.

До сумерек переливался говор, шли разные разговоры в толпе, ожидающей необыкновенного события. Спорили, ссорились, но не уходили.

На набережной Ждановки зажглись фонари. Тусклый закат багровым светом разлился на полнеба. И вот, медленно раздвигая толпу, появился большой автомобиль комиссара Петербурга. В сарае изнутри осветились окна. Толпа затихла, придвинулась.

Открытый со всех сторон, поблёскивающий рядами заклёпок, яйцевидный аппарат стоял на цементной, слегка наклонённой, площадке, посреди сарая. Его ярко освещённая внутренность из стёганной ромбами, жёлтой кожи была видна сквозь круглое отверстие люка.

Лось и Гусев были уже одеты в валеные сапоги, в бараньи полушубки, в кожаные пилотские шлемы. Члены правительства, члены академии, инженеры, журналисты, – окружали аппарат. Напутственные речи были уже сказаны, магниевые снимки сделаны. Лось благодарил провожающих за внимание. Его лицо было бледно, глаза, как стеклянные. Он обнял Хохлова и Кузьмина. Взглянул на часы:

– Пора.

Провожающие затихли. У иных тряслись губы. Кузьмин стал креститься. Гусев нахмурился и полез в люк. Внутри аппарата он сел на кожаную подушку, поправил шлем, одёрнул полушубок.

– К жене зайди, не забудь, – крикнул он Хохлову и сильнее нахмурился.

Лось всё ещё медлил, глядел себе под ноги. Вдруг он поднял голову и, обращаясь почему-то только к Скайльсу, сказал глуховатым, взволнованным голосом:

– Я думаю, что удачно опущусь на Марс, оттуда я постараюсь телеграфировать. Я уверен – пройдёт немного лет и сотни воздушных кораблей будут бороздить звёздное пространство. Вечно, вечно нас толкает дух искания и тревоги. И меня гонит тревога, быть может, отчаяние. Но, уверяю вас, в эту минуту победы – я лишь с новой силой чувствую свою нищету. Не мне первому нужно лететь, – это преступно. Не я первый должен проникнуть в небесную тайну. Что я найду там? Ужас самого

себя. Мой разум горит чадным огоньком над самой тёмной из бездн, где распростёрт труп любви. Земля отравлена ненавистью, залита кровью. Недолго ждать, когда пошатнётся даже разум, – единственные цепи на этом чудовище. Так вы и запишите в вашей книжечке, Арчибальд Скайльс, – я не гениальный строитель, не новый конквистадор, не смельчак, не мечтатель: я – трус, беглец. Гонит меня безнадёжное отчаяние.

Над Чёрным морем, над белым Крымом…

…В бушующей мути крутились корабли бежавших. Ещё грузились у берегов: толпы бежали по дамбам, топча брошенные узлы и тюки, под бегущими зыбкой обвисали и трещали сходни, с берега кричали и проклинали оставленные, гудки кричали угрюмо с берега в нависающую жуткую расправу и смерть. Чёрный дым с судов, не оседая на зыбь, куревом ночи полз у прибрежий; дикая смятенная ночь шла.

Лось вдруг оборвал, странным взором оглянул провожающих, – все слушали его с недоумением и страхом. Надвинул на глаза шлем:

– Не кстати сказано, но через минуту меня не будет на Земле. Простите за последние слова. Прошу вас – отойти как можно дальше от аппарата.

Лось повернулся и полез в люк, и сейчас же с силой захлопнул его за собой. Провожающие, теснясь, взволнованно перекидываясь словами, побежали из сарая к толпе на пустырь. Чей-то голос протяжно начал кричать:

– Осторожнее, отходите, ложитесь!

В молчании теперь тысячи людей глядели на квадратные, освещённые окна сарая. Там было тихо. Тишина и на пустыре. Так прошло несколько минут, – нестерпимый срок ожидания. Много людей легло на траву. Вдруг звонко, вдалеке, заржала лошадь конного стражника. Кто-то крикнул страшным голосом:

– Тише!

В сарае оглушающе треснуло, будто сломалось дерево. Сейчас же раздались более сильные, частые удары. Задрожала земля. Над крышей сарая поднялся тупой нос и заволокся облаком дыма и пыли. Треск усилился. Чёрный аппарат появился весь над крышей и повис в воздухе, будто примериваясь. Взрывы слились в сплошной вой, и четырёхсаженное яйцо, наискось, как ракета, взвилось над толпой, устремилось к западу, ширкнуло огненной полосой и исчезло в багровом, тусклом зареве туч.

Только тогда в толпе начался крик, полетели шапки, побежали люди, обступили сарай.

* * *

– А вы не торопитесь, Алексей Иванович, – сказал Лось, поглядывая на лазоревые цветы. – Учёные ещё на один шаг приблизились к ответу на вопрос о существовании жизни на Марсе. Получены доказательства, косвенным образом свидетельствующие о том, что примитивные формы жизни существуют на Марсе по сей день. Астрономы из Европейского космического агентства зафиксировали наличие метана в атмосфере Красной планеты, впоследствии эту информацию подтвердили аппараты, исследующие Марс. Поскольку метан довольно нестабилен, естественным образом напрашивается вывод о том, что источник газа находится на самой планете. На сегодняшний день науке известны лишь два способа непрерывного пополнения атмосферы метаном: вулканическая активность и деятельность бактерий, вырабатывающих этот газ из кислорода и двуокиси углерода. Но так как ни одного действующего вулкана на поверхности Марса обнаружено не было, учёным остаётся одно: признать гипотезу о биологическом происхождении метана, и, следовательно, о наличии простейших форм жизни на Марсе.

– Да, заехали, – сказал Гусев.

6. Битва, одарившая меня друзьями

Существо, гораздо больше походившее…

Существо, гораздо больше походившее на наших земных людей… Да, приятно…

Да, приятно… Но вскоре после выхода в море, стало ясно, что их капитан из моряцких наук знал единственный трюк – балабонить на весь океан. И когда иногда, вдохновеньем бурля, он кричал: «Заворачивай носом! Носом влево, а корпусом – право руля!» – что прикажете делать матросам? Доводилось им плыть и кормою вперёд, что, по мненью бывалых людей, характерно в условиях жарких широт для снаркирующих кораблей. И притом Балабон – говорим не в упрёк – полагал и уверен был даже, что раз надо, к примеру, ему на восток, то и ветру, конечно, туда же. Наконец с корабля закричали: «Земля!» – и открылся им брег неизвестный. Но, взглянув на пейзаж, приуныл экипаж: всюду скалы, провалы и бездны.

Существо, гораздо больше походившее на наших земных людей, нежели виденные мною до сих пор зелёные марсиане,

держало меня пригвождённым к полу при помощи одной громадной лапы, одновременно болтая и оживлённо жестикулируя другой. Второе существо, очевидно товарищ первого, вскоре приблизилось к нам, неся в руке большую каменную дубинку, которой оно, очевидно, собиралось прихлопнуть меня.

Существа эти были от десяти до пятнадцати футов высоты, когда они стояли прямо во весь рост, и имели, подобно зелёным марсианам, по несколько промежуточных рук и ног, посредине между верхними и нижними конечностями.

Дубинка уже покачивалась под сводом комнаты, прямо над моим обращённым вверх лицом, как вдруг какое-то ужасное многоногое животное ворвалось в дверь и бросилось на моего палача. С воплем ужаса державшая меня обезьяна выскочила в открытое окно, в то время как её товарищ схватился не на жизнь, а на смерть с моим избавителем, оказавшимся не кем иным, как моим верным сторожевым зверем.

Я постарался как можно быстрее вскочить на ноги и, прислонившись к стене, стал наблюдать схватку. Первый приём дал преимущество моему защитнику, так как его могучие когти впились в грудь его соперника, но огромные лапы и руки обезьяны, снабжённые мускулами, значительно превосходящими мускулы виденных мною до сих пор марсиан, охватили горло моего стража и медленно выжимали из него жизнь, запрокинув ему голову назад, так что я был уверен, что тот каждую секунду может упасть со сломанной шеей.

Грудь обезьяны была изодрана в клочья ужасными когтями моего спасителя. Они катались по полу, причём ни один не издал ни звука ужаса или боли. Я видел, что глаза моего зверя совершенно вылезли из орбит, а из ноздрей его течёт кровь. Внезапно я пришёл в себя и, следуя странному инстинкту, который всегда призывал меня к исполнению моего долга, схватил дубину и, взмахнув ею, изо всей силы ударил обезьяну по голове, расколов её череп, как яичную скорлупу.

Не успел я нанести этот удар, как уже стоял лицом к лицу с новой опасностью. Товарищ обезьяны, пришедший в себя после первого ощущения ужаса, вернулся в дом каким-то внутренним выходом.

Правда, в руке у меня была дубина, но что я мог поделать с ней против четырёх огромных лап моего соперника. Если даже я сломаю одну из них первым ударом, он схватит и сомнёт меня остальными прежде, чем я соберусь с силами для вторичного нападения. Итак, без дальнейших колебаний я повернулся, чтобы встретить нападение разъярённой обезьяны.

Опять, как накануне, я прибег к человеческим приёмам: кулаком правой руки я нанёс ему сильный удар в подбородок, и непосредственно за этим моя левая рука ударила его под ложечку. Эффект превзошёл все ожидания: когда после второго удара я отступил немного в сторону, он взвыл и упал навзничь, извиваясь от боли и задыхаясь. Перепрыгнув через его распростёртое тело, я схватил дубинку и прикончил его, не дав ему даже подняться на ноги. Когда я нанёс второй удар, тихий смех раздался позади меня. Обернувшись, я увидел Тарса Таркаса, Солу и ещё трёх или четырёх воинов, стоявших в дверях комнаты. Когда глаза мои встретились с их глазами, я вторично услышал рукоплескания, которые они дарят немногим, да и то в исключительно редких случаях.

…Варен никогда не говорил, что было в ней. О его исследованиях, надо ли повториться, – теперь я не знаю, что он искал. И не слишком ли это милосердно ко мне, я не заслужил такого, учитывая наши ужасные занятия, в которых я участвовал скорее под его влиянием, чем в силу действительной склонности. Варен всегда подавлял меня, а временами я боялся его. Помню, содрогался ночью перед ужасным походом, когда он рассказал свою теорию, что некоторые трупы никогда не распадаются, но остаются крепкими в своих могилах тысячи лет. Но я не боюсь его теперь, подозреваю, он познал ужасы, недоступные моему жалкому разуму. Теперь я боюсь за него.

Проснувшись, Сола заметила моё отсутствие, о чём быстро уведомила Тарса Таркаса, немедленно отправившегося с горсточкой воинов на поиски. Когда они приблизились к окраине города, то оказались свидетелями поступков разъярённой обезьяны, бросившейся внутрь здания.

Сола, сопровождавшая по собственному желанию воинов, искавших меня, была единственным существом, которое не смеялось, когда я боролся за свою жизнь. Удостоверившись, что я вышел из битвы целым и невредимым, она спокойно улыбнулась и, взяв меня за руку, направилась к двери комнаты.

Тарс Таркас и другие воины вошли в комнату и остановились возле быстро приходившего в себя существа, спасшего мою жизнь, и жизнь которого я спас в свою очередь. Они, по-видимому, о чём-то рассуждали, и, наконец, один из них обратился ко мне, но, вспомнив, что я не знаю их языка, вновь обернулся к Тарсу Таркасу, который одним словом и жестом отдал какое-то приказание воину и повернулся, чтобы последовать за нами.

Во всём этом я усмотрел что-то угрожающее моему зверю и

не решался уйти, прежде чем не узнаю, в чём дело. И я хорошо сделал, так как воин вытащил из-за пояса огромный пистолет и уже хотел прикончить им животное, но я прыгнул к нему и схватил его за руку. Пуля пробила деревянную облицовку окна и взорвалась, пробив огромное отверстие в дереве и каменной кладке.

Тогда я встал на колени возле этого ужасного на вид существа и, поставив его на ноги, приказал ему следовать за мной. Воин, у которого я выбил из рук оружие, вопросительно посмотрел на Тарса Таркаса, но тот знаком приказал предоставить мне возможность поступать по моему усмотрению. Итак, мы возвратились на площадь – за мной по пятам следовал мой большой безобразный зверь, а рядом со мной шла Сола. В конце концов, на Марсе у меня оказалось двое друзей – молодая женщина и безгласный зверь.

* * *

Нападавшие ворвались в комнату. Лица у них были бесцветные, неестественно бледные.

– Солдаты Лиги! – вскричал старик и кинулся к телестерео.

Главарь агрессоров поднял пистолет. Крохотная пулька вонзилась в спину Вель Квену и взорвалась. Тот упал как подкошенный. С яростным воплем Гордон ринулся вперёд.

– Не стрелять, это Зарт Арн! – крикнул офицер. – Взять живым!

Гордон угодил кулаком кому-то в лицо, но его уже схватили, скрутили за спиной руки. Противников было слишком много.

– Принц Зарт! – обратился к нему бледный офицер. – Я сожалею, что так вышло с вашим коллегой. Но он собирался вызвать помощь, а о нашем появлении никто не должен подозревать.

– Что это значит? – гневно спросил Гордон. – Кто вы такие?

– Мы из облака, – ответил офицер. – Не волнуйтесь, принц, вы в безопасности. Мы пришли, чтобы доставить вас к Шорр Кану.

Шорр Кан – диктатор Лиги Тёмных Миров! Они хотят похитить Зарт Арна! Настоящий принц не мог предвидеть такое, когда замышлял обмен телами и душами.

– Я не пойду с вами! – крикнул Гордон. – Я останусь на Земле!

– Придётся применить силу, – сказал офицер. – Эй, тащите его!

В чёрном небе

Завинтив входной люк, Лось сел напротив Гусева и стал глядеть ему в глаза, – в колючие, как у пойманной птицы, точки зрачков.

– Летим, Алексей Иванович?

– Пускайте.

Тогда Лось взялся за рычажок реостата и слегка повернул его. Раздался глухой удар, тот первый треск, от которого вздрогнула на пустыре тысячная толпа. Повернул второй реостат. Глухой треск под ногами и сотрясение аппарата стали так сильны, что Гусев схватился за сиденье, выкатил глаза. Лось включил оба реостата. Аппарат рванулся. Удары стали мягче, сотрясение уменьшилось. Лось прокричал:

– Поднялись.

Гусев отёр пот с лица. Становилось жарко. Счётчик скорости показывал – пятьдесят метров в секунду, стрелка продолжала передвигаться вперёд.

Аппарат мчался по касательной, против вращения Земли. Центробежная сила относила его к востоку. По расчётам, на высоте ста километров, он должен был выпрямиться и лететь по диагонали, вертикальной к поверхности Земли.

Двигатель работал ровно, без сбоев. Лось и Гусев расстегнули полушубки, сдвинули на затылок шлемы. Холодный пот катился по их лицам. Электричество было потушено, и бледный свет проникал сквозь стёкла глазков.

Преодолевая слабость и начавшееся головокружение, Лось опустился на колени и сквозь глазок глядел на уходящую Землю. Она расстилалась огромной, без краёв, вогнутой чашей, – голубовато-серая. Кое-где, точно острова, лежали на ней гряды облаков, это был Атлантический океан.

Понемногу чаша суживалась, уходила вниз. Правый край её начал светиться, как серебро, на другой находила тень. И вот чаша уже казалась шаром, улетающим в бездну.

Гусев, прильнувший к другому глазку, сказал:

– Прощай, матушка, пожито на тебе, полито кровушки!

Под прямым углом – да в снег мелованный.
Умирать облом нецелованной.
Эх, мороз-матрос да в бескозырочке,
Подари засос дезертирочке.

Дезертирочке да изменнице,
Переводчице да перебежчице.
Эх, яблочко, давай рассказывай!

Эх, девочка, снимай, показывай!

Он поднялся с колен, но вдруг зашатался, повалился на подушку. Рванул ворот:

– Помираю, Мстислав Сергеевич, мочи нет.

…И с флангов из-за телег сорвались и ринулись конные, крича «даё-о-ошь!» невидимой в ночи массой поднятых кулаков, пик, бурок, прядающих грив. Обратно в правый сектор уходил, истекая кровью, корпус. А в левый, в пролом, бежали опять матрос и Микешин и за ними груды потных, хрипящих, злобных от жажды – «даё-о-ошь!» – и вот: на второй линии полёг матрос, повиснув через проволоку затылком почти оземь, и на правом – мчась в табуне визжащих взбешённых коней, рухнул тот, в бурке, черноусый, рухнул вместе с конём, завязив размозжённую голову ему под шею. И через них и за ними в сеть оскаленных проволок, ям, блиндажей неслись телеги, бежали пешие, скакали конные; далеко за озёрами, прильнув к гриве лбом, уходили остатки последних, глядя назад тусклыми выпуклыми глазами.

Конец.

Лось чувствовал: сердце бьётся чаще, чаще, уже не бьётся, – трепещет мучительно. Бьёт кровь в виски. Темнеет свет.

Он пополз к счётчику. Стрелка стремительно поднималась, отмечая невероятную быстроту. Кончался слой воздуха. Уменьшалось притяжение. Компас показывал – Земля была вертикально внизу. Аппарат, с каждой секундой наддавая скорость, с сумасшедшей быстротой вносился в мировое, ледяное пространство.

Лось, ломая ногти, едва расстегнул ворот полушубка, – сердце стало.

Предвидя, что скорость аппарата и, стало быть, находящихся в нём тел достигнет такого предела, когда наступит заметное изменение скорости биения сердца, обмена крови и соков, всего жизненного ритма тела, – предвидя это, Лось соединил счётчик скорости одного из жироскопов (их было два в аппарате) электрическими проводами с кранами баков, которые в нужную минуту должны выпустить большое количество кислорода и аммиачных солей.

Лось очнулся первым. Грудь резало, голова кружилась, сердце шумело, как волчок. Мысли появились и исчезли, – необычайные, быстрые, ясные. Движения легки и точны.

Лось закрыл лишние краны в баках, взглянул на счётчик. Аппарат покрывал около пятисот вёрст в секунду. Было светло. В один из глазков входил прямой, ослепительный луч солнца. Под лучом, навзничь, лежал Гусев, – зубы оскалены, стеклянные глаза вышли из орбит.

Лось поднёс ему к носу едкую соль. Гусев глубоко вздохнул, затрепетали веки. Лось обхватил его под мышками и сделал усилие приподнять, но тело Гусева повисло, как пузырь с воздухом. Он разжал руки, – Гусев медленно опустился на пол, вытянул ноги на воздух, поднял локти, – сидел как в воде, озирался:

– Вот штука-то, – гляди – сейчас полечу!

Лось сказал ему – лезть, наблюдать в верхние глазки. Гусев встал, качнулся, примерился и полез по отвесной стене аппарата, как муха, – хватался за стёганую обивку. Прильнул к глазку:

– Темень, Мстислав Сергеевич, как есть ничего не видно.

Лось надел дымчатое стекло на окуляр, обращённый к солнцу. Чётким очертанием, огромным, косматым клубком солнце висело в пустой темноте. С боков его, как крылья, были раскинуты две световые туманности. От плотного ядра отделился фонтан и расплылся грибом: это было как раз время, когда начали распадаться солнечные пятна. В отдалении от светлого ядра располагались ещё более бледные, чем зодиакальные крылья, – световые спирали: океаны огня, отброшенные от солнца и вращающиеся вокруг него, как спутники.

Лось с трудом оторвался от этого зрелища, – живоносного огня вселенной. Прикрыл окуляр колпачком. Стало темно. Он придвинулся к глазку, противоположному световой стороне. Здесь была тьма. Он повернул окуляр, и глаз укололся о зеленоватый луч звезды. Затем – снова тьма, и – новая точка звезды. Но вот в глазок вошёл голубой, ясный, сильный луч, – это был Сириус, небесный алмаз, первая звезда северного неба.

Лось пополз к третьему глазку. Повернул окуляр, взглянул, протёр его носовым платком. Всмотрелся. Сжалось сердце, стали чувствительны волосы на голове.

Невдалеке, во тьме, плыли, совсем близко, неясные, туманные пятна. Гусев проговорил с тревогой:

– Какая-то штука летит рядом с нами.

Туманные пятна медленно уходили вниз, становились отчётливее, светлее. Побежали изломанные, серебристые линии, нити. И вот, стало проступать яркое очертание рваного края, скалистого гребня. Аппарат, видимо, сближался с каким-то небесным телом, вошёл в его притяжение и, как спутник, начал поворачиваться вокруг него.

Дрожащей рукой Лось пошарил рычажки реостатов и повернул их до отказа, рискуя взорвать аппарат. Внутри, под ногами всё заревело, затрепетало. Пятна и сияющие рваные края быстрее стали уходить вниз. Освещённая поверхность увеличивалась, приближалась. Теперь уже ясно можно было видеть резкие, длинные тени от скал, – они тянулись через оголённую, ледяную равнину.

Аппарат летел к скалам, – они были совсем близко, залитые сбоку солнцем. Лось подумал (сознание было спокойное и ясное), – через секунду, – аппарат не успеет повернуть к притягивающей его массе горлом, – через секунду – смерть.

В эту долю секунды Лось заметил на ледяной равнине, близ скал, – словно развалины города. Затем аппарат скользнул над остриями ледяных пиков… но там, по ту их сторону, был обрыв, бездна, тьма. Сверкнули на рваном отвесном обрыве жилы металлов. И осколок разбитой, неведомой планеты остался далеко позади, – продолжал свой мёртвый путь к вечности. Аппарат снова мчался среди пустыни чёрного неба.

Вдруг Гусев крикнул:

– Вроде как Луна перед нами.

Он обернулся, отделился от стены и повис в воздухе, раскорячился лягушкой и, ругаясь шёпотом сквернымиловами, силился приплыть к стене. Лось отделился от пола и, тоже повиснув, держась за трубку глазка, – глядел на серебристый, ослепительный диск Марса.

Спуск

Серебристый, кое-где словно подёрнутый облачками, диск Марса заметно увеличивался. Ослепительно сверкало пятно льдов Южного полюса. Ниже его расстилалась изогнутая туманность. На востоке она доходила до экватора, близ среднего меридиана – поднималась, огибая полого более светлую поверхность и раздваивалась, образуя у западного края диска второй мыс.

По экватору были расположены, ясно видны – пять тёмных точек, круглых пятен. Они соединялись прямыми линиями, которые начертывали два равносторонних треугольника и третий – удлинённый. Подножие восточного треугольника было охвачено правильной дугой. От середины её до крайней, западной точки шло второе полукружие. Несколько линий, точек и полукружий разбросано к западу и востоку от этой экваториальной группы. Северный полюс тонул во мгле.

Лось жадно вглядывался в эту сеть линий: вот они, сводящие с ума астрономов, постоянно меняющиеся, геометрически

правильные, непостигаемые каналы Марса! Лось различал теперь под этим чётким рисунком вторую, едва проступающую, словно стёртую, сеть линий. Он начал набрасывать примерный рисунок её в записной книжке. Вдруг диск Марса дрогнул и поплыл в окуляре глазка. Лось кинулся к реостатам:

– Попали, Алексей Иванович, притягиваемся, падаем!

Аппарат поворачивал горлом к планете. Лось уменьшил и совсем выключил двигатель. Перемена скорости была теперь менее болезненна. Но наступила тишина, настолько мучительная, что Гусев уткнулся лицом в руки, зажал уши.

Лось лежал на полу, наблюдая, как увеличивается, растёт, становится всё более выпуклым серебряный диск. Казалось, – из чёрной бездны он сам теперь летел на них.

Лось снова включил реостаты. Аппарат затрепетал, преодолевая тягу Марса. Скорость падения замедлилась. Марс закрывал теперь всё небо, тускнел, края его выгибались чашей.

Последние секунды были страшными, – головокружительное падение. Марс закрыл всё небо. Внезапно стёкла глазков запотели. Аппарат прорезывал облака над тусклой равниной и, ревя и сотрясаясь, медленно теперь опускался.

– Садимся! – успел только крикнуть Лось и выключил двигатель. Сильным толчком его кинуло на стену, перевернуло. Аппарат грузно сел и повалился на бок.

Колени тряслись, руки дрожали, сердце замирало. Молча, поспешно Лось и Гусев приводили в порядок внутренность аппарата. Сквозь отверстие одного из глазков высунули наружу полуживую мышь, привезённую с Земли. Мышь понемногу ожила, подняла нос, стала шевелить усами, умылась. Воздух был годен для жизни.

Тогда отвинтили входной люк. Лось облизнул губы, сказал ещё глуховатым голосом:

– Ну, Алексей Иванович, с благополучным прибытием! Вылезаем.

Скинули валенки и полушубки. Гусев прицепил маузер к поясу (на всякий случай), усмехнулся и распахнул люк.

* * *

– А вы не торопитесь, Алексей Иванович, – сказал Лось, поглядывая на лазоревые цветы. – Что это за необычные плиты на Марсе? В настоящее время наиболее вероятной представляется гипотеза, что это – льдины, которые плавали на поверхности

недавно замёрзшего моря, которое затем было покрыто пылью. Плиты были недавно сфотографированы аппаратом Европейского космического агентства Марс-Экспресс. Как ни странно, эта область находится около марсианского экватора, далеко от полярных шапок Марса. Вода или лёд, находящиеся далеко от полюсов, быстро испарились бы прямо в атмосферу, если бы их не покрыла пыль. То, что плиты действительно являются покрытыми пылью льдинами, подтверждает также их внешнее сходство с айсбергами у берега Антарктиды, с близкими разломами на поверхности, из которых могли вытекать грунтовые воды, а также небольшая глубина кратеров, причиной которой может быть их заполнение каким-то веществом. Если всё это верно, то небольшое число кратеров свидетельствует, что вода могла течь по поверхности Марса всего пять миллионов лет назад.

– Да, заехали, – сказал Гусев.

7. Дети марсиан

После завтрака…

После завтрака, который был точной копией меню предыдущего дня… И, заметя броженье умов…

И, заметя броженье умов, Балабон произнёс утешительным тоном каламбурчик, хранимый до чёрных времён, – экипаж отвечал только стоном. Он им рому налил своей щедрой рукой, рассадил, и призвал их к вниманью, и торжественно (дёргая левой щекой) обратился с докладом к собранью: «Цель близка, о сограждане! очень близка!» (Все поёжились, как от морозу. Впрочем, он заслужил два-три жидких хлопка, разливая повторную дозу.) «Много месяцев плыли мы, много недель, нам бывало и мокро, и жарко, но нигде не видали – ни разу досель! – ни малейшего проблеска Снарка».

После завтрака, который был точной копией меню предыдущего дня и прототипом всех фактически последовавших за ним в течение всего того времени, что я пробыл с зелёными людьми Марса, Сола провела меня на площадь, где я застал всю общину занятой наблюдением за работой по загрузке огромных мастодонтообразных животных в большие трёхколёсные повозки. Там было около двух с половиной сотен этих повозок, в каждую было впряжено по одному животному. Судя по их виду, каждое из них легко могло бы вынести на себе целый основательно нагруженный фургон фуража.

Сами повозки были велики, удобны и роскошно разукрашены.

На каждой из них сидела женщина-марсианка, увешанная металлическими украшениями, драгоценными камнями и мехами, а на спине животного, вёзшего повозку, восседал молодой марсианский возница. Подобно животным, на которых ехали воины, более грубые упряжные животные тоже не имели ни удил, ни поводьев и управлялись исключительно при помощи телепатии.

Эта телепатическая сила изумительно развита во всех марсианах и щедро искупает примитивность их языка.

Сола втащила меня в пустую повозку, и мы последовали вместе с процессией по направлению к тому пункту, через который я вступил в город накануне. Во главе каравана ехало около двухсот воинов, по пять в ряд, и такое же количество находилось в арьергарде, между тем двадцать или тридцать всадников составляли нашу охрану с каждой стороны.

Наша дорога проходила через маленькую долину, расположенную перед городом, через холмы и затем вела вниз на дно мёртвого моря, которое я пересёк в своём путешествии от инкубатора до площади. Инкубатор, как оказалось, был конечным пунктом нашего путешествия в этот день, и вся кавалькада пустилась бешеным галопом, как только мы достигли плоской поверхности морского дна. Вскоре цель наших стремлений предстала перед нашим взором.

Когда мы приблизились к ней, повозки с точностью, применяемой в военном деле, были расположены по четырём сторонам отгороженного пространства, и человек десять воинов во главе с гигантом-вождём и при участии Тарса Таркаса и нескольких других более мелких главарей спустились на землю и направились к инкубатору. Я видел Тарса Таркаса, объяснявшего что-то главному вождю, имя которого, поскольку я могу передать его земным языком, было Лоркас Птомель Джед, причём Джед было его титулом. Я скоро был посвящён в предмет их беседы, так как Тарс Таркас подозвал Солу, сказав ей, чтобы она послала меня к нему. К этому времени я победил все трудности передвижения в условиях жизни на Марсе и, быстро выполняя его распоряжение, приблизился с той стороны инкубатора, где стояли воины.

Когда я подошёл к ним, то сразу увидел, что почти из всех яиц, за малым исключением, вылупились отвратительные маленькие дьяволята, которыми инкубатор кишмя кишел. Ростом они были от трёх до четырёх футов и без устали передвигались с места на место, как бы в поисках пищи.

Когда я остановился перед Тарсом Таркасом, он указал рукой поверх инкубатора и произнёс «сак». Я понял, что он хочет, чтобы

я, в назидание Лоркасу Птомелю, повторил свой подвиг вчерашнего дня и, так как должен сознаться, что моя доблесть принесла мне немалое удовлетворение, быстро ответил на его предложение, прыгнув высоко через выстроившиеся повозки в самый дальний конец инкубатора. Когда же я вернулся, Лоркас Птомель пробурчал что-то в мою сторону, а затем, обратившись к своим воинам, отдал в нескольких словах приказ относительно инкубатора. Они больше не обращали на меня никакого внимания, и, таким образом, я получил возможность наблюдать за работой, которая свелась к тому, чтобы пробить в стене инкубатора достаточно широкое отверстие, чтобы дать выход юным марсианам.

По обе стороны этого отверстия женщины и более молодые марсиане обоего пола образовали две сплошные стены, протянувшиеся мимо повозок далеко вперёд, в равнину, расположенную по ту сторону от них. Между этими стенами маленькие марсиане бежали со всех ног наподобие диких оленей. Им позволили пробежать проход во всю его длину, а затем женщины и старшие дети ловили их по одному, причём последний в ряду ловил первого из маленьких марсиан в момент, когда он достигал конца коридора. Его сосед по ряду ловил второго, и так до тех пор, пока все малютки не покинули инкубатора. Когда женщинам удавалось захватить маленького, они выходили из ряда и возвращались к своим повозкам, между тем как те малютки, которые попадали в руки молодых людей, потом передавались женщинам. Я увидел, что церемония, если её можно так назвать, была окончена, и, отправившись в поисках Солы, нашёл её в нашей повозке с отвратительным маленьким существом, которое она крепко сжимала в своих объятиях.

Община, часть которой составляли зелёные марсиане, с которыми меня связала судьба, состояла из тридцати тысяч душ. Они кочевали по огромному пространству бесплодной, или почти бесплодной почвы между сороковым и восьмидесятым градусом южной широты, граничившей на востоке и западе с двумя большими плодородными областями. Их главные квартиры были расположены в юго-западном углу этого участка, вблизи от пересечения двух так называемых «марсианских каналов».

Так как инкубатор был расположен далеко к северу от их собственной территории, по-видимому, на необитаемой и никем не посещаемой равнине, нам предстояло ужасное путешествие, относительно которого я, естественно, ничего не знал.

…Вновь повторюсь, теперь я не знаю наших намерений той ночью. Конечно, книга, которую Варен нёс с собой – та древняя

книга с непонятными символами, попавшая к нему из Индии месяц назад, должна была как-то использоваться – но, клянусь, я не знаю, что мы ожидали найти.

После нашего возвращения в мёртвый город я провёл несколько дней в полном бездействии. На следующий день после нашего возвращения воины уехали куда-то рано утром и вернулись только к моменту наступления темноты.

Как я узнал позже, они были в подземных пещерах, в которых сохранялись яйца, и перенесли их в инкубатор, стену которого они затем снова заделали на новый пятилетний период. Подземные помещения, в которых яйца хранились до своего перемещения в инкубатор, были расположены намного миль южнее, чем инкубатор, и каждый год их посещал совет из двадцати старейшин.

Обязанности Солы увеличились теперь вдвойне, так как она была принуждена заботиться о юном марсианине, так же, как и обо мне, но ни один из нас не требовал большого внимания, и так как мы были одинаково подвинуты в марсианском образовании, то Сола взялась обучать нас обоих вместе.

Добычей Солы оказался младенец мужского пола, около четырёх футов вышины, очень сильный и прекрасно сложенный. К тому же он хорошо учился, и мы достаточно забавлялись, или, по крайней мере, я забавлялся тем отношением, которое воцарилось между нами. Марсианский язык, как я уже сказал, чрезвычайно прост, и через неделю я мог сделать понятными все свои желания и сам понимал всё, что мне говорилось. Точно так же под руководством Солы я до такой степени развил свои телепатические способности, что скоро мог ощущать практически всё, что происходило около меня.

Больше всего удивляло во мне Солу то, что в то время, как я легко схватывал телепатические проявления других, и часто, даже тогда, когда они вовсе не для меня предназначались, никто не мог ни при каких обстоятельствах разобрать что бы то ни было, исходившее из моего сознания.

Вначале это уязвляло меня, но впоследствии я был очень рад этому, так как это давало мне несомненное преимущество над марсианами.

* * *

Воспользовавшись замешательством, Гордон вырвался из рук противников. Схватил какой-то тяжёлый металлический предмет

и яростно отбивался. У него было то преимущество, что им он требовался живой и невредимый, ему же церемониться было необязательно. Двое повалились от его свирепых ударов, но остальные снова скрутили его и вырвали из рук импровизированное оружие.

– Теперь к кораблю! – крикнул, задыхаясь, бледный офицер Лиги.

Четверо солдат потащили Гордона вниз по лестнице, выволокли на морозный воздух. До корабля оставалось совсем немного, когда торчащие из его бортов грозные стволы орудий повернулись к небу и открыли огонь.

Бледный офицер закричал. Джон Гордон увидел три сигарообразных боевых корабля, пикирующих прямо на них. Раздался оглушительный взрыв. Гордона и его похитителей бросило наземь. Полуоглушённый, он слышал громовой гул приземляющихся кораблей. А когда встал на ноги, всё было уже кончено.

Корабль Лиги стал грудой оплавленного металла. Кругом валялись трупы солдат. Люки крейсеров открылись, оттуда к Гордону бежали люди в серых мундирах и шлемах.

– Ничего! Он своё ещё получит. Клянусь клыками Комала! – поклялся в самых энергических выражениях профессор Рубадуб. – Ему не так-то легко будет избежать остальных ловушек. Много бы я дал, чтобы увидеть, например, каким образом он выкрутится!

То же подумал и блистательный ван Ундердук и от удивления настолько забыл о собственном достоинстве, что, стоя на одной ноге, завертелся волчком.

Марс

Тёмно-синее, как море в грозу, ослепительное, бездонное небо увидели Гусев и Лось, вылезая из аппарата.

Пылающее, косматое солнце стояло высоко над Марсом. Такое солнце видывали в Петербурге в мартовские ясные дни, когда талым ветром вымыто всё небо.

– Весёлое у них солнце, – сказал Гусев и чихнул, – до того ярок был свет в густо-синей высоте. Покалывало грудь, стучала кровь в виски, но дышалось легко, – воздух был тонок и сух.

Аппарат лежал на оранжево-апельсиновой плоской равнине. Горизонт кругом – близок, подать рукой. Почва сухая, потрескавшаяся. Повсюду на равнине стояли высокие кактусы, как семисвечники, – бросали резкие, лиловые тени. Подувал сухой ветерок.

Лось и Гусев долго озирались, потом пошли по равнине. Идти было необычайно легко, хотя ноги и вязли по щиколотку в рассыпающейся почве. Огибая жирный высокий кактус, Лось протянул к нему руку. Растение, едва его коснулись, затрепетало, как под ветром, и бурые его, мясистые отростки потянулись к руке. Гусев пхнул сапогом ему под корень, – ах, погань, – кактус повалился, вонзая в песок колючки.

Шли около получаса. Перед глазами расстилалась всё та же оранжевая равнина, – кактусы, лиловые тени, трещины в грунте. Когда повернули к югу и солнце стало сбоку, Лось стал присматриваться, словно что-то соображая, – вдруг остановился, присел, хлопнул себя по колену.

– Алексей Иванович, почва-то ведь вспаханная.

– Что вы?

Действительно, теперь ясно были видны широкие, полуобсыпавшиеся борозды пашни и правильные ряды кактусов. Через несколько шагов Гусев споткнулся о каменную плиту, в неё было ввёрнуто большое бронзовое кольцо с обрывком каната. Лось шибко потёр подбородок, глаза его блестели.

– Алексей Иванович, вы ничего не понимаете?

– Я вижу, что мы в поле.

– А кольцо зачем?

– Чёрт их в душу знает, зачем они кольцо ввинтили.

– А затем, чтобы привязывать бакен. Видите – ракушки? Мы – на дне канала.

Гусев приставил палец к ноздре, высморкался. Они повернули к западу и шли поперёк борозд. Вдалеке над полем поднялась и летела, судорожно взмахивая крыльями, большая птица с висячим, как у осы, телом. Гусев приостановился, положил руку на револьвер. Но птица взмыла, сверкнув в густой синеве, и скрылась за близким горизонтом.

Кактусы становились выше, гуще, добротнее. Приходилось осторожно пробираться в их живой, колючей чаще. Из-под ног выбегали животные, похожие на каменных ящериц, – ярко-оранжевые, с зубчатым хребтом. Несколько раз в гуще лапчатой заросли скользили, кидались в сторону какие-то щетинистые клубки. Здесь шли осторожно.

Кактусы кончились у белого, как мел, покатого берега. Он был обложен, видимо, древними, тёсаными плитами. В трещинах и между щелями кладки висели высохшие волокна мха. В одну из плит ввёрнуто такое же, как на поле, кольцо. Хребтатые ящерицы грелись на припёке.

Лось и Гусев взобрались по откосу наверх. Отсюда была видна холмистая равнина того же апельсинового, но более

тусклого цвета. Кое-где разбросаны на ней кущи низкорослых, подобных горным соснам, деревьев. Кое-где белели груды камней, очертания развалин. Вдали, на северо-западе, поднималась лиловая гряда.

– Вернуться нам надо, поесть, передохнуть, – сказал Гусев, – умаемся, – тут, видимо, ни одной живой души нет.

Они стояли ещё некоторое время. Равнина была пустынна и печальна, – сжималось сердце.

– Да, заехали, – сказал Гусев.

Они спустились с откоса и пошли к аппарату, и долго блуждали, разыскивая его среди кактусов.

Вдруг Гусев стал:

– Вот он!

Привычной хваткой расстегнул кобуру, вытащил револьвер.

– Эй, – закричал он, – кто там у аппарата, так вашу эдак! Стрелять буду.

– Кому кричите, Алексей Иванович?

– Видите – аппарат поблёскивает.

– Вижу теперь, да.

– А вон, правее его – сидит.

Лось, наконец, увидел, и они, спотыкаясь, побежали к аппарату. Существо, сидевшее около аппарата, двинулось в сторону, запрыгало между кактусами, подскочило, раскинуло длинные, перепончатые крылья, с треском поднялось и, описав полукруг, взмыло над людьми. Это было то самое, что давеча они приняли за птицу. Гусев повёл револьвером, ловчась срезать на лету крылатого зверя. Но Лось вдруг вышиб у него оружие, крикнул:

– С ума сошёл. Это человек!

Закинув голову, раскрыв рот, Гусев глядел на удивительное существо, описывающее круги в кубово-синем небе. Лось вынул носовой платок и помахал им птице.

– Мстислав Сергеевич, поосторожнее, как бы он в нас чем-нибудь не шарахнул оттуда.

– Спрячьте, говорю, револьвер!

Большая птица снижалась. Теперь ясно было видно человекообразное существо, сидящее в седле летательного аппарата. По пояс тело сидящего висело в воздухе. На уровне его плеч взмахивали два изогнутых, подвижных крыла. Под ними, впереди, крутился теневой диск, – видимо, воздушный винт. Позади седла – хвост с раскинутыми вилкой рулями. Весь аппарат – подвижен и гибок, как живое существо.

Вот он нырнул и пошёл у самой земли, – одно крыло вниз, другое – вверх. Показалась голова марсианина в шапке – яйцом, с

длинным козырьком. На глазах – очки. Лицо – кирпичного цвета, узкое, сморщенное, с острым носом. Он раззевал большой рот и кричал что-то. Часто-часто замахал крыльями, снизился, пробежал по земле и соскочил с седла – шагах в тридцати от людей.

Марсианин был как человек среднего роста, – одет в тёмную, широкую куртку. Сухие ноги его, выше колен, прикрыты плетёными гетрами. Он с сердцем стал указывать на поваленные кактусы. Но, когда Лось и Гусев двинулись к нему, он живо вскочил в седло, погрозил оттуда длинным пальцем, взлетел, почти без разбега, и сейчас же опять сел на землю и продолжал кричать писклявым, тонким голосом, указывая на поломанные растения.

– Чудак, обижается, – сказал Гусев и крикнул марсианину: – Да плюнь ты на свои чёртовы кактусы, будет тебе орать, тудыть твою в душу!

– Алексей Иванович, перестаньте ругаться, он не понимает по-русски. Сядьте, иначе он не подойдёт.

Лось и Гусев сели на горячий грунт. Лось стал показывать, что хочет пить и есть. Гусев закурил папиросу, сплюнул. Марсианин некоторое время глядел на них и кричать перестал, но всё ещё сердито грозил длинным, как карандаш, пальцем. Затем отвязал от седла мешок, кинул его в сторону людей, поднялся кругами на большую высоту и быстро ушёл на север, скрылся за горизонтом.

В мешке оказались две металлические коробки и плетёная фляжка с жидкостью. Гусев вскрыл коробки ножом, – в одной было сильно пахучее желе, в другой – студенистые кусочки, похожие на рахат-лукум. Гусев понюхал:

– Тьфу, сволочи, что едят!

Он вытащил из аппарата корзину с провизией, набрал сухих обломков кактуса и запалил их. Поднялся лёгкой струйкой жёлтый дымок, кактусы тлели, но жара было много. Разогрели жестянку с солониной, разложили еду на чистом платочке. Ели жадно, только сейчас почувствовали нестерпимый голод.

Солнце стояло над головой, ветер утих, было жарко. По оранжевым кочкам прибежала ящерица. Гусев кинул ей кусочек сухаря. Она поднялась на передних лапах, подняла треугольную рогатую головку и застыла, как каменная.

Лось попросил папироску и прилёг, подперев щёку, – курил, усмехался.

– Алексей Иванович, знаете, сколько времени мы не ели?

– Со вчерашнего вечера, Мстислав Сергеевич, перед отлётом я картошки наелся.

– Не ели мы с вами, друг милый, двадцать три или двадцать четыре дня.

– Сколько?

– Вчера в Петербурге было 18 августа, – сказал Лось, – а сегодня в Петербурге 11 сентября: вот чудеса какие.

– Этого, вы мне голову оторвите, я не пойму, Мстислав Сергеевич.

– Да, этого и я хорошенько-то не понимаю, как это так. Вылетели мы в семь. Сейчас – видите – два часа дня. Девятнадцать часов тому назад мы покинули Землю, – по этим часам. А по часам, которые остались у меня в мастерской, – прошло около месяца. Вы замечали, – едете вы в поезде, спите, поезд останавливается, вы либо проснётесь от неприятного ощущения, либо во сне вас начинает томить. Это потому, что, когда вагон останавливается – во всём вашем теле происходит замедление скорости. Вы лежите в бегущем вагоне, и ваше сердце бьётся, и ваши часы идут скорее, чем если бы вы лежали в недвигающемся вагоне. Разница неуловимая, потому что скорости очень малы. Иное дело – наш перелёт. Половину пути мы пролетели почти со скоростью света. Тут уже разница ощутима. Биение сердца, скорость хода часов, колебание частиц в клеточках тела – не изменились по отношению друг друга, покуда мы летели в безвоздушном пространстве, мы составляли одно целое с аппаратом, всё двигалось в одном с ним ритме. Но если скорость аппарата превышала в пятьсот тысяч раз нормальную скорость движения тела на Земле, то скорость биения моего сердца один удар в секунду, – если считать по часам, бывшим в аппарате, – увеличилась в пятьсот тысяч раз, то есть – моё сердце билось во время полёта пятьсот тысяч ударов в секунду, считая по часам, оставшимся в Петербурге. По биению моего сердца, по движению стрелки хронометра в моём кармане, по ощущению всего моего тела – мы прожили в пути десять часов сорок минут. И это на самом деле – были десять часов сорок минут. Но по биению сердца петербургского обывателя, по движению стрелки на часах Петропавловского собора – прошло со дня нашего отлёта три с лишком недели. Впоследствии можно будет построить большой аппарат, снабдить его на полгода запасом пищи, кислорода и ультралиддита, и предлагать каким-нибудь чудакам: вам не нравится жить в наше время, – войны, революции, мятежи – хаос. Хотите жить через сто лет? Для этого нужно только запастись терпением на полгода, посидеть в этой коробке, но зато – какая жизнь? Вы перескочите через столетие. И отправлять их со скоростью света на полгода в междузвёздное пространство. Поскучают, обрастут бородой, вернутся, а на Земле – золотой век.

И школьники учат: сто лет тому назад вся Европа была потрясена войнами и революциями. Столицы мира погибли в анархии. Никто ни во что и ничему не верил. Земля ещё не видела подобных бедствий. Но вот в каждой стране стало собираться ядро мужественных и суровых людей, они называли себя «Справедливыми». Они овладели властью и стали строить мир на иных, новых законах – справедливости, милосердия и законности желания счастья, – это, в особенности, важно, Алексей Иванович: счастье. А ведь всё это так и будет, когда-нибудь.

Гусев охал, щёлкал языком, много удивлялся.

– Мстислав Сергеевич, а как вы думаете насчёт этого питья – мы не отравимся? – Он зубами вытащил из марсианской плетёной фляжки затычку, попробовал жидкость на язык, сплюнул: пить можно. Хлебнул, крякнул. – Вроде нашей мадеры, попробуйте.

Лось попробовал: жидкость была густая, сладковатая, с сильным запахом мускатного ореха. Пробуя, они выпили половину фляжки. По жилам пошло тепло и особенная лёгкая сила. Голова же оставалась ясной.

Лось поднялся, потянулся, расправился: хорошо, легко, странно было ему под этим иным небом, – несбыточно, дивно. Будто он выкинут прибоем звёздного океана, заново рождён в неизведанную, новую жизнь.

Гусев отнёс корзину с едой в аппарат, плотно завинтил люк, сдвинул картуз на самый затылок.

– Хорошо, Мстислав Сергеевич, не жалко, что поехали!

Решено было опять пойти к берегу и побродить до вечера по холмистой равнине. Весело переговариваясь, они пошли между кактусами, иногда перепрыгивали через них длинными, лёгкими прыжками. Камни набережного откоса скоро забелели сквозь заросль.

Вдруг Лось стал. Холодок омерзения прошёл по спине. В трёх шагах, у самой земли, из-за жирных листьев глядели на него большие, как лошадиные, полуприкрытые рыжими веками глаза. Глядели пристально, с лютой злобой.

– Вы что? – спросил Гусев и тоже увидел глаза. И, не размышляя, сейчас же выстрелил в них, – взлетела пыль. Глаза исчезли.

– Вон он! – Гусев повернулся и выстрелил ещё раз низко, по земле – стремительно бегущее животное: углами подняты восемь ног, бурое, редкополосое, жирное тело. Это был огромный паук, какие на Земле водятся лишь на дне моря. Он ушёл в заросль.

Заброшенный дом

От берега до ближайшей кущи деревьев Лось и Гусев шли по горелому, бурому праху, перепрыгивали через обсыпавшиеся, неширокие каналы, огибали высохшие прудки. Кое-где, в полузасыпанных руслах, из песка торчали ржавые рёбра барок. Кое-где на мёртвой, унылой равнине поблёскивали выпуклые диски, – крышки. Пробовали их поднимать, они оказались привинченными. Отсвечивающие пятна этих дисков тянулись от зубчатых гор по холмам к древесным кущам, к развалинам.

Среди двух холмов стоял ближайший лесок: куща низкорослых, с раскидистыми, плоскими вершинами, бурых деревьев. Их ветви были корявы и крепки, листва напоминала мелкий мох, стволы – жилистые и шишковатые. На опушке, между деревьями, висели обрывы колючей сети.

Вошли в лесок. Гусев нагнулся и пхнул ногой, – из-под праха покатился проломанный человеческий череп, в зубах его блеснуло золото. Здесь было душно. Мшистые ветви бросали в безветренном зное скудную тень. Через несколько шагов опять наткнулись на выпуклый диск, – он был привинчен к основанию круглого металлического колодца. В конце леска стояли жилища – это были развалины, толстые, кирпичные стены, словно разорванные взрывом, горы щебня, торчащие концы согнутых, металлических балок.

– Дома взорваны, Мстислав Сергеевич, посмотрите, – сказал Гусев. – Тут у них, видимо, были дела, эти штуки мы знаем!

Пятачок в руке да не сгибается,
Стоит девочка – улыбается.
Эх, яблочко да несъедобное,
Эх, девочка неудобная!

На куче мусора появился большой паук и побежал вниз по рваному краю стены. Гусев выстрелил. Паук высоко подскочил и упал, перевернувшись. Сейчас же второй паук побежал из-за дома к деревьям, поднимая коричневую пыльцу, и ткнулся в колючую сеть, стал биться в ней, вытягивая ноги.

Из рощицы Гусев и Лось вышли на холм и стали спускаться ко второму леску, туда, где издалека виднелись кирпичные постройки и одно, выше других, каменное здание, с плоскими крышами. Между холмом и посёлком лежало несколько дисков. Указывая на них, Лось сказал:

– По всей вероятности, это колодцы подземных электрических проводов. Но всё это брошено. Весь край покинут.

Они перелезли через колючую сеть, пересекли лесок и подошли к широкому, мощённому плитами, двору. В глубине его,

упираясь в рощу, стоял дом необыкновенной и мрачной архитектуры. Гладкие его стены сужались кверху и заканчивались массивным карнизом из чёрно-кровяного камня. В гладких стенах – узкие, как щели, глубокие отверстия окон. Две квадратные, сужающиеся кверху, колонны из того же чёрно-кровяного камня поддерживали скульптурное перекрытие входа. Плоские, во всю ширину здания, ступени вели к низким, массивным дверям. Высохшие волокна ползучих растений висели между тёмными плитами стен. Дом напоминал гигантскую гробницу.

Гусев стал пробовать плечом дверь, окованную бронзой. Дверь подалась. Они минули тёмный вестибюль и вошли в многоугольную высокую залу. Свет проникал в неё сквозь забранные стеклом отверстия сводчатого купола. Зала была почти пуста. Несколько опрокинутых табуретов, стол с откинутой в одном углу мохнатой скатертью и блюдом с истлевшими остатками еды, несколько низких диванов у стен, на каменном полу – консервные жестянки, разбитые бутыли, какая-то странной формы машина, не то орудие – из дисков, шаров и металлической сети, стоящая близ дверей, – всё было покрыто слоем пыли.

Пыльный свет с купола падал на желтоватые, точно мраморные, стены. Вверху они были опоясаны широкой полосой мозаики. Очевидно, она изображала древнейшие события истории, – борьбу желтокожих великанов с краснокожими: морские волны с погружённой в них по пояс человеческой фигурой, та же фигура, летящая между звёзд, затем – картины битв, нападение хищных зверей, стада длинношёрстных животных, гонимые пастухами, сцены быта, охоты, пляски, рождения и погребения, – мрачный пояс этой мозаики смыкался над дверьми изображением постройки гигантского цирка.

– Странно, странно, – повторял Лось, влезая на диваны, чтобы лучше рассмотреть мозаику, – Алексей Иванович, видите рисунок головы на щитах, понимаете, что это такое?

Гусев тем временем отыскал в стене едва приметную дверь, она открывалась на внутреннюю лестницу, ведущую в широкий, сводчатый коридор, залитый пыльным светом. Вдоль стен и в нишах коридора стояли каменные и бронзовые фигуры, торсы, головы, маски, черепки ваз. Украшенные мрамором и бронзой порталы дверей вели отсюда во внутренние покои.

Гусев пошёл заглядывать в боковые, низкие, затхлые, слабо освещённые комнаты. В одной был высохший бассейн, в нём валялся дохлый паук. В другой – вдребезги разбитое зеркало, закрывающее одну из стен, на полу куча истлевшего тряпья, опрокинутая мебель, в шкафах – лохмотья одежд.

В третьей комнате, низкой, закутанной коврами, на

возвышении, под высоким колодцем, откуда падал свет, стояла широкая кровать. С неё до половины свешивался скелет марсианина. Повсюду – следы жестокой борьбы. В углу, тычком, лежал второй скелет. Здесь среди мусора и тряпья Гусев отыскал несколько вещиц из чеканного, тяжёлого металла – видимо золота. Это были предметы женского обихода – украшения, ларчики, флакончики. Он снял с истлевшей одежды скелета два, соединённых цепочкой, больших гранёных камня, прозрачных и тёмных, как ночь. Добыча была не плоха.

Лось осматривал скульптуру в коридоре. Среди востроносых, каменных голов, изображений маленьких чудовищ, раскрашенных масок, склеенных ваз, странно напоминающих очертанием и рисунком древнейшие этрусские амфоры, – внимание его остановила большая поясная статуя. Она изображала обнажённую женщину со всклокоченными волосами и свирепым неправильным лицом. Острые груди её торчали в стороны. Голову обхватывал золотой обруч из звёзд, надо лбом он переходил в тонкую параболу, – внутри её заключалось два шарика: рубиновый и красновато-кирпичный, глиняный. В чертах чувственного и властного лица было что-то волнующе знакомое, выплывающее из непостижимой памяти.

Сбоку статуи, в стене, темнела небольшая ниша, забранная решёткой. Лось запустил пальцы сквозь прутья, но решётка не подалась. Он зажёг спичку и увидел в нише, на истлевшей подушечке, золотую маску. Это было изображение широкоскулого человеческого лица со спокойно закрытыми глазами. Лунообразный рот улыбался. Нос острый, клювом. На лбу, между бровей, – припухлость в виде плоских пчелиных сот.

Лось сжёг половину коробки спичек, с волнением рассматривая эту удивительную маску. Незадолго до отлёта с Земли он видел снимки подобных масок, открытых недавно среди развалин гигантских городов по берегам Нигера, в той части Африки, где теперь предполагают следы культуры исчезнувшей расы.

Одна из боковых дверей в коридоре была приоткрыта. Лось вошёл в длинную, очень высокую комнату с хорами и каменной балюстрадой. Внизу и наверху – на хорах стояли плоские шкафы и тянулись полки, уставленные маленькими толстыми книжечками. Украшенные тиснением и золотой чеканкой, корешки их тянулись однообразными линиями вдоль серых стен. В шкафах стояли металлические цилиндрики, в иных – огромные, переплетённые в кожу или в дерево – книги. Со шкафов, с полок, из тёмных углов библиотеки глядели каменными глазами морщинистые, лысые головы учёных марсиан. По комнате

расставлено несколько глубоких кресел, несколько ящичков на тонких ножках с приставленным сбоку круглым экраном.

Затаив дыхание, Лось оглядывал эту, с запахом тления и плесени, сокровищницу, где молчала, закованная в книги, мудрость тысячелетий, пролетевших над Марсом.

На цыпочках он подошёл к полке и стал раскрывать книги. Бумага их была зеленоватая, шрифт геометрического очертания, мягкой, коричневой окраски. Одну из книг, с чертежами подъёмных машин, Лось сунул в карман, чтобы просмотреть на досуге. В металлических цилиндрах оказались вложенными желтоватые, звучащие под ногтем, как кость, валики, подобные валикам фонографа, но поверхность их была гладкая, как стекло. Один из таких валиков лежал на ящике с экраном, видимо приготовленный для заряжения и брошенный во время гибели дома.

Затем Лось открыл чёрный шкаф, взял наугад одну из переплетённых в кожу, изъеденную червями, лёгкую, пухлую книгу и рукавом осторожно отёр с неё пыль. Желтоватые, ветхие листы её шли сверху вниз непрерывной, сложенной зигзагами, полосою. Эти, переходящие одна в другую, страницы были покрыты цветными треугольниками, величиною с ноготь. Они бежали слева направо и в обратном порядке неправильными линиями, то падая, то сплетаясь. Они менялись в очертании и цвете. Спустя несколько страниц между треугольниками появились цветные круги, меняющейся, как медузы, формы и окраски. Треугольники стали складываться в фигуры. Сплетения и переливы цветов и форм этих треугольников, кругов, квадратов, сложных фигур бежали со страницы на страницу. Понемногу в ушах Лося начала наигрывать едва уловимая, тончайшая, пронзительно печальная музыка.

Он закрыл книгу, прикрыл глаза рукой и долго стоял, прислонившись к книжным полкам, взволнованный и одурманенный никогда ещё не испытанным очарованием – поющая книга.

– Мстислав Сергеевич, – раскатисто по дому пронёсся голос Гусева, – идите-ка сюда, скорее!

Лось вышел в коридор. В конце его, в дверях, стоял Гусев, испуганно улыбаясь:

– Посмотрите-ка, что у них творится.

Он ввёл Лося в узкую, полутёмную комнату, в дальней стене было вделано большое квадратное матовое зеркало, перед ним стояло несколько табуретов и кресел.

– Видите – шарик висит на шнурке, думаю, – золотой, дай сорву, глядите, что получилось.

Гусев дёрнул за шарик. Зеркало озарилось, появились уступчатые очертания огромных домов, окна, сверкающие закатным солнцем, машущие ветви деревьев, глухой гул толпы наполнил тёмную комнату. По зеркалу, сверху вниз, закрывая очертания города, скользнула крылатая тень. Вдруг огненная вспышка озарила экран, резкий треск раздался под полом комнаты, туманное зеркало погасло.

– Короткое замыкание, провода перегорели, – сказал Гусев, – а ведь нам надо бы идти, Мстислав Сергеевич, ночь скоро.

* * *

– А вы не торопитесь, Алексей Иванович, – сказал Лось, поглядывая на лазоревые цветы. – На поверхности Марса некогда существовал водоём с солёной стоячей водой. К такому выводу пришли специалисты NASA на основании данных, полученных при помощи марсохода «Opportunity». Он исследовал несколько марсианских камней, которые возможно образовались, как отложения на дне стоячей или медленно текущей воды. Это дало учёным возможность предположить, что «Opportunity» высадился в том месте, где когда-то проходила береговая линия солёного моря глубиной не менее пяти сантиметров и протекавшего со скоростью около десяти сантиметров в секунду.

– Да, заехали, – сказал Гусев.

Использованы тексты:

Игорь Северянин. Увертюра.

Герберт Уэллс. Война миров.

Эдгар Аллан По. Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфааля.

Эдгар Аллан По. Гимн Несэси из поэмы «Аль-Аараф». Перевод Валерия Брюсова.

Эдгар Берроуз. Дочь тысячи джеддаков.

Эдгар Берроуз. Владыка Марса.

Льюис Кэрролл. Охота на Снарка. Перевод Григория Кружкова.

Говард Лавкрафт. Сомнамбулический поиск неведомого Кадата.

Говард Лавкрафт. Память.

Говард Лавкрафт. Сны ужаса и смерти.

Алексей Толстой. Аэлита (Закат Марса).

Борис Смоляк. Яблочко.

Александр Малышкин. Падение Даира.

Владимир Луговской. Песня о ветре.

Игорь Афанасьев. Пилотируемый полёт на Марс… четверть века назад.

Геннадий Михеев. Жизнь на Марсе есть. Пока.

Евгений Долматовский. И на Марсе будут яблони цвести (песня из кинофильма «Мечте навстречу»).

Материалы Фольклорного фонда им. профессора В. Н. Морохина.

Сообщения информационных агентств.

notes

Примечания

1

Здесь и далее использована книга Марка Окранда «The Original Guide To Klingon Words And Phrases. The Klingon Dictionary». См. сериал «StarTrek».

2

Тут мы оказываемся в положении того самого незадачливого переводчика, стоящего перед дилеммой: либо пускаться в пространные объяснения, либо… посоветовать читателю самому слетать на планету Клингон и увидеть всё своими глазами.

3

Дословно: спеши!

4

Михаил Щербаков. «Школа Танцев».

5

Feierabend (*нем.*) – конец рабочего дня.

6

Achtung (*нем.*) – внимание.

Würstchen und Kartoffelsalat (*нем.*) – сосиски и картофельный салат.

8

Ганноверская всеобщая газета. Здесь и далее – названия немецких печатных изданий.

9

Новая пресса.

10

Мир.

11

Везерский курьер.

12

Франкфуртская всеобщая газета.

13

Зеркало.

Еженедельный листок.

15

Картинка, иллюстрация.

16

Финансовое время Германии.

17

Звезда.